
АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 33

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 33

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

II

Ответственный редактор
М. М. КОБЫЛИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Материалов и исследований по археологии СССР» заключает в себе исследования, посвященные вопросам истории и культуры Северного Причерноморья античного периода, главным образом, Боспора. Развитие теоретической мысли в советской науке, последние работы И. В. Сталина по языкознанию и экономическим проблемам направляют внимание археологов и историков на выяснение важнейших вопросов экономики и истории той или иной формации, специфичности форм хозяйства и производственных отношений на определенном этапе развития общества.

Статья В. Д. Блаватского «Архаический Боспор» представляет собой попытку на основании анализа письменных источников и новейших археологических открытий осветить с возможной полнотой при настоящем состоянии материалов вопрос о возникновении городов Боспора, о роли местного населения (скифов, меотов, синдов) в развитии хозяйства и производства на Боспоре, в образовании Боспорского государства.

В статье собран большой материал, поставлена проблема истории возникновения греческих городов в Северном Причерноморье, рассматриваемого как длительный процесс, и остро выдвинуты вопросы производственных отношений в древнейший период существования поселений и городов Боспора.

Статьи М. И. Максимовой, И. Б. Зеест, Д. Б. Шелова, В. Д. Лебедева и Ю. Е. Лапина посвящены решению историко-экономических вопросов. М. И. Максимова в статье «Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами» на основании анализа письменных источников выясняет процесс освоения торговых путей из Средиземноморья в Черное море и доказывает, что прямой путь через Черное море с южного берега на северный был открыт в первой половине IV в. до н. э.

Статья Д. Б. Шелова «Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III веке до н. э.» освещает общий характер экономики Боспора в этот период, особенно в первой его половине. В статье рассматриваются истоки и развитие денежного кризиса III в. и мероприятия по его преодолению.

Статья И. Б. Зеест «К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора» связана с изучением характера боспорского вывоза: на основании изучения амфор и черепицы автор устанавливает влияние боспорского рынка на торговлю Неаполя, столицы Скифии, во II—III вв. н. э.

Статья И. Т. Кругликовой «О местной керамике Пантикапея и ее роли для изучения состава населения этого города» посвящена до сего времени мало исследованным пантикапейским керамическим материалам. Автор выделяет лепную и лощеную керамику местного производства и классифицирует типы сосудов, характерные для того или иного исторического периода.

Статья А. А. Передольской «Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье» связана с вопросами боспорской культуры. В работе сюжет трех терракотовых статуэток определяется как отражение обряда, связанного с земледельческими культами.

Изучению наступательного оружия и роли его в военном деле на Боспоре посвящена статья Н. И. Сокольского «Боспорские мечи», в которой автор впервые обобщил данные рассеянных по музеям материалов,

систематизировал боспорские мечи по типам и дал их хронологическую классификацию.

Статья В. Д. Лебедева и Ю. Е. Лапина раскрывает новые детали рыбного хозяйства на Боспоре на основании изучения костей рыб из находок в Пантикапее, Фанагории, в меотских поселениях.

Статьи 33-го выпуска «Материалов и исследований по археологии СССР» отражают исследовательскую работу, проводящуюся в настоящее время антиковедами-археологами, как и всеми археологами, занимающимися историей СССР и на основании письменных источников и археологических данных восстанавливающими историю нашей страны во всем ее своеобразии в различные исторические периоды.

Публикуемые исследования не претендуют на исчерпывающую полноту решения затронутых вопросов. Будущие открытия при раскопках поселений и городов Причерноморья и дальнейшая исследовательская работа над указанными выше проблемами позволят, вероятно, глубже обосновать и уточнить положения, выдвигаемые в статьях сборника.

В. Д. Блаватский

АРХАИЧЕСКИЙ БОСПОР

1. О ПРОНИКНОВЕНИИ ГРЕКОВ НА БОСПОР

Изучение истории проникновения эллинов на Боспор Киммерийский не может производиться вне связи с историей местных племен Северного Причерноморья, других частей Понта, а также и метрополии.

Нам приходилось уже отмечать [1], что, изучая историю проникновения эллинов в Северное Причерноморье, всегда нужно помнить, что это сложный процесс, который в основном можно расчленить на три этапа. Первый этап — период спорадических посещений Понта кораблями купцов-пиратов, проникавших туда из Эгейского моря; второй — время, когда случайные заходы кораблей стали постоянными, установились налаженные торговые связи эллинских купцов с местными племенами и возникли, сначала временные, а потом постоянные торговые фактории — эмпории; наконец, третьим и последним этапом была замена эмпориев городами типа эллинских полисов [2].

Первый этап — период случайных посещений Черного моря кораблями, заходившими из эгейских центров, крайне мало освещен, ибо он, в сущности, почти не привлекал внимания наших исследователей и по большей части даже игнорировался ими. Основными источниками, заключающими свидетельства об этих посещениях, являются эллинские мифы; нет необходимости говорить о том, что привлечение подобных источников требует крайней осторожности [1]. Однако, несомненно, весьма замечателен уже самый факт возникновения сказаний о походе Аргонавтов, пребывании Ифигении в Тавриде, владычестве Ахилла на острове Левке и блужданиях Одиссея в стране киммерийцев. Ведь подобные мифы не могли появиться без хотя бы самого поверхностного знакомства с Понтом, а время возникновения этих мифов, несомненно, предшествует эпохе установления постоянных торговых связей эллинов с Северным Причерноморьем (т. е. VII в. до н. э.).

Особые трудности вызывает определение времени возникновения этих мифов, тем более, что и датировку всего эллинского героического эпоса нельзя считать твердо установленной. Однако как ни спорен и ни сложен этот вопрос, вряд ли можно сомневаться в том, что время возникновения рассматриваемых сказаний охватывает значительный период, уводящий нас в глубокую древность. Продолжительность этого периода — около половины тысячелетия, предшествовавшего установлению тесных связей эллинов с Северным Причерноморьем (т. е.

---

[1] В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 30.

[2] Несколько иную картину исторического процесса проникновения греков в Северное Причерноморье дают в своих исследованиях Т. Н. Книпович (К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 107), Д. П. Каллистов (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 44) и В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 7 и сл.).

[1] Необходимо, разумеется, учитывать при работе над этим материалом различную степень ценности ранних (Гомер, Алкей) и позднейших авторов (Стефан Византийский, Прокл).

примерно XIII—VIII вв. до н. э.). Античная традиция отчетливо свидетельствует о том, что сами древние относили Аргонавтов к Микенской эпохе. Авторы нередко называли Аргонавтов минниями [1] или пеласгами [2], говоря о них, как о предшественниках героев Троянской войны. Примечательно, что хронологическая таблица Евсевия, которая, нужно думать, отражает хотя бы последовательность событий, приурочивает жизнь Медеи к последней четверти XIII в. до н. э. [3]

Весьма существенным представляется и тот факт, что самый поход Аргонавтов в Колхиду является основной частью мифа, без которой все сказание теряет свой смысл. Следовательно, плавание Аргонавтов по Понту не может в данном случае быть последующим привнесением в более древний миф, как это можно допустить для пребывания Ифигении у тавров в мифе о Троянской войне.

Не менее трудной, чем датировка мифов, представляется задача раскрыть на их основе характер взаимоотношений прибывавших на Понт героев с местным населением, а также выяснить, что́ представляло собой это население. Интересно, однако, то, что мифы, так часто повествующие о победоносных походах древних героев и завоеваниях, захваченной военной добыче и т. п., не сообщают нам о подобных успехах на восточном или северном берегах Понта. Одиссею не удалось совершить подвигов в стране киммерийцев, а деяния Ясона и Ореста ограничиваются похищением женщин и различных ценностей с последующим бегством, поспешным и лишенным какого-либо достоинства. Герои эллинского эпоса не выступают обычно и как основатели городов на восточном или северном берегах Понта [4]. Однако в этих мифах неоднократно встречаются упоминания о городах и населенных пунктах местных обитателей Причерноморья. Отнюдь не воинственное поведение эллинских героев и отраженный в мифах особый интерес к местным населенным пунктам вполне отвечают времени возникновения рассматриваемых мифов, когда Черное море было известно только со слов купцов-пиратов, спорадически туда заходивших со своими кораблями ради торговли и грабежа.

Страбон [1] сохранил нам, к сожалению, в очень отрывочной форме важное свидетельство Эратосфена о том, что древнейшие народы плавали вдоль берегов с целью грабежа или торговли, как это сделал и Ясон, достигший Колхиды. Трудно переоценить значение слов Эратосфена, являющихся прямым указанием на наличие торговых и пиратских экспедиций в Понт в древнейшую эпоху и на то, что с подобными предприятиями сопоставлялся поход Аргонавтов. Сюда же следует отнести и свидетельства о пребывании карийцев на берегах Понта. Как известно, античные авторы преимущественно говорят о деятельности карийцев на западном и южном берегах Черного моря [2]. Однако Плиний [3] указывает, что карийцы проникли также в устье Танаиса. Указание Плиния перекликается с известной версией мифа об Аргонавтах, согласно которой герои плавали по реке Танаису [4]. Все это говорит о том, что обитатели Эгейского бассейна имели хотя бы поверхностное знакомство с устьем Дона задолго до возникновения ионийских эмпориев и городов.

Таким образом, основываясь на доступных нам отрывочных данных письменных источников, можно полагать, что в течение последних столетий II тысячелетия и первых веков I тысячелетия до н. э. эгейские корабельщики спорадически заходили в Черное

---

[1] См., например, Herod., IV, 145; Comm. in Vergilium, in Bucolicon IV, v. 34; Ovid. Metamorph., VII, 1, 115, 120; C. Valerius Flaccus Balbus, V, 165; VI, 116; S. Sollius Apollinaris Sidonis. Ad. Felicem, 65.

[2] Ovid. Metamorph., VII, 133.

[3] Euseb. Chron. Can, 48.

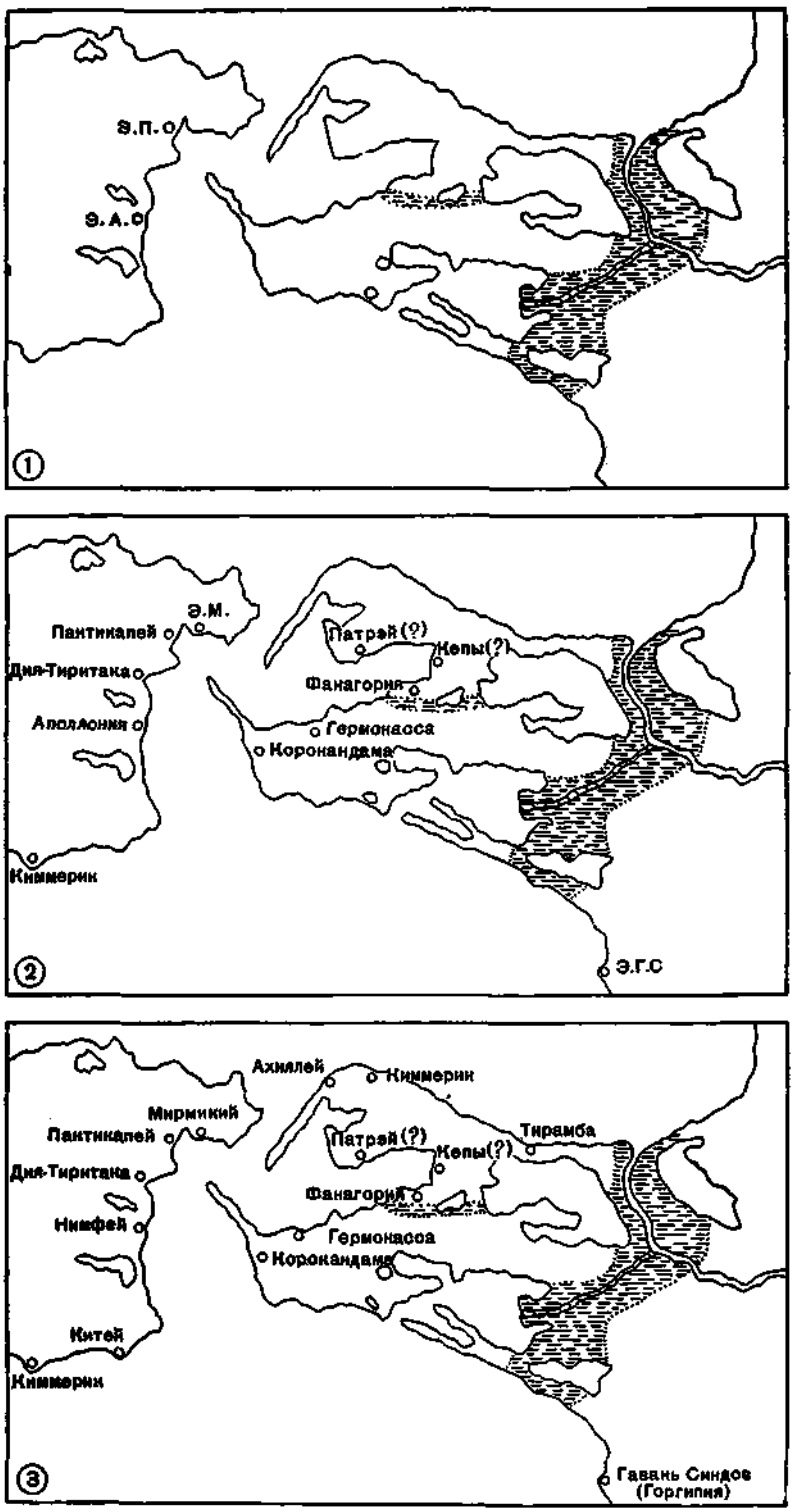
[4] Пожалуй, единственным исключением является основание Диоскуриады на восточном берегу Понта Кастором и Полидевком (Ammian Marc., XXII, 8, 24; Mela, I, 111) или их возничими Амфилом и Тилхием (Isidor. Sivil, XV, 201, 40), о чем говорят только поздние источники. Вместе с тем вполне возможно, что эта версия является позднейшей вставкой в сказание об Аргонавтах, тем более, что она не связана с основным содержанием мифа.

[1] Strab., I, 3, 2.

[2] Таковы свидетельства о гавани карийцев и земле Карии около Каллатии на западном берегу Понта (Peripl. Anonymi, 75), а также о Киосе и Амастрии на северном побережье Малой Азии. (E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 437, прим. 4 и 6).

[3] Plin. N. H., VI, 20.

[4] Свидетельство об этом мы находим в схолиях к Аполлониевой Аргонавтике со ссылкой на Скимна (Schol. Apoll. Rhod., IV, 284). Плутарх сообщает версию, согласно которой Фрикс прибыл к горе Κριοῦ μέτωπον, прилегающей к Танаису (Plutarch. Libell. de fluv., XIV, 4).

1. Боспорские эмпории конца VII — начала VI в. до н.э.
Э. П. — эмпорий Пантикапея; *Э. А.* — эмпорий Аполлонии.

2. Боспорские города второй половины VI в. до н. э.
Э. М. — эмпорий Мирмикия и Мирмякий; *Э. Г. С.* — эмпорий Гавань Синдо .

3. Боспорские города в конце V в. и в IV в. до н. э.

море и плавали вдоль его берегов. Сначала, еще в позднемикенскую эпоху, это были ахейцы; затем, после дорийского нашествия, стали заходить карийцы, которых сменили малоазийские ионяне и эоляне.

Свидетельства древних авторов находят подтверждение и в археологических материалах. Таковы пока еще малочисленные находки эгейских и малоазийских изделий II тысячелетия — начала I тысячелетия до н. э., обнаруженные в нижнем Приднепровье, нижнем Приднестровье и на Боспоре [1]. К ним относятся предметы вооружения из «Бессарабского» клада [2], эгейские бронзовые двойные топоры [3], датируемые 3-й четвертью II тысячелетия до н. э., найденные в Побужье и в Приднепровье, бронзовая фибула [4] балканского или эгейского происхождения конца XI — начала X в. до н. э., обнаруженная близ Каховки, и относящийся примерно к тому же времени бронзовый топорик [5] с изображением быка и солнца, происходящий из Керчи. Примечательна также близость каменных боевых топоров [6] II тысячелетия до н. э., найденных в обширном районе от Тамани до бассейна Терека, к троянским и малоазийским образцам. Число находок, подтверждающих наличие связей жителей Северного Причерноморья со странами Эгейского бассейна во II тысячелетии — начале I тысячелетия до н. э., сравнительно не велико. Однако нельзя забывать о двух существенных обстоятельствах. Во-первых, данный вопрос мало привлекал внимание исследователей и остается еще мало изученным. Во-вторых, и это главное, у нас нет никаких оснований утверждать, что эгейские купцы, заходившие в Черное море, использовали для меновой торговли, главным образом, металлические изделия [1], которые преобладают в списке, составленном А. А. Иессеном. Металл мог доставляться на берега Понта и в слитках, но еще существеннее то обстоятельство, что основными товарами, доставлявшимися из Эгейского бассейна и в отдаленной древности, могли быть вовсе не металлические изделия. Во всяком случае через несколько столетий главными предметами ввоза в Северное Причерноморье были: по свидетельству Демосфена [2], вино, Полибия [3],— оливковое масло и вино различных сортов, а по словам Страбона [4],— ἐσθῆτα (т. е. одежда или ковры), вино и предметы домашнего обихода, свойственные культурному образу жизни. Вполне возможно, что и в древнейшую эпоху эгейские купцы продавали обитателям понтийских берегов ткани и вино [5]. А эти товары могли бесследно исчезнуть для археолога, если вино доставлялось в мехах. Применение же мехов в качестве тары для вина неоднократно засвидетельствовано в Одиссее [6].

---

[1] Эти памятники — преимущественно металлические изделия — недавно были собраны и систематизированы в работе А. А. Иессена (Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947). Нельзя не отметить, однако, что выводы автора об истории Боспора как в киммерийскую эпоху, так и в период основания городов во многом представляются нам весьма спорными.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Бессарабский клад. М. 1950; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 19 и сл.

[3] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 20.

[4] Там же, стр. 26.

[5] В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии Инст. арх. и иск. РАНИОН, II. М., 1928, стр. 54 и сл., рис. 1; А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 31 и сл.

[6] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 23 и сл.

[1] Заслуживает внимания следующее обстоятельство. В представлениях древних побережья Понта вовсе не казались бедными металлами, напротив — их считали районами, с очень давней и высоко развитой металлургией. Халибы были прославленными металлургами (Aesch. Prom., 714; Xenoph. Anab., V, 3, 4); от имени этого народа произошло эллинское слово, обозначающее сталь, — χάλυψ. Об открытии железа скифами говорит Климент Александрийский (Clem. Alex. Strom, I, 16, 75); новооткрытый оксиринхский папирус сообщает нам, что, согласно Гелланику, железное оружие было изготовлено скифским царем Саневном. Правда, все эти свидетельства относятся уже к обработке железа, а не бронзы. Однако исследование памятников поздней бронзы показало высокий уровень металлургии Юго-восточной Европы в предскифское время (Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию. М., 1945, стр. 43).

[2] Demosth., XXXV, 35.

[3] Polyb., IV, 38, 5.

[4] Strab., XI, 2, 3.

[5] О том, что вино продавалось эллинскими купцами обитателям Северного Причерноморья во всяком случае в VI в. до н. э., говорит свидетельство Анакреонта о пьянстве скифов в LVII оде, переведенной А. С. Пушкиным:

Что же сухо в чаше дно?
Наливай же, мальчик резвый;
Только пьяное вино
Растворяй водою трезвой.

Мы — не скифы; не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно.
Пей! за чашей я пою,
Иль беседую невинно.

[6] Od., V, 265; IX, 196, 212.

Наконец, не следует забывать, что на кораблях, заходивших из Эгейского моря в Понт, плыли не только купцы, но и пираты, пребывание которых не могло оставить в Причерноморье заметных для археолога следов. В пользу преимущественно пиратского, а не торгового, характера древнейших экспедиций в Понт свидетельствуют эллинские мифы об Аргонавтах и Оресте, что уже отмечалось выше. Поэтому можно предполагать, что первоначальные отношения местных племен Северного Причерноморья с прибывавшими из южных морей корабельщиками были по большей части враждебными, а не дружественными. Предприимчивые южане, пускавшиеся в далекий, страшный, «негостеприимный» Понт, видимо, главным образом, тогда прибегали к меновой торговле с местными обитателями, когда не были в состоянии захватить желаемое силой.

Эллинские мифы, а также находки эгейских и малоазийских изделий в Северном Причерноморье позволяют нам наметить пути проникновения древнейших мореплавателей в Понт. Прежде всего нужно назвать путь, получивший отражение в сказании об Аргонавтах,— вдоль южного берега Черного моря до устья Риона и далее вдоль восточного берега до Боспора, а может быть, и до Танаиса [1]. Мы уже говорили в свое время [2] о возможных связях Боспора с Колхидой в эту отдаленную эпоху, связях, которые получили некоторое отражение в эллинских мифах.

Помимо южного пути, по всей видимости, уже в очень древнюю эпоху был известен и другой путь — вдоль западного берега Понта к устью Днепра, а может быть, и далее на восток, к Крымскому полуострову. О наличии этого пути свидетельствуют находки в Северо-западном Причерноморье различных изделий эгейского и малоазийского происхождения [3]. С западным путем, вероятно, связаны мифы о плавании Ореста в Тавриду, Одиссея — в страну киммерийцев и, несомненно, культ Ахилла Понтарха. Вряд ли можно сомневаться в том, что возникновение эллинского сказания о блаженном пребывании Ахилла на острове Левке относится еще к эпохе, предшествовавшей основанию городов на западном побережье Понта. Уже в VIII в. до н. э. Арктин Милетский сообщает в своей поэме «Эфиопида», что Фетида, похитив из погребального костра труп своего сына, перенесла его на остров Левку [1]. Однако ряд особенностей, свойственных Ахиллу, почитаемому на Левке, заставляет видеть в нем не чисто эллинского героя, а какое-то местное божество — владыку острова и Понта [2]. Уже самое время возникновения культа побуждает считать, что это божество не могло быть скифским. Подтверждением служат также слова Геродота [3], что единственными божествами, почитавшимися у скифов, были: во-первых, Гестия, во-вторых, Зевс и Земля, затем Аполлон и Афродита Урания и, наконец, Геракл и Арей. Таким образом, в скифском пантеоне не оказывается божеств, которые могли быть, хотя бы в небольшой мере, сближены с Ахиллом Понтархом. Следовательно, в Ахилле, владыке Понта, вероятнее всего, следует видеть местное фракийское или, может быть, киммерийское божество [4]. Подтверждением этому служит культ Ахилла в ряде местностей около устья Днепровско-Бугского лимана: на острове Березани, на Тендеровской косе («Бег Ахилла») и в Ольвии. Почитание Ахилла в Ольвии, как бога [5], несомненно, свидетельствует о том, что под именем гомеровского героя скрыто древнее местное божество. Связь культа богини Девы Херсонеса с культом местного божества в настоящее время твердо признана. Аналогичное, параллельное явление представляет культ Ахилла в Ольвии: он не был принесен на Борисфен милетскими переселенцами; более того, даже в самом Милете культ Ахилла

[1] Plin. N. H., VI, 20.
[2] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 12.
[1] См. А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 19—21, 26, 28.
[1] Procl. Chrest, II.
[2] М. И. Ростовцев. Новая книга о Белом острове и Таврике. ИАК, вып. 65, стр. 182.
[3] Herod., IV, 49.
[4] Мы уже отмечали близость киммерийцев фракийцам, высказывая предположение, что игравшие большую роль на Боспоре фракийские элементы были не только пришлыми, но и местными, киммерийского происхождения (Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 16 и сл.). Вследствие этой близости вполне вероятно существование сходного культа великого мужского божества у киммерийцев и фракийцев, которое позднее почиталось припонтийскими греками под именем Ахилла.
[5] Dio Chrys. or., XXXVI.

скорее всего имел ольвийское происхождение [1].

Далее, вряд ли случайно в другой части Понта, на Боспоре, там, где, по словам Страбона [2], киммерийцы некогда обладали большой силой, также имелось святилище Ахилла в поселении [3], называвшемся по имени этого героя [4].

Древнее местное божество, в силу некоторых сходных черт, было ассоциировано греками с самым прославленным из эллинских героев — Ахиллом. К сожалению, мы располагаем далеко не достаточными сведениями, чтобы составить вполне ясное представление о киммерийском предшественнике Ахилла. Несомненно, что это божество имело ряд хтонических черт, невольно заставляющих вспомнить о той роли, которая отведена Гомером Ахиллу в Νεκυία [5]. Вместе с тем это божество было владыкой Понта и пребывало на острове Левке [6]. Совмещение в одном лице хтонического божества и божества водяной стихии указывает на архаический характер культа, подтверждая его глубокую древность.

Однако в культе Ахилла Понтарха проступают неясные признаки и солярного божества, и бога-конника. Первое сказывается в сочетании с Медеей [7], Еленой [8], Ифигенией [9] и Гекатой [10], второе — в мифе об амазонках, растерзанных конями по воле Ахилла [11]. Если последнее предположение справедливо, то культ местного божества, получившего в дальнейшем развитие в эллинском образе Ахилла Понтарха, является, вероятно, более ранней фазой культа, который позднее известен как культ «Фракийского всадника» и конного бога на Боспоре. В этом смысле очень интересны конские ристания (ἀγὼν τῆς ἱπποδρομίας) [1] в Ольвии в честь Ахилла [2].

Возникший еще в киммерийское время миф о пребывании Ахилла на Левке стал особенно популярным, когда эллины твердо обосновались на берегах Понта. К этому времени киммерийцев сменили скифы, что и побудило Алкея назвать Ахилла «владыкой скифской земли» [3].

Таковы отрывочные данные о проникновении древнейших мореплавателей в Черное море. Как ни скудны эти сведения, но тем не менее они позволяют предполагать, что связи, наметившиеся в древнейшую эпоху между мореходами, прибывавшими из Эгейского моря, и киммерийцами, обитавшими в Северном Причерноморье, сыграли известную роль. В Одиссее мы находим упоминания о народе и городе мужей киммерийцев [4]. О том, что у греков во время создания Одиссеи были известные представления о странах, лежавших к северу от Понта, свидетельствует знакомство их с зимними северными ночами [5].

О связях эллинов с Северным Причерноморьем говорят не только уже упоминавшиеся мифы, в которых нашли отражение плавания купцов и пиратов, но и другие сказания. Это приуроченные античной традицией к берегам Меотиды мифы об амазонках, в которых, нужно думать, получили отражение исторические киммерийцы [6]. В менее ясной форме выступает это в сказаниях об аримаспах [7] и в обычае ежегодно приносить священные дары гипербореев в храм Аполлона на Делосе [8]. Еще труднее говорить об отражении догекатеевских представлений греков о вселенной в псевдогиппократов-

---

[1] Fr. Bilabel. Die Ionische Kolonisation. Leipzig, 1920, стр. 104.
[2] Strab., XI, 2, 5.
[3] Об Ахилле см. Strab., VII, 4, 5; XI, 2, 6; Ptol., V, 8, 5; Steph. Byz., Ἀχίλλειος δρόμος.
[4] Следует упомянуть, что, по словам Максима Тирского, меоты считали их «озеро» (λίμνη) божеством (Max. Tyr., VIII, § 8).
[5] Od., XI, 485, 491.
[6] Arrian. Peripl., 34.
[7] Schol. Apoll. Rhod. Arg., IV, 809.
[8] Philostr. Heroic., XIX, 16.
[9] Nicand. Fr., 58.
[10] О близости супруги Ахилла Ифигении к Гекате см. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пгр., 1918, стр. 59—66.
[11] Philostr. Heroic, XIX, 20.

[1] IOSPE, I², № 34.
[2] И. Толстой. Ук. соч., стр. 66—67.
[3] Alc. Fr., 48, B.
[4] Od., XI, 14: ἔνθα δὲ Κιμμερίων ἀνδρῶν δῆμός τε πόλις τε.
[5] Od., X, 84—86. Нужно думать, что слова Одиссея о мраке в земле киммерийцев также связаны со слухами о длинных зимних ночах на севере (Od., XI, 15—19).
[6] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 11.
[7] О том, что сказания, связанные со странами к северу от Понта, сложились в весьма раннее время, свидетельствует «Аримаспея» Аристея (Tzetz. Chil., VII, 686).
[8] См. об этом: Б. И. Надэль. Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья». ВДИ 1948, № 3, стр. 122, и сл.

ском трактате περὶ ἐβδομάδων, где игнорируется Персия и отводится основная роль Ионии, Пелопоннесу, Египту и Причерноморью [1].

Подробное изучение жизни киммерийских обитателей Северного Причерноморья в начале I тысячелетия до н. э. не входит в задачу настоящего очерка, преследующего цель осветить вопросы, связанные с проникновением эллинов на Боспор и основанием там эмпориев и городов. Однако мы хотим еще раз подчеркнуть ранее высказывавшуюся мысль о наличии некоторой культурной преемственности между древнейшими киммерийцами и последующими местными племенами, а также обитателями античных городов Северного Причерноморья [2]. Несомненно во всяком случае, что часть древнейших эллинских поселений на Боспоре возникла на уже ранее обжитых местах [3]. Несмотря на это, в некоторых из вышедших у нас последних работ отрицается [4] существование сколько-нибудь значительных догреческих культурных центров на Боспоре. Эта точка зрения порождает предвзятое гиперкритическое отношение к многочисленным письменным источникам, свидетельствующим о большом значении, которое имели на Боспоре киммерийцы — древнейшее местное население нашего юга [5], и вызывает недооценку археологических материалов догреческого времени, обнаруженных на Боспоре, особенно в 30, 40 и 50-х годах текущего столетия. Число и значение этих находок, относящихся к киммерийскому времени, с каждым годом неуклонно возрастает.

Выше говорилось о том, что нельзя считать случайным внимание эллинской мифологии к поселениям местных обитателей Понта. К числу таких поселений нужно отнести и догреческий Пантикапей, основанный, согласно сведениям Стефана Византийского [1] и Евстафия [2], сыном Айэта. Это свидетельство о сыне Айэта, другими словами, брате Медеи и шурине Ясона, вводит доэллинский Пантикапей в цикл сказаний об Аргонавтах.

Учитывая данные эллинской мифологии и, несомненно, негреческое наименование города, можно утверждать, что в доэллинский период Пантикапей был киммерийским урочищем. Единичные находки, относящиеся к древнейшему периоду, обнаруженные в Пантикапее и его ближайших окрестностях, дают нам право предполагать наличие там киммерийского поселения. Говоря об этих находках, надо иметь в виду не только бронзовые кельты, топор [3] с изображением быка и солнца и каменный топорик из змеевика II тысячелетия до н. э. [4], найденные в Керчи, обломки догреческой посуды, обнаруженные при раскопках 1952 г. на северо-восточном склоне горы Митридата, возможно, догреческое погребение [5], вскрытое в 1902 г. на южном склоне той же горы, и киклопическую кладку Золотого кургана [6]. В число этих памятников, видимо, можно включить развалины монументальной стены, обнаруженные в 1949 г. на северном склоне горы Митридата [7]. Это сооружение, разрушенное еще в доспартокидскую эпоху, возникло, вероятно, во времена, предшествовавшие Археанактидам — в VI в. или, что менее возможно, в начале V в. до н. э. Кладка состояла из больших каменных глыб, поверхность которых заставляет предполагать длительное пребывание их под открытом небом. Вряд ли это могло случиться за время существования пантикапейского полиса в течение VI в. до н. э. Это наводит на мысль об использовании камней из догреческой, следовательно, киммерийской постройки, как в Дни-Ти-

[1] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925. стр. 17, прим. 1.

[2] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 16.

[3] На это, между прочим, указывает наличие двух наименований у некоторых античных городов Северного Причерноморья, причем одно из них греческое, другое — местное: Ольвия — Борисфен, Тира — Тиритака, Боспор — Пантикапей, Синдская гавань — Горгиппия.

[4] См. А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 33; С. В. Киселев. Рецензия на работу А. А. Иессена. ВДИ, 1948, № 3, стр. 120; см. также ВДИ, 1949, № 3, стр. 22.

[5] См. об этом нашу работу «Киммерийский вопрос и Пантикапей». Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. 1948. № 8. стр. 9—18.

[1] Steph. Byz. Παντικάπαιον.

[2] Eustath. Comm. ad Dion., 311.

[3] См. В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды Секции археологии РАНИОН, II, стр. 55 и сл., рис. 1—4. А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 31—32.

[4] А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 64, прим. 1.

[5] В. В. Шкорпил. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г., ИАК, вып. 9, стр. 83, № 50.

[6] Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 14—16.

[7] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949 г.), КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 215 и сл.

ритаке [1], где киммерийские скульптуры были заложены в кладку V в. до н. э.

О существовании киммерийского поселения на месте Дии-Тиритаки свидетельствуют и находки обломков каменных шлифованных топоров, а также изделий из кремня [2]. Наличие древнего поселения в Киммерике [3] надежно засвидетельствовано не только наименованием, но также и археологическими находками. Можно предполагать следы пребывания древнейшего догреческого населения и на месте позднейшего Мирмикия [4], Фанагории [5] и в других местах на Таманском полуострове [6].

Наконец, к юго-востоку от мыса Тузлы известны погребения [7], относящиеся, повидимому, к эпохе бронзы и, возможно, принадлежавшие киммерийцам. Интересно, что этот некрополь находится недалеко от городища, в котором с довольно большим вероятием можно предполагать древнюю Корокондаму, самое наименование которой, нужно думать, киммерийского происхождения [8].

Необходимо отметить также упоминаемые Геродотом [9] следы пребывания киммерийцев на Боспоре: киммерийские укрепления,— вероятно, валы,— и киммерийские переправы (πορθμία Κιμμέρια). Не исключена возможность, что наименование [1] этих переправ сохранилось и в названии античного поселения Порфмия [2] (Πορθμίον или Πορθμία, по-гречески «переправа»). Это поселение находилось в северо-восточной части Керченского полуострова, т. е. как раз там, где Керченский пролив имеет наименьшую ширину. Вероятно, киммерийскими по происхождению являются и те догреческие наименования, которые носили некоторые боспорские города и поселения (Киммерик, Тиритака и др.).

Вопрос об отправке Милетом переселенцев на южные берега Понта в эпоху господства киммерийцев на Боспоре во многом еще неясен. Различные исследователи решают его по-разному. Некоторые из них отрицают [3] возможность возникновения Синопы как милетской колонии в эпоху до нашествия киммерийцев на Малую Азию; другие не сомневаются [4] в существовании эллинских городов Синопы и Трапезунда в это раннее время.

Несомненно, однако, что в VII в. до н. э. Милет выслал ряд партий переселенцев на южный и западный берега Понта. Только тогда положено было начало прочному освоению эллинами Черного моря. Ионяне основали по берегам Понта многочисленные города, что, по словам Страбона [5], было причиной переименования прежнего Ἄξενος πόντος в Εὔξεινος.

Однако в VII в. до н. э. милетские первопоселенцы, видимо, еще не очень уверенно чувствовали себя на новых местах. Древнейшие ионийские поселения в западной части Понта были основаны на островах явно с целью обезопасить их от возможности столкновений с местным населением. Таковы Аполлония в южной части западного побережья, Истрия около устья Дуная и поселение на острове Березань, носившее в древности наименование Борисфенида. Будущие исследования покажут, было ли аналогич-

[1] Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки. МИА, № 4, стр. 38 и сл., рис. 50 и 51.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 189.

[3] Мы имеем в виду результаты раскопок Киммерика в 1948 г. под руководством И. Б. Зеест (см. об этом: И. Б. Зеест. Рецензия на книгу В. Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья в античную эпоху». ВДИ, 1949, № 1, стр. 134 и сл.) и в 1950 г. И. Т. Кругликовой, которой был обнаружен культурный слой доэллинского времени.

[4] Находка кремневого наконечника стрелы в Мирмикии в 1934 г. (В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г. МИА, № 4, стр. 130, рис. 30). Прим. ред.— Обычно дается Мирмекий; В. Д. Блаватский считает более правильной транскрипцию Мирмикий.

[5] При раскопках Восточного некрополя Фанагории в 1939 г. обнаружена кремневая пластинка с ретушью (В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг. МИА, № 19. М., 1951, стр. 212, 214, рис. 15, *1*).

[6] В конце 30-х годов текущего столетия было обнаружено кремневое орудие в районе песчаных дюн к западу от Фанагории, а в 1951 г. при раскопках древнего поселения под руководством Д. Б. Шелова, к юго-юго-востоку от станицы Таманской,— обломок кремневого наконечника серпа.

[7] В. В. Соколов. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. Изв. ТУАК, № 56, стр. 48.

[8] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 512.

[9] Herod., IV, 12.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 32 и сл.

[2] Anon. peripl. Pont. Eux., 69, 76; Steph. Byz. Πορθμία.

[3] Fr. Bilabel. Die Ionische Kolonisation, стр. 32, 62.

[4] G. Glotz. Histoire ancienne. Paris, 1925, I, 166—168.

[5] Strab., VII, 3, 5.

ское поселение в эту раннюю эпоху и на одном из островов в устье Гиппаниса — Кубани; природные условия там сходны с условиями мест расположения других поселений, а торговая деятельность греков в первой половине VI в. до н. э. надежно засвидетельствована находкой родосской керамики [1].

Размещение милетских поселений вдоль западного и отчасти северного берегов Понта полностью отвечает направлению древнего «западного» пути. Следует отметить, что в последующее время этот путь имел огромное значение; именно он нашел отражение в периплe Псевдо-Скилака [2], относящемся ко второй половине IV в. до н. э.

Все сказанное подводит к основной теме нашего очерка — переселению эллинов на берега Боспора Киммерийского. Новым этапом во взаимоотношениях между обитателями Северо-восточного Причерноморья и мореходами, прибывавшими из Эгейского моря, было установление твердо налаженных торговых связей. Это привело к появлению сначала временных, а затем и постоянных торговых факторий — эмпориев.

Письменные источники, к сожалению, почти не освещают этот в высшей степени важный для нас период существования эмпориев — период, когда вместо случайных посещений купцов-пиратов налаживается постоянный обмен между эллинскими торговцами и местным населением. Этот новый этап взаимоотношений между пришельцами и старожилами должен был быть более мирным, чем предшествующий (пиратский) и последующий (время возникновения и существования городов). Во всяком случае малочисленные греческие купцы, прибывавшие к местным обитателям и основывавшие в их поселениях свои эмпории, были очень заинтересованы в поддержании возможно более дружественных отношений со своими соседями. Ведь вся хозяйственная жизнь этих эмпориев базировалась исключительно на торговле, и поэтому самое существование эмпориев было бы невозможным при постоянных конфликтах с местными обитателями.

[1] Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, стр. 31—58; С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Известия ОГН, 1930, № 10, стр. 799 и сл., прим. 1.
[2] Ps. Scylac, 68.

Существует предположение, что выбор мест для первых греческих поселений в Северном Причерноморье определялся тем, что они были рыболовецкими станциями. Некоторые исследователи доходят до крайности, предполагая возникновение милетских рыболовецких станций еще до установления правильных торговых рейсов [1]. Однако у нас нет достаточных данных, чтобы говорить о большом значении рыбной ловли в северопонтийских поселениях, и особенно на Боспоре, в столь раннюю эпоху. Мало вероятно существование милетских рыболовецких станций на Понте до установления постоянных торговых связей, т. е. ранее VIII—VII вв. до н. э. Ведь это равносильно утверждению, что основным стимулом, побуждавшим эллинов пускаться в опасные плавания по еще мало изведанному Понту, была рыбная ловля. Между тем Одиссея наглядно свидетельствует о весьма слабом развитии рыбной ловли у греков в эту раннюю эпоху [2] и вероятном применении при этом только остроги и крючков. Особенно же примечателен рассказ о том, что спутники Одиссея, находясь на острове Тринакрии, ловили рыбу, ибо их мучил голод [3]. Следовательно, рыбная пища отнюдь не была в то время в почете у греков.

Иное дело — вопрос о занятии рыбной ловлей местными обитателями Северного Причерноморья в период, предшествовавший возникновению греческих эмпориев. В данном случае нельзя пройти мимо того обстоятельства, что, несомненно, неэллинские местные наименования реки Пантикапа и города Пантикапея — Παντικάπης и Παντικάπαιον, по очень убедительному предположению В. И. Абаева, означают «рыбный путь» [4]. Вероятно, и обильные рыбные остатки в ранних напластованиях Березани более связаны с деятельностью местных рыболовов, чем греческих пришельцев. Как известно, морской промысел занимал определенное место в хозяйстве обитателей Северо-Западного

[1] С. А. Семенов-Зуссер. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Харьков, 1947, стр. II.
[2] Od., X, 124; XII, 251—253; XII, 331—332.
[3] Od., XII, 331—332.
[4] А. И. Абаев объясняет данные слова как *panti* и *kapa*. *Pant(i)* — путь, авест. *panta*, др.-инд. *panthi*, русск. *путь* (из *panti*), ос. *Foedag*. *Kapa* — рыба, согд. *kap*, сак. *kava*, афг. *ka'b*, мунджан. *kap*, ос. *koef* (А. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 170, 175 и 193).

Причерноморья еще во времена усатовской культуры. Таковым, как нам представляется, было положение до VII в. до н. э. Иное место стало занимать в греческой пище потребление рыбы с VI в. до н. э. и особенно в последующее время. Как известно, в V—IV вв. до н. э., да и позднее, в эллинском мире широко применяются специально изготовленные глиняные блюда, на которых рыба подавалась к столу.

Эмпории возникали и на Боспоре. Они, в сущности, знаменуют начало оседания греков на берегах Керченского пролива. Однако эмпории нельзя смешивать с городами типа эллинских полисов, которые позднее появились на местах первоначальных эмпориев. Нам представляется необходимым особо подчеркнуть значение эмпориев как начального этапа оседания греков, ибо этот вопрос иногда недооценивается в работах наших исследователей, которые нередко трактуют возникновение того или иного поселения как основание города, совершенно отстраняя вопрос о предшествовавшем ему эмпории.

Так, нам приходилось уже отмечать, что возникновению Херсонесского полиса в 422—421 гг. до н. э. предшествовало длительное существование эмпория, возникшего, вероятно, не позднее третьей четверти VI в. до н. э.[1]

Возникновение Ольвии теперь принято относить примерно ко второй четверти VI в. до н. э.[2] Нам представляется, что эта точка зрения также игнорирует один из этапов истории переселения, а именно то время, когда на месте будущего полиса находился эмпорий. О времени возникновения этого эмпория (Борисфена), можно думать, свидетельствует Евсевий[3], относящий его к первому году 34 олимпиады, т. е. к 644 г. до н. э.; следами этого эмпория являются единичные находки керамики VII в. до н. э. Такое событие в экономической жизни торгового Милета, как установление постоянного обмена с бассейном Днепра, не могло пройти бесследно. Напомним об особом внимании Геродота к отдельным торговым экспедициям самосцев и эгинетов[1]. Проникновение значительного числа архаической расписной керамики VII в. до н. э. в Скифию уже давно отмечалось в археологической литературе[2].

Дату появления города Ольвии на месте прежнего эмпория, как нам кажется, можно установить, пользуясь свидетельством Псевдо-Скимна[3], согласно которому Ольвию основали милетяне во время мидийского владычества, т. е., видимо, в первой половине VI в. до н. э. Примерно к этому же времени относится значительное количество находок, обнаруженных при раскопках Ольвии. Таким образом, в обоих случаях письменные и археологические источники взаимно дополняют друг друга.

Решение вопроса о существовании эмпориев, предшествовавших городам, нередко сопряжено со значительными трудностями. Особенно это сложно для городов Боспора, так как мы почти не располагаем письменными данными о времени возникновения эллинских поселений[4], а археологическое исследование античных городов на берегах Керченского пролива по большей части далеко еще не достаточно для этой цели. Однако, как ни скудны наши сведения, можно сказать с полной уверенностью, что возникновение эмпориев на Боспоре должно быть отнесено еще ко второй половине VII в. до н. э. Из всех боспорских городов, пожалуй, наиболее ясную картину мы видим в Пантикапее, где обильные находки из некрополя, раскапывавшегося в течение многих лет в XIX и XX вв., недавно пополнились многочисленными предметами, обнаруженными при раскопке городища. Эти материалы[5]

---

[1] См. ВДИ, 1949, № 3, стр. 145—146. В дополнение к перечисленным нами в этой статье памятникам, обнаруженным в Херсонесе, можно добавить, что просмотр в 1951 г. запасов Херсонесского музея показал наличие значительного числа керамики VI в. и первой половины V в. до н. э.

[2] См. Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 103.

[3] Euseb. Chron. Can., 88.

[1] Herod., IV, 152.

[2] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, № 34, 1914, стр. 29 и сл.

[3] Ps. Scymn, 808—809. По вопросу о взаимоотношении «эмпория Борисфенитов» и Ольвии существует довольно обширная литература. См. о ней: А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947, стр. 59, прим. 1.

[4] Согласно свидетельству Евстафия (Eustath., 549), Арриан сообщал, что Фэнагория была основана Фэнагором Теосским, бежавшим от насилия персов, следовательно,— около 540 г. до н. э.

[5] Мы имеем в виду находки обломков расписной родосской керамики VII в. до н. э. на горе Митридата в 1945, 1948 и 1949 гг. [В. Д. Блават-

позволяют полагать, что уже во второй половине VII в. до н. э. существовал пантикапейский эмпорий, находившийся около Первого Кресла Митридата на восточном и северо-восточном склонах верхней покатости горы. В результате торговой деятельности этого эмпория в руки местных жителей попала великолепная расписная ваза VII в. до н. э., обнаруженная в могиле на Темир-горе [1].

Значительно обильнее материалы первой половины VI в. до н. э. К ним относятся погребения [2] на некрополе Пантикапея и находки обломков посуды на городище. В это время продолжал существовать небольшой дом с сырцовыми стенами, раскопанный на Митридатовой горе в 1949—1952 гг.

Установить совершенно точно дату замены пантикапейского эмпория городом типа эллинского полиса в настоящее время нельзя. Однако, несомненно, это было еще в первой половине VI века до н. э., возможно, во второй четверти этого столетия, так как около середины VI в. до н. э. уже началась чеканка пантикапейской серебряной монеты [3]. Начиная со второй половины VI в. до н. э., число находок значительно возрастает.

Вскоре после того как возник пантикапейский эмпорий, вероятно, еще в конце VII в. до н. э. [4], на Керченском полуострове появился другой эмпорий на холме, около селения Героевка, там, где в дальнейшем стоял город Нимфей [1], обладавший, согласно Страбону [2], хорошей гаванью (πόλις εὐλίμενος). Установить точно время превращения этого эмпория в город еще труднее, чем для Пантикапея. Можно предполагать, что это произошло около середины VI в. до н. э.

Несколько позднее, чем в Пантикапее и Нимфее, возник эмпорий Мирмикия, т. е. в первой половине или, во всяком случае, во второй четверти VI в. до н. э. О существовании эмпория свидетельствуют обломки родосской и ионийской расписной посуды, а также самосских терракотовых статуэток, обнаруженные при раскопках 1934 г. [3] Интересно отметить, что вместе с этими обломками найдены также черепки лепной скифской керамики [4], наглядно свидетельствующие о совместном пребывании в поселении эллинов и местных обитателей, что и должно быть характерным признаком каждого эмпория. Через несколько десятилетий после своего возникновения, возможно, в конце VI в. до н. э., эмпорий превратился в город Мирмикий [5].

Последующим, третьим, этапом проникновения эллинов в Северное Причерноморье было основание городов типа полисов.

Процесс возникновения греческих городов на берегах Черного моря всеми исследователями обычно называется колонизацией, а самые поселения — колониями. Однако вряд ли это наименование можно безоговорочно признать вполне удачным. Не приходится говорить о том, что в термин «колония» в настоящее время вкладывается совершенно иное содержание. Да и в древности латинским словом colonia и отвечающим ему греческим — κλῆροῦχια никак нельзя было назвать греческие поселения, возникшие на северном побережье Понта. Любой из основывавшихся милетянами или другими эллинами причерноморских городов древние греки называли ἀποικίς, т. е. выселок, а самый процесс их основания — ἀποικία, т. е.

скай. Раскопки Пантикапея (1949 г.), КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 15, рис. 71, *3*; стр. 219]. Эти материалы значительно пополнились в результате раскопок на северо-восточном склоне горы Митридата в 1952 г. Был обнаружен ряд обломков сосудов доэллинского времени и, кроме того, установлено, что древнейший из домов Пантикапея, вероятно, сооруженный еще до основания города (т. е. во времена эмпория), был построен не в начале VI в., а в конце VII в. до н. э. Эта дата определяется по великолепной расписной ойнохое, найденной в одной из ям внутри дома.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 17, рис. 4.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 155; Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951, стр. 64 и сл.

[3] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 164.

[4] Производивший раскопки в Нимфее М. М. Худ[illegible] (Раскопки святилища Нимфея. СА, XVI, 1952, стр. 238, 250, 257) датирует древнейший городской слой второй половиной VI в. до н. э., а самые ранние из находок — началом этого же столетия. Нам представляется, что изданные им обломки амфоры типа Фикеллура (рис. 12, *1*) должны быть отнесены еще к концу VII в. до н. э.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 174 и сл.

[2] Strab., VII, 4, 4.

[3] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1939 г. МИА, № 4, стр. 130—132.

[4] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О Прушевская. Ук. соч., стр. 132.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия, КСИИМК, XLV, стр. 113

выселение или переселение. Поэтому нам представляется более правомерным говорить не о греческой колонизации, а о переселении эллинов на северные берега Понта [1], тем более, что основанные там города со времени своего возникновения были независимыми в политическом отношении от метрополий и поддерживали с последними только религиозные и культурные связи, а также торговлю.

Возникновение городов на северном побережье Понта в тех случаях, когда они основывались на местах [2] прежних эмпориев, означало вытеснение [3] греками-переселенцами прежних обитателей. Возможно, что при этом часть местного населения могла подвергаться порабощению [4].

Страбон [5], повествуя о Боспоре, говорит, что первоначально обитавших там киммерийцев вытеснили скифы, а скифов изгнали эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре. Не менее интересно сохраненное Афинеем [6] указание Эфора, что милетяне, пока не предались роскоши, побеждали скифов и заселили славными городами Понт Евксинский.

Сведения Страбона подтверждаются также и археологическими материалами. Исследования некрополя Пантикапея VI—V вв. до н. э. показало, что значительная часть погребенных (примерно 12%) была захоронена с оружием [7]. О том же свидетельствует раннее появление оборонительных стен боспорских городов. Так, Пантикапей и Дия-Тиритака были укреплены, по всей видимости, еще в VI в. до н. э. [1]. Все это свидетельствует о наличии временами враждебных отношений [2] вновь возникших городов с местным населением. Разумеется, военные столкновения не были постоянным явлением — между местными племенами и городами велась постепенно возраставшая торговля.

Основатели греческих городов могли проявлять более агрессивные отношения к местным жителям, чем купцы эмпориев, не только вследствие большого числа граждан полисов, но также и потому, что вновь возникавшие города были значительно более самостоятельны в экономическом отношении, чем эмпории.

Нам известно, что богатая знать, как, например, милетские «вечные мореходы» — Ἀεινᾶῦται, обычно только возглавляли группы переселенцев; подавляющее же большинство их составляли малоимущие граждане, добывавшие средства существования своим трудом — χειρομάχοι. Естественно, что во вновь основанных полисах они продолжали заниматься тем же, чем занимались в метрополии. Иным трудно представить состав населения боспорских городов, даже в первые времена их существования. Вероятно, при основании нового города из метрополии отправлялось несколько сот, а может быть, и более тысячи граждан с их семьями. Разумеется, что все они не могли быть купцами ни у себя на родине, ни на местах своих новых поселений. Купцы, видимо, составляли небольшую часть населения в городах, возникавших на Боспоре, основная же масса состояла из ремесленников, различного рода рабочего люда, рыбаков и, по всей видимости, земледельцев. Следовательно, боспорские города с самого начала существования были не только торговыми, но прежде всего производственными центрами.

Мы уже рассмотрели возникновение трех боспорских эмпориев, превратившихся в дальнейшем в города: Пантикапей, Нимфей и Мирмикий. Значительно более скудны наши сведения об основании других городов.

---

[1] Иное дело, когда мы говорим о городах, заселенных афинскими клерухами, как это, вероятно, случилось с Амисом, переименованным в Пирей (Strab., XII, 3, 14). В таких случаях термин «колония» представляется нам вполне уместным.

[2] Возникновение городов на местах прежних эмпориев, видимо, было явлением очень частым, однако у нас нет оснований утверждать, что каждому греческому городу предшествовал эмпорий.

[3] Говоря о вытеснении греками местных жителей, мы, разумеется, имеем в виду только самые поселки, на месте которых возникали античные города, а не прилежащие сельскохозяйственные территории, на которых в основном продолжало обитать местное население.

[4] Помимо порабощенного местного населения, в античных городах Северного Причерноморья, видимо, уже с очень раннего времени были и другие представители местных племен, в частности племенная знать. Как показывает рассказ Геродота (Herod., IV, 78—79) о Скиле, в Ольвии это имело место еще в первой половине V в. до н. э.

[5] Strab., XI, 2, 5.

[6] Athen. Deipn., XII, 26.

[7] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 68.

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (1949 г.), стр. 215 и сл.; А. Н. Карасев. Оборонительные сооружения Ольвии. КСИИМК, XXII, 1946, стр. 28 и сл., рис. 3.

[2] Возможно, отголоском, свидетельствующим о нападениях скифов на территорию Боспора, является упоминание Геродота о зимних походах скифов из Крыма в Синдику (Herod., IV, 28).

Боспора. Можно полагать, что некоторые из них возникли еще в VI в. до н. э.

Предположительно, во второй половине (может быть, в середине) VI в. до н. э. был основан небольшой город — Дия-Тиритака [1], находившийся на месте нынешнего поселка Артезиан. Наличие лепной посуды в ранних напластованиях поселения, существование двух названий его: эллинского — Дия и местного — Тиритака позволяют предполагать, что античному городу здесь также предшествовал эмпорий, возникший при доэллинской [illegible].

Согласно античным сведениям, Фанагория была основана около 540 г. до н. э.[2] В пользу существования Фанагории именно как города, а не как эмпория, уже в VI в. до н. э. говорит также свидетельство Гекатея [3], относящееся еще в конце VI в. до н. э. Эта дата получила подтверждение в результате раскопок 1939 г.[4]

Страбон, при описании Европы, упоминает [illegible] показании Гекатея о городе Киммерике,— нужно думать, совпадающем с Киммерийским, расположенным около горы Опук. Это свидетельство дает возможность считать, что Киммерик, находившийся в европейской части Боспора, также существовал в VI в. до н. э.[6]

Перечисленные города в недавнее время подвергались раскопкам, причем на некоторых работы велись в широких масштабах, что позволяет делать выводы со сравнительно большей уверенностью.

Значительно труднее говорить о времени возникновения других древнейших городов Боспора, которые мало или совсем не подвергались раскопкам. Еще менее ясен вопрос о существовании предшественников этих городов — эмпориев, ибо на месте эмпориев остается значительно более скудный археологический материал, который иной раз может быть собран лишь в результате многочисленных тщательных исследований. Так, остается еще не выясненным вопрос об эмпории, через который могла проникнуть к местным обитателям южной части Таманского полуострова родосская ойнохоя первой половины VI в. до н. э., обнаруженная в одном из погребений на берегу Цукурского лимана [1]. Вероятнее всего, это мог быть эмпорий Гермонассы, которая была основана ранее других городов азиатского Боспора. Однако у нас еще нет оснований для каких бы то ни было утверждений.

Нужно остановиться еще на двух боспорских городах: Кепах и Гермонассе. Локализация обоих ненадежна и археологические данные нам помочь не могут, в силу чего мы принуждены пользоваться только письменными источниками. О раннем возникновении Гермонассы свидетельствует упоминание о ней как о городе Гекатеем [2]; следовательно, город [3] существовал уже в конце VI в. до

[illegible] Е. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки и археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 306—308; его же. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 190—192.

[2] Свидетельство Арриана о том, что Фанагория основана героем Фэнагором, бежавшим от насилий тиранов, сохранено Евстафием Фессалоникийским (Eustath. Comm. ad Dion., 549).

[3] Hecat. Frg. Hist. Gr., I, 164; Steph. Byz. Φαναγόρεια πόλις ἀπὸ Φαναγόρου ὡς Ἑκαταῖος Ἀσίᾳ «ἡ πόλις Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια». Стефан Византийский сохранил нам также свидетельство Гекатея о том, что в Фанагории находился Ἀπάτουρον — святилище Афродиты.

[4] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1936—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 297—299.

[5] Hecat. Frg. Hist. Gr., I, 2: Παρ' Ἑκαταίῳ δὲ Κιμμερικὴ πόλις.

[6] Раскопками, производившимися И. Т. Кругликовой в 1950 г. около горы Опук, обнаружена античная керамика, начиная с последних десятилетий VI в. до н. э.

[1] Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове. ИАК, вып. 63, стр. 31—58. Нельзя также установить с полной уверенностью местонахождение древнейшего эмпория (или эмпориев) в устье Дона, через который могла проникать к местному населению архаическая керамика (см.: Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 94—101). В этом отношении очень интересны находки обломков ионийских расписных сосудов середины и второй половины VI в. до н. э., обнаруженные в 1937—1938 гг. на дне моря около Таганрога, при прокладке водопровода в южной части города (Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 8). Другой греческий эмпорий, притом в местном поселении (Елисаветовское городище), возник, может быть, еще во второй половине VI в. до н. э. (Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях..., стр. 108—109; ее же. Танаис, стр. 8 и сл.).

[2] Hecat. Erg. Hist. F., I, 208; Steph. Byz. Ἑρμώνασσα.

[3] Вопрос о локализации Гермонассы нельзя еще считать окончательно решенным. Однако едва ли не наиболее вероятно предположение, что город находился на месте нынешней станицы Таманской. Если принять эту гипотезу, то существование Гер-

н. э., однако появиться он мог еще во второй половине столетия, если даже не раньше. Что касается Кеп, то мы можем отнести основание этого города к VI в. до н. э. ввиду того, что он был основан милетянами [1] и, следовательно, не мог возникнуть позднее начала роковой для Милета войны 500—494 гг. до н. э., закончившейся его разрушением [2]. Далее мы должны упомянуть о Корокондаме, находившейся, согласно древним свидетельствам, в самой южной части азиатского берега пролива [3]. Если признать, как это наиболее вероятно, что Корокондама идентична с городищем около хутора Кротенка [4], то мы должны будем отнести ее существование уже к VI в. до н. э., ибо на некрополе этого поселения обнаружены могилы VI—III вв. до н. э. [5]

Наконец, следует сказать еще об одном античном городище, около Запорожского зерносовхоза, расположенном на южном берегу Фанталовского полуострова (б. хут. Чиркова). Разведки, произведенные в 1940 г. [6], обнаружили многочисленные обломки керамики VI—III вв. до н. э; следовательно, городок, несомненно, существовал уже в VI в. до н. э. С каким поселением, известным нам по свидетельствам древних авторов, можно связать его,— с полной уверенностью сказать трудно. Нам представляется наиболее вероятным, что это селение Патрэй (κώμη Πατραεύς) [1], упоминаемое Страбоном [2], как находившееся около памятника Сатира (Σατύρου μνῆμα) и в 130 стадиях от Корокондамы. Однако, как измерялось расстояние от Корокондамы, точно не известно, а местонахождение памятника Сатира — тем более. Поэтому не исключена возможность и иной локализации Патрэя — на западном побережье Фанталовского полуострова [3].

Остальные боспорские города, вероятно, возникали путем выхода переселенцев из ранее основанных городов, т. е. в результате внутреннего перемещения населения Боспора [4]. Разумеется, условия возникновения таких городов, отстоявших от старых мест поселений лишь на несколько десятков километров, в корне отличались от условий предшествовавшей колонизации из далекого Милета или Теоса. Не приходится также говорить о том, что новые города были основаны значительно позднее старых. Возникшие преимущественно во второй и третьей четверти VI в. до н. э. старые боспорские города вряд ли были в состоянии посылать переселенцев ранее V в. до н. э.

К числу таких внутренних боспорских выселков следует отнести Синдскую гавань (Σινδικὸς λιμήν), которую нужно считать древним наименованием [5] Горгиппии, находившейся на месте нынешней Анапы [6]. О Синдской гавани упоминает древнейший из периплов Псевдо-Скилака [7], а в перипле Псевдо-Скимна [8] говорится, что она была населена эллинами, пришедшими из ближайших местностей, т. е., повидимому,

---

монассы во второй половине VI в. до н. э. получит веское подтверждение и в археологическом материале: находках в начале 30-х годов текущего столетия фрагментов чернофигурных ваз и обломков архаической ионийской посуды с орнаментом в виде полос (А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. Сообщения ГАИМК, 1931, № 1, стр. 29; его же. Выставка работ экспедиции ГАИМК. Сообщения ГАИМК, 1932, № 7—8, стр. 46). Аналогичный материал собран при разведках в 1950 и 1951 гг. О том же свидетельствуют и прежние находки монет на Таманском городище, подавляющее большинство которых относится к VI—V вв. до н. э., а также материалы из древнейших могил в прилежащих некрополях (М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, 1925, стр. 281 и сл.).

[1] Ps. Scymn., 899; Plin. N. H., VI, 18.

[2] Исходя из тех же данных, мы можем отнести и возникновение Феодосии к VI в. до н. э., ибо она, по свидетельству Арриана, была основана милетянами (Arrian. Peripl., 19, 4). Эта дата подтверждается находками в Феодосии античной керамики (Э. Р. Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, стр. 2, 4).

[3] Strab., XI, 2, 8; Anon. peripl. Pont. Eux., 23.

[4] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 285.

[5] В. В. Шкорпил. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. ИАК, вып. 56, стр. 1 и сл.

[6] В. Д. Блаватский. Раскопки в Фанагории в 1940 г. ВДИ, 1940, № 1, стр. 222. См. также: А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г., М., 1949.

[1] М. О. Поначевный. Географический очерк Босфорского царства. Кубанский сборник, т. II, Екатеринодар, 1891, стр. 28.

[2] Strab., XI, 2, 8.

[3] B. Latyschev. IOSPE, II табл. I.

[4] С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 7.

[5] Прямое указание на это мы находим у Стефана Византийского (Steph. Byz. Σίνδικος).

[6] В. В. Латышев. О местонахождении города Горгиппии. ПОНТИКА, СПб., 1909, стр. 279—283.

[7] Ps. Scylac. Per., 72.

[8] Ps. Scymn., 889.

с азиатского Боспора. Разведками, производившимися в Анапе в 1949 г. [1], обнаружены обломки керамики конца VI—V вв. до н. э., находки же, относящиеся ко времени, начиная с IV—III вв. до н. э., более многочисленны. Близкие к этому периоду материалы дали также старые раскопки некрополя [2]. На основании этого можно заключить, что на месте Анапы первоначально существовал эмпорий [3], который в начале IV в. до н. э. был сменен городом.

Наименование Горгиппии давно связывается с именем Горгиппа, одного из правителей, вероятного основателя этого города [4]. Этот Горгипп, судя по одной надписи [5], найденной на Таманском полуострове, был отцом царицы Комосарии, жены Перисада I (347—309 гг. до н. э.). Возможно, о нем сохранились упоминания у Динарха и Полиэна [6]. Все это заставляет думать, что временем деятельности Горгиппа была первая половина IV в. до н. э.

При таких обстоятельствах можно полагать, что эмпорий, существовавший в последних десятилетиях VI в. и в V в. до н. э. на месте Анапы, назывался Синдской гаванью. В первых же десятилетиях IV в. до н. э. на месте эмпория был основан город — Горгиппия, причем прежнее название его исчезло не сразу и продолжало употребляться.

Обитателями боспорских городов был заселен также город Киммерида (Киммерик) на азиатском берегу. Псевдо-Скимн сообщает нам, что Κιμμερὶς πόλις основан боспорскими тиранами [7]; можно предположить, что город находился на месте давнишнего поселения [8]. Наконец, по словам Страбона [9], Танаис был основан боспорскими эллинами. У того же автора [10] мы находим указание, что Пантикапей был метрополией европейских боспорцев, а Фанагория — азиатских. Вероятно, и прочие города и городки, стоявшие по обе стороны Керченского пролива, возникли в результате внутреннего переселения. Нередко негреческие наименования этих населенных пунктов заставляют думать, что последним предшествовали местные поселения. Упоминания о малых боспорских городах встречаются в большинстве только у авторов довольно позднего времени (Страбон, Плиний, Птоломей, Арриан, автор анонимного перипла V в. н. э., Стефан Византийский), и у нас нет уверенности, что источники, откуда заимствованы эти сведения, относятся к временам, более ранним, чем III—II вв. до н. э. Археологические исследования малых городов Боспора — Китея, Акры, Парфения, Порфмия, Гераклия, Зенонова Херсонеса, Киммерика Азиатского, Ахиллея и др. далеко еще не достаточны, чтобы можно было сделать решительные выводы об их возникновении и древнейшей истории. Да и далеко не все населенные пункты, известные нам по свидетельствам древних авторов, особенно на азиатском берегу Боспора, могут быть надежно локализованы.

Карта европейского и азиатского Боспора, составленная В. В. Латышевым и опубликованная более шестидесяти лет назад [1], легла в основу наших представлений. За прошедшее время сделаны лишь небольшие дополнения и исправления. Приведем топографический обзор главнейших из населенных пунктов Боспора.

Первым является Киммерик, расположенный на Черноморском берегу в южной части Керченского полуострова, к западу от горы Опук. Согласно анонимному периплу [2], против Киммерика в море находятся два скалистых, не очень больших острова. Именно такие острова, именуемые теперь «Скаламикораблями» [3], находятся в небогатом островами Черном море, прямо против городища, к западу от горы Опук; следовательно, этот пункт надежно локализован.

---

[1] В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 245—248.

[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 295—297.

[3] Косвенным подтверждением существования эмпория (Синдской гавани) на месте будущего города являются находки в Анапе отдельных черепков посуды, которые А. А. Иессен относит, несомненно, к догреческому времени (А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 68).

[4] B. Latyschev. Brevis conspectus historiae regni Bosphorani. IOSPE, II, стр. XX.

[5] IOSPE, II, № 346.

[6] Din. c. Dem. 1 § 43; Polyaen., VIII, 55.

[7] Ps. Scymn., 896.

[8] Strab., XI, 2, 5.

[9] Strab., XI, 2, 3.

[10] Strab., XI, 2, 10, а также VII, 4, 4.

[1] IOSPE, II. Tabula Bospori Cimmerii.

[2] Anon. peripl. Pont. Eux., 76.

[3] Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи (Киммерик, Китей, Акра). Изв. Таврического о-ва истории, археологии и этнографии, II (59), стр. 108, рис. 4.

Следующий город — Китей (Κύταια, Κύται, Κύταιον, Cytae) известен по упоминанию в перипле Псевдо-Скилака [1]. В анонимном перипле [2] точно указывается расстояние, на котором находится Китей от Акры (30 стадий) и от Киммерика (60 стадий). Это местоположение соответствует городищу «Керменчик». Веским подтверждением служит находка в 1918 г. здесь храмового стола [3] с посвятительной надписью [4] общины Кититов (πατρὶς Κοιτειτῶν) «богу Гремящему, внемлющему».

Акра, упоминаемая Плинием [5] и автором [6] анонимного перипла (Ἄκρας χωρίον), видимо, находилась на мысу Такил-Бурун [7]. Наименование «Акра» вполне подходит к высокому кряжу названного мыса, на котором известно древнее городище.

Локализация Нимфея около Героевки, Дии — в поселке Аршинцева, Пантикапея — в Керчи и Мирмикия — у Нового Карантина давно и настолько твердо установлено, что не нуждается в аргументах. Можно только добавить, что Тиритака, ранее помещавшаяся западнее Чурубашского озера, идентична с Дией и является местным наименованием этого города.

Местонахождение Дии в поселке Аршинцева было установлено еще Дюбуа де Монпере [8].

Надежное основание для этого дает четкое свидетельство Плиния Старшего [9], который помещает Дию между Нимфеем и Пантикапеем. Как известно, между Героевкой, где находился Нимфей, и горой Митридат — Пантикапеем — только одно значительное городище, а именно в Аршинцеве.

В 1941 г. вышла работа В. Ф. Гайдукевича «О местоположении древней Тиритаки» [10], в которой автор убедительно доказал, что городище Камыш-Буруна должно быть идентифицировано с Тиритакой, упоминаемой Птоломеем и в анонимном перипле [1]. Это положение позволяет сделать вывод о том, что в древности Дия и Тиритака были названиями одного и того же города, как это предполагал еще П. Бларамберг [2]. Следует заключить, что греческое название «Дия» дано городу эллинскими переселенцами при его основании, а местным наименованием «Тиритака», вероятнее всего, называлось предшествовавшее ему поселение. Другое возможное предположение о последовавшем переименовании Дии, наподобие Феодосии, в Ἀρδάβδα [3] представляется нам менее правдоподобным. В. Ф. Гайдукевич, касаясь данного вопроса в упомянутой выше работе, высказал менее вероятные и несколько противоречивые предположения относительно наименования «Дия». Он пишет, что «у Плиния отражено римское название Тиритаки, которое, однако, не особенно прочно привилось» [4], а несколько ниже, подводя итоги работы, утверждает, что «для локализации упоминаемой Плинием Дии данных пока нет...» [5] (хотя дальше, впрочем, признает, что «может быть, Дия — название Тиритаки в раннеримское время»).

Как нам кажется, нет никаких оснований считать, что Дия — римское название Тиритаки. Такое переименование боспорского города в период сарматизации Боспора не только ничем не может быть доказано, но и маловероятно. В. Ф. Гайдукевич, сославшись на мнение М. И. Ростовцева о том, что анонимный перипл V в. н. э. восходит к раннеэллинистическому источнику, не уделил внимания тому обстоятельству, что источники Плиния восходят не только к этому, но и значительно более раннему времени, возможно, к ионийским писателям [6]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что боспорский город, некогда существовавший на месте современного поселка Аршинцева, с момента

---

[1] Ps. Scyl., 68.
[2] Anon. peripl. Pont. Eux., 76.
[3] Ю. Ю. Марти. Новые эпиграфические памятники Боспора. Известия ГАИМК, вып. 108, стр. 60 и сл.
[4] В. В. Латышев. Неизданные боспорские надписи. Известия РАИМК, т. II, стр. 84—92.
[5] Plin. N. H., IV, 86.
[6] Anon. peripl. Pont. Eux., 76.
[7] Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства, стр. 117.
[8] Dubois de Montpéreaux. Voyage autour de Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases en Calchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1843, стр. 246.
[9] Plin. N. H., IV, 85.
[10] МИА, № 4, стр. 85—92.

[1] Ptol., III, 6, 3; Anon. peripl. Pont. Eux., 76.
[2] П. Бларамберг. Замечания на некоторые места древней Таврида. ЗООИД, IV, стр. 9, прим. 10.
[3] Anon. peripl. Pont. Eux., 77.
[4] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 91.
[5] Там же, стр. 92.
[6] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 42 и сл.

возникновения именовался Дией. Вследствие того, что у него было и другое, местное название — Тиритака, нам представляется наиболее закономерным именовать этот город «Дия-Тиритака».

Северо-восточная часть Керченского полуострова исследована в археологическом отношении значительно хуже [1], чем средняя и даже южная [2], и в древности, судя по малочисленности упоминаний, вероятно, особой роли не играла. Там находились Парфений [3], отношение которого к Порфмию [4] недостаточно ясно [5], Гераклей и Зенонов Херсонес [6].

Локализация городов азиатского Боспора менее ясна и надежна. Видимо, античные авторы недостаточно отчетливо представляли себе географию Таманского архипелага, и восстановить теперь карту этой части Боспора еще труднее, так как географические условия значительно изменились за два истекшие тысячелетия. Группа древних островков постепенно превратилась в нынешний полуостров, а берега местами очень сильно размыты морем, поэтому некоторые античные городища оказались сильно поврежденными, и мы лишены возможности установить их первоначальные размеры. Такая судьба постигла городище около Пересыпного гирла, в станице Таманской и др. [7].

С полной уверенностью можно утверждать, что древняя Горгиппия находилась на месте нынешней Анапы. Это было установлено В. В. Латышевым [8] еще в 1898 г. и затем подтверждено рядом эпиграфических находок [1]. Вряд ли имеются серьезные основания сомневаться в локализации Фанагории [2] на южном берегу Таманского залива к северу от сопки Блевака. Возможно, что Ахиллей [3] должен быть отождествлен с городищем, расположенным недалеко от начала косы Чушка, а Киммерик [4] — с городищем примерно в пяти километрах к востоку от последнего (около б. хут. Назарова).

Согласно свидетельству Страбона [5], в ста двадцати стадиях от Киммерийского селения находилось устье реки Антикита и Тирамба. Исходя из этого, Тирамбу, по всей вероятности, можно отожествить с городищем, сильно размытым морем [6], к западу от Пересыпного гирла.

Разведка городища в 1940 г. показала, что поселение существовало здесь во всяком случае уже в IV в. до н. э. Раскопки некрополя этого поселения, проведенные в 1951 г., позволяют отнести время его возникновения, по меньшей мере, к V в. до н. э. [7] На основании материалов, полученных в результате археологических работ 1950—1952 гг., можно сделать вывод, что древняя Гермонасса находилась на месте нынешней станицы

---

[1] О раскопках могильников на Азовском побережье см.: А. А. Дирин. Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки. ЗООИД, XIX, Материалы, стр. 121—131 и ОАК за 1894 г., стр. 8 и сл.; Ю. А. Кулаковский (ОАК за 1894 г., стр. 9) считал, что на мысе Зюк находился Зенонов Херсонес.

[2] Скудость письменных источников и археологических материалов заставила исследователей, касавшихся археологической топографии Керченского полуострова, крайне бегло останавливаться на этом районе (IOSPE, III, стр. II; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 255 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 27).

[3] Strab., XI, 2, 6.

[4] Anon. peripl. Pont. Eux., 280.

[5] См. об этом: В. В. Веселов. Древние городища в районе Синягина. Сборн. «Археология и история Боспора», 1952, стр. 227 и сл.

[6] Ptol., III, 6, 4.

[7] А. А. Миллер. К вопросу об охране памятников. Сообщение ГАИМК, 1931, № 4—5, стр. 34.

[8] В. В. Латышев. О местонахождении города Горгиппии. ПОНТИКА. СПб., 1909, стр. 270, 283.

[1] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России. ИАК, вып. 10, стр. 25 и сл., № 20; вып. 23, стр. 46 и сл., № 32; вып. 37, стр. 70 и сл., № 7; его же. Неизданные горгиппийские надписи. ИАК, вып. 37, стр. 38 и сл., № 2.

[2] IOSPE, II, стр. XI. Эпиграфическим подтверждением установившейся локализации Фанагории служит одна из фанагорийских надписей IV в. до н. э., представляющая посвящение Фанагора (IOSPE, IV, № 418).

[3] Согласно свидетельству Страбона (Strab., XI, 4, 5), Ахиллей находился в самой узкой части пролива, где ширина его была всего 20 стадий. Автор анонимного перипла указывает, что от Ахиллова селения до Порфмия на другом берегу пролива было 20 стадий (Anon. peripl. Pont. Eux., 69)

[4] Согласно Страбону (Strab., XI, 2, 5—6), Киммерик находился на расстоянии 20 стадий от Ахиллова селения.

[5] Strab., XI, 2, 4.

[6] С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Сев.-Кавк. краев. о-ва археологии, истории и этнографии, кн. I, т. III, вып. 5—6, стр. 8.

[7] Собранный в 1940 г. на городище у Пересыпи подъемный материал включал обломки остродонных амфор классического времени. Некоторые из раскопанных в том же году могил могли быть отнесены к IV и III вв. до н. э. В 1951 г. при раскопке одной из могил была обнаружена чернолаковая керамика V в. до н. э.

Таманской [1]. С меньшей степенью уверенности можно определить место Кеп [2] к северо-востоку от Фанагории около б. хуторов Пивневского и Артюховского. Особенно же трудно говорить о местонахождении Патрэя [3] — около б. хутора Чиркова на южном или около Артюховского хутора на западном берегу Фанталовского полуострова. Можно предполагать, что Корокондама была расположена недалеко от мыса Тузлы (или, что вряд ли возможно, в черте станицы Таманской) [4].

Совершенно неясным остается вопрос о местонахождении и о времени возникновения на азиатском берегу Боспора селения Апатур, в котором было святилище Афродиты. Об этом селении упоминают авторы довольно позднего времени. Страбон [5] указывает, что оно находится где-то около Гермонассы; Плиний [6] называет почти опустелый Апатур после Фанагории и перед Киммерием; по показанию Птоломея [7], Апатур должен был находиться на берегу Азовского моря к востоку от Ахиллея. Все эти свидетельства крайне трудно согласовать одно с другим. Стефан Византийский [8] сохранил нам данные Гекатея о заливе Апатур, находившемся в Азии, с которым, возможно, связаны позднейшее селение и расположенное в нем святилище Афродиты. Попытки отождествить Апатур с одним из таманских городищ, производившиеся до сего времени, нельзя признать достаточно обоснованными. Возможно, что Апатурон следует считать городище на берегу Цукурского лимана, к западу от Вышестеблиевской станицы [1]. В кургане на берегу этого лимана был найден двойной мраморный герм IV в. до н. э. с посвятительной надписью [2] Афродите Урании, владычице Апатура. Однако это предположение отнюдь нельзя считать доказанным.

Наконец, следует сказать о населенных пунктах на побережье Азовского моря, видимо, не игравших особой роли и поэтому лишь бегло упоминаемых в источниках: это Гераклей и Зенонов Херсонес. Точная локализация их в настоящее время еще не установлена.

Такова картина исторической географии Боспора, как она рисуется в итоге работ историков и археологов. Дальнейшие добавления (и исправления) станут возможны лишь в результате новых раскопок, особенно необходимых на неисследованных городищах. Однако одно дополнение, как нам кажется, можно сделать и в настоящее время.

Мы имеем в виду вопрос о загадочном городе — Аполлонии на Боспоре. О нем не сохранилось никаких упоминаний в письменных источниках, но о существовании его свидетельствуют серебряные монеты, чеканившиеся в V в. до н. э.[3] Типы монет Аполлонии очень близки пантикапейским. Места находок этих монет — район Керчи и Героевки. Исследования нумизматов показали, что Аполлония должна была находиться где-то недалеко от Мирмикия, ибо Мирмикий, несомненно, пользовался для чеканки своей монеты (с эмблемой муравей — μύρμηξ) услугами как пантикапейского, так и аполлонийского монетных дворов.

---

[1] Работы Синдской экспедиции 1950—1951 гг. показали невозможность локализовать Гермонассу около Бугазского лимана, где она помещена на карте В. В. Латышева (IOSPE, II, табл. I). Впрочем, следует отметить, что в том же томе В. В. Латышев писал: Hermonasse locum nondum certo novimus (IOSPE, II, стр. XI). Работы же Таманской экспедиции 1952 г. показали наличие мощных культурных напластований на Таманском городище и подтвердили закономерность отождествления последнего с древней Гермонассой. О локализации Гермонассы см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 197.

[2] К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 100—102.

[3] По Страбону (Strab., XI, 2, 6—8), Патрэй находится около могилы Сатира, а последняя — в девяноста стадиях от Ахиллова селения.

[4] Юго-западная часть Таманского полуострова менее всего подвергалась раскопкам, поэтому пока представление о ней столь неопределенно, несмотря на обстоятельные топографические исследования К. К. Гёрца (Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870) и особенно В. В. Соколова (Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской. Известия ТУАК, № 56, стр. 39—59).

[5] Strab., XI, 2, 10.

[6] Plin. N. H., IV, 18.

[7] Ptol., VI, 8, 5.

[8] Steph. Byz., Ἀπάτουρον.

[1] М. О. Поначевный. Ук. соч., стр. 37.

[2] IOSPE, II, № 343.

[3] А. Н. Зограф в своей большой работе по античной нумизматике (Античные монеты, стр. 165 и сл., 244) выдвигал положение, что монеты Аполлонии чеканились на близком Пантикапею самостоятельном монетном дворе. Однако автор не настаивал на этом предположении. Д. Б. Шелов в недавно вышедшей статье убедительно показал, что монеты Аполлонии, несомненно, принадлежат не Пантикапею, а другому центру, находившемуся недалеко от Мирмикия (Д. Б. Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия. ВДИ, 1940, № 1, стр. 143—153).

Естественно, что перед исследователями Боспора не может не встать вопрос, где же находилась Аполлония. Конечно, вполне возможно, что Апполония, достигшая значительного расцвета во второй и третьей четверти V в. до н. э., могла быть разрушена в последних десятилетиях V в. до н. э., при совершенно неведомых для нас обстоятельствах, и в дальнейшем никогда не была восстановлена.

Предположение о разрушении Аполлонии вполне возможно, так как история Боспора второй половины V в. до н. э. крайне скудно освещена письменными источниками. Однако трудно допустить, чтобы боспорский город, разрушенный в V в. до н. э., не был восстановлен и до конца античной эпохи продолжал лежать в развалинах. Все доступные нам данные свидетельствуют о противном. С ростом и развитием Боспорского государства число населенных пунктов на его территории не уменьшалось, а возрастало.

Еще труднее допустить, чтобы не был восстановлен город, основанный на умело выбранном месте, а об удачном расположении города свидетельствует его экономический расцвет, ибо уже во второй четверти V в. до н. э. началась чеканка монет [1] (т. е. раньше Феодосии и немногим позднее Пантикапея). Все это заставляет нас отказаться от мысли о полном исчезновении Аполлонии в последующее время и склониться к другому предположению — о последующем существовании этого города под другим наименованием. Сделаем попытку решить вопрос, не находилась ли Аполлония на месте одного из боспорских городов, известных нам под иным, более поздним названием. Мы уже говорили, что Аполлония была расположена где-то недалеко от Мирмикия. Находившиеся севернее Мирмикия Парфений и Порфмий, Геракл.ий, а также Зенонов Херсонес, по всей видимости, были незначительными населенными пунктами, никогда не чеканившими монеты. Вообще северо-восточная часть Керченского полуострова в древности была захолустьем, и вряд ли там можно найти монетный двор, чеканивший деньги для Мирмикия.

К югу от Мирмикия ближайшим городом является Пантикапей; отождествить с ним Аполлонию, конечно, нельзя. Далее следует небольшой городок Дия-Тиритака, которая и в свои лучшие времена не чеканила монету; затем — Нимфей, чеканивший деньги [1] в несколько более позднее время, чем Аполлония,— во второй половине V в. до н. э. За Нимфеем находились Акра, Китей, Киммерик; все они не имели своей монеты.

Вернемся к Нимфею. Свидетельства древних авторов: Кратера в передаче Гарпократиона [2] и Эсхина [3], а также данные эпиграфики [4] указывают на существование города Нимфея в последней четверти V в. до н. э. или немного раньше, но во всяком случае во времена гегемонии Афин на Понте.

Аполлония, начавшая чеканку монеты во второй четверти V в. до н. э., прекратила ее в третьей четверти того же столетия. Примерно в то же время (т. е. по исчезновении монет Аполлонии) появились монеты Нимфея [5]. Далее необходимо отметить совместное хождение аполлонийских, нимфейских и пантикапейских монет, засвидетельствованное кладом [6], обнаруженным в сосуде на дне моря около Героевки.

Наконец, из всех известных нам боспорских городищ именно в Героевке и Керчи появились самые ранние эмпории (еще во второй половине VII в. до н. э.) и, вероятно, наиболее древние поселения городского типа. Весьма существенным представляется также богатый курганный некрополь [7] Нимфея, относящийся еще к V—IV вв. до н. э. Этому отвечает наличие во второй и третьей четверти V в. до н. э. только двух монетных дворов на Боспоре — Пантикапея и Аполлонии. Все

[1] Д. Б. Шелов. Ук. соч., стр. 152.

[1] А. Н. Зограф. Ук. соч., II, стр. 496.

[2] Harpocration. Νύμφαιον.

[3] Aesch. Ctes, 171.

[4] J. G., I², 63. Переиздана Б. Н. Граковым — Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 238. Весьма существенным дополнением к названной надписи, заключающей список плательщиков фороса в 425—424 гг. до н. э., является обломок (№ 38), содержащий слова [πόλεις] ἐκ τῶ Εὔ [ξεινο Πόντο], окончательно решающий вопрос об уплате афинянам фороса многочисленными припонтийскими городами. Этот обломок был опубликован: Meritt Wade Gery and Mc. Gregor. The Athenian Tribute Lists, v. I. Cambridge, 1939, стр. 116.

[5] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 163 и сл.

[6] Там же, стр. 163.

[7] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор стр. 253—254, 389—393.

сказанное подводит нас к предположению: не является ли Аполлония более ранним наименованием Нимфея?

Попытаемся наметить, какой могла быть в основных чертах древнейшая история этого города. Начало обоснованию эллинов здесь было положено эмпорием Аполлонии, возникшим, как уже отмечалось, во второй половине VII в. до н. э., возможно, возле местного поселения. Около середины VI в. до н. э. эмпорий был сменен городом Аполлонией. Какая эллинская община была метрополией Аполлонии — с полной уверенностью сказать нельзя. Однако наименование ее, вероятно, в честь Аполлона Дидимейского, и особая активность милетских «вечных» мореходов — Ἀεινάυται в рассматриваемую эпоху делают наиболее возможным предположение, что метрополией Аполлонии был Милет. Этому не противоречит обилие самосской [1] керамики, обнаруженной в архаических слоях городища. Неоднократные находки самосских керамических изделий наблюдаются и в Пантикапее [2], основание которого милетянами [3] не вызывает сомнений.

Город Аполлония, имевший уже во второй половине VI в. до н. э. свои гончарные мастерские, в V в. до н. э. достиг значительного расцвета. На это указывают материалы курганного некрополя, а также и наличие чеканки серебряной монеты по образцу пантикапейской во второй и третьей четверти столетия. Возможно, уже в это время Афины были заинтересованы в Аполлонии. Об этом свидетельствует изданная В. В. Латышевым [4] посвятительная надпись: Ἀρι(ο)δίωι, найденная в Героевке. Посвящение героизированному в Аттике Гармодию, очевидно, не могло появиться на далеких берегах Боспора без активного участия афинян.

Дальнейшие события в истории Аполлонии, по всей вероятности, связаны с упоминаемой Плутархом [5] известной морской экспедицией Перикла в Понт, куда он отправился с большим, прекрасно снаряженным флотом. Когда произошло это событие — в точности нам неизвестно; очевидно в 40-х или 30-х годах V в. до н. э., вероятнее же — в начале 30-х годов [1]. Говоря о походе Перикла, Плутарх сообщает о вмешательстве афинян во внутренние дела Синопы и отправке туда шестисот афинских поселенцев. Повидимому, еще более решительно поступили в это время афиняне с другим городом на южном берегу Понта — Амисом (Ἀμισός на месте нынешнего Самсуна); превратив Амис в свою колонию, афиняне переименовали его в Пирей [2]. Должно быть, аналогичная или близкая участь постигла и боспорский город Аполлонию. Подчиненный Афинами, он был переименован в Нимфей и под новым именем, наряду с другими понтийскими городами, вынужденными вступить в Афинский союз, был включен в список плательщиков фороса. Подобно своей предшественнице — Аполлонии, Нимфей продолжал чеканить монету, отличающуюся небольшими номиналами [3]. Чеканка прекратилась в конце V в. до н. э. [4], что связано с включением Нимфея [5] в Боспорское государство после разгрома Афин в Пелопоннесской войне, когда распался возглавлявшийся ими морской союз.

Таковы доступные нам данные о боспорских эмпориях и городах в древнейшие времена их существования. Постараемся же подвести итоги собранным нами материалам.

Возникновение ионийских эмпориев на берегах Боспора Киммерийского относится еще ко второй половине VII в. до н. э. В это время появились эмпории Пантикапея и Аполлонии (будущего Нимфея).

Оба эмпория превратились в города: Пантикапей — в первой половине, а Аполлония — не позднее середины VI в. до н. э. В том же столетии возник ряд других боспорских городов и поселений: Дия-Тиритака и Киммерик — на европейском берегу, Фанагория, Гермонасса, Кепы и, вероятно, Корокондама и, возможно, Патрэй — на азиатском. Видимо, в это же время был эмпорий на месте Мирмикия, а в конце столетия — Синдской гавани.

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 175.
[2] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 185.
[3] Fr. Bilabel. Die Ionische Kolonisation, стр. 26—27.
[4] В. В. Латышев. Эпиграфические новости из южной России (находки 1901—1903 гг.). ИАК, вып. 10, стр. 25 и сл., № 20.
[5] Plut. Pericl., 20.

[1] Литературу о времени Понтийской экспедиции Перикла см.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 25, прим. 4.
[2] Strab., XII, 3, 14.
[3] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 163.
[4] Там же, стр. 163 и сл.
[5] Scol. Aesch. (Laurent.), III

В V и IV вв. до н. э. все перечисленные города продолжали существовать, только Аполлония была переименована в Нимфей. Эмпорий на месте Мирмикия к V в. до н. э. превратился в город, Китей [1] существовал, возможно, уже в V в. и во всяком случае в IV в. до н. э. Тирамба, по всей видимости, появилась в V в. до н. э., а Ахиллей [2] — не позднее IV в. до н. э. Киммерик, основанный «боспорскими тиранами» [3] на азиатском берегу, возник, вероятно, во времена ранних Спартокидов. В V—IV вв. до н. э. существовали и некоторые другие боспорские города или поселения, известные нам по более поздним источникам; однако мы не располагаем достаточно надежными данными, чтобы настаивать на этом предположении. В IV в. до н. э. уже существовал Патус, расположенный несколько южнее Гавани Синдов. Существование его в это время надежно засвидетельствовано периплом Псевдо-Скилака [4]. Вполне возможно, что Патус идентичен с Батой, упоминаемой Страбоном [5]. Патус, находившийся где-то около Новороссийска, до сего времени надежно не локализован. Еще труднее определить местонахождение Гаргазы, о которой говорит Диодор [6], описывая события конца IV в. до н. э.

Мы не располагаем ясными данными о времени возникновения Акры, известной нам по довольно поздним источникам [1]. Находка могилы III в. до н. э. на некрополе Акры [2] позволяет полагать, что городок возник не позднее этого времени.

Еще менее ясен для нас вопрос о Зефирии, который упоминается Плинием [3], или Абораке, известной нам по свидетельству Страбона [4].

Завершая обзор городов Боспора, остановимся еще на вопросе о метрополиях, посылавших своих переселенцев за обширный Понт. Это прежде всего Милет — метрополия Пантикапея [5], Феодосии [6], Кеп [7] и, нужно думать, Аполлонии; затем теосцы [8], основавшие Фанагорию. Сложнее решение вопроса о Гермонассе. Согласно свидетельству Арриана, сохраненному Евстафием [9], основателем Гермонассы был митиленец Семандр, который вывел в выселок (εἰς ἀποικίαν) некоторых эолян (τίνας τῶν Αἰολέων). Однако упорные свидетельства других источников [10] о том, что Гермонасса была ионийским городом, заставляют полагать, что в ее основании ионяне [11] приняли не меньшее, если не большее участие, чем эоляне [12].

---

[1] О существовании Китея в IV в. до н. э. неоспоримо свидетельствует перипл Псевдо-Скилака (Ps. Scyl., 68). Раскопки подтвердили данные перипла. В Китее были обнаружены находки IV в. до н. э. и один чернофигурный фрагмент V в. до н. э. (См. Ю. Ю. Марти. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китей, Акра. Известия Таврического о-ва истории, археологии и этнографии, т. III (59), стр. 119, 125; его же. Раскопки городища Китея в 1928 г. Симферополь, 1929, стр. 7—8].

[2] Об этом свидетельствует надгробная плита IV в. до н. э., найденная близ Тамани. Надпись восстанавливается как надгробная на могиле Исократа ахиллеита (Ю. Марти. Новые боспорские надгробия, приобретенные музеем Мелек-Чесменского кургана в 1907—1908 гг. ЗООИД, XXVIII, проток., стр. 11, № 1; С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 8 и сл., прим. 5). Разведками городища около косы Чушки в 1949 г. обнаружены материалы, по преимуществу датируемые первыми веками нашей эры; обломки керамики эллинистического времени встречались в незначительном количестве (Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичевка. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 230).

[3] Ps. Scymn., 896—899.

[4] Ps. Scyl., 72.

[5] Strab., XI, 2, 14.

[6] Diod., XX, 23.

[1] Strab., XI, 2, 8; Plin. N. H., IV, 86; Anon. peripl. Pont. Eux., 76; Steph. Byz. Ἄκρα.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 179.

[3] Plin. N. H., IV, 86.

[4] Strab., XI, 2, 10.

[5] Strab., VII, 44; Plin. N. H., IV, 87; Ammian., XXII, 8, 26.

[6] Arrian. Peripl. 30.

[7] Ps. Scymn., 899; Plin. N. H., VI, 18.

[8] Ps. Scymn., 886; Eustath. Comm. ad Dion., 549.

[9] Eustath. Comm. ad Dion., 549.

[10] Dion Perieg, 562; Steph. Byz. Ἑρμώνασσα; Eustath. Comm. ad Dion., 549.

[11] Большой интерес представляет находка в 1913 г. в станице Таманской обломка надписи, заключавшей каталог граждан. Этот эпиграфический документ, относящийся к IV в. до н. э., написан на ионийском диалекте (В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 году. ИАК, вып. 54, 1914, стр. 67 и сл., № 2).

[12] Вообще население городов, основанных греческими переселенцами на северных берегах Понта, не следует считать совершенно однородным. В этом отношении интересен чернолаковый обломок с надписью VI в. до н. э. из Ольвии. Дорийский диалект надписи указывает на наличие хотя бы немногочисленных дорян в ионийском городе (И. И. Толстой. Народное произношение в керамической эпиграфике Северного Причерноморья. Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. 1951, т. X, вып. 4, стр. 375, № 2; его же. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, стр. 12 и сл., № 10).

Затем следует упомянуть о клазоменцах. Плиний [1] сообщает, что Танаисом владели сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, а потом пантикапейцы. Видимо, клазоменцам не удалось прочно осесть в устье Дона. Клазоменцами предпринимались также попытки обосноваться и на азиатском Боспоре. Страбон [2] упоминает о сторожевых башнях (σκοπαί) клазоменцев на берегу Азовского моря. Эти краткие свидетельства письменных источников пополняются находками клазоменской керамики [1].

Наконец, отметим особую заинтересованность Афин в Нимфее [2], выразившуюся во включении города в Морской союз.

2. ХОЗЯЙСТВО БОСПОРА

Мы уже говорили о том, что проникновение греков и их предшественников — эгейцев на северные берега Понта примерно с XIII по VIII вв. до н. э. ограничивалось случайными заходами кораблей ради торговли и особенно грабежа. Около VII в. до н. э. развитие ремесленного производства и рост городов в эллинской метрополии вызвали необходимость усиленных поисков внешних рынков для сбыта излишков товаров и приобретения необходимого сырья, прежде всего — хлеба. К этому времени местные племена Северного Причерноморья достигли такого уровня развития, который позволял им участвовать в торговле с греками. Спорадические, по большей части пиратские экспедиции на Понт сменились постоянными торговыми связями ионийских купцов с местными племенами. Результатом было появление в Северном Причерноморье ряда эмпориев, развивавших оживленную деятельность в VII—VI вв. до н. э. Благодаря тесным экономическим связям греки смогли хорошо ознакомиться с природными богатствами северопонтийских стран: хлебородными полями, обширными пастбищами, обилием рыбы. В дальнейшем эти богатые края привлекли внимание той части населения метрополии, которая в силу экономических и социальных условий должна была переселяться со своей родины. Так, с первой половины VI в. до н. э. на местах северопонтийских, в том числе боспорских, эмпориев начали возникать города типа эллинских полисов.

Хозяйство боспорских городов уже в первые времена их существования было разносторонним. Оно не ограничивалось только торговлей, которую нередко считают единственной основой их экономики. Большую роль играли развитое ремесло, промыслы и сельское хозяйство.

Уже в VI в. до н. э. наблюдается наличие ремесла в боспорских городах. Гончарное ремесло, особенно полно засвидетельствовано находками в Нимфее [3] (или, как нам представляется, в Аполлонии). Там обнаружены относящиеся еще к VI в. до н. э. остатки гончарных печей, обломки глиняной посуды, представляющей производственный брак, а также формы для производства терракот.

Следует отметить находки в 1939 г. в Фанагории небольших скульптур из терракоты, относящихся к последней трети VI в. и началу V в. до н. э. и, по всей видимости, сделанных из местной глины [4].

До сего времени еще не удалось выявить фанагорийскую глиняную посуду того же времени. Однако найденные в Фанагории в 1940 г. кувшины [5], несомненно, местной работы, ибо все они являются производственным браком. Эти кувшины и другие им подобные датируются сравнительно поздним временем — концом V—IV вв. до н. э. Однако незамысловатая роспись сосудов в виде горизонтальных узких поясков, несомненно, следует традициям ионийской архаи-

[1] Plin. N. H., VI, 20.
[2] Strab., XI, 2, 4.

[1] N. Lossewa. Zwei Klasomenische Vasen. Arch. Anz., 1929, 1/2, стр. 43, 48.
[2] Harpocration. Νύμφαιον; Aesch. Ctes., 171; Schol. Aesch. (Laurent.), III.
[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 138; И. Б. Зеест. Рецензия на книгу В. Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья античной эпохи». ВДИ, 1949, № 1, стр. 136; Д. Белов. Хроника научно-исследовательской работы в области древней истории и археологии в университетах, педагогических институтах и музеях СССР (1950—1951). Античный отдел Государственного Эрмитажа. ВДИ, 1951, № 4, стр. 237 и сл.
[4] Местное производство этих терракот было установлено М. М. Кобылиной. См. В. Д. Блаватский. Некрополь Фанагории 1938—1940 гг. МИА, № 19, 1951, стр. 214 и сл., рис. 15, *4* и *5*.
[5] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 218 и сл., рис. 16, *5—7*.

ческой керамики. Это наводит на мысль, что начало производства подобных сосудов должно относиться, вероятно, к более ранним временам — еще концу VI в. или, может быть, началу V в. до н. э., хотя до нас и дошли сравнительно поздние образцы.

К VI в. до н. э. относится большой обломок кувшина с орнаментом в виде полос лака различной ширины, найденный в станице Таманской в 1926 г.[1] Светлая коричневато-желтоватая или сероватая глина с кварцевыми и белыми включениями, несколько напоминающая фанагорийскую, возможно, местного происхождения. Следовательно, можно предполагать производство расписной посуды в Гермонассе еще в VI в. до н. э.

Наличие производства простой тонкостенной керамики в Пантикапее в V—IV вв. до н. э. уже давно отмечалось в археологической литературе[2]. Раскопки 1949—1952 гг. показали, что производство расписной посуды, украшенной орнаментом в виде поясов лака, имело место в Пантикапее еще в VI в. до н. э.[3] Вероятно, что уже около середины VI в. до н. э. в Пантикапее изготовлялась посуда и с фигурной росписью[4].

Возможно, что гончарное ремесло существовало уже в VI в. до н. э. не только в больших городах Боспора, но и в малых. Во всяком случае в Дие-Тиритаке были найдены сосуды, датируемые этим временем, глина которых свидетельствует об их местном происхождении[5].

Помимо гончарного ремесла, на Боспоре в VI в. до н. э. получило развитие и ткачество. Об этом можно говорить на основании находок пряслица и гирек от ткацкого станка в Дие-Тиритаке[6]. Сырьем для текстильных изделий служила шерсть, в которой на Боспоре не могло быть недостатка. Вполне вероятно, что ткачество на Боспоре, так же как и в метрополии, было преимущественно домашним производством.

Менее ясен вопрос об обработке металлов на Боспоре в VI в. до н. э. Не подлежит сомнению, что еще в VI в. до н. э. в Ольвии[1] изготовлялись зеркала, обычно украшенные фигурками оленей и барсов или бараньими головами[2]. Такие зеркала обнаружены не только при раскопках названного города, но и далеко за его пределами в скифских могилах. Вряд ли в настоящее время имеются веские основания сомневаться в том, что замечательные произведения эллинской торевтики, найденные на нашем юге, были изготовлены в боспорских мастерских. Однако вопрос о том, к какому времени следует отнести зарождение боспорской торевтики, в сущности, не только не решен, но по-настоящему даже и не поставлен в археологической литературе. Между тем многое заставляет нас считать, что боспорских торевтов нет оснований связывать только с периодом замечательного расцвета этого мастерства на Боспоре в V в. и особенно в IV в. до н. э. Тесная связь чеканки пантикапейской монеты с боспорской торевтикой вряд ли может оспариваться. Именно эта связь является едва ли не главным доказательством боспорского происхождения различных изделий ювелирного мастерства нашего юга. Между тем чеканка пантикапейского серебра началась уже около середины VI в. до н. э.[3]

Особый интерес представляет вопрос о месте производства серебряного позолоченного зеркала с фигурными изображениями, происходящего из Келермесского кургана[4]. Судя по характеру изображений, зеркало было исполнено примерно в середине VI в. до н. э. греческим мастером, вероятно, следовавшим ионийским традициям. Однако вряд ли возможно объяснить все особенности этого замечательного произведения, обра-

---

[1] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Уч. зап. Мос. гос. пед. инст., т. XIII, вып. 2, 1949, стр. 46 и сл., рис. 96.

[2] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 146 и сл., 153 и сл.

[3] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (в 1949 г.). КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 221.

[4] Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, стр. 230.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 192.

[6] Там же, стр. 192.

[1] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, стр. 27.

[2] Следует отметить также очень раннее (на грани VI и V вв. до н. э.) появление в Ольвии медной монеты (А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 121 и сл.).

[3] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 164. Возможно, что в довольно раннее время появилась и древнейшая монета Фанагории (E. Minns. Scythians and Greeks, табл. IX, № 11).

[4] Н. Макаренко. Художественные сокровища Эрмитажа. СПб., 1914, стр. 53 и сл., рис. 20.

щаясь только к образцам, созданным греческим искусством Малой Азии. Уже отмечено [1], что ряд мотивов, украшающих келермесское зеркало, нельзя признать греческим [2]; это изображения медведя, льва на фоне дерева или борьбы людей с грифами. Другие элементы имеют ближайшие аналогии в скифской торевтике. Таковы фигуры барана с поджатыми ногами и животного, находящегося под парой сфинксов, расположенных в геральдической схеме. Наличие этих элементов, наряду, вероятно, с местной формой зеркала, наводит нас на мысль о том, что келермесское зеркало исполнено греческим мастером, работавшим уже не в Малой Азии, а переселившимся на Боспор. Работая по заказам знати прикубанских племен, он сочетал традиции восточнопреческого искусства, в которых был воспитан, с некоторыми отдельными мотивами, навеянными торевтикой местных обитателей Северного Причерноморья. Келермесское зеркало может датироваться временем около середины VI в. до н. э., т. е. не ранее возникновения Пантикапея (первая половина VI в. до н. э.) и, вероятно, Гермонассы.

Так или иначе, художественная обработка металла в VI в. до н. э., хотя бы на примере пантикапейской серебряной чеканки, не подлежит сомнению. Трудно, однако, допустить, что в рассматриваемый период металлургия Пантикапея ограничивалась только изготовлением изделий из драгоценных металлов, не обслуживая более насущных и повседневных потребностей, особенно связанных с кузнечным ремеслом [3]. Следует отметить, что с возникновением и ростом новых городов на Боспоре должно было быть связано значительное развитие строительного дела, каменотесного и плотницкого.

О существовании перечисленных ремесл можно говорить на основании довольно ограниченного еще материала VI в. до н. э., которым мы располагаем в настоящее время. Но можно не сомневаться в том, что, после надлежащих раскопок древнейших слоев боспорских городов, данные по истории ремесл на Боспоре значительно пополнятся, и будет установлено существование других производств (кузнечного, кожевенного, столярного и т. п.).

Помимо торговли и ремесла, в число занятий населения боспорских городов в начальные времена их существования входили также рыбная ловля и сельское хозяйство.

О наличии рыбной ловли в городах Боспора свидетельствуют находки рыбьих костей, которые встречаются при раскопках городищ, начиная с ранних напластований. При раскопках Фанагории в 1939—1940 гг. обнаружено значительное количество костей домашних животных, в том числе и крупного рогатого скота. Найдены они в ранних напластованиях, VI в. до н. э. и др. Конечно, эти находки не дают основания для категорического утверждения, что жители боспорских городов еще в VI—V вв. до н. э. занимались скотоводством. Скот мог приобретаться у местных племен. Однако, повидимому, уже в это время наметился различный состав стада в античных городах Причерноморья и в скифских городищах. Во-первых, большую роль играл рогатый скот, во-вторых,— лошади. Это позволяет предполагать существование скотоводства на Боспоре, которое, по всей видимости, зародилось в раннее время.

Боспорское скотоводство давало не только пищевые продукты, но и кожи, шерсть для ткачества и упряжный скот — быков. Наряду со скотоводством, вероятно, столь же рано появилось на Боспоре также и земледелие. Письменные источники [1] свидетельствуют

[1] H. Payne. Necrocorinthia. A study of Corinthian art in the Archaic period. Oxford, 1931, стр. 231, прим. 2.

[2] Отметим, что широко известная майкопская ваза (Б. В. Фармаковский. Архаический период в России, табл. XXV, *4—6*, XXVI и XXVII, 2), значительно более ранняя и в целом очень отличающаяся от келермесского зеркала, имеет какие-то черты сходства в изображении некоторых деталей, а именно деревьев и медведя, представленного на горле вазы, причем эти детали относятся к части украшений вазы, являющихся наиболее оригинальными и своеобразными (Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 59, 69, 73—76).

[3] Вопрос о боспорской металлургии в VI в. до н. э. окончательно был решен раскопками Пантикапея летом 1953 г. На северном склоне Митридатовой горы обнаружены относящиеся ко второй половине VI в. до н. э. развалины дома, среди которых найдены куски металлического шлака и литейная форма из камня для изготовления ювелирных изделий. Там же открыты остатки печи; форма и размеры их допускают предположение, что эта печь была литейной.

На другом раскопе, на северо-восточном склоне Митридатовой горы в слое VI в. до н. э. обнаружена тщательно отесанная плита, очевидно, служившая каменщикам для работы «по-красному». Эта находка показывает высокий уровень каменотесного дела в Пантикапее уже в первые десятилетия существования города.

[1] Thucyd., II, 5, 4; Xenophont. Oecon., XII, 2 и сл.

с том, что жители городов греческой метрополии нередко в той или иной форме были связаны с земледелием. Вполне возможно, что аналогичные явления имели место и на Боспоре. Развитию земледелия здесь должно было содействовать плодородие земли, засвидетельствованное античными авторами [1]. Нужно думать, что среди греческих переселенцев было немало и крестьян. Обосновываясь на новых, плодородных землях, они продолжали заниматься своим прежним делом. Во всяком случае, едва ли можно считать случайной на Боспоре большую роль культа Деметры с древнейших времен существования античных городов. Популярность культа богини хлебопашества подтверждается относящимся к VI в. до н. э. святилищем ее в Нимфее (Аполлонии), находками там же многочисленных терракотовых фигурок [2], а также терракотовыми изображениями Деметры, или Коры, относящимися к концу VI в.— началу V в. до н. э. и найденными в Фанагории в 1938—1939 гг. [3] Большое количество восходящих к довольно раннему времени терракотовых протом обнаружено в Дие-Тиритаке [4]. Эти изображения, связанные с культом Деметры, представляют собой сравнительно недорогие предметы, приобретавшиеся и посвящавшиеся богине широкими слоями свободного населения боспорских городов. О значительном спросе на подобные фигурки свидетельствует появление местного производства их, о чем уже говорилось выше. Если бы все эти изображения происходили из могил боспорских некрополей, можно было бы колебаться, с каким аспектом Деметры,— богини хлебопашества и вместе с тем заупокойного культа,— они связаны. Однако изображения встречаются не в могилах, они происходят из святилищ, городищ, свалок и т. п. Это приводит нас к мысли о большой роли на Боспоре культа Деметры именно как богини хлебопашества уже в VI в. до н. э., т. е. со времени возникновения городов.

Значительно сложнее установить факт существования других отраслей сельского хозяйства Боспора в рассматриваемую эпоху. Можно лишь предполагать, что виноградарство и связанное с ним виноделие, получившие развитие с IV—III вв. до н. э., в начальную эпоху на Боспоре еще не привились. Во всяком случае, согласно античным сведениям [1], в Скифии не было виноградных лоз. Внедрение новой сельскохозяйственной культуры на Боспоре — в местности с иными климатическими условиями, чем побережье Эгейского моря, должно было потребовать известного времени. Находка в Мирмикии, в слое V в. до н. э., семян винограда [2] позволяет предполагать, что виноградарство начало прививаться на Боспоре примерно в это время. Обнаруженные там же косточки алычи [3] указывают на то, что эта разновидность сливы разводилась на Боспоре еще в V в. до н. э. Согласно свидетельству Феофраста [4], в его время на Боспоре успешно произрастал ряд фруктовых деревьев: смоковницы, гранаты, груши и яблоки. Находка в Мирмикии указывает на наличие садоводства на Боспоре в V в. до н. э., а наименование города Кеп (Сады) позволяет думать, что эта отрасль сельского хозяйства существовала на Азиатском Боспоре еще в VI в. до н. э.

Письменные источники и археологические материалы, которые могли бы охарактеризовать торговлю эллинских купцов и местных племен Северо-восточного Причерноморья в древнейшую эпоху, крайне скудны. Это относится не только к концу VII в.— началу VI в. до н. э., периоду эмпориев, но и к первому периоду существования боспорских городов, т. е. VI в.— началу V в. до н. э.

О греческих товарах, которые проходили через боспорские эмпории в последних десятилетиях VII в. и первых десятилетиях VI в. до н. э., мы можем судить только по археологическим находкам. К этому времени относятся единичные образцы родосской керамики, обнаруженные в местных погребениях на Темир-горе [5] и около Цукурского лимана [6]. Следует отметить также образцы родос-

[1] Demosth. ad Lept., 31; Strab., VII, 4. *4*.
[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 174 и сл.
[3] В. Д. Блаватский. Некрополь Фанагории 1938—1940 гг. МИА, № 19, стр. 191, 193, рис. 4, *1* и *2*; стр. 214 и сл., рис. 15, *4* и *5*.
[4] Ю. Ю. Марти. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, № 4, стр. 26 и сл.

[1] Schol. Aristot. Ὕστερα ἀναλύτικα, SC, I, стр. 384.
[2] К. Фляксбергер. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю. КСИИМК, VIII, стр. 118.
[3] К. Фляксбергер. Ук. соч., стр. 118.
[4] Theoph. de plant., IV, 5, 3.
[5] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 16—17, рис. 4.
[6] Е. О. Прушевская. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полу-

ской и самосской [1] керамики конца VII в. и начала VI в. до н. э., которая проникла через Киммерийский Боспор далее на север, в бассейн Дона. Малочисленность этих находок, представляющих высококачественные изделия греческих гончарных мастерских, вряд ли следует объяснять только недостаточным археологическим исследованием. Во всяком случае заслуживает внимания то, что в рассматриваемую эпоху и в Северо-западном Причерноморье [2] нам известна только греческая художественная керамика.

Значительно обильнее археологические находки, относящиеся ко второй и последней трети VI в., а также к началу V в. до н. э. Судя по ним, в этот период через греческие города и эмпории проникали к местным обитателям Северного Причерноморья не только расписные сосуды [3], но также различные бронзовые изделия [4] и вино [5].

Письменные источники, которые могли бы существенным образом пополнить наши сведения о греческом ввозе в Северное Причерноморье в архаическую эпоху, к сожалению, относятся к значительно более позднему времени.

Таково интересное свидетельство Ксенофонта, который в своем Анабазисе [6] сообщает сведения о фракийцах, грабивших около Салмидесса греческие корабли, севшие на мель. Ксенофонт перечисляет следующие товары, которые становятся добычей фракийцев: ложа (κλῖναι), ларцы (κιβώτια), книги (βίβλοι γεγραμμέναι) и все то, что корабельщики перевозят в деревянных ящиках (τἆλλα πολλὰ ὅσα ἐν ξυλίνοις τεύχεσι ναύκληροι ἄγουσιν). Не приходится говорить о том, что остатки подобных изделий лишь в крайне редких случаях могут быть обнаружены археологами.

Очень важное указание дает Полибий [1] о том, что прилегающие к Понту страны получают из греческой метрополии оливковое масло, вино различного рода (а в некоторых случаях и хлеб). Наконец, отметим сообщение Страбона [2] о торговле в Танаисе приезжих купцов с европейскими и азиатскими кочевниками, причем предметами ввоза были одежда или, точнее, текстильные изделия (ἐσθῆτα), вино и предметы, свойственные культурному образу жизни (τἆλλα ὅσα τῆς ἡμέρου διαίτης οἰκεῖα).

Приведенными сведениями нужно пользоваться с большой осторожностью не только потому, что они относятся к более поздним временам, но еще и потому, что, говоря о ввозе в припонтийские страны, Ксенофонт и Полибий давали общую характеристику ввоза, не уточняя, к какой части побережья она относится, а главное, что́ могло потребляться греческими городами на Понте, а что́ — местными племенами. Только в самом позднем из этих свидетельств — Страбона — определенно говорится о торговле с местными и притом кочевыми обитателями бассейна Дона. Вряд ли можно сомневаться в том, что упоминаемые Ксенофонтом книги, греческая мебель, а Полибием — оливковое масло, характерное для эллинского быта, предназначались для самих греческих городов и лишь в небольшой мере для эллинизированной части местной знати. Иное дело — такие товары, как вино, художественная посуда, металлическая утварь и оружие, ювелирные изделия, одежда и ковры, которые доставлялись в понтийские города не только для обитавших там греков, но и в значительной мере для обмена с местными племенами.

Если для установления предметов греческого ввоза в Северное Причерноморье существенную помощь оказывает археология, то значительно хуже обстоит дело с выяснением вывоза из припонтийских стран в метрополию. Для решения этого вопроса мы располагаем только письменными источниками и по большей части довольно поздними.

Важнейшим среди них является свидетельство Геродота [3], который сообщает, что во время пребывания Ксеркса в Абидосе (т. е. в 480 г. до н. э.) через Геллеспонт проходили греческие корабли, груженные хлебом, на-

---

остров. ИАК, вып. 63, стр. 31 и сл.; С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Известия ОГН, 1930, № 10, стр. 799 и сл., прим. 1.

[1] Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 97.

[2] Б. В. Фармаковский. Архаический период в России. МАР, вып. 34, стр. 29 и сл.

[3] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 8; Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 30 и сл.; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 317, 319.

[4] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 32.

[5] Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 8; Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 31 и сл., рис. 4—6; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 285.

[6] Xenoph. Anab., VII, 5, 12.

[1] Polyb., IV, 38, 5.

[2] Strab., XI, 2, 3.

[3] Herod., VII, 147.

правляясь из Понта на Эгину и в Пелопоннес. С этим — единственным ранним — совершенно четким указанием о доставке хлеба из Понта в метрополию можно сопоставить значительно менее ясные данные о ранней хлебной торговле, возможно, еще в конце VII в.— начале VI в. до н. э., которая нашла отражение [1] в ежегодном обычае приношения даров гипербореев в храм Аполлона на Делосе.

О вывозе хлеба с Понта в последних десятилетиях V в. до н. э. говорит Фукидид [2], а о ввозе с IV в. до н. э. боспорского хлеба в Афины — Исократ [3] и Демосфен [4].

К более позднему времени, когда статья вывоза из припонтийских стран уже могли испытать значительные изменения, относится сообщение Полибия [5] о том, что прилегающие к Понту страны доставляют из предметов первой необходимости скот и огромное количество бесспорно превосходных рабов, а из предметов роскоши — в изобилии мед, воск и соленую рыбу. Кроме того, Полибий [6] говорит, что хлеб иногда привозится из припонтийских стран, иногда же, напротив, доставляется туда.

Остановимся на вопросе о работорговле. Свидетельство Полибия отражает положение, бывшее примерно во второй половине II в. до н. э. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что припонтийские страны были поставщиками рабов в Восточное Средиземноморье в более раннее время. Нам неизвестны прямые указания об этом в VII в. до н. э., но о рабах с Понта в VI в. до н. э. имеется ряд данных — наличие в Аттике, видимо, рабских имен Колх [7] и Скиф [8], известных нам по надписям на вазах. Нельзя не упомянуть также указание Ктесия [9] об экспедиции, предпринятой по приказу Дария каппадокийским сатрапом Ариарамном. Отправившись в Европу с тридцатью пентеконтерами, Ариарамн захватил там в плен, т. е. в рабство, скифов. Несколько обильнее данные о рабах из Скифии в V в. до н. э. [1] Уже после победы над персами при Саламине афиняне купили триста скифов-лучников.

Примерно к началу VI в. до н. э. [2] в самом греческом обществе метрополии внутреннее закабаление стало прекращаться, что должно было усилить потребность в покупке рабов в чужих странах. Эта потребность и необходимость снабжения рабами метрополии должны были способствовать дальнейшему росту эллинской колонизации. Наличие войн между местными племенами — борьба киммерийцев со скифами [3], войны между скифами и «потомками рабов» [4], походы скифов в Синдику [5] — не оставляют сомнений в том, что Северное Причерноморье могло снабжать рабами греческих купцов уже и в рассматриваемую эпоху [6].

Менее ясно обстоит дело с товарами, которые Полибий [7] относит к предметам роскоши (мед, воск, соленая рыба). Нам трудно сказать, когда начался вывоз из припонтийских стран меда и воска. Что же касается соленой рыбы, то, очевидно, во времена Полибия ее вывозили с Понта в очень ограниченном количестве, судя по тому, что знаменитый историк отнес рыбу к предметам роскоши. Когда начала поступать боспорская соленая рыба в метрополию, с точностью сказать трудно; по всей видимости,— уже в IV в. до н. э. Афиней [8] сохранил нам сведения Архестрата (восходящие ко второй половине IV в. до н. э.) о боспорской соленой рыбе, что, видимо, указывает на вывоз ее в метрополию. Изображение осетра, наряду с хлебным колосом, на пантикапейских монетах IV в. до н. э., вероятно, также свидетельствует об известной роли торговли дорогими

---

[1] Б. И. Надэль. Рецензия на книгу А. А. Иессена «Греческая колонизация Северного Причерноморья». ВДИ, 1948, № 3, стр. 122 и сл.
[2] Thucyd., III, 2, 2.
[3] Isocr. Trapez., 4.
[4] Demosth. adv. Lept., 32.
[5] Polyb., IV, 38, 4.
[6] Polyb., IV, 38, 5.
[7] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. Leipzig, 1923, I, стр. 271.
[8] E. Pfuhl. Ук. соч., I, стр. 419 и сл.
[9] Ctes. Pers., 16.

[1] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 290 и сл.
[2] Arist. Athen. pol., VI, 1; Plut. Sol., 13.
[3] Strab., XI, 2, 5.
[4] Herod., IV, 1—4.
[5] Herod., IV, 28.
[6] Факт доставки рабов с Понта в метрополию в VI—V вв. до н. э. не вызывает сомнений. Однако не следует забывать, что в Греции в это время, вероятно, преобладали рабы фракийского и малоазийского происхождения, а отнюдь не северочерноморского (Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 232 и сл.).
[7] Polyb., IV, 38, 4.
[8] Athen. Deipn., VII, 21.

сортами рыбы в хозяйстве Боспора в IV в. до н. э. Страбон [1], говоря о торговле с обитателями бассейна Дона, сообщает, что оттуда вывозились рабы, кожи или шкуры (δέρματα) и другие товары кочевников. Вполне вероятно, что вывоз скота из припонтийских стран также имел место уже в раннее время. Во всяком случае обилие скота при кочевом скотоводстве в северочерноморских степях делало это вполне возможным.

Таким образом, можно предполагать, что в эпоху эмпориев и первое время существования городов из Северного Причерноморья вывозились в метрополию хлеб, скот, кожи и, возможно, другие виды сырья. Также нужно думать, уже в этот период из Северного Причерноморья поставлялись и рабы.

Итак, установление основных статей хозяйства городов Боспора в VI в.— начале V в. до н. э. связано со значительными трудностями. С неменьшими затруднениями сопряжено выяснение системы организации хозяйства. В письменных источниках об этом сведений нет, а археологические материалы крайне недостаточны. Однако все же возможны некоторые предположения.

Характерной особенностью монет, чеканенных в VI в. и особенно в V в. до н. э. в Пантикапее, является обилие мелких номиналов [2]: гемиоболов, тетартемориев, гемитетартемориев. Раскопками в Фанагории в 1940 г. и в Пантикапее в 1949 г. установлено, что в обоих городах изготовлялись небольшие клейменые ойнохои, видимо представлявшие собой мерные сосуды. Наши предположения о том, что ойнохои из Фанагории и Пантикапея являются мерными сосудами, подтверждаются любопытной находкой в Ольвии, где в 1940 г. найден близкий по типу кувшинчик, ныне хранящийся в Киевском историческом музее. На плечах этого сосуда есть клеймо; большая часть его оттиснута крайне нечетко, однако верхние две строчки читаются довольно ясно: АГОРА / NOMOY· Таким образом, не подлежит сомнению, что выпуск сосудов контролировался государством. На простой тонкостенной керамике подобных клейм обычно нет, поэтому контролю, вероятно, подлежало не количество изделий, а их объем.

Сосуды эти начали выпускаться, возможно, уже в последних десятилетиях V в. до н. э. и, судя по преобладавшим эмблемам (канфар, голова Силена), употреблялись при продаже вина. Отмеченное наличие большого количества мелких денег и небольших по объему мерных сосудов, вызванное потребностями боспорского рынка, очевидно, указывает на сильно развитый мелкий внутренний обмен. Последнее заставляет считать, что в раннюю эпоху в городах Боспора было большое количество мелких потребителей, которые вместе с тем были и мелкими производителями. Нужно думать, что в основной массе жители занимались ремеслом, а отчасти — рыбным промыслом и сельским хозяйством. Несомненно, что мелкие производители не только работали сами, но и широко использовали труд принадлежавших им рабов. Наряду с многочисленными мелкими рабовладельцами в боспорских городах, очевидно, существовала располагавшая большим числом рабов более состоятельная знать ионийского и, вероятно, эолийского происхождения. В руках знати находилась торговля с местными племенами и с метрополией.

Вопрос о том, как сформировалось рабовладельческое хозяйство боспорских городов, во многом представляется нам неясным. Для Боспора вряд ли приложимы аналогии, известные для таких, по преимуществу аграрных колоний, как Византий или Гераклея, где местное земледельческое население было подчинено силой дорийскими пришельцами [1]. Ионийские и, в частности, милетские колонии были торгово-ремесленными поселениями, что отнюдь не исключало и развития земледелия. Мы не располагаем какими-либо данными о насильственном подчинении ионийскими пришельцами территорий и их обитателей на Керченском полуострове или на Тамани. Страбон [2] говорит только о вытеснении скифов эллинами, основавшими Пантикапей и другие города на Боспоре. Едва ли можно сомневаться в том, что знаменитый географ имеет в виду только лишь урочища, занятые античными городами, и ближайшие их окрестности, а не прилежащие обширные территории. Также и упоминаемое Афинеем [3] свидетельство Эфора о том, что милетяне, пока не предались роскоши, побеждали скифов и «заселяли славными городами»

[1] Strab., XI, 2, 3.
[2] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 164.

[1] В. Д. Блаватский. Северопонтийские города в конце II—I вв. до н. э. Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1949, № 7, стр. 63.
[2] Strab., XI, 2, 5.
[3] Athen. Deipn., XII, 26.

Понт Евксинский, не дает оснований делать выводы о подчинении ионийскими пришельцами в сколько-нибудь значительном числе местных земледельческих племен.

Нам представляется, что рабовладельческое хозяйство боспорских городов, вероятнее всего, возникало в VI в. до н. э. не путем подчинения и порабощения больших местных общин. Рабы, работавшие в эргастериях и на полях, в основной массе, очевидно, были покупными, приобретенными путем обмена у скифов, меотов или иных местных обитателей. Несомненно, встречались и рабы-военнопленные, но вряд ли они могли составлять большинство [1].

Таким образом, мы приходим к выводу, что на Боспоре в VI в. и в первых десятилетиях V в. до н. э. применялся труд рабов (преимущественно покупных), наряду с которым известную роль играл также и труд многочисленного свободного населения; последнее имело немалое значение в рассматриваемое время и в ряде государств греческой метрополии, например, в Аттике. В силу того, что выселялось из метрополии по преимуществу несостоятельное население, можно полагать, что свободный труд в городах Боспора, в первые времена их существования, играл несколько бóльшую роль, чем в метрополии. Наличие большого числа свободного населения с очень скромным достатком на Боспоре в VI—V вв. до н. э. хорошо засвидетельствовано отмечавшимся выше обилием мелких номиналов серебряных монет пантикапейской чеканки.

Сказанное о положении производителей на Боспоре относится лишь к начальному периоду, т. е. ко времени, предшествовавшему правлению Спартокидов. В IV в. до н. э., после расширения Боспорского государства и включения в него ряда местных племен синдов, торетов, дандариев, псесов и других, характер рабочей силы, применявшейся особенно в сельском хозяйстве, должен был испытать существенные изменения.

В науке существует мнение, что развитие ремесла имело место в античной периферии с IV в. до н. э. В настоящей работе мы не предполагаем особо останавливаться на вопросах, связанных со Средиземноморьем, и отметим лишь, что в городах Боспора начало этого процесса относится к более раннему времени. Это раннее развитие ремесла и других сторон экономической жизни [1] Боспора было прочной основой его благосостояния, политической силы и самостоятельности. Боспор оказался достаточно сильным, чтобы противостоять Афинам в период их могущества, и вместе с тем быстрый темп общественного развития Боспора позволил ему в некоторых отношениях обогнать греческие города метрополии.

Ряд фактов, относящихся к различным сторонам античной культуры, показывает, что греческие колонии во многих случаях опережали метрополии [2]. Упомянем хотя бы так называемую Гипподамову систему регулярной планировки в градостроительстве. Первым из городов на побережье Эгейского моря, в котором она получила применение, был Милет; ею воспользовались при восстановлении города, освобожденного от персов в 479 г. до н. э. Между тем раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии показали применение этой системы еще в конце VI в. до н. э. В военном деле мы наблюдаем сходную картину. Так, во время войн в Малой Азии еще в начале IV в. до н. э. начали вырабатываться новые тактические приемы, получившие применение в Греции (на Балканском полуострове) лишь во время бэотийской гегемонии и особенно господства Македонии. Наконец, следует отметить очень раннее — еще в первой половине IV в. до н. э. — появление в государственности, культуре и искусстве Боспора тех форм, которые возникают в метрополии лишь в период эллинизма. Это явление теснейшим образом связано со своеобразием исторического пути развития Боспорского государства, объединившего греческие города с местными племенами.

[1] Нужно отметить еще один источник рабства — пиратство. Этому вопросу мы предполагаем посвятить особую работу.

[1] Экономическому подъему Боспора, как и некоторых других колоний (например, Сицилии), должны были способствовать их природные богатства, превосходившие во многом некоторые области метрополии. Это было весьма важно в условиях крайне экстенсивного использования природных ресурсов, свойственного хозяйству при рабовладельческой системе. Другой причиной, способствовавшей подъему Боспора и других центров эллинской периферии, было то, что они находились гораздо ближе к основным источникам снабжения рабами, чем государства метрополии. Ибо после того как в VI в. до н. э. в Греции в основном иссяк внутренний источник рабства, главную роль в этом отношении стали играть «варварские» страны.

[2] В. Д. Блаватский. Античная культура в Северном Причерноморье. КСИИМК, XXXV, 1950, стр. 34, 36—38.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о возникновении Боспорского государства и о первых этапах его развития во многом еще представляется неясным. Письменные источники освещают его с досадной краткостью, археологические — способствуют лишь в очень ограниченной мере его решению. В сущности, точно засвидетельствовано только время возникновения власти Археанактидов и смены их Спартокидами. Причины и обстоятельства, при которых произошло объединение боспорских городов, первоначальные границы Боспорского государства, границы его во времена перехода власти к Спартоку, что́ вызвало этот переход и как он происходил, кто был основатель новой династии Спартокидов — все это остается нам неизвестным, и мы можем только высказывать более или менее правдоподобные предположения.

Остановимся на вопросе о том, какие города вошли в государство Археанактидов. Выше мы уже говорили, что к концу VI в. до н. э. на европейском берегу Боспора существовали Пантикапей, Дия-Тиритака, Аполлония (Нимфей), Киммерик и, вероятно, тогда же возник и Мирмикий. На азиатском берегу Боспора в ту же эпоху нам известны Фанагория, Гермонасса, Кепы, по всей вероятности, Корокондама и, возможно, Патрэй. Населенные пункты на азиатском берегу, очевидно, вошли в Боспорское государство с начала его возникновения. То же нужно сказать о Пантикапее, Дие-Тиритаке и Мирмикии. Что касается Аполлонии (Нимфея), то вопрос пока остается открытым и, кажется, легче объяснить захват Аполлонии афинянами, (и включение Нимфея в Морской союз), если этот город не входил[1] в Боспорское государство. В последнем случае южная половина западного побережья пролива и прилегающая часть черноморского берега с находившимся там Киммериком не должны были принадлежать к государству Археанактидов. Тогда вполне возможно, что европейскую часть Боспорского государства, при его возникновении, ограничивал древний вал, отсекающий северо-восточный угол Керченского полуострова. Однако до надлежащего археологического исследования Азовского побережья этой части Крыма говорить об этом с уверенностью невозможно.

Мы уже отмечали, что имеющиеся данные о других городах как европейского, так и азиатского Боспора не позволяют пока относить их возникновение к эпохе, предшествовавшей Археанактидам, в силу чего надежнее не считать их входившими в Боспорское государство.

Таким образом, можно думать, что государство Археанактидов, во время его возникновения, состояло из следующих населенных пунктов: на европейском берегу: 1) большой город Пантикапей, 2) два небольших города — Дия-Тиритака и Мирмикий (и, возможно, третий город — Аполлония); на азиатском берегу: 3) два уступавших Пантикапею, но довольно значительных города, Гермонасса и Фанагория, 4) три небольших населенных пункта — Кепы, Корокондама и Патрэй.

Если же исходить из такого представления о государстве Археанактидов, то придется признать, что хотя на западном берегу пролива и находился наиболее значительный город — Пантикапей, однако на восточном берегу городов было больше, и города азиатского Боспора, взятые вместе, не только не уступали по значению городам европейского Боспора, но, скорее, даже превосходили их[1]. Вероятно, это обстоятельство и было причиной того, что, говоря о правлении Археанактидов на Боспоре, Диодор рассматривал его как событие, относящееся к истории Азии:

[1] Однако в этом не может быть безусловной уверенности, особенно если принять очень вероятное предположение о чеканке монет для Мирмикия на монетном дворе Аполлонии (Д. Б. Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмикия. ВДИ, 1949, № 1, стр. 143 и сл.). Ведь если Пантикапей, чеканивший монету для Мирмикия, входил с ним в одно государственное объединение, то вполне допустимо, что и Аполлония, находившаяся в аналогичных экономических отношениях с Мирмикием, могла также принадлежать к боспорскому объединению городов. Во всяком случае, хорошо оснащенный афинский флот Перикла был достаточной силой, чтобы оторгнуть этот город от Боспора до того времени, когда поражение афинян в Пелопоннесской войне позволило Боспорскому государству захватить Нимфей в свои руки.

[1] В связи с вопросом о роли греческих поселений на восточном и западном берегах Керченского пролива следует указать, что археологические работы 1950—1952 гг. выявили значительную активность эллинских переселенцев в азиатской части Боспора. Для поселений северо-западной части Синдики уже с конца VI в. до н. э. характерно значительное проникновение керамики, привозившейся из метрополии.

κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιαναχτίδαι[1].

С вопросом о том, какая из частей Боспорского государства во время его возникновения — восточная или западная — была сильнее, тесно связан вопрос и о происхождении Археанактидов. Отсутствие надежных данных не позволяет нам утверждать что-либо категорически. В последнее время установилось мнение, что Археанактиды происходили из милетского знатного рода, участвовавшего в основании Пантикапея. Такое предположение вполне допустимо; Пантикапей был самым значительным городом на Боспоре; основателями Пантикапея были милетяне, а в милетских эпиграфических документах VI в. н. э. засвидетельствовано имя Археанакта. Однако ничем, кроме общих соображений, подкрепить эту гипотезу нельзя. С. А. Жебелев[2] пытался обосновать ее следующим образом: Некий Кизик (Κυζικῆς), сын Археанакта, упоминается в одной из милетских надписей, как эсимнет Милета в 516—515 гг. до н. э. Отец Кизика Археанакт, согласно С. А. Жебелеву, в 40-х годах VI в. до н. э. основал Пантикапей и положил начало роду Археанактидов. С таким построением нельзя согласиться. Прежде всего Пантикапей стал городом не в 40-х годах VI в. до н. э., а значительно раньше, и ойкист его вряд ли мог быть отцом милетского эсимнета 516—515 гг. до н. э. Кроме того, весьма странным представляется, что Археанактид Кизик, сын пантикапейского ойкиста, оказывается настолько тесно связанным с Милетом, что является там одним из высших магистратов. Таким образом, попытку С. А. Жебелева доказать милетское происхождение Археанактидов нельзя признать удавшейся. Предположение о том, что Археанактиды — знатный пантикапейский род милетского происхождения, вполне возможно, но оно является не более чем предположением.

Вместе с тем, с равным, если даже не с бо́льшим правом, может быть выдвинута и другая, давно высказывавшаяся гипотеза о том, что Археанактиды происходят из митиленского знатного рода, переселившегося в Гермонассу. Имя Археанакт хорошо засвидетельствовано в Митилене. Согласно словам Страбона[1], митиленянин Археанакт сооружал укрепления Сигея примерно в начале VI в. до н. э. Свидетельство Арриана, сохраненное нам Евстафием[2], говорит о том, что Гермонасса была основана митиленянином Семандром, который вывел некоторых эолян в колонию и умер при ее основании.

Эта гипотеза с некоторой долей вероятности может быть подкреплена и археологическим материалом. Гермонассой, вернее всего, следует считать городище, находящееся у станицы Таманской. Археологические материалы городища и прилежащего некрополя позволяют заключить, что расцвет Гермонассы приходился на VI—V вв. до н. э. и, очевидно, предшествовал времени наибольшего расцвета Пантикапея. На это указывают находки монет[3], в огромном большинстве относящихся к VI—V вв. до н. э., а также иных археологических материалов[4], и, наконец, преобладание ранних могил (VI—III вв. до н. э.) в прилежащих[5] некрополях.

Весьма существенны также результаты трехлетних работ (1950—1952 гг.) в северо-западной части Синдики[6]. Они показали тесные экономические связи этой сельскохозяйственной территории с эллинским миром в VI—V вв. до н. э., т. е. до включения синдов в состав Боспорского государства. Это явление может быть объяснено лишь как результат очень активной торговой

[1] Diod., XII, 31, 1. Следует отметить, что, говоря о событиях в государстве Спартокидов IV в. до н. э., когда оно значительно расширилось на запад (и на восток), Диодор отмечает: κατὰ δὲ τὸν Πόντον (Diod., XVI, 31, 6).

[2] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Известия ОГН, 1930, № 10, стр. 817 и сл.

[1] Strab., XIII, I, 38.

[2] Eustath. Comm. ad. Dion., 549.

[3] К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 44 и сл.; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 281 и сл.

[4] Т. Н. Книпович в своей статье «К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э.» (Известия ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 104, прим. 1), говоря о находках на городище в станице Таманской, отмечает, что ранние находки встречаются в большом числе, но они не могут быть отнесены ко времени ранее середины VI в. до н. э.

[5] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 141.

[6] В. Д. Блаватский. Синдская археологическая экспедиция 1951 г. Вестник АН СССР, 1951, № 10, стр. 67 и сл.

деятельности Гермонассы и, наверно, других городов азиатского Боспора.

Вполне вероятно, что Гермонасса,— возможно, древнейший из городов азиатского Боспора,— процветавшая в начале V в. до н. э., превосходила по своему значению другие азиатские города. Это могло обеспечить Гермонассе главенство над остальной частью азиатского Боспора, а последний в рассматриваемую эпоху, по всей видимости, был значительно сильнее Пантикапея и объединившихся вокруг него городов.

Если эти предположения справедливы, то нет ничего невероятного в том, что главенствовавшему в Гермонассе знатному роду Археанактидов удалось захватить власть на всем Боспоре. Только такое предположение делает вполне понятным иначе необъяснимое свидетельство Диодора [1], в своей основе восходящее к местному боспорскому источнику; Диодор совершенно определенно связывает с Азией правление Археанактидов.

После того как Пантикапей стал столицей Боспорского государства и в 438 г. до н. э. произошел переворот Спартока, во главе государства снова оказались правители, по всей вероятности принадлежавшие к эллинизованной синдо-меотской знати, т. е. опять уроженцы азиатского Боспора.

Необходимо остановиться и на обстоятельствах, при которых возникло государство Археанактидов, и причинах, вызвавших это событие. Выяснить причины, побудившие несколько самостоятельных боспорских полисов объединиться и признать над собой власть Археанактидов, представляет крайне трудную задачу. Вряд ли можно сомневаться в том, что это объединение было добровольным, ибо ни один из боспорских городов не был бы в состоянии силой принудить к этому всех остальных.

Можно предполагать, что причины добровольного объединения коренились и в особенностях внутренней жизни боспорских городов, и во внешней обстановке, складывавшейся в это время в Северном Причерноморье. Общность характера археологических находок в ранних напластованиях различных боспорских городов свидетельствует об известном единстве экономических условий. О тесных хозяйственных взаимоотношениях говорит близость типов древнейших монет Пантикапея, Мирмикия, Аполлонии [1] и, видимо, Фанагории [2]. Следует полагать, что между боспорскими городами и до возникновения государства Археанактидов уже существовали некоторые экономические связи. Объединение городов сулило взаимные выгоды, ибо благодаря ему вся торговля с Приазовьем и бассейном Кубани была теперь сосредоточена в одних руках. Заинтересованность боспорских городов в такой монополии торговли не могла быть вызвана какими-либо попытками оспаривать ее со стороны греческих государств метрополии. В эпоху, предшествовавшую возникновению государства Археанактидов, проливы из Эгейского моря в Черное контролировались персами, и в 480 г. до н. э. вряд ли какое-либо греческое государство могло развивать большую торговую активность на далеком Боспоре. Более вероятно, что мобилизации совместных усилий боспорских городов способствовали какие-то изменения в экономической жизни ближайших соседей местных племен Прикубанья.

Археологические исследования Синдики, в особенности раскопки Семибратнего городища в 1949 г., приоткрывают нам новые замечательные страницы истории синдов, едва ли не самого передового народа из древних племен Северного Причерноморья. Мы можем теперь говорить о значительном экономическом и культурном развитии синдов, которое шло такими темпами, что в Синдике уже в V в. до н. э. существовали города античного типа [3]. Этот экономический подъем, несомненно связанный и с политическим усилением Синдики, мог создавать некоторую угрозу для отдельных, наиболее слабых населенных пунктов азиатского Боспора; возможно, что их могли подчинить синды. При всяких обстоятельствах объединение боспорских городов ставило их в более выгодные условия при экономических взаимоотношениях с усилившимися синдами, чем те, в которых были греческие

[1] Diod., XII, 31, 1.

[1] Д. Б. Шелов. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия. ВДИ, № 1, стр. 153.

[2] Мы имеем в виду близость типа древнейших монет фанагорийской чеканки (E. Minns. Scythians and Greeks, табл. IX, *11*) раннему пантикапейскому серебру (А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XXXIX).

[3] Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 238—244.

города, выступавшие независимо друг от друга, вероятно, конкурируя и тем самым ослабляя один другого.

Помимо указанных экономических причин, объединению способствовали и другие обстоятельства. Разрозненные и слабые в военном отношении боспорские города, объединившись, представляли значительно бóльшую силу. Это в известной мере гарантировало их от нападений, а в дальнейшем позволило подчинить ряд местных племен Прикубанья и Приазовья. Как известно, Боспор оказался в состоянии расширить свои границы лишь в IV в. до н. э. Между тем угроза нападений на Боспор со стороны скифов могла быть и в первых десятилетиях V в. до н. э. О возможности таких нападений свидетельствуют рано появившиеся стены Пантикапея и Дии-Тиритаки. Вряд ли и города азиатского Боспора были в полной безопасности. Свидетельство Геродота[1] о зимних походах скифов в Синдику заставляет думать, что воинственные кочевники не раз могли угрожать благополучию и этих городов. Возможно, для обороны Боспора использовались древние вал и ров, которые проходят около Золотого кургана, прикрывая с запада северо-восточную окраину Керченского полуострова[2]. Под защитой этих сооружений находилась европейская часть территории государства Археанактидов.

Таким образом, внешняя опасность была одной из веских причин, побудивших боспорские города объединиться под властью Археанактидов. Интересно отметить, что во время возникновения государства Археанактидов (480 г. до н. э.) весь эллинский мир как в восточном, так и в западном Средиземноморье находился в очень тяжелом положении[3]. На эллинов обрушилось нападение сильнейшей коалиции Персидской державы, карфагенян и этрусков. Нам не известно, чтобы скифы в это время нападали на какие-либо греческие города; судя по этому, скифы не были участниками коалиции, в которой главенствующую роль занимали их недавние противники — персы. Но, очевидно, скифы были осведомлены о грандиозной войне, разразившейся в Средиземноморье. У нас нет оснований сомневаться в свидетельстве Геродота[1] о том, что скифы завязывали дипломатические сношения с Лакедемоном во времена царя Клеомена, вскоре после похода Дария в Скифию. Располагая сведениями о положении в Средиземноморье, скифы могли, не участвуя в персидской коалиции, извлечь из нее некоторые выгоды, напав на боспорские города, коль скоро в это время ни о какой помощи из метрополии не могло быть и речи. Реальность скифской опасности для греческих городов на Понте в рассматриваемую эпоху вряд ли может быть поставлена под сомнение. Напомним, что война с Дарием, несомненно, должна была усилить сплоченность скифов и вместе с тем способствовать большей внешней активности. Ведь сравнительно незадолго до объединения Боспора скифы вторглись во Фракию и дошли до Херсонеса Фракийского[2]. Эта сложная и напряженная международная обстановка, особенно обострившаяся в 480 г. до н. э., и могла побудить боспорские города объединиться под властью Археанактидов.

Каков был характер власти[3] Археанактидов — определить трудно из-за скудости наших сведений. Определением Диодора[4] «βασιλεύσαντες» нужно пользоваться с осторожностью, ибо автор, живя в иную эпоху, исходил из представлений, затруднявших точное обозначение политических учреждений V в. до н. э. Археанактидов, вероятно, следует сопоставить с такими правителями, как Мильтиад и его преемники в Херсонесе Фракийском. О Мильтиаде Младшем Геродот[5] говорит, как о στρατηγέοντες καὶ

[1] Herod., IV, 28.

[2] В. Д. Блаватский. Киммерийский вопрос и Пантикапей. Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 15, рис. 1 и 2.

[3] Д. П. Каллистов, указавший на необходимость поставить в связь объединение Боспора под властью Археанактидов с событиями в Эгейском бассейне в 499—480 гг. до н. э., выдвигает иные причины. По мнению Д. П. Каллистова, в эпоху греко-персидских войн боспорские города оказались в условиях острого экономического кризиса, который пагубным образом отражался на их торговой деятельности. Застой в торговле создавал почву для ухудшения отношений с местными племенами. Боспорские города, ранее конкурировавшие между собой, с усилением враждебной активности соседних племен должны были ощутить потребность в объединении своих сил (Д. П. Каллистов. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 193—197).

[1] Herod., VI, 84.

[2] Herod., VI, 40.

[3] См. об этом: В. Шкорпил. Археанактиды. Изв. ТУАК, № 54, 1918, стр. 55 и сл.

[4] Diod., XXII, 31, 1.

[5] Herod., IV, 137.

τυραννεύοντες Χερσονησιτέων, т. е. подчеркивает, что он был военачальником, обладавшим вместе с тем и гражданской властью [1].

Выше говорилось о том, что происхождение Археанактидов нельзя считать окончательно выясненным. Это мог быть и милетский знатный род из Пантикапея, и потомки знатного митиленского рода из Гермонассы. Однако откуда бы ни происходили Археанактиды, мы не можем сомневаться в том, что столицей молодого Боспорского государства стал Пантикапей.

Что представляли собой Пантикапей и другие города Боспора в эпоху установления власти Археанактидов — сказать трудно: слишком ограничены археологические материалы, относящиеся к этому времени. Однако заслуживают внимания, правда, единичные находки: дом, обнаруженный в Дие-Тиритаке в 1937—1939 гг. [2], с одной стороны, и значительно более обширный дом «Коя» конца VI в.— начала V в. до н. э., открытый в Пантикапее в 1949 г.,— с другой [3]. Вполне допустимо в этом видеть возможное отражение несколько большего богатства некоторых граждан Пантикапея, а при таких обстоятельствах, нужно думать, имело место усиление экономической дифференциации между обитателями Пантикапея. Такому наблюдению по меньшей мере не противоречат также материалы, которые дает и некрополь Пантикапея.

Превращение Пантикапея в столицу Боспорского государства, естественно, должно было способствовать росту и усилению этого города. Сделанные нами попытки изучить развитие аттического импорта в Северное Причерноморье в VI—V вв. до н. э. по данным одной из групп афинской керамики позволили установить следующее.

В ближайшие десятилетия после 480 г. аттический импорт в Пантикапей резко возрастает по сравнению с импортом в конце VI в. до н. э., между тем как для всех остальных городов Боспора это увеличение оказывается сравнительно небольшим; что касается городов азиатского Боспора, то там ввоз из Афин не только не увеличивается, но даже несколько падает.

О некоторой заинтересованности Афин в торговле с Боспором в последних десятилетиях VI в. до н. э. и в начале V в. до н. э. свидетельствуют хотя бы уже упоминавшиеся нами находки аттической керамики в Пантикапее и других городах. Этот ввоз, видимо, усилился после 480 г. до н. э.

Вторая и третья четверти V в. до н. э., как известно, были временем гегемонии Афин над союзом морских государств. Афины этого времени, согласно прочно сложившейся традиции в исторической науке, принято представлять в крайне идеализированном виде. Не оспаривая достижений аттического искусства и литературы этого периода, мы тем не менее должны проводить резкую грань между расцветом культуры в Афинах и той политикой, которую вели афиняне по отношению к другим греческим государствам. Насколько мы можем представить себе политику Афин на Понте в это время, она приводила к сильному экономическому, а в иных случаях и политическому гнету. На Боспор именно тогда ввозилось довольно много, но низкокачественных товаров, резко отличавшихся по своему достоинству от тех, которые та же Аттика отправляла на Боспор в следующем столетии, в эпоху искательства афинян перед Спартокидами. «Союзнические» отношения Афин с Гераклеей были таковы, что закончились восстанием, освободившим гераклеотов от афинской опеки. Экспедиция афинского флота, под командой Перикла, в Понт, судя по свидетельству Плутарха [1], явно направленная против местных племен и их династов, сопровождалась рядом насилий. Результатом ее были отправка афинских колонистов в Синопу, захват афинянами Амиса, переименованного в Пирей [2], и, очевидно,

---

[1] Отметим, что и последовавшие за Археанактидами Спартокиды сохраняли некоторые особенности власти правящего рода. Это выражалось в управлении государством отца вместе с взрослыми сыновьями или в совместном правлении братьев, о чем свидетельствуют митиленский декрет в честь Левкона с сыновьями (IG, XII, 2, 3) и найденная в Пирее надпись в честь Спартока, Перисада и Аполлония (IG, II², 212). Эта традиция была резко нарушена Евмелом, выступившим против своего старшего брата Сатира.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 306 и сл.

[3] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея (в 1949 г.). КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 220 и сл.; см. также стр. 219.

[1] Plut. Periel. 20.

[2] Strab., XII, 3, 14.

включение в афинский союз боспорского города Аполлонии, переименованной в Нимфей.

Когда экспедиция Перикла отправилась в Понт — нам в точности неизвестно [1], но наиболее вероятно, что это произошло в начале 30-х годов V в. до н. э. Эта экспедиция, вероятно, во многом определила внешнеполитическую обстановку, сложившуюся на Понте в то время, когда на смену Археанактидам пришел Спарток.

Смена власти в 438 г. до н. э. на Боспоре крайне скудно освещена в исторических источниках, и мы можем высказывать только предположения. Судя по доступным нам материалам (в частности, археологическим), трудно допустить, что это был простой дворцовый переворот, за которым не скрывалось каких-либо глубоких причин. Полагаем, что событиям 438 г. до н. э. предшествовала длительная подготовка.

С выяснением характера этих событий теснейшим образом связан вопрос о личности Спартока. Ранее других появилась и до сего времени наиболее популярна гипотеза Ж. Перро [2], считавшего Спартока предводителем фракийских наемников, служивших на Боспоре. Значительно позднее М. И. Ростовцевым было выдвинуто предположение [3], что Спарток принадлежал к местной скифской знати, связанной брачными союзами с фракийской знатью.

Остановимся сначала на первой гипотезе. Для того, чтобы утверждать, что Спарток был предводителем фракийских наемников, несомненно, нужно сначала доказать существование на Боспоре во времена Археанактидов наемной армии и то, что эти наемники были фракийцами. Мы располагаем точными сведениями о наличии наемников — эллинов и фракийцев в войске Сатира [4]; эти солдаты, вероятно, служили и при Перисаде I. Вполне возможно, что Левкон I имел наемников-аркадян, как об этом можно судить по фрагменту надписи, относящейся к 60-м годам IV в. до н. э. [1] Однако нет никаких свидетельств о наличии наемной армии у Археанактидов, а некоторые косвенные данные побуждают нас сомневаться в возможности существования наемной армии на Боспоре в годы правления Археанактидов. Наемные солдаты всегда стоили довольно дорого, и их могли содержать только богатые государства. Четыре тысячи наемников Перисада I и аркадяне Левкона I обеспечивались Боспором в период его наибольшего расцвета — в IV в. до н. э. О благосостоянии Боспора в то время свидетельствуют значительное расширение границ государства, рост его столицы — Пантикапея и богатство знаменитого курганного некрополя (Юз-Оба), обильная чеканка пантикапейской золотой монеты, а также широко известные данные о размахе боспорской торговли хлебом.

Совершенно иными средствами располагал Боспор в середине V в. до н. э. Государство ограничивалось сравнительно небольшой территорией — в него входили только города, расположенные по берегам Керченского пролива, да и то, вероятно, не все; столица — Пантикапей, по сравнению с тем, чем она стала позднее, была лишь небольшим городом с небогатым некрополем, чеканка монет ограничивалась серебром и притом преимущественно небольших номиналов. Все это заставляет полагать, что во времена Археанактидов государство вряд ли располагало достаточными средствами, чтобы содержать наемную армию. Да в то время Боспор, видимо, и не нуждался в ней.

Уже отмечалось, что в значительной части пантикапейских могил VI—V вв. до н. э. (примерно 12%) встречалось оружие [2]. Это заставляет думать, что все боеспособное свободное мужское население несло военную службу, а при таких обстоятельствах в наемниках не было надобности. Но если бы Археанактиды имели все же наемное войско, то сравнительно маловероятно, чтобы они привлекали на службу фракийцев. Обычно фракийцы выступали в качестве пельтастов, а этот род оружия получил всеобщее признание только в IV в. до н. э.

---

[1] Литературу о времени экспедиции Перикла в Понт см.: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, стр. 25, прим. 5.

[2] G. Perrot. Le commerce des céréales en Attique au quatrième siècle avant notre ère. «Revue Historique», IV, 1887, стр. 34 и сл.

[3] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, стр. 68. См. об этом также: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 14.

[4] Diod. Sic., XX, 22.

[1] IOSPE, II, № 4.

[2] В пантикапейских могилах IV—III вв. до н. э. оружие встречается значительно реже: только в 6% погребений (Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 68 и 70).

Таким образом, предположение о наличии фракийских наемников на Боспоре в V в. до н. э. ничем не может быть подкреплено и гипотеза о фракийском происхождении Спартока не получает сколько-нибудь прочного основания и должна быть отвергнута.

Согласно второй гипотезе, Спарток был выходцем из скифской знати, происходившим от смешанного скифо-фракийского брака. Подобные родственные связи между скифскими и фракийскими царями засвидетельствованы [1], и притом в близкую эпоху. Однако вся последующая история Спартокидов ничем не подтверждает этой гипотезы. Мы не можем выявить скифское происхождение Спартокидов ни в их последующей политике, ни в именах, которые они носили; последние или эллинские, или фракийские.

Все это заставляет нас остановиться на ином предположении о происхождении Спартока и считать, что он вышел из среды эллинизированной местной знати, вероятнее всего, синдо-меотской [2]. Синды и меоты, видимо, были преемниками киммерийцев, а родство последних с фракийцами установлено достаточно надежно. Таким образом, «фракийские» черты династии Спартокидов вполне могут быть и местного, синдо-меотского происхождения. Да и вообще мало понятно сохранение иноземного характера династии Спартокидов, которая управляла Боспором более трех столетий [3].

Мы уже говорили о том, что нельзя рассматривать установление власти Спартока как «дворцовый переворот» и видеть в нем только захват власти лично одаренным человеком, к чему неизбежно приходят сторонники «фракийской» гипотезы; мы не оспариваем личных способностей Спартока и его преемников, но нам представляется, что события 438 г. до н. э. были вызваны более глубокими причинами.

Прежде всего следует указать на постоянную недооценку роли синдов, меотов и других племен Прикубанья в истории Боспора. Обычно, когда говорят о местных элементах в истории или культуре Боспора времени Археанактидов или Спартокидов, всех их огульно считают скифскими. Выявление этих местных — негреческих — элементов в свое время было большим достижением исторической науки. Однако остановиться на этом и называть скифским все негреческое население Северного Причерноморья представляется нам решительно невозможным.

Напомним, что слово «скифы» — не самоназвание, а эллинский термин и притом собирательный. Греки прилагали этот термин, несомненно, к различным мало известным им народностям. Не говоря уже о том, что античная традиция знает не только северочерноморских, но также и среднеазиатских скифов, даже и в пределах Причерноморья восприятие греками скифских племен было весьма нечетким. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, так как он не входит в рамки нашей работы,— отметим только, что, согласно Геродоту [1], границей Скифии на востоке была река Танаис, а по свидетельствам других источников скифские племена жили и за Танаисом.

Изложенное выше ставит перед исследователем истории Северного Причерноморья следующее требование: местные элементы на Боспоре не должны называться общим именем скифов; необходимо с возможной точностью относить их к определенным племенным группам — скифы, меоты, савроматы и пр.

Вся история Боспорского государства, особенно же в первые века его существования, тесно связана с синдами, меотами и другими племенами Прикубанья. В Боспорское государство Спартокидов

---

[1] Herod., IV, 80.

[2] См. об этом: M. Rostovtzeff. Ук. соч. Гипотезу о происхождении Спартокидов из местной знати соседивших с Боспором племен — преемников киммерийцев мы пытались обосновать в работе «Киммерийский вопрос и Пантикапей» (Вестник МГУ, им. М. В. Ломоносова, 1948, № 8, стр. 17 и сл.). К очень близким выводам пришел М. И. Артамонов в статье, где этот вопрос рассматривается в связи с иными проблемами (О происхождении Боспорских Спартокидов. ВДИ, 1949, № 1, стр. 34).

[3] Возможно, что именно с азиатским происхождением Спартокидов связано следующее интересное обстоятельство. Как известно, Сатир I умер во время осады Феодосии (Schol. Dem. adv. Lept., 33; Harpocr. Θευδοσία). При таких обстоятельствах естественно было бы ожидать, что он должен был быть похоронен в европейской части Боспора. Между тем, согласно сообщению Страбона (Strab., XI, 2, 7), памятник Сатира находился на азиатском берегу (на нынешнем Фанталовском полуострове). Слова Страбона, несомненно, относятся именно к Сатиру I, ибо он называет его царем, господствовавшим над Боспором; поэтому их нельзя отнести к Сатиру, сыну Перисада, погибшего во время междоусобной борьбы сыновей Перисада при осаде крепости Фатеев.

[1] Herod., IV, 21.

вошли именно эти прикубанские и приазовские племена. Истоки отдельных важнейших явлений в культуре Боспора можно найти на Кубани, примером чему может служить хотя бы происхождение[1] знаменитых уступчатых склепов Пантикапея.

Уже очень рано начался процесс известного восприятия эллинской культуры некоторыми из местных племен Северного Причерноморья. Геродот[2] ясно указывает, что каллипиды, обитавшие около города Борисфенитов, представляли собой эллино-скифов[3]. Если ко времени Геродота в низовьях Буга могло появиться такое «греко-скифское» население, то нужно думать, что указанный выше процесс должен был начаться примерно тогда, когда Ольвийский эмпорий был сменен городом (в первой половине VI в. до н. э.) или вскоре после этого. Вероятно, очень рано аналогичные явления имели место и около Гермонассы, Фанагории и других греческих городов в Синдике.

Бассейн Кубани еще со времени майкопской культуры был едва ли не самым ярким очагом культуры в Восточной Европе. Высокий уровень культуры местных племен в низовьях Кубани способствовал установлению тесных связей между этими племенами и греками, основавшими города на Боспоре. Только этим и можно объяснить такое развитие градостроительства и городской культуры античного типа, которое было свойственно синдским городам уже с V в. до н. э., как это показали раскопки Семибратнего городища. Еще с большей убедительностью говорят об этом раскопки сельскохозяйственной территории Синдики, производившиеся в 1950—1952 гг. Исследование девяти населенных пунктов показало наличие тесных экономических связей их с античным миром уже в VI—V вв. до н. э. В силу этого можно утверждать, что в V в. до н. э. существовали самые тесные взаимоотношения между боспорскими городами и населением Синдики, а возможно, также и прилежащих территорий. Постоянные связи между аристократией припонтийских городов и местной племенной знатью в ряде случаев приводили к некоторой эллинизации последней. Убедительным примером может служить история Скила[1]. Вероятно, выходцем из такой же эллинизированной местной знати — синдской или меотской — был Спарток. Переход власти к Спартоку был вызван рядом причин и, видимо, представлял собой переворот, осуществленный путем насилия. Попытаемся выяснить, в какой же политической обстановке произошли падение Археанактидов и установление власти новой династии.

Как мы уже отмечали, это было время, когда все более усиливались связи Боспора с его соседями в Прикубанье, что способствовало увеличению роли местной знати в жизни Боспорского государства. Вместе с тем, начало 30-х годов V в. до н. э. было периодом экспансии Афин. В Боспоре эта экспансия, вероятно, выразилась не только в захвате Аполлонии-Нимфея. Есть основания предполагать, что активная политика велась афинянами и на азиатском берегу, в Синдике[2]. Вопрос о политике Афин на Боспоре во второй половине V в. до н. э. мало привлекал внимание исследователей. Поэтому игнорировались противоречия, возникавшие в это время на Боспоре, где, видимо, существовала различная ориентация на греческую метрополию (Афины) и на местные племена (в частности, синдо-меотов). О том, что политика Афин на Понте была направлена против местных племен и их вождей, свидетельствует неоднократно упоминавшееся нами указание Плутарха[3]. Таким образом, Боспору пришлось выбирать между включением в орбиту афинской политики и связанным с этим неизбежным подчинением последней или установлением более тесных отношений с местной синдомеотской племенной знатью[4]. Решение

---

[1] М. И. Артамонов. Третий разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, стр. 162 и сл.

[2] Herod., IV, 17.

[3] В эллино-скифах Геродота трудно видеть смешанное греко-скифское население, ибо тогда нужно допустить массовое переселение эллинов на обширную территорию Нижнего Буга в VI в. до н. э.

[1] Herod., IV, 78—80. Аналогичное явление может быть отмечено и во взаимоотношениях афинской аристократии с фракийскими царями и знатью. Об этом свидетельствует брак Мильтиада Младшего с Гегесипилой, дочерью фракийского царя Олора (Herod., VI, 39), а также брак Фукидида с богатой фракиянкой (Marc., 19).

[2] А. А. Сибирский. Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов. Труды III Археолог. съезда, т. I, стр. 123 и сл. Литературу по этому вопросу см.: Д. Б. Шелов. Монеты синдов. КСИИМК, XXX, стр. 114 и сл.

[3] Plut. Pericl., 20.

[4] В афинских литературных источниках про скальзывает, в несколько завуалированной форме.

вопроса происходило отнюдь не мирным путем. Видимо, столкнулись две партии: одна, ориентировавшаяся на афинян, другая — на местные племена. Победа второй привела к свержению Археанактидов и установлению власти Спартока. Сторонники Археанактидов были изгнаны и удалились в Феодосию. Упоминание об этом событии сохранилось в позднем источнике — анонимном перипле [1], а возможно, и у Исократа [2].

Уход боспорских изгнанников в Феодосию, вероятно, был одной из причин последовавших войн, закончившихся покорением Феодосии Боспором.

У Фукидида мы находим в высшей степени интересное сообщение, подтверждающее возможность предполагаемых нами взаимоотношений: наличие тесных связей греческих городов с вождями местных племен при враждебных отношениях тех и других с афинянами. Фукидид [1] упоминает об абдерском гражданине Нимфадоре, сыне Пифея, на сестре которого был женат Ситалк, царь фракийцев. Этого Нимфадора афиняне считали своим врагом, пока Пелопоннесская война не побудила их заискивать перед абдеритом, располагавшим столь высокими связями.

Возвращаясь к истории Боспорского государства, отметим, что входившие в него греческие города избрали путь, который диктовался их политическими и экономическими интересами,— союз с местной племенной знатью, выразившийся в установлении династии Спартокидов. В дальнейшем такое направление боспорской политики способствовало блестящему расцвету государства. Еще в первой половине IV в. до н. э. оно превратилось в государство эллинистического типа [2], объединившее греческие полисы с местными племенами [3].

отношение к новой династии Спартокидов, как к врагам афинян. Вряд ли можно считать случайностью, это Эсхин, говоря об измене Гилона, назвал боспорскую династию врагами афинян (Eschin., III, 171). В других письменных источниках боспорские архонты называются тиранами, тем самым подчеркивается насильственный захват власти Спартокидами. Следует отметить свидетельство Страбона (Strab., VII, 4, 4), который говорит, что Спартокидов называли тиранами, хотя большинство их было людьми достойными, а Перисад даже был признан богом. См. также: Ps. Scymn., 896—898; Claud. El. varia Historia, VI, 13.

[1] Anon. peripl. Pont. Eux., 77.

[2] Так нам представляется возможным понимать свидетельство о сыне Сопея, которого Сатир заподозрил в сношениях с беглецами (Isoc. Trapez., 5).

[1] Thucyd., II, 29, 1.

[2] В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 30.

[3] Возникновение такого государства, несомненно, было подготовлено высоким уровнем развития племен нижнего Прикубанья, о чем мы уже говорили выше, упомянув о раскопках Семибратнего городища в 1949 г. и синдской хоры в 1950—1952 гг.

М. И. Максимова

КРАТКИЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕРНОЕ МОРЕ И ВРЕМЯ ЕГО ОСВОЕНИЯ ГРЕЧЕСКИМИ МОРЕХОДАМИ

Существование в античную эпоху краткого пути, связывавшего непосредственно северный и южный берега Черного моря в районах южной оконечности Таврического полуострова и Пафлагонского выступа, признается всеми историками Причерноморья. Однако относительно времени, когда хождение по этому пути вошло в практику античных мореходов, в науке до сих пор не существует общепринятого мнения. Несмотря на немаловажное значение этой проблемы для истории Причерноморья, мнения отдельных ученых далеко расходятся между собой. Так, М. И. Ростовцев [1], в английском издании «Эллинства и иранства», рисует картину переезда милетских колонистов на Боспор означенным путем, предполагая, таким образом, что краткий морской путь уже функционировал в середине VI в. до н. э. С. А. Жебелев [2] возражал против этой гипотезы Ростовцева, не высказав, однако, определенного мнения о времени освоения пути. Поскольку он ссылается на рассказ Плутарха об экспедиции Диона, как на исключительный случай в практике IV в. до н. э., можно предполагать, что он склонялся к более поздней дате, т. е. по крайней мере к эпохе эллинизма. Г. Д. Белов [3] в своей монографии о Херсонесе справедливо подчеркивает выгодное для сношений с южным берегом Черного моря местонахождение города, но затем замечает, что «в начальный период греческого мореплавания корабли плыли вдоль берегов», «но позже плавание кораблей совершалось, конечно, по более короткому пути». Какой период времени здесь имеется в виду — неясно, однако, видимо, речь идет не о начальном периоде жизни Херсонеса. Основанием для того, чтобы относить время освоения краткого пути к более поздним векам античности, является, повидимому, перипл Псевдо-Скилака, где кратко описывается западное побережье Черного моря до Дуная, после чего непосредственно упоминаются Таврический полуостров и город Херсонес. Поскольку перипл был составлен в 30-х годах IV в. до н. э. и автор его, по всей вероятности, был афинянином, писавшим для афинских мореходов, то предполагалось, что описанный Псевдо-Скилаком путь являлся в IV в. до н. э. обычным путем следования афинских торговых кораблей, направлявшихся в Боспорское царство [1], а отсюда вытекала вероятность более поздней даты освоения пути Пафлагония — Таврика.

Посмотрим, однако, нельзя ли на основании имеющихся в нашем распоряжении источников дать более точное хронологическое определение даты установления краткого пути через Черное море. Прямые литературные свидетельства относятся — за одним исключением, о котором мы скажем

[1] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 63.

[2] Возникновение Боспорского государства. Известия АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 805.

[3] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 37 и сл. В. Ф. Гайдукевич не касается этого вопроса в своей монографии «Боспорское царство». Д. П. Каллистов всецело солидаризируется с приведенным мнением С. А. Жебелева (См. Очерки по истории Северного Причерноморья. Л., 1949, стр. 43).

[1] См. М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 23 и сл.

ниже,— ко времени не ранее II в. н. э. Из них первое по времени свидетельство встречается у Павсания. В описании Аттики он сообщает: «В Прасиях (местность в Аттике) есть храм Аполлона. Туда, говорят, доставляют начатки от Гипербореев. Гипербореи передают их Аримаспам, Аримаспы — Иссидонам, от них Скифы привозят их в Синопу, откуда они доставляются эллинам в Прасии» [1]. Несмотря на полулегендарный характер этого рассказа, в котором фигурируют Гипербореи и одноглазые Аримаспы, все же в нем отразилось знакомство с прямым морским путем из Скифии в Синопу.

Совершенно реальные сведения о прямом морском сообщении между севером и югом Черного моря находятся в известном итинерарии, начертанном на найденном в Дура-Европос щите римского воина [2]. Итинерарий, начертанный красками по кожаному воинскому щиту, изображает Черное море с плывущими по нему кораблями. По краю изображения передан графически, с пояснительными надписями, разделенный на отдельные этапы путь из Фракии в Дура-Европос на Евфрате. Памятник датируется первой половиной III в. н. э. и, как думает его издатель. Кюмон, он списан с официальной карты, составленной при императоре Каракалле для потребностей римского войска. В итинерарии перечисляется ряд городов на западном побережье Черного моря с указанием расстояний между ними. Обозначена переправа через Дунай, и затем путь идет на Тиру и Борисфен — Ольвию. До этого города путь, несомненно, шел по суше; как думает Кюмон, имелась в виду дорога, проложенная римлянами для военных целей. Следующая за Ольвией остановка — Херсонес, и Кюмон полагает, что этот отрезок пути проходили по морю. Из Херсонеса путешественник сразу попадает в Трапезунт, откуда он едет по суше на юг через Артаксату. Совершенно очевидно, что из Херсонеса в Трапезунт путешествие совершалось морем и притом не вдоль северного и северо-восточного берегов (в этом случае, наверное, были бы обозначены остановки) и не наискось по морю в направлении на юго-восток из Херсонеса прямо в Трапезунт, что повлекло бы за собой чрезвычайно длительное пребывание в открытом море. Пользовались, конечно, кратчайшим путем из Херсонеса к Пафлагонии и затем следовали на восток вдоль южного побережья Понта, вплоть до Трапезунта, который со времени императора Адриана располагал хорошей искусственной гаванью [1]. Согласно рассказу Тацита [2], через Трапезунт снабжались привозимым из Северного Причерноморья хлебом римские легионы, стоявшие в Армении и Передней Азии, и надо полагать, что груженые корабли частично следовали примерно тем же путем, который начертан на щите римского воина из Дура-Европос.

Довольно многочисленные свидетельства, восходящие к византийской эпохе, могут служить прямым доказательством пользования этим путем в то время. Из них мы приведем здесь только два. Первый — это отрывок, принадлежащий писателю VI в. н. э. Менандру Протектору [3]. Рассказывая о путешествии посольства, возглавлявшегося византийским императором Валентинианом, в Апатур и Синдику (579 г.), Менандр сообщает: «Валентиниан покинул царский город (т. е. Византию.— *М. М.*). Воспользовавшись быстроходными судами, он поехал через Синопу и Херсонес...». Далее текст очень сильно испорчен.

В «Истории Трапезунтской империи» Ф. Ф. Успенский излагает сказание о чудесах покровителя Трапезунта [4], святого Евгения, где, между прочим, рассказывается о том, как нарушен был мир, заключенный между иконийским султаном Меликом и царем Трапезунта Андроником Гизом в 1123 г.: «Нагруженное собранными с Херсона (т. е. Херсонеса.— *М. М.*) и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно... шло по направлению в нашу сторону с целью уплаты царю Гиду годичного взноса.

[1] Paus., I, 31, 2 = SC, стр. 571.
[2] Fr. Cumont. Fragment de bouclier portant une liste d'étapes. Syria, VI, 1925, стр. 1—15

[1] При вторичном издании этого памятника в основной публикации раскопок в Дура-Европос Кюмон (стр. 330) указывает на дополнительно обнаруженный им на щите второй столбец с именами городов, через которые проходил итинерарий. Буквы тут почти совершенно стерты, однако Кюмон усматривает там название города Амиса.
[2] Tacit. Ann., XIII, 39.
[3] Fragm. Hist. Graec., IV, стр. 244 = Dindorf. Hist. Gr. min., II, 85; см. Г. В. Васильевский. Труды, т. II (2), 1912, стр. 386 и А. А. Васильев. Готы в Крыму. Известия ГАИМК, т. V, 1927, стр. 184 и сл.
[4] Стр. 51 и сл.

Но, по случаю бурной погоды, корабль был прибит в Синопу. Названный губернатор Синопы (Рейс-Хатума) разграбил это судно, завладел находившимися на нем суммами, а равно, пленив всех вместе с корабельщиками, кроме того, послал против Херсона вооруженные суда и опустошил его окрестности».

Приведенных свидетельств достаточно для того, чтобы установить факт использования в римскую и византийскую эпохи пути по открытому морю, шедшего от южной оконечности Таврического полуострова, от Херсонеса прямо на юг к Пафлагонии и затем расходившегося на запад через Гераклею к Византии и на восток через Синопу к Трапезунту [1]. Спрашивается, имеются ли у нас данные для того, чтобы установить, хотя бы приблизительно, с какого времени вошел в употребление этот прямой морской путь, значительно сокративший время следования кораблей с южного на северный берег Черного моря и значительно облегчивший связь между названными областями Понта Евксинского, а также между Понтом и Эгейским морем.

Некоторые косвенные литературные данные могут, как кажется, приблизить нас к разрешению поставленной проблемы. Мы имеем в виду, с одной стороны, свидетельства Страбона, Диодора, и перипла Псевдо-Скимна, с другой,— рассказ Геродота; из них одни могут служить terminus ante quem, а другой — terminus post quem.

Страбон не говорит прямо о кораблях, совершающих рейсы от южного берега Евксинского Понта к северному и обратно, пересекая открытое море, но он многократно упоминает [2] об очень распространенном, видимо, в его время в Малой Азии представлении, будто имеется возможность пересечь Черное море от мыса Карамбия на юге (современный Керемие) до мыса Криу Метопон (Бараний Лоб) на Таврическом полуострове, не теряя из виду земли. Независимо от фактической достоверности или недостоверности этого представления, самое его зарождение и распространение мыслимо только на базе реального опыта. Вероятно, мы имеем здесь прямую параллель к многочисленным в древности легендам или полулегендам о высоких горах, с которых обозримы расположенные иногда на расстоянии нескольких сот километров друг от друга пункты. Эти рассказы, как неоднократно устанавливалось в науке, порождены прохождением мимо подобных гор пути, связывавшего между собой оба якобы одновременно видимых с высоты объекта. Подобный рассказ передается, например, Страбоном о горе Аргее близ города Цезареи в Малой Азии, с вершины которой можно увидеть Средиземное и Черное моря [1]. Хорошо известно, что мимо этой горы пролегал древний торговый путь, который перерезал Малую Азию с севера на юг от Амиса к Исскому заливу [2]. Из рассказа Страбона о плавании между мысами Карамбис и Криу Метопон можно поэтому вывести заключение о хождении кораблей между обеими, далеко вдающимися в море, полосами земли и, вероятно, даже о длительном существовании подобной практики, так как ко времени Страбона отразившееся в его рассказе представление, видимо, уже прочно установилось.

Более положительные данные об использовании греками краткого морского пути в I в. до н. э. можно почерпнуть из Библиотеки Диодора, где рассказывается, что многие мореходы, плывя из Меотийского болота на грузовых кораблях, при попутном ветре, достигают Родоса на десятый день, откуда они затем на четвертый день приходят в Александрию [3]. Расстояние от Родоса до Александрии составляет примерно 600 км. Корабль, следовательно, движется в среднем со скоростью 150 км в сутки. Примерный расчет расстояния от Родоса до Пантикапея показывает, что с такой скоростью корабль вполне мог этот путь покрыть в 10 суток, если он перерезал Черное море с севера на юг от Таврического полуострова к Пафлагонскому выступу. При каботажном же плавании потребовалось бы по приблизительным подсчетам от 15 до 17 суток.

Еще более ясные указания на существование короткого пути дает перипл Псевдо-Скимна. При описании плавания вдоль

[1] Этим же путем ходили на Византию и Амастриду и первые русские мореходы. См. В. В. Мавродин. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.

[2] Strab., VII, 4,3; I, 479; III, 235; V, 205; V, 387.

[1] Strab., XII, 4,3.

[2] М. И. Максимова. К вопросу о выходе хеттов на южный берег Черного моря. ВДИ, 1948 № 4, стр. 32 и сл.

[3] Diod. Bibl., III, 34, 7.

южного берега Черного моря, после упоминания о мысе Карамбии, в тексте имеется небольшое отступление[1]: «Прямо против Карамбия на противоположном берегу находится огромная круто спускающаяся к морю высокая гора, называемая Бараньим Лбом; она отстоит от Карамбия на сутки плавания». В этих словах перипла заключается совершенно определенное указание на знакомство греческих мореходов с кратким морским путем в начале I в. или конце II в. до н. э.— указание, тем более ценное, что в нем даже сообщаются, как мы увидим ниже, совершенно правильные данные о времени, потребном для совершения этого перехода.

Посмотрим теперь, возможно ли установить верхнюю границу периода времени, когда могло произойти первое знакомство греков с кратким путем через Черное море. Уже Гекатей Милетский имел правильное общее представление о сужении Понта Евксинского в средней его части и сравнивал очертания этого моря с формой скифского лука[2]. Однако есть основания думать, что не только Гекатей, но и Геродот еще не знали прямого пути через Черное море.

Как известно, Геродот имел лишь очень приблизительные представления об очертании и размерах Евксинского Понта. Он знал относительную протяженность моря в длину и ширину, но приводимые им абсолютные цифры очень далеки от истины[3]. Знал он и то, что скалистая часть заселенной таврами области (т. е. Таврики) представляет собой полуостров и вдается далеко в море; однако, по его представлению, этот скалистый полуостров вдается в море по направлению не к югу, как это есть на самом деле, а к востоку[4]. Описывая берег западного Крыма, Геродот доходит до Скалистого полуострова, населенного таврами. О нем он говорит: αὕτη δὲ ἐς θάλασσαν τὴν πρὸς ἀπηλιώτην ἄνεμον κατήκει, что в переводе означает: «этот полуостров спускается (т. е. простирается) в море по направлению к востоку (точнее — «к восточному ветру»). Такое представление исключает знакомство Геродота с прямым морским путем наперерез Черного моря от Таврики к Пафлагонии, а следовательно, надо думать, и самое существование в его время такого пути на Евксинском Понте. Таким образом, предположение М. И. Ростовцева[1], о котором упоминалось выше, относительно следования этим путем выселенцев из Милета, направлявшихся в Пантикапей в качестве колонистов,— предположение, против которого в свое время решительно возражал С. А. Жебелев[2],— должно быть оставлено, как противоречащее реальным условиям мореходства на Черном море в VI в. до н. э. Период, в течение которого должен был войти в широкое употребление путь наперерез Черного моря, определился теперь временем от третьей четверти V в. до начала I в. до н. э. Посмотрим теперь, имеются ли у нас данные для дальнейшего уточнения даты, и остановимся прежде всего на условиях мореходства.

Возражая М. И. Ростовцеву, С. А. Жебелев останавливается вкратце на трудностях, с которыми было связано в древности плавание по открытому морю, что и заставляло греков плавать преимущественно вдоль берегов. «Еще в Пелопоннесскую войну,— говорит С. А. Жебелев,— афинский флот шел в Сицилию не прямым, а обходным путем через Керкиру (Фукидид, VI, 441; VII, 26,3). Как нечто исключительное отмечается (Плутарх. Дион, 25), что Дион в первой половине IV в. переправился из Закинфа в Сицилию прямо по открытому морю, употребив на этот переход 12 суток». Не подлежит никакому сомнению, что древнее мореплавание было в основном плаванием каботажным; это прекрасно иллюстрируется многочисленными древними периплами, в том числе и периплами Евксинского Понта. Однако несомненно, что постепенно, по мере развития техники кораблестроения и мореходства, античные моряки все смелее и смелее стали выходить в открытое море, совершая подчас длинные переходы, в течение многих дней не видя берегов. В результате длительного развития, античные корабли, в том числе и корабли

[1] Ps. Scymn., 593 и сл.= SC, стр. 91.
[2] F.G.H., I, XXII, 8 = SC, стр. 1, фрагмент 163.
[3] Herod., IV, 86; см. В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 18.
[4] Herod., IV, 99. Перевод этого места у Латышева в «Scythica et Caucasica» не совсем точен. Правилен перевод Мищенко.

[1] M. Rostovtzeff. Iranians and Greeks, стр. 63.
[2] С. А. Жебелев. Возникновение Боспорского государства. Известия АН СССР, ОГН, 1930, стр. 805.

транспортные и коммерческие, обладавшие, как известно, лучшими мореходными качествами, чем корабли военные [1], достигли большого совершенства и ни в чем существенном не отличались от парусников, крейсировавших по морям в годы, непосредственно предшествовавшие введению парового флота [2]. Спрашивается, в какой период античности развитие кораблестроения и кораблевождения сделало возможным далекие переходы по открытому морю?

Дать точный ответ на этот вопрос вряд ли возможно и не только вследствие скудости наших сведений, но и потому, что при осуществлении подобных рискованных для древних мореходов предприятий, помимо технических условий, большое значение имели смелость и уменье моряков. Однако постановка такого вопроса для определения периода, когда были созданы благоприятные условия для более или менее массового осуществления длительных морских переходов по открытому морю, вполне закономерна. Обычно принято думать, что таким периодом были эпохи эллинизма и римская. И действительно, в связи с перемещением центров производства и торговли и широким развитием торговых путей в эпоху эллинизма, количество торговых судов сильно увеличилось; увеличились и размеры кораблей, и их тоннаж. Развертывается также строительство портов, гаваней и доков. Однако в области судостроения и вождения судов греки того времени, переняв опыт своих предшественников, не создали ничего принципиально нового [3]. В свете этого положения интересно просмотреть имеющиеся в нашем распоряжении немногие данные о дальних плаваниях греков по открытому морю.

Страбон [4] рассказывает, что он сам лично, в бытность свою в Египте, поднимался вверх по Нилу вплоть до границ Эфиопии. При этом он узнал в Миос Хормос (в Красном море, близ Баб-Эль-Мандебского пролива), гавани, связанной с Коптом на Ниле, что 120 кораблей плавали между этим пунктом и Индией, «в то время как прежде, при Птолемеях, только очень немногие отваживались на это путешествие и на привоз индийских товаров». Дело здесь идет, как думают многие исследователи, о пересечении Индийского океана от Баб-Эль-Мандеба по прямой линии, т. е. о покрытии расстояния, равного приблизительно 3500 км по открытому морю [1]. В. Тарн, который приводит этот рассказ Страбона в качестве доказательства развития торговли Александрии с Индией, ставит в связь массовые посещения Индии кораблями, достигавшими ее по открытому морю, с открытием муссонов Гиппалом (вероятно, около 10 г. до н. э.). Однако, как свидетельствует Страбон, находились отдельные мореходы, которые отваживались на это чрезвычайно далекое путешествие еще при Птолемеях.

Как указывалось выше, Диодор рассказывает, как о чем-то весьма обычном, о плавании от Родоса в Александрию, конечно, прямым путем. Так было в конце эпохи эллинизма, но уже в IV в. и даже в конце V в. до н. э. переходы по открытому морю, хотя и не на столь большие расстояния, не были редкостью. Остановимся сперва на уже упомянутом рассказе Плутарха о походе Диона [2].

Дион, приближенный тирана Сиракуз Дионисия Младшего, был изгнан из Сицилии в Грецию. После длительного пребывания там он решается свергнуть Дионисия и собирает войско на острове Закинфе. Численность его войска равнялась 800 человекам. Солдаты были посажены на два транспортных судна, очевидно, весьма значительного водоизмещения, ибо, как известно, необходимыми спутниками греческого войска был так называемый ὄχλος, т. е. толпа нестроевых, обслуживавших бойцов, так что общая численность отряда доходила, вероятно, до 2000 человек. За двумя крупными кораблями следовали третий — небольшой и еще два тридцативесельных корабля. Кроме вооруженных солдат, Дион вез с собой 2000 щитов и метательное оружие для своих сторонников в Сицилии, а также провиант, необходимый для пропитания солдат в течение всего перехода. Диону было известно о

[1] Эллинистическая техника. М.—Л., 1948, стр. 322.
[2] Ch. Daremberg et Edm. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. Paris, 1892—1919 — Navis (Cecil Torr).
[3] Эллинистическая техника, стр. 321 и сл.
[4] Strab., II, 5, 12; ср. II, 3, 5.

[1] См. В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, стр. 224 и прим. 55 на стр. 355.
[2] Plutarch. Dion, 25. На этот текст из Плутарха ссылается С. А. Жебелев в приведенной выше полемике с М. Ростовцевым.

расположении подстерегавшего его у берегов Япигии враждебного флота, и он решился совершить плавание по открытому морю. Не будь, следовательно, этого обстоятельства, т. е. ожидавшего его флот Дионисия, Дион, наверное, поплыл бы из Закинфа на север и пересек бы Адриатическое море в самом узком его месте, где ему пришлось бы пройти по открытому морю только 125 км. О том, что таким путем обычно плыли корабли между Грецией, Италией и Сицилией, свидетельствует то, что флот Дионисия подстерегал Диона именно на этом маршруте. Дион решился плыть прямо на запад по Средиземному морю, хотя дело было в конце лета (середина или конец августа), и ему предстояло проплыть более 500 км. После 12 суток плавания при слабом и тихом ветре, на 13-й день флотилия приблизилась к мысу Пахюнон на юго-западной оконечности Сицилии.

Из этого рассказа Плутарха следует, что уже в первой половине IV в. до н. э. греческие мореходы умели провести по открытому морю целый караван тяжело нагруженных судов и притом на значительное расстояние. Меньшие расстояния, как, например, между Керкирой и Япигией, островом Ферой и Критом и т. д., покрывались, в это время, очевидно, без труда [1]. Надо полагать, что и открытое морское пространство между Пафлагонией и Таврическим полуостровом уже в то время не представляло собой непреодолимых трудностей, так как протяженность его в два раза меньше расстояния от Закинфа до Сицилии и равняется примерно 260 км. Тяжело нагруженный корабль, при слабом ветре, проходя, как корабли Диона, 2 км в час, мог достигнуть Таврики на пятые сутки. На самом же деле, ввиду особых местных условий, переход совершался много скорее — в течение одних суток, как это указано в перипле Псевдо-Скимна.

В этой связи чрезвычайно интересны сведения, сообщаемые А. А. Бертье-Делагардом, видимо, как результат его наблюдений на месте, в Крыму [1]: «Теперь надо заметить, что все сообщения Южного Крыма с Византией искони и до наших дней, всегда шли на перевал, через Черное море к Синопу, а уже оттуда вдоль Анатолийского берега. Так ходили войска Митридата VI на помощь Херсонесу, так шла и последняя турецкая эскадра с десантом в Крым, в 1774 г., так ходят... беспалубные турецкие кочермы... Причина тому лежит в особенностях морских условий. Перевал через море требует времени в благоприятную погоду не более суток, причем в середине моря в хорошее время видны оба берега, обстоятельство, известное еще Страбону. Затем на обоих берегах, летом, дуют правильные бризы, днем с моря, ночью с берега, значит уходя на ночь из Крыма, к утру доходят почти до половины моря при все время попутном бризе, а там скоро подхватываются своим дневным бризом, тоже попутным, вдоль Анатолийского берега идут в Царьград тем же бризом, в полветра; обратно путь совершался точно так же». Таким образом, некоторый риск, с которым, бесспорно, был связан для кораблей того времени прямой переход через море, искупался огромной экономией времени. Для кораблей, плывших из Боспора Фракийского в Херсонес, путь сокращался примерно в 2 раза, а для кораблей, пускавшихся в путь туда же из Синопы,—

[1] Особенно показателен в этом отношении рассказ Фукидида о морском переходе афинян в Сицилию к Сиракузам во время Пелопоннесской войны (Thucyd., VI, 43). Караван судов, перевозивший воинов, снаряжение, продовольствие и все необходимое для пути и похода, был многочислен и чрезвычайно разнороден. В него входили 134 триеры, частью быстроходных, частью приспособленных для перевозки солдат, два пятидесятивесельных судна, один корабль для перевозки лошадей с 30 воинами, 30 ластовых судов с продовольствием, пекарями, каменщиками, плотниками и со всеми строительными орудиями и, наконец, еще 100 барж. Кроме того, за флотом следовало много ластовых судов и барж, плывших ради торговых целей. Армада собралась у Керкиры, но она не пошла отсюда на север вдоль восточного берега Адриатического моря с тем, чтобы спуститься затем на юг вдоль берега Италии, а несколькими отрядами пересекла 125-километровое пространство по открытому морю, между Керкирой и мысом Япигией — южной конечностью Калабрии, вновь собралась у мыса и затем поплыла дальше уже вдоль берега Италии.

Приведенный пример показывает, что пересечение значительных пространств по открытому морю, когда это сильно сокращало продолжительность плавания, не пугало греков даже в том случае, когда дело шло о столь громоздком соединении судов, как афинский флот, направлявшийся на Сицилию.

[1] А. А. Бертье-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. «Известия Отд. русского языка и словесности Академии Наук», т. XIV, 1909, кн. 1, стр. 57 и сл.

примерно в 5 раз. Не следует забывать и того, что плавание вдоль берега также было далеко не безопасным [1].

Следовательно, существовавшие технические возможности позволяют нам отнести время освоения прямого черноморского пути к довольно раннему периоду, т. е. к первой половине IV в. и, может быть, даже к концу V в. до н. э., что, конечно, никоим образом не исключает дальнейшего пользования старым путем вдоль берега моря.

Непременным условием для открытия сокращенного пути было наличие удобных гаваней в начале и конце опасного перехода по открытому морю. На южном берегу они имелись в Гераклее и Синопе, а с конца IV в. до н. э.,— возможно, в специально с этой целью основанной Амастриде. На севере такая гавань появилась с основанием Херсонеса. Как известно, вопрос о дате возникновения этой колонии в течение долгого времени был предметом научного спора [2], который теперь можно считать законченным и время основания колонии (последняя четверть V в. до н. э.) установленным благодаря исследованию академика А. И. Тюменева и раскопкам древнейшего некрополя Херсонеса, произведенным Г. Д. Беловым [3].

Трудно сказать, играли ли какую-нибудь роль при высылке Гераклеей своих колонистов на Таврику соображения, связанные с выгодой иметь здесь хорошую гавань для сокращения пути при плавании на север из Гераклеи или через Гераклею. Но не подлежит сомнению, что основание Херсонеса было могучим стимулом для развития сношений юга с севером по этому пути. До основания Херсонеса корабль, пересекший Черное море по линии Пафлагония — Таврика, оказывался у берегов, населенных враждебными грекам племенами, где он вряд ли мог рассчитывать на достаточно надежное пристанище. Нужно было еще долго плыть вдоль берега, на запад или на восток, пока мореплаватель мог найти спокойную стоянку и сбыть свои товары. С возникновением Херсонеса обстановка коренным образом изменилась. Теперь, оставив водные пространства Понта, корабль сразу попадал в прекрасную херсонесскую гавань, которой он мог воспользоваться — все равно, была ли она конечной целью плавания, или транзитным пунктом. Отсюда корабль мог свободно плыть дальше в Феодосию и Пантикапей или в Керкинитиду и далее в Ольвию. Огромное значение Херсонеса для кораблей, переплывавших Черное море, очевидно, и мы полагаем, что именно со времени основания этой колонии началось постепенное освоение краткого морского пути между северным и южным берегами Понта.

В IV в. до н. э. и, несомненно, уже в первой его половине вождение кораблей кратким морским путем широко вошло в практику, что должно было прежде всего сказаться на развитии торговли между Синопой, Амисом и Гераклеей, с одной стороны, и Северным Причерноморьем,— с другой. И действительно, именно к этому времени относятся эпиграфические и вещественные памятники, свидетельствующие об оживленных торговых связях между югом и севером Причерноморья.

Ко второй половине IV в. до н. э. относится декрет о даровании Перисадом I и его сыновьями проксении и беспошлинности всех товаров некоему Пирейцу (имя утеряно) — сыну Дионисия и его потомкам и слугам во всем Боспорском царстве [1]. Под именем Пирея следует понимать город Амис на южном побережье Черного моря, как это и делали все издатели и толкователи надписи. Еще в V в. (точная дата этого события нам

[1] Так, Ксенофонт (Анабазис, VII, 5, 12—14) рассказывает о постоянной гибели судов вследствие мелководья у Салмидесса на западном побережье Понта. Случаи гибели судов были так часты, что прибрежные жители — фракийцы разделили между собой берег, разбив на участки, и каждый фракиец считал своей собственностью те предметы, которые после кораблекрушения прибивались волнами на его участок. Фракийцы не были в этом отношении исключением. Тот же Анабазис Ксенофонта содержит в себе сведения о жестоком обращении вифинцев с моряками, терпевшими крушение у их берегов (Анабазис, VI, 4, 2), а вифинский царь Зиэл (середина III в. до н. э.) в виде особой милости обещал жителям острова Коса, что их мореходы, в случае вынужденной высадки на вифинском берегу, встретят дружеское отношение со стороны его подданных. См. Athen. Mitt., 1905, стр. 181 и сл.

[2] См. статьи: С. А. Жебелев. Возникновение Херсонеса Таврического (Доклады АН СССР, 1930, стр. 157 и сл.) и А. И. Тюменев. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса (ВДИ, 1938, № 2), где сведена и литература по данному вопросу.

[3] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 34; его же. Некрополь Херсонеса классической эпохи. СА, XIII, стр. 272 и сл.

[1] IOSPE, II, 1.

неизвестна, но можно предполагать какую-то связь его с экспедицией Перикла в Понт) в Амисе поселились афинские клерухи, приехавшие туда под предводительством некоего Афинокла [1]. Тогда же Амис был переименован в Пирей,— имя, которое он сохранил, вероятно, до возвращения ему свободы Александром Македонским [2]. В соответствии с этим и монетные выпуски Амиса от начала чекана монет городом в конце V в. и до эпохи Александра имеют на реверсе изображение Совы Афины и надпись ΠΕΙΡΑ. Если согласиться с весьма вероятным предположением Бабелона и Рейнака о принятии Амисом своего старого имени после дарования ему свободы Александром, то в таком случае декрет Перисада должен относиться к 40-м или началу 30-х годов столетия. К этому времени, следовательно, некий крупный амисский торговец уже успел развернуть столь оживленную торговую деятельность на Боспоре, что Перисад счел выгодным поощрить его усилия, предоставив привилегии во всем царстве.

Весьма важное значение, с интересующей нас точки зрения, имеет клад монет Синопы, хранящийся в Британском музее и опубликованный в журнале «Numismatic Chronicle» за 1920 г. [3] К сожалению, научное значение находки снижается из-за отсутствия точной паспортизации. Анонимный бывший владелец клада, продавший его Британскому музею, указал лишь в общей форме на Крым, как на место находки. Издатель клада Е. Робинзон по ряду причин склоняется к тому, что монеты, действительно, составляли клад, и, видимо, не сомневается в указанном бывшим владельцем районе находки. Клад состоит из 34 серебряных драхм Синопы, различных выпусков первой половины IV в. По определению Е. Робинзона, наиболее ранние монеты относятся к выпускам самого начала IV в. до н. э. (около 400 г.), наиболее поздние — к 50-м годам IV в. до н. э. Клад зарыт, следовательно, примерно около 350 г. Кем был человек, накопивший синопские драхмы и зарывший свое богатство в Крыму,— синопским ли торговцем, почему-либо решившим спасти свое имущество на чужой, но, видимо, хорошо знакомой ему территории во время каких-то волнений в родном городе [1], или представителем торгового населения одного из городов Северного Причерноморья, обладавшим синопскими деньгами в результате торговых сношений с Синопой,— об этом в настоящее время судить трудно. Но, так или иначе, находка подобного клада в Крыму весьма определенно указывает на существование в первой половине IV в. до н. э. оживленной торговли между Синопой и Северным Причерноморьем.

Это наблюдение подтверждается и археологическими памятниками. К середине IV в. до н. э. относится, повидимому, начало массового импорта продуктов сельского хозяйства и промышленности из городов Южного в города Северного Причерноморья, хотя не подлежит сомнению, что торговый обмен между этими областями существовал и раньше. Благодаря чрезвычайно важным для изучения истории Причерноморья работам Б. Н. Гракова [2] мы теперь сравнительно хорошо осведомлены о производстве в Синопе и Гераклее, остродонных амфор и черепицы и об экспорте этих изделий, а также о вывозе в амфорах масла и вина в Северное Причерноморье. В результате определения места производства амфор с именами астиномов и амфор с энглифическими клеймами был установлен и состав глины керамических изделий этих центров, благодаря чему, основываясь на наблюдениях Б. Н. Гракова, удалось установить наличие в Херсонесе фрагментов двух клейменых пифосов синопского происхождения [3], а при раскопках в Нимфее в 1949 г. были открыты фрагменты архитектурных терракот трех небольших общественных зданий, сделанных из характерной синопской глины и частично покрытых синопской красной краской (синопидой).

Таким образом, в настоящее время можно определенно говорить о широко развитом

[1] Strab., XII, 3, 14.

[2] Babelon—Reinach. Recueil des monnaies de l'Asie Mineure, изд. 2-е, стр. 53.

[3] E. S. Robinson. A find of Coins of Sinope. «Numismatic Chronicle», 4 Series, vol. XX, pl. 1, стр. 1—16.

[1] E. Robinson. Ук. соч., стр. 16.

[2] Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор (Труды ГИМ, вып. 1, М., 1926, стр. 165—206); его же. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

Определения Б. Н. Гракова, несмотря на высказанные против них сперва возражения, могут сейчас считаться общепринятыми.

[3] См. КСИИМК, V, 1940, стр. 54 и сл.

ввозе из Южного в Северное Причерноморье масла, а может быть, и вина в таре синопского и гераклейского производства, причем распространение этих товаров находит свое отражение не только в большом количестве обнаруживаемых при раскопках привозных керамических материалов, но и в стремлении херсонесских гончаров в своих изделиях подражать типам синопских и гераклейских амфор [1]. Мы знаем теперь, что Синопа, кроме того, вывозила и какие-то другие продукты в пифосах собственного производства (какие именно продукты, на это пока никаких указаний не существует), а также, что керамисты Синопы, помимо кровельной черепицы, выделывали и архитектурные терракоты художественной работы, также находившие сбыт на северном берегу Черного моря.

Как известно, Б. Н. Граков отнес начало производства синопских и гераклейских амфор и черепиц к концу IV в. до н. э., связав развитие синопской и гераклейской торговли с общей экономической и политической конъюнктурой эллинистической эпохи. Однако, по свидетельству И. Б. Зеест [2], он в настоящее время склонен расширить датировку гераклейских амфор до второй половины IV в. до н. э.

Такое же изменение датировки, какое в настоящее время допускается Б. Н. Граковым относительно гераклейских клейм, совершенно необходимо и для синопских. Дело в том, что датировка первой группы синопских клейм концом IV в. и началом III в. до н. э. основана почти полностью на сличении ее с группой синопских монет с головой нимфы или амазонки Синопы, украшенной ожерельем и серьгами с тремя подвесками,— на аверсе и орлом на дельфине и именами магистратов — на реверсе. Эту группу монет Бабелон — Рейнак в первом издании «Recueil des monnaies de l'Asie Mineure», вышедшем в свет в 1904—1912 гг., относили ко времени после 323 г. Б. Н. Граков, работая над клеймами с именами астиномов, видимо, и руководствовался этим определением выдающихся нумизматов. Между тем во втором издании Recueil'a, опубликованном в 1925 г., авторы отказываются от ранее принятой ими датировки и относят данную серию монет ко времени примерно от 350 г. до 323 г. Последняя датировка, после того как с ней согласились Робинзон и Нюэль, может теперь считаться общепринятой. Таким образом, все наблюдения Б. Н. Гракова относительно совпадений в развитии орфографии имен на монетах и клеймах должны повлечь за собой датировку начала производства синопских клейменых керамических изделий по крайней мере серединой IV в. до н. э., а может быть, и еще более ранним временем, поскольку имена синопских магистратов в сходных начертаниях встречаются и на синопских монетах первой половины IV в. до н. э.

Что же касается упомянутых выше архитектурных терракот из Нимфея, сделанных в Синопе, надо полагать, по прямому заказу Нимфея, то М. М. Худяк, на основании обстоятельств находки, склонен датировать их концом V в. до н. э. Стилистические особенности фигурных изображений, как нам кажется, скорее говорят о первой половине IV в. до н. э. [1]

Масло, может быть, вино, керамическая тара и другие керамические изделия были не единственными, важными для экономики Северного Причерноморья, товарами, шедшими с юга. В науке неоднократно высказывались предположения о доставке ряда других товаров, в том числе железа из страны Халибов (т. е. из восточной половины южного побережья Понта, контролируемого Синопой и ее колониями), поскольку потребность в железе в Северном Причерноморье едва ли могла целиком покрываться Криворожскими месторождениями, а халибское железо было знаменито во всем античном мире. К сожалению, фактических материалов, подтверждающих эти весьма вероятные предположения, мы не имеем, но все же, говоря о торговле между югом и севером Понта, необходимо учитывать, что железо, вероятно, серебро, медь, дерево и некоторые другие товары занимали в ней видное место, и те

[1] П. Б. Ахмеров. Амфоры древнегреческого Херсонеса. ВДИ, 1947, № 1, стр. 173.

[2] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 48.

[1] В. С. Скудновой удалось обнаружить среди купленных в Керчи и хранящихся в Государственном Эрмитаже древностей водослив в виде головы льва, сделанный из синопской глины и, несомненно, сработанный в той же форме, как аналогичные головы львов, найденные в Нимфее. Синопские архитектурные терракоты проникали, повидимому, и в столицу Боспорского царства.

продукты и изделия, о которых мы сейчас можем говорить с уверенностью, были только частью ассортимента товаров, ввозимых на северное побережье из Синопы, Амиса и Гераклеи. Север в свою очередь снабжал южное побережье хлебом, которого там недоставало, и солью.

Относительно известных нам товаров, доставлявшихся с юга, можно установить, что ввоз их в первой половине IV в. до н. э. начал расти и в середине века достиг весьма крупных размеров. IV в. до н. э., судя по ряду признаков, был веком высокого подъема экономики не только Боспорского царства, но и городов южного побережья. Совершенно естественно, что в условиях экономического расцвета особенно развивалось стремление к широкому товарообмену между этими областями. Это стремление и послужило стимулом к освоению краткого морского пути, непосредственно связавшего юг и север Черного моря. Однако после его освоения он в свою очередь стал могучим средством для дальнейшего развития сношений юга с севером, достигших высшей точки уже в эпоху эллинизма и в первые века нашей эры.

Если это так, то в таком случае можно установить, что ориентация торговли Северного Причерноморья на Малую Азию и, в частности, на ее северное побережье, прочно установившаяся в эпоху эллинизма, уже явственно обозначилась в середине IV в. до н. э. Более того, в IV в. до н. э. уже создались все необходимые для этого предпосылки, и политические события только закрепили установившееся положение вещей.

Освоение краткого морского пути должно было иметь и, несомненно, имело важные последствия для всего Причерноморья в целом и притом не только в области экономики. Кроме того, оно должно было также отразиться на сношениях населения восточной части Северного Причерноморья с жителями областей, расположенных за пределами Черного моря. Собрать отдельные факты из истории IV в. до н. э., свидетельствующие о происшедшей перемене, трудно при фрагментарности наших сведений. Однако позволим себе высказать некоторые соображения, а также сослаться на две афинские надписи, отчасти вскрывающие условия, в которых происходило в это время торговое мореплавание на Евксинском Понте; если предлагаемое нами толкование правильно, то эти надписи могут служить прямым доказательством освоения краткого морского пути еще в первой половине IV в. до н. э.

Историки Боспора неоднократно касались в своих работах войны между Пантикапеем и Феодосией — войны, в которой Гераклея принимала деятельное участие на стороне Феодосии [1]. Относительно поводов, заставивших Гераклею энергично вмешаться в дела Северного Причерноморья, В. В. Латышев [2], а затем и С. А. Жебелев [3] полагали, что основной причиной был страх Гераклеи перед возможным захватом Боспором ее колонии Херсонеса. Эта гипотеза кажется мне не вполне убедительной, поскольку Херсонес находился от Феодосии на расстоянии, вдвое большем, чем расстояние от Феодосии до Пантикапея, да и Боспорское царство тогда еще полностью не достигло своего могущества. К тому же Херсонес первой половины IV в. до н. э. ни в коей мере не мог конкурировать с Боспором в вывозе хлеба, как это, повидимому, было с Феодосией. Поэтому другая гипотеза, выдвинутая в свое время Миннзом, не противоречащая первой, но существенно ее изменяющая, кажется мне более вероятной [4]. Миннз, обратив внимание на одно изображение на монетах Феодосии (бодающийся бык), полностью повторяющееся на монетах Херсонеса и Гераклеи, сделал вывод о каких-то (надо полагать, торговых) договорных отношениях между этими городами. Поэтому, вероятнее всего, прямая заинтересованность Гераклеи в благосостоянии Феодосии была связана с феодосийской хлебной торговлей.

Но если нагруженные хлебом корабли следовали из Феодосии вдоль северного, а затем западного берега Черного моря, то при чем здесь была Гераклея? Она оставалась в стороне и не могла принимать никакого участия

[1] В последнее время этого вопроса касались В. Ф. Гайдукевич (Боспорское царство, стр. 58), Д. П. Каллистов (Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, стр. 210) и Д. Б. Шелов (ВДИ, 1950, № 3).

[2] Понтика, стр. 75.

[3] Возникновение Боспорского царства. Известия АН СССР, ОГН, 1930, № 10, стр. 816.

[4] E. Minns. Scythians and Greeks, стр. 559, табл. IX, *5*, *6*. С этими наблюдениями, повидимому, частично соглашался и А. Н. Зограф. См. Д. П. Каллистов. Ук. соч., стр. 214.

в этих торговых операциях [1]. Если же предположить, что суда шли из Феодосии до Херсонеса, а оттуда прямо на юг, наперерез Черного моря к мысу Карамбию, то первым портом, куда они могли зайти после трудного морского перехода, на пути к Боспору Фракийскому, была именно Гераклея (Амастрия в IV в. еще не существовала). При обратном следовании кораблей от Боспора Фракийского к Таврике им также нельзя было миновать Гераклеи, а Херсонес являлся для них первым прибежищем после следования по открытому морю. Другими словами, Гераклея и Херсонес были важными транзитными пунктами при плавании торговых караванов сокращенным морским путем. Оба города, несомненно, извлекали из этого обстоятельства немалые выгоды, в свою очередь оказывая существенную помощь доставлению товаров в порт конечного назначения. Этим без натяжки объяснилось бы торговое соглашение между Гераклеей, Херсонесом и Феодосией и энергичное заступничество Гераклеи за Феодосию, когда на нее напал правитель Боспора.

Наше предположение подтверждается, повидимому, двумя эпиграфическими памятниками, насколько нам известно, еще не вошедшими в широкий научный обиход у историков античного Причерноморья. Мы имеем в виду две афинские псефизмы, найденные на афинском акрополе во второй половине прошлого века. Оба постановления точно датированы. Одно из них датируется 361/360 г., другое — 330/329 г. Лучше сохранился более поздний памятник [2]. Это мраморная плита, на которой вырезано 5 почетных декретов в честь одного и того же лица, некоего Гераклида, уроженца Саламина на Кипре. Гераклид был крупным торговцем хлебом. В течение 5 лет, с 330 до 325 г., когда в Афинах ощущались нехватка хлеба и дороговизна, он несколько раз продавал афинскому народу пшеницу по дешевой цене, за что получил проксению и неоднократно был увенчан золотым венком. В самом раннем из этих постановлений в честь Гераклида, в декрете 330/329 г., после упоминания об услуге, оказанной Гераклидом, и о почестях, декретированных ему афинским демосом, имеется чрезвычайно интересное добавление. Там говорится: ἐπειδὴ δὲ καταχθεὶς ὑπὸ τῶν Ἡρακλειωτῶν πλέων Ἀθήναζε παρειρέθη τὰ ἱστία ὑπ' αὐτῶν, ἐλέσθαι πρεσβευτήν, ἕνα ἄνδρα ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων, ὅστις ἀφικόμενος εἰς Ἡράκλειαν ὡς Διονύσιον ἀξιώσει ἀποδοῦναι τὰ ἱστία τὰ Ἡρακλείδου καὶ τὸ λοιπὸν μηδὲν ἀδικεῖν τῶν Ἀθήναζε πλεόντων — «Поскольку он был обижен Гераклейцами, когда он находился в пути в Афины и у него были отняты паруса, то надлежит из всех афинских (граждан) избрать одного человека, который направится в Гераклею к Дионисию и потребует отдать паруса Гераклида и вообще не чинить обид плывущим в Афины».

Постановление, во-первых, может служить прекрасной иллюстрацией тех трудностей, какие приходилось преодолевать античной морской торговле, и, в частности, пояснением к смыслу дарования торговыми приморскими городами права свободного входа и выхода из их гаваней. Гераклид доставлял пшеницу в Афины из Причерноморья. Из слов πλέων Ἀθήναζε (причастие настоящего времени, передающее непрерывность действия) следует сделать вывод, что Гераклид плыл в Афины из какого-то другого пункта, а не из Гераклеи, и лишь по пути зашел в Гераклейский порт. Отправным пунктом его путешествия не мог быть другой город южного или восточного побережья, поскольку хлеба оттуда не вывозили. Речь идет, очевидно, о Северном Причерноморье и, вероятнее всего, о Боспоре. Оттуда Гераклид из года в год возил пшеницу в Афины, а поскольку он совершил

[1] Правда, при следовании кораблей из Боспора вдоль восточного, а затем южного побережья Черного моря, Гераклея находилась бы на их пути. Однако плавание боспорских кораблей по этой линии вообще мало вероятно. Против этого говорят ее большая протяженность и ряд других соображений: полная пустынность восточного берега (от Горгиппии до Питиунта около 300 км), где не было ни одного греческого поселения,— условия, всегда вызывавшие большие опасения со стороны греческих мореходов; затем — отсутствие на южном побережье хороших гаваней, кроме Синопы и Гераклеи, при длине пути почти в 1000 км. Об этом же говорит и то обстоятельство, что Фазис в греческой литературной традиции часто называется крайним пунктом плавания кораблей, направлявшихся вправо от Боспора Фракийского, а также чрезвычайная скудость литературных данных о греческих городах юго-восточной части побережья Черного моря в классическую эпоху.

[2] Dittenberger. Syll., I, № 304; Ath. Mitth., VIII, 1883, стр. 211 и сл. (Koehler). Перевод этой надписи помещен в Сборнике «Античный способ производства в источниках». Известия ГАИМК, вып. 78, 1933, № 413, стр. 251 и сл.

заход в Гераклею, ясно, что он не огибал западного побережья Черного моря, а пересек море от Тавриды к Пафлагонскому выступу и затем пошел вдоль южного побережья к Боспору Фракийскому. На этом пути Гераклея была естественным пристанищем, первым пунктом, где корабль мог иметь надежную стоянку после трудного морского перехода. Гераклея, следовательно, представляла важный этап на пути следования кораблей из Херсонеса и Боспора, и гераклейцы, несомненно, извлекали немалые выгоды, взимая, надо думать, обычные пошлины и сборы на право въезда и выезда из гавани.

Мы не знаем, что́ послужило причиной снятия гераклейцами парусов с корабля Гераклида.

Подобные приемы наложения ареста на корабли известны в древности. Например, греческое войско Ксенофонта, охотившееся у Трапезунта за кораблями, плывшими мимо этого города, приводило их к берегу и снимало рули, чтобы они не могли следовать дальше и оставались в распоряжении войска [1]. Может быть, Гераклид уклонялся от внесения положенных сборов, может быть, гераклейцы, чиня препятствия торговле Боспора, преследовали какие-то более широкие цели, чем получение транзитных сборов. На последнее как будто указывает то обстоятельство, что снятие парусов происходило, если не по приказу, то во всяком случае с ведома тирана Гераклеи Дионисия. Однако мы видим, что терпящие урон торговцы находили защиту у заинтересованной стороны, т. е. в стране, получающей груз,— в Афинах. Афины на государственные средства снаряжают специальное посольство в Гераклею с требованием не чинить обид кораблям, плывущим в Афины.

Мы видим, что дипломатии приходилось вмешиваться в сложные торгово-политические отношения между греческими полисами Эгейского и Черного морей, вероятно, существенно затрагивавшие также интересы Боспорского царства.

Дело в том, что случай с Гераклидом не единичен. Вторая из найденных на Акрополе надписей, по всей вероятности, была весьма сходна по содержанию с надписью в честь Гераклида [1]. К сожалению, она плохо сохранилась, однако восстановление ее Кёлером в основном не возбуждает сомнений. Это почетный декрет в честь человека по имени Протомах. С родины Протомаха (название города не сохранилось) в Афины явилось посольство с каким-то ходатайством относительно своего согорожанина. На основании ходатайства афинский совет дарует Протомаху проксению и признает его «благодетелем» афинского народа за оказанные им услуги. Затем следует заключение, аналогичное последней части декрета в честь Гераклида из Саламина на Кипре. Постановляется выбрать из афинских граждан посла для отправки в Гераклею, посол потребует от гераклейцев возвращения... На этом надпись обрывается, но по аналогии с декретом в честь Гераклида надо полагать, что речь шла опять об отдаче снятых с корабля Протомаха частей с целью задержания корабля и груза [2]. Таким образом, выясняется, что задержание торгового транспорта, доставлявшего товары из Черного в Эгейское море было в Гераклее довольно обычным явлением. Оно вошло в практику еще в 60-х годах IV в. до н. э., т. е. в период разгара войны Боспора с Феодосией, может быть, в качестве одной из форм участия Гераклеи в этой борьбе на стороне Феодосии.

Из разобранных надписей выясняется особое положение Гераклеи как транзитного порта для товаров, шедших в Эгейское море из Северо-восточного Причерноморья, из Херсонеса, Феодосии и Боспорского царства. С торговлей этих областей и городов были связаны и интересы Гераклеи. Обстановка становится понятной только в случае существования в это время, т. е. уже в первой половине IV в. до н. э., прямого морского пути от Таврического полуострова к Пафлагонскому выступу. Только при этом условии Гераклея, как транзитный порт в торговле восточной половины Северного Причерноморья с Эгейским морем, выдвигается на первый план. Если мы правильно понимаем обе привлеченные надписи, то они достаточно ясно подчеркивают эту роль Гераклеи, одновременно доказывая и существование

[1] Анабазис, V, 1, 11.

[1] CJA. II, 87; A. Wilhelm. Bemerkungen zu griechischen Inschriften. Arch.-Epigr. Mitth. aus Oesterreich-Ungarn, 1892, XV, стр. 4 и сл.

[2] Подобная трактовка предложена и Вильгельмом в ук. соч.

краткого морского пути через Черное море еще в первой половине IV в. до н. э.

Отсюда следует также, что первоначальное экономическое значение нового морского пути вскоре переросло в значение политическое. Без открытия этого пути едва ли мыслимы были бы вмешательство боспорского царя Евмела в дела городов Южного Причерноморья, о чем до нас дошли глухие вести [1], и в более поздние времена «всечерноморская» политика Фарнака Понтийского [1], а затем и события, связанные с деятельностью Митридата Евпатора. Поэтому освоение краткого черноморского пути должно, как нам кажется, считаться крупным фактором в истории всего Причерноморья в целом.

[1] Имеется в виду рассказ Диодора (XX, 25 = SC, стр. 477) о благодеяниях, оказанных Евмелом понтийским городам, где, наряду с Византией и Каллатием, упоминается и Синопа.

[1] См. К. М. Колобова. Фарнак I Понтийский. ВДИ, 1949, № 3.

Д. Б. Шелов

ЧЕКАНКА МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ НА БОСПОРЕ В III В. ДО Н. Э.

Задачей настоящей статьи являются выяснение истории монетной чеканки Пантикапея и попытка воссоздания общей картины денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.[1] Картина эта весьма сложна, что объясняется различными экономическими факторами, действовавшими в то время на Боспоре. Равномерное развитие боспорской монетной чеканки, наблюдаемое в течение всего IV в. до н. э., с начала III в. нарушается рядом скачков, взлетов и падений, основной причиной которых является тяжелый кризис денежной системы, разразившийся в начале столетия, но подготовлявшийся уже в последние десятилетия IV в. до н. э.

На рубеже IV и III вв. до н. э. на Боспоре полностью прекращается выпуск золотой и серебряной монеты и в дальнейшем, в продолжение более чем полувека, чеканится только медь. С изучения медной чеканки первой половины III в. до н. э. мы и начнем настоящую работу.

Выпуски медной пантикапейской монеты первой половины III в. до н. э. в большинстве случаев могут быть расположены в хронологическом порядке по таким твердым признакам, как перечеканки и надчеканки на монетах, очень обильные в это время. Кроме того, для классификации монет по выпускам могут привлекаться материалы, полученные в результате анализа стиля, фактуры, типологии монет и изучения совместных находок в археологических комплексах. Однако до А. Н. Зографа никто не предпринимал никаких попыток произвести такую классификацию. А. Н. Зограф в своих работах несколько раз возвращается к этому вопросу[1]. Им намечены хронологическая группировка и классификация всего огромного нумизматического материала пантикапейской чеканки III в. до н. э. Классификация эта, по нашему мнению, нуждается лишь в нескольких частных уточнениях и дополнениях. Мы основываемся в данной работе на классификации А. Н. Зографа с учетом тех поправок, которые, как нам кажется, должны быть внесены.

Исходной для пантикапейской медной чеканки III в. до н. э. является серия меди, выпущенная в самом конце предыдущего столетия и одновременная последнему выпуску золотых пантикапейских статеров. Эта серия включает два номинала медных монет: I (больший) — лицевая сторона — голова безбородого сатира в венке влево, оборотная сторона — голова быка влево[2]; II (меньший) — лицевая сторона — та же голова сатира, оборотная сторона — голова льва влево, под ней осетр влево[3]. Монеты большего номинала этой серии встречаются довольно редко; в надчеканенном и перечеканенном виде они совершенно неизвестны.

[1] В самых общих чертах картина эта была дана А. Н. Зографом в его работе «Античные монеты» (МИА, № 16, 1951, стр. 177—180).

[1] А. Н. Зограф. Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 152 и сл.; его же. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг., там же, стр. 159 и сл.; его же. Античные монеты, МИА, № 16, 1951, стр. 178.

[2] П. О. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884, табл. XX, *60*; А. Н. Зограф. Античные монеты, табл. XLI, *1* (в дальнейшем ссылки на таблицы П. О. Бурачкова будут обозначаться буквой Б, ссылки на таблицы А. Н. Зографа — буквой З).

[3] Б. XX, 70—71; З. XLI, 2.

Вероятно, выпуск их был не особенно велик, и они находились в обращении недолго. Зато монеты с головой льва и осетром являются одной из самых распространенных категорий боспорских монет и служат материалом для ряда перечеканок в течение первых десятилетий III в. до н. э.

А. Н. Зограф следующим образом определяет последовательность монетной чеканки начала III в. до н. э.[1] За обращением медных монет с головой льва следует обращение их же, но уже в надчеканенном виде (на лицевой стороне — восьмиконечная звезда, на оборотной — лук в горите[2]), затем уже надчеканенные монеты перечеканиваются новыми типами: на лицевой стороне — та же голова сатира влево, на оборотной — лук и стрела[3]. Следующим этапом является «чеканка монет этого последнего типа на новых кружках с постепенным падением их размера и веса. Заключительным моментом в истории этой группы монет является спешная и небрежная перечеканка самых малых монет рассматриваемых типов новыми типами головы Аполлона на лицевой стороне и треножника на обороте».

С мнением А. Н. Зографа вполне можно согласиться, с одной лишь оговоркой. Начало чеканки монет с новым типом (лук и стрела) на новых кружках[4] по времени должно совпадать со спешной перечеканкой этим же типом старых монет, а не следовать за ней. Очевидно, начав выпуск монет с новыми типами в условиях нехватки монетного металла, мастера прибегали к одновременной перечеканке этими же типами уже находившейся в обращении монеты. В пользу нашего предположения приведем тот факт, что одна группа монет с новыми типами, чеканенная, несомненно, на новых монетных кружках, в отношении фактуры еще очень тесно примыкает к хорошим надчеканенным и перечеканным монетам прежней серии: плотный и ровный монетный кружок с прямым гуртом, расположение изображения в середине монетного поля, нормальный для данного номинала вес в 5—7 г — все это признаки, сближающие первый выпуск монет нового типа с монетами предыдущей серии[1]. Но очень скоро начинаются резкое ухудшение фактуры и уменьшение веса монет с типом лука и стрелы. Огромное большинство их имеет скошенный гурт, следы обрубленных литников, штемпель часто приходится на край монеты, вес падает до 2 г и ниже. А. Н. Зограф указал, что все эти явления объясняются спешностью чеканки и напряженным темпом работы монетного двора, едва успевавшего справляться с выпуском все новых и новых партий монеты в условиях непрерывного обесценивания ее[2].

Одновременно с монетами указанных выше типов в обращении находились также небольшие медные монеты с изображением бородатой головы сатира без венка влево и головы быка влево[3]. А. Н. Зограф считает, что они стоят особняком, хотя и датируются первой половиной III в. до н. э. Он затрудняется сопоставить их с другими монетами этого времени и более точно указать их место в истории пантикапейской чеканки[4]. Нам, однако, представляется возможным датировать их более определенно. Дело в том, что встречаются уже совершенно измельчавшие и деградировавшие монеты с изображением лука и стрелы, перечеканенные из монет с головой быка[5]. Таким образом, эти послед-

---

[1] А. Н. Зограф. Ук. соч., МИА, № 4, стр. 159; МИА, № 16, стр. 178.

[2] Б. XX, 72; З. XLI, *3*.

[3] Б. XX, 75—78. После перечеканки новыми типами старые надчеканки звездой и горитом обычно бывают ясно видны, что дало повод многим нумизматам утверждать, что надчеканки ставились и на монетах с новым типом лука и стрелы (Б., стр. 148; А. В. Орешников. Описание древнегреческих монет Московского университета. М., 1891, стр. 31, № 385—386; А. М. Подшивалов. Каталог монет Московского публичного и Румянцевского музея, I. М., 1884, стр. 21, № 171 и др.).

[4] Б. XX, *73—74*; З. XLI, *4*.

[1] Именно к этому моменту пантикапейской чеканки, когда монеты нового типа еще не успели деградировать, относится небольшой кладик в погребении № 23 раскопок 1910 г. на Митридате. Из 15 найденных здесь монет нового типа (с луком и стрелой) 10 были перечеканены из монет с изображением львиной головы и осетра, а 5 — на новых кружках. В. В. Шкорпил, ИАК, вып. 47, стр. 49—50.

[2] А. Н. Зограф. Ук. соч., МИА, № 4, стр. 160; МИА, № 16, стр. 177.

[3] Б. XIX, *35—37*; З. XLI, *7*.

[4] МИА, № 16, стр. 178. В более ранней работе А. Н. Зограф считал возможным относить начало чеканки этих монет даже еще к IV в. до н. э., однако такая датировка вряд ли возможна ввиду быстрой и значительной деградации их типов, чего не могло быть в условиях устойчивой чеканки IV в. до н. э.

[5] Е. О. Прушевская. Анапский клад пантикапейских медных монет. ТОНГЭ, I, стр. 20—21. Ср. МИА, № 4, стр. 159, пр. 1.

ние могут быть сопоставлены либо с первым выпуском (еще не деградировавшим) монет с луком и стрелой, либо, скорее, с монетами с головой льва и надчеканкой. Это подтверждается и данными фактуры: ровный монетный кружок без следов литников. Монеты эти никогда не бывают перечеканены из других. Типологически они тесно примыкают к пантикапейским монетам еще IV в. до н. э.[1] и на реверсе дают композицию изображения и надписи, характерную именно для IV в. до н. э. и не встречающуюся в пантикапейской нумизматике позднее. В археологических комплексах они нередко находятся с монетами IV в. до н. э.[2] Все это заставляет нас датировать эти монеты самым началом III в. до н. э. и решительно отвергнуть высказанное, правда, в вопросительной форме, предположение А. Н. Зографа о том, что они представляют в деградированном виде тот крупнейший номинал меди, который был снабжен подобными типами в самом конце IV в. до н. э.[3] Невероятно, чтобы уже к началу III в. до н. э. этот крупнейший номинал мог деградировать до такой незначительной величины, в то время как второй по величине номинал (монета с головой льва) еще полностью сохранял свой вес. Судя по весу, кстати сказать, довольно устойчивому (2,5—4 г), небольшие монеты с головой быка, вероятнее всего, являлись половиной номинала, представленного типом с головой льва и осетром, а затем — с луком и стрелой. Когда же эти последние монеты резко упали в весе, монеты с головой быка подверглись перечеканке типом большего номинала, так как по весу они теперь вполне отвечали его пониженной норме.

Когда процесс деградации медной монеты, выпускавшейся с начала III в. до н. э., зашел настолько далеко, что в обращении остался только один номинал (тип оборота — лук и стрела), чеканенный к тому же на монетных кружках очень незначительного веса, была предпринята попытка восстановить твердый курс меди путем выпуска новой серии. А. Н. Зограф, вероятно, совершенно прав в своей остроумной догадке, что именно стремление к стабилизации медных денег вызвало изменение типологии пантикапейских монет[1]. Обязательный в течение почти полутора веков тип лицевой стороны — голова сатира, дискредитированный непрерывным ухудшением монеты, которую он украшал, заменили новым типом — головой Аполлона, в надежде, что новый тип вызовет больше доверия к новой серии. Новым типом перечеканиваются медные редуцированного веса монеты с изображением лука и стрелы на реверсе. Теперь они получают голову Аполлона в лавровом венке вправо — на аверсе и треножник и надпись ΓΑΝ — на реверсе[2]. Перечеканка производится так спешно и небрежно, что прежние типы часто совершенно ясно видны из-под новых. Впрочем, не все монеты даже считали нужным перечеканивать. Часть монет прежнего типа подверглась лишь надчеканке с изображением треножника[3]. Повидимому, эти надчеканенные и перечеканенные монеты были выпущены под именем меньшего номинала, чем тот, который представляли монеты предыдущей серии с луком и стрелой. Мы можем предположить это потому, что одновременно с перечеканенными и надчеканенными монетами производится выпуск новых, более крупных, вес которых приближается к весу монет с луком и стрелой (или с головой льва и осетром) до их редукции. Эти более крупные монеты объединяются с мелкими перечеканенными единством типа лицевой стороны (голова Аполлона в венке влево), формы надписи (ΓΑΝ под изображением реверса) и стиля. На оборотной стороне их изображается орел впрямь с распущенными крыльями и повернутой влево головой. Они чеканены на новых монетных кружках, но фактура их обнаруживает тот же спешный и небрежный темп чеканки, который наблюдался и при выпуске предыдущих серий[4].

---

[1] Видимо, поэтому А. В. Орешников датировал их временем до начала III в. до н. э. А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. Уварова. вып. VII. М., 1887, стр. 51.

[2] ОАК за 1892 г., стр. 30—31; ИАК, 30, стр. 81, № 92. Особенно любопытна в этом отношении гробница № 148 (103) раскопок 1911 г. на мысе Тузла. В ней монета с головой быка была встречена при первичном погребении, в то время как вторичное захоронение сопровождалось еще не деградировавшей монетой с типами безбородого сатира и лука со стрелой [ИАК, 56, стр. 48, № 148 (103)]. Показательно также, что в мирмекийском кладе, содержащем, в основном, монеты середины III в. до н. э., эти монеты уже не встречаются.

[3] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178.

[1] А. Н. Зограф. Ук. соч., МИА, № 4, стр. 154; МИА, № 16, стр. 179.

[2] Б. XXI, *128;* З. XLI, *9.*

[3] З. XLI, 8.

[4] Б. XXII, *163—164;* З. XLI, *10.*

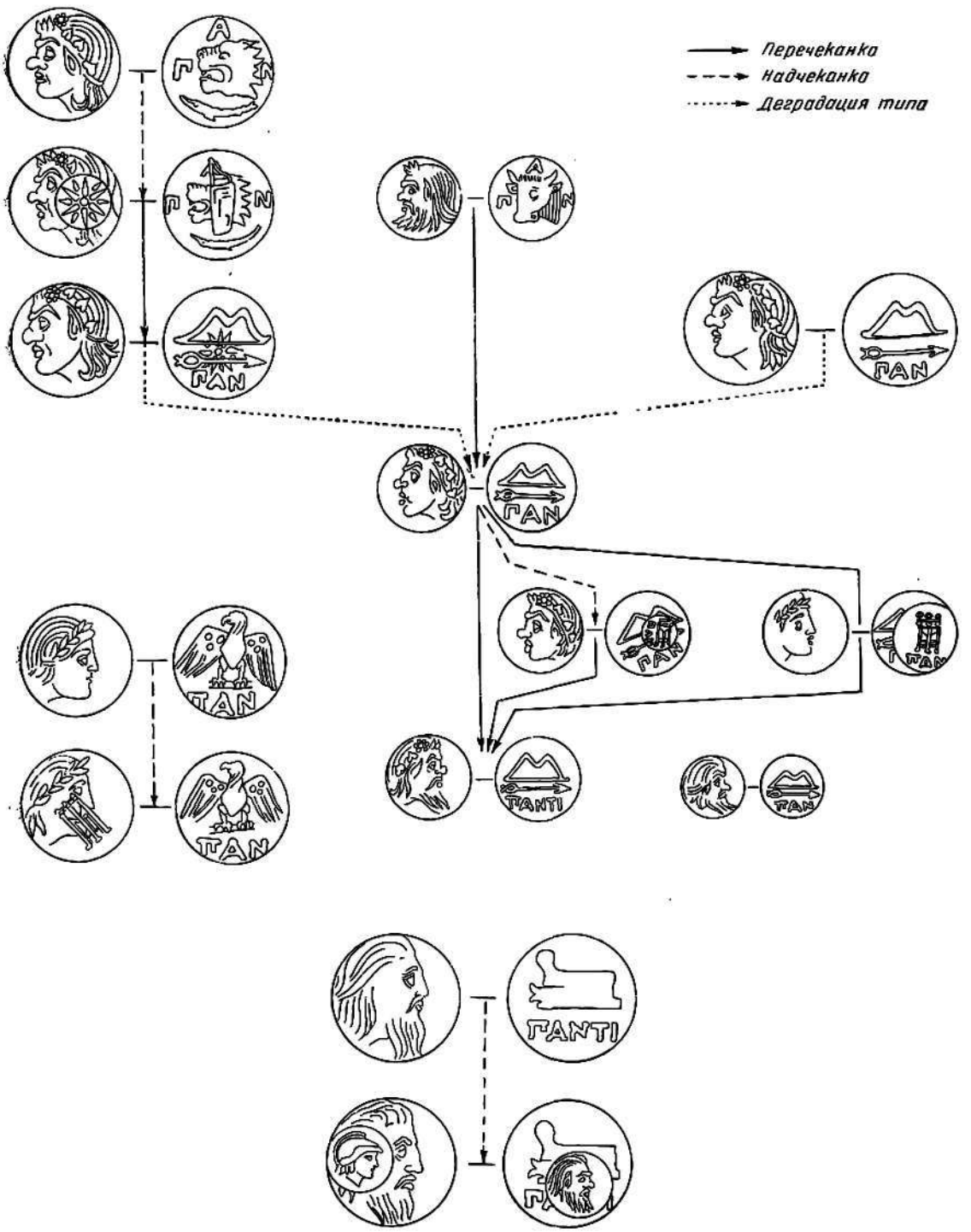

Схема пантикапейской монетной чеканки первой половины III в. до н. э.

Попытка при помощи монет нового типа нормализовать обращение меди успеха не имела. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что монеты с орлом на реверсе постепенно снижаются в весе подобно своим предшественникам и подвергаются надчеканке типом треножника [1]. В дальнейшем эти — уже пониженного веса — монеты с орлом, так же как и более мелкие монеты этой серии с треножником, вновь подвергаются перечеканке [2]. На этот раз новый тип является лишь возвращением к прежним обычным типологическим мотивам: на лицевой стороне — голова бородатого сатира, на оборотной — лук и стрела [3].

А. Н. Зограф высказал предположение, что монеты этого вида являются также продуктом деградации и восходят к крупным номиналам с тем же типом, относящимся еще к концу IV в. до н. э. [4]. Приведенные факты развития пантикапейской монетной чеканки в первой половине III в. до н. э. говорят против такого предположения. Между разбираемыми маленькими монетками и крупной бронзой тех же типов конца IV в. до н. э. выпускались, как мы видели, многочисленные серии других типов, рядом с которыми обращение полновесных крупных монет IV в. до н. э. было совершенно невозможно. Поэтому нам представляется, что связь между указанными разновременными однотипными выпусками могла существовать лишь в виде известных типологических реминисценций. На этих монетах голова сатира увенчана плющом и надпись на оборотной стороне дает имя города в более пространной форме, чем было до сих пор — ΓANTI, а не ΓAN (последнее обстоятельство тоже говорит против гипотезы А. Н. Зографа о том, что эти монеты являются результатом деградации крупной меди IV в. до н. э.). В то же время существует еще один вид очень мелких медных монеток, носящих те же типы — голова бородатого сатира на аверсе, лук и стрела на реверсе [5]. Их отношение к только что разобранному выпуску не вполне ясно. А. Н. Зограф думает, что они представляют лишь следующую ступень в процессе непрерывного уменьшения веса и размера медных монет [1], однако этому противоречат некоторые типологические отличия: голова сатира представлена без венка и надпись дана в более сокращенной форме ΓAN. Если бы эти монетки являлись следствием дальнейшей деградации вышеописанных, то типы их должны были бы точно повторять типы последних, что мы наблюдали в отношении более ранней серии пантикапейских монет с типами безбородого сатира и лука со стрелой [2], деградация которых в весе, размере и технике протекала при точном сохранении первоначального типа. Типологические отличия, хотя и не очень значительные, позволяют нам предположить, что в разбираемых монетках мы имеем особый, меньший номинал той же серии.

Следующую серию пантикапейской меди составляют крупные медные монеты с совершенно новыми типами: на лицевой стороне — голова Посейдона, на оборотной — прора и надпись Γ ANTI [3]. А. Н. Зограф причисляет к этой же серии и мелкие монеты с типами головы Афины на аверсе и проры на реверсе [4], но нам представляется, что они должны быть отнесены к значительно более позднему времени. В некоторых старых нумизматических сочинениях указывается, что они бывают перечеканены из медных монеток с типом шапок Диоскуров на реверсе [5], которые, как увидим ниже, должны быть датированы второй половиной II в. до н. э. Нам не встречались подобные перечеканки, но близость обоих видов монет по времени хорошо засвидетельствована совместной находкой их — в количестве более десятка — в одном погребении (с краснолаковой чашкой) [6]. С другой стороны, известны перечеканки монет с головой Афины и пророй новыми типами: звездой и треножником [7]. Эти перечеканки относятся уже к первой четверти I в. до н. э. [8] и очень маловероятно, чтобы такая мелкая медь могла находиться в

[1] Б. XXII, *165—175*; З. XLI, *11*.
[2] Ср. Б. Кене. Описание музеума князя В. В. Кочубея, I. СПб., 1857, стр. 345; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 55, № 410/411.
[3] Б. XIX, 51; З. XLI, 6.
[4] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178.
[5] Б. XIX, *38*; XXII, *161*.
[1] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178.
[2] З. XLI, *4* и *8*; XLI, *5*.
[3] Б. XXII, *158*.
[4] Б. XXII, *176*; З. XLI, *14*.
[5] Б. XXII, *175*, стр. 162.
[6] ИАК, вып. 25, стр. 65, № 213 (33).
[7] Б. XXI, *130*; З. XLIII, *18*; ср. А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 161.
[8] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186—187.

обращении в течение почти полутора веков. В типологическом отношении разбираемые монетки должны быть сопоставлены с совершенно такими же, имеющими на обороте трезубец Посейдона [1]. Изображение головы Афины на тех и на других совершенно тождественно; одинаковы и форма, и начертание названия города ΓΑΝ. Монеты с трезубцем датируются А. Н. Зографом концом II в.— началом I в. до н. э.[2] К тому же времени, вероятно, должны быть отнесены и монеты с головой Афины и пророй.

Таким образом, серия III в. до н. э. состоит из крупных монет только одного номинала (аверс — голова Посейдона, реверс — прора). Они очень часто носят следы надчеканок круглыми штемпелями с изображением головы Афины и головы сатира. В тех случаях, когда обе надчеканки попадают на одну сторону, можно ясно видеть, что надчеканка с головой сатира перекрывает надчеканку с головой Афины. Наличие надчеканок, а также ряд технических признаков (следы отрубов литников, скошенный гурт и др.) неопровержимо свидетельствуют о принадлежности этой серии к тому же времени, что и все описанные выше выпуски,— ко времени монетного кризиса на Боспоре. Можно смело утверждать, что эта серия была последней в ряду обильных выпусков меди периода кризиса. Это видно из того, что последовательность предыдущих выпусков твердо устанавливается многократными перечеканками и надчеканками, среди которых монетам с изображением проры места не находится. Форма надписи ΓΑΝΤΙ также заставляет отнести эту серию в самый конец чеканки времени кризиса. А. Н. Зограф полагал, что выпуск монеты с пророй следует непосредственно за чеканкой монет с головой Аполлона и орлом [3], но мы уже видели, что между ними должен быть поставлен выпуск двух номиналов монет со старыми типами головы сатира и лука со стрелой, которые часто бывают перечеканены из монет с типом Аполлона и никогда из монет с типом проры. Таким образом, эти последние завершают собой период пантикапейской чеканки, характеризующийся отмеченными выше кризисными явлениями. Это особенно важно для нас потому, что монеты с головой Посейдона и пророй, единственные из всей этой чеканки, могут быть сравнительно точно датированы. А. Н. Зограф, на основании сходства их лицевых сторон с тетрадрахмами, носящими имя Антигона, относит их к третьей четверти III в. до н. э.[1] Тем самым определяется и верхняя хронологическая граница денежного кризиса на Боспоре.

Для того, чтобы нагляднее представить себе последовательные этапы монетной чеканки на Боспоре за первую половину III в. до н. э., мы изобразили эту чеканку на таблице, помещенной на стр. 61. Из таблицы видно, что в Пантикапее несколько раз делались попытки путем введения новых серий монет с новыми типами восстановить нормальное денежное обращение. Последняя попытка была предпринята в третьей четверти III в. до н. э. (монеты с головой Посейдона); к какому времени относится первая (монеты с головой Аполлона) — точно указать мы не можем, вероятнее всего, это было около середины века, вся же первая половина столетия занята чеканкой постепенно деградирующей монеты с типом головы безбородого сатира. Вероятно, наряду с этой деградирующей медью в первой половине III в. до н. э. в обращении еще находились медные монеты, выпущенные в конце IV в. до н. э., что можно предположить на основании постоянных совместных находок их в погребениях с монетами первой половины III в. до н. э.[2] Находки их с более поздними монетами середины и второй половины III в. до н. э. не встречаются никогда.

Причины тяжелого денежного кризиса, охватившего Боспор в начале III в. до н. э. и затянувшегося более чем на полстолетие, поддаются выяснению с большим трудом. А. Л. Бертье-Делагард предполагал, что кризис был вызван убытками, которые понес Боспор в результате неудачной попытки чеканить золотую монету в IV в. до н. э.[3] Однако согласиться с этим мнением невозможно. Золотая чеканка Пантикапея не была особенно обильной и убытки от нее, даже если бы они и имели место, не могли значительно отразиться на финансовом положении такой экономически мощной державы, какой

[1] Б. XXII, *177*; З. XLIII, 4.
[2] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 186.
[3] Там же, стр. 179.

[1] МИА, № 4, стр. 154; № 16, стр. 179.
[2] ИАК, вып. 30, стр. 81, № 92 (14); вып. 47, стр. 13—14, № 44; вып. 56, стр. 48, № 148 (103); ОАК за 1892 г., стр. 30—31 и др.
[3] Нумизм. сб., 1, стр. 53.

являлось Боспорское царство. Да, кроме того, и само представление об убыточности пантикапейской золотой чеканки IV в. до н. э. ошибочно; оно базируется на предположении, что пантикапейские золотые статеры были выпущены в середине IV в. до н. э., когда денежный рынок был уже наполнен золотом Филиппа Македонского, и в силу этого не смогли завоевать себе места в обращении. Уже датировка А. Н. Зографом первого выпуска пантикапейского золота 70-ми годами IV в. до н. э. вскрывает несостоятельность всего этого построения А. Л. Бертье-Делагарда. Кроме того, многие данные говорят за то, что пантикапейские золотые статеры пользовались известным успехом на денежных рынках Причерноморья. Выпуск их продолжался до самого конца IV в. до н. э., когда они были вытеснены из обращения золотом Александра Македонского. Вытеснение пантикапейского золота македонским могло усугубить денежный кризис на Боспоре, но вряд ли могло являться его главной причиной. Еще в последней четверти IV в. до н. э. в серебряной и медной чеканке Пантикапея проявляются некоторые черты, указывающие на начало кризиса. Мы имеем в виду постепенное вытеснение серебра из чеканки и замену его медью, падение нормального веса основного номинала серебра — триобола — в последних сериях IV в. до н. э., отмирание мелких номиналов меди к концу века. По времени эти явления предшествуют прекращению чеканки золота в Пантикапее; все они относятся к сфере местного обращения, и это позволяет предполагать существование местных причин возникновения кризиса. Прежде всего следует обратить внимание на неустойчивость внутреннего политического положения на Боспоре в конце IV в. до н. э.

Еще во времена Перисада I имела место какая-то война со скифами, сильно расстроившая, насколько можно судить по рассказу Демосфена [1], экономическую жизнь Боспора. Междоусобные войны сыновей Перисада [2] также не могли способствовать нормализации экономики и финансов. Войны эти должны были стоить весьма дорого и нехватка драгоценных металлов могла являться одним из следствий бурных политических событий. Резкое ослабление торговых связей Боспора с Афинами, бывшими до этого основным контрагентом в хлебной торговле Боспора,— ослабление, ясно сказавшееся уже в афинском декрете в честь Спартока, сына Евмела, 288 г. до н. э. [1], также играло немалую роль в развитии экономического кризиса на Боспоре. Все эти причины, вместе взятые, и должны были обусловить денежный кризис. Кризис денежной системы, таким образом, не являлся чем-то самостоятельным, а был лишь одним из проявлений значительных изменений во всей экономической жизни Боспорской державы. При таком понимании кризиса отпадает необходимость в искусственном объяснении его причин неудачами чисто монетной политики. Повторные неудачные попытки изжития кризиса путем введения в оборот новых серий медной монеты, прослеженные выше, не могли удаться именно в силу гораздо более глубокого характера кризиса.

С большим трудом и очень постепенно, только к концу третьей четверти III в. до н. э. боспорским правителям удалось, если не полностью, то хотя бы частично, восстановить нормальное денежное обращение в стране и вновь организовать выпуск серебряной монеты. Вероятно, совершенно прав был А. Н. Зограф, когда он связал со стремлением выйти из денежного кризиса первый на Боспоре опыт царской чеканки — выпуск медных денег от имени царя Левкона II в третьей четверти III в. до н. э. [2]. Этот выпуск монеты, подтвержденный авторитетом боспорского правителя, противопоставлялся деградированной городской меди, удержать которую от дальнейшего обесценивания правительство, видимо, было не в состоянии. Хронологически царским монетам Левкона II соответствует серия городских медных монет с изображением проры на обороте. Монеты этой серии обычно встречаются с надчеканкой, иногда с двумя последовательными надчеканками (головой Афины и головой сатира). Разительное сходство головы Афины на этих контрамарках с головой Афины на медных царских монетах Левкона позволило нам высказать предположение, что надчеканки наложены тем же Левконом II и что возможно отнесение именно к

[1] Demosth., XXXIV (adv. Phorm.), 8.
[2] Diod. Sic., XX, 22—24.

[1] ВДИ, 1939, № 3, стр. 241, № 4.
[2] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 182.

этой операции рассказа Полиена [1] о перечеканке монеты Левконом [2].

Если наше предположение правильно, то мы можем представить себе финансовую политику Левкона II в следующем виде [3]. В начале его правления основную массу денежного обращения составляли городские монеты с изображением проры на оборотной стороне. Стремясь предотвратить их неминуемое обесценивание и деградацию и одновременно упрочить и стабилизировать денежное обращение, Левкон прибегает к неизвестному до того на Боспоре приему — выпуску монеты от собственного имени. Одновременно он подтверждает курс городской монеты наложением надчеканки с головой Афины. Является ли совпадение типа среднего номинала царских монет с типом надчеканки свидетельством того, что эти царские монеты и городские с головой Посейдона и пророй, подвергшиеся надчеканке, представляли один и тот же номинал,— сказать с уверенностью трудно, так как вообще определение номиналов в медной чеканке III в. до н. э. вряд ли возможно [4]. Левкону II, видимо, удалось в какой-то мере добиться достаточно высокого курса для своей медной монеты; по крайней мере нам не известны ни надчеканки, ни перечеканки его монет. Городские же монеты потребовали еще одной надчеканки, подтверждающей их курс,— головой сатира. Этими финансовыми мероприятиями Левкона заканчивается переход к нормальному биметаллизму серебра и меди, характеризующему денежное хозяйство Боспора во II в. до н. э.

Прежде чем обратиться к пантикапейской чеканке последней трети III в. до н. э., следует остановиться еще на одном вопросе, связанном с царской монетой Левкона. А. Н. Зографом было высказано предположение, что эта царская медь не только служила средством нормализации денежного обращения, но и предназначалась для оплаты специальных военных расходов царя [5]. Наличие в серии крупных монет (типы: голова Геракла — лук с палицей [1]) оправдывает такое предположение. С другой стороны, обращают на себя внимание типы меньшего номинала серии, типы чисто военного порядка — щит и меч-акинак [2]. В этой связи уместно будет вспомнить сведения, сообщенные Полиеном [3], о военных столкновениях гераклеотов с Левконом II [4]. Было бы очень заманчиво связать первый выпуск царской монеты с определенным известным нам эпизодом военной истории Боспора. Но, разумеется, мы не можем итти здесь дальше самых общих предположений.

Как бы то ни было,— признаем ли мы за чеканкой Левкона II военный характер, или нет,— совершенно ясно, что она была вызвана какими-то исключительными обстоятельствами и являлась мерой экстраординарной [5]. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в дальнейшей истории Боспора домитридатовского времени подобная царская монета, рассчитанная на обращение на денежном рынке, никогда не выпускалась. Золотые и серебряные монеты правителей Боспора III—II вв. до н. э. (архонта Гигиэнонта, Спартока, нескольких Перисадов), как показал А. Н. Зограф, имели лишь донативное назначение и не предназначались для обращения [6]. Чеканка Левконом II медной монеты, в то время как последующие правители Боспора стремились подтвердить свое право чеканки выпуском, хотя и донативных, но обязательно серебряных или золотых монет, вероятно, объясняется тем, что Левкон выпускал свою монету еще в период кризиса, когда запасы драгоценного металла были исчерпаны. Его чеканка, не в пример чеканке его преемников, имела не демонстративный, а вполне реальный характер и служила определенным, насущным экономическим потребностям. Это резкое отличие монет Левкона от уникальных статеров и тетрадрахм Перисадов, Спартока и Гигиэнонта и заставило нас рассмотреть здесь его чеканку, тогда как донативные монеты к вопросам денежного обращения непосредственно не относятся.

---

[1] Polyen. Strategem., VI, 9, 1.
[2] Д. Б. Шелов. Пантикапейские монеты третьей четверти III в. до н. э. с надчеканками. КСИИМК, XLIII, стр. 138.
[3] См. Д. Б. Шелов. Денежная реформа Левкона II. ВДИ, 1953, № 1, стр. 30 сл.
[4] Ср. А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 178.
[5] Там же, стр. 183.

[1] Б. XXIV, *1—3*; З. XLII, 15.
[2] Б. XXIV, 10; З. XLII, 17.
[3] Polyen. Strategem, VI, 9, 2—4.
[4] О соответствии Левкона, упоминаемого у Полиена, Левкону II, см. Д. Б. Шелов. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ, 1950, № 3.
[5] Ср. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 627.
[6] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 183.

Последовательность выпусков пантикапейской монеты последней трети III в. до н. э. определяется не так легко, ибо такой надежный критерий, как перечеканки, здесь отсутствует.

Ко второй половине III в. А. Н. Зограф относит чеканку серебряных монет, имеющих на лицевой стороне профильное изображение головы Аполлона, увенчанного лавровым венком, вправо[1]. Подбор типов оборотной стороны остается прежним — орел, протома орлиноголового грифа, фасовая голова льва с кинжалом в зубах, колос[2]. Форма надписи ΠΑΝ тоже сближает этот выпуск с монетами еще IV в. и начала III в. до н. э. Чеканены эти монеты довольно небрежно, стиль изображений плоскостной и расплывчатый, близко напоминающий стиль медных монет середины III в. до н. э. На наличие известных финансовых трудностей указывает очень низкая проба серебра, употребленного для чеканки. А. Л. Бертье-Делагард установил, что эти монеты биты по аттической весовой системе, которая становится единственно применяемой на Боспоре системой. До этого момента аттическая система была использована в пантикапейской чеканке только один раз — для последнего выпуска пантикапейских золотых статеров в самом конце IV в. Вся серебряная монета на Боспоре чеканилась в VI—IV вв. до н. э. по эгинской системе. Переход от эгинской системы, занесенной когда-то в Северное Причерноморье первыми переселенцами, к эвбейско-аттической является следствием экономических сдвигов и переориентации торговых связей Боспора, произошедших в течение предыдущих столетий.

Указанные пантикапейские серебряные монеты имеют одну метрологическую особенность, которую необходимо отметить. Являясь драхмами и гемидрахмами аттической системы, они дают в среднем вес, значительно уступающий весу не только собственно аттического серебра, но и более поздних пантикапейских же монет. Колебание индивидуальных весов драхм III в. до н. э. чрезвычайно велико[3]. Наиболее тяжелые из них достигают 3,93 г, а наиболее легкие весят менее 2 г.[1] А. Л. Бертье-Делагард выводит для них средний вес 3,11 и 3,13 г, но надо думать, что нормальный вес номинала был значительно выше. Серебряные пантикапейские драхмы, выпущенные во II и I вв. до н. э., даже в средних весах значительно превосходят разбираемые монеты[2]. Такая небрежность чеканки в весовом отношении, наряду с плохим качеством металла, указывает, по нашему мнению, на не преодоленные еще денежные затруднения.

Совершенно другое впечатление получаем мы от рассмотрения серебряных тетрадрахм, чеканка которых относится, повидимому, к последней четверти III в. до н. э. Эти монеты, имеющие на лицевой стороне ту же увенчанную лаврами голову Аполлона, а на оборотной — пасущуюся лошадь и надпись ΓΑΝΤΙ, выполнены в совершенно ином стиле[3]. Четкий, изящный, хотя и несколько суховатый рисунок, аккуратная компоновка типов в монетном поле, высокая проба металла и сравнительно строгое постоянство веса — все эти признаки указывают на спокойный и уравновешенный темп работы монетного двора и свидетельствуют о полном восстановлении нормальной чеканки на Боспоре. Датировка этих тетрадрахм последней четвертью III в. до н. э. предложена А. Н. Зографом, который исходит из сопоставления их выпуска с чеканкой тетрадрахм в Херсонесе Таврическом, Византии и Калхедоне[4]. Эту же, примерно, дату можно получить и иным путем. К IV в. до н. э. отнести разбираемые тетрадрахмы невозможно из-за того, что они биты по аттической системе веса, которая тогда к боспорскому серебру не применялась; кроме того, в типологическом отношении (голова Аполлона) они оказались бы исключением среди монет IV в. до н. э., неизменно имеющих на аверсе голову сатира. Отнести же их ко II в. до н. э. не позволяют данные фактуры и стиля. Таким образом, единственным возможным хронологическим промежутком для их выпуска является III в до н. э. и именно

---

[1] А. Н. Зограф. Ук. соч., стр. 180.

[2] Б. XX, *98*, *99—100*; XXI, *102*; XXII, *145*; З. XLI, *16—19*.

[3] Это было замечено еще Х. Х. Гилем. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. ЗРАО, VII, стр. 223, № 48.

[1] А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды. Нумизм. сб., II, стр. 88, № 143, 145.

[2] Там же, стр. 87—88, № 142; стр. 91, № 157, 158.

[3] Б. XXI, *103*; З. XLI, *15*.

[4] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180.

его конец, когда последствия денежного кризиса были окончательно изжиты [1].

Определение медных монет, соответствующих серебряной чеканке конца III в. до н. э., представляет большие трудности. А. Н. Зограф [2] относит к концу III в. или началу II в. до н. э. одну серию медных монет, состоящую из двух номиналов. На больших монетах представлена голова бородатого сатира в плющевом венке влево и рог изобилия между шапками Диоскуров; на монетах меньшего номинала — голова безбородого сатира в венке вправо и шапки Диоскуров. Надпись на обоих номиналах ГАNTI [3]. Форма надписи и послужила для А. Н. Зографа поводом к отнесению монет еще к концу III в. до н. э. [4] Однако нам представляется возможным датировать эту серию значительно более поздним временем — II в. до н. э. и, вероятнее, его концом. Основанием для такой датировки служит прежде всего отмеченное самим А. Н. Зографом, но почему-то недооцененное им совпадение типа оборотной стороны разбираемых монет (рог изобилия между шапками Диоскуров) с типами монет Понта и Пафлагонии, относящимися ко второй половине II в. до н. э. [5], и особенно с типом серебряной драхмы Горгиппии [6], датируемой также II в. до н. э. Фактура и стиль разбираемых медных монет тоже больше связывают их с чеканкой II—I вв. до н. э. [7], чем с известными уже нам сериями третьей четверти III в. до н. э. [8] В археологических комплексах эти монеты никогда не встречаются с монетами или вещами III в. до н. э., а всегда с более поздними. Особенно показательно в этом отношении погребение № 38 раскопок 1905 г. в Керчи. При покойнике лежали столбиком 6 монет, пять из них — медные, интересующего нас типа, а шестая оказалась серебряной пантикапейской монетой уже начала I в. до н. э. [1] В другом погребении, раскрытом в 1911 г. на косе Тузла (№ 169/124), пантикапейская монета с изображением рога изобилия и шапок Диоскуров была найдена вместе с пантикапейской монетой [2] II в. до н. э. и горгиппийской [3] I в. до н. э. [4] Все это и заставляет нас датировать указанную пантикапейскую медь второй половиной II в. до н. э. Форма надписи ГАNTI не может препятствовать такой датировке, поскольку и позднее III в. до н. э. на пантикапейских медных монетах встречается, хотя и не так часто, сокращенная передача названия города [5]. Укажем также на то обстоятельство, что упомянутые горгиппийские драхмы, сопоставленные нами с разбираемыми пантикапейскими монетами, дают совершенно такое же сокращение городского ἐθνικόν и ту же схему его расположения: ГОР/ГІП [6].

Таким образом, мы не можем с достаточной уверенностью указать медные пантикапейские монеты, выпускавшиеся именно в последней четверти III в. до н. э.; однако маловероятно, чтобы в денежном обращении этого времени участвовало только серебро, тем более, что предшествующий период кризиса приучил население к обращению медной монеты. Вероятнее всего можно предполагать, что в конце III в. до н. э. продолжали обращаться медные монеты последних

[1] Э. Миниз (ук. соч., стр. 629) на основании стилистических сопоставлений полагал, что эти тетрадрахмы являлись первым выпуском пантикапейских монет с типом Аполлона, но вышеуказанные особенности не позволяют датировать их временем, более ранним, чем плохое серебро с типами головы Аполлона и орла, головы Аполлона и треножника.

[2] МИА, № 4, стр. 161; № 16, стр. 180.

[3] Б. XIX, *55—56*, XXI, *137*; З. XLI, *20, 21*.

[4] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 180.

[5] NZ, XLV, 1912, табл. I, *1* и сл.

[6] З. XLII, *14*.

[7] Именно стиль этих монет заставил Э. Миниза (ук. соч., стр. 629) датировать их уже митридатовским временем.

[8] В гробнице № 41(4) раскопок 1908 г. в Керчи подобная монета, правда, была найдена с вещами еще IV в. до н. э., но в этой гробнице было, повидимому, два разновременных погребения, что отмечается и автором отчета о раскопках (ИАК, вып. 40, стр. 85—86). Более раннее погребение датируется монетой конца IV в. до н. э. (тип Б. XIX, *93*; З. XL, *20*), более позднее, к которому относится и интересующая нас монета,— обломками мегарской чаши.

[1] ИАК, вып. 30, стр. 12. См. тип Б. XXI, *101*; З. XLIII, *12*.

[2] Тип. Б. XX, *6*; З. XLII, *9*.

[3] Тип. Б. XXIII, *5*; З. XLIII, *17*.

[4] ИАК, вып. 56, стр. 54. Х. Х. Гиль опубликовал (Новые приобретения моего собрания. ЗРАО, V, стр. 349—351) клад из окрестностей Керчи, в состав которого якобы входили разбираемые медные монеты, перечеканки середины III в. и серебряные драхмы II в. до н. э. Однако привлекать этот клад для попыток реконструкции хронологии выпусков пантикапейских монет невозможно ввиду уже указанной А. Н. Зографом недостоверности его состава (см. МИА, № 4, стр. 161; № 16, стр. 180).

[5] Примеры: З. XLII, *7, 9, 10, 11*.

[6] З. XLII, *14*.

выпусков предыдущего периода — середины и третьей четверти века.

Может быть, к концу III в. до н. э. следует отнести чеканку мелких медных монеток, имеющих на одной стороне изображение крыла грифа, на другой — треножника [1]. А. Н. Зограф датирует их уже началом I в. до н. э.[2] Серьезным, по нашему мнению, препятствием для такой поздней датировки служит находка их в составе небольшого клада из Керчи вместе с монетами, твердо датируемыми серединой III в. до н. э. (перечеканки с треножником Аполлона и монетки с луком и стрелой) [3]. Предполагать, что обращение последних затянулось до начала I в. до н. э., невозможно. В кладе не обнаружено ни одной монеты, заведомо относящейся к столь позднему времени, в том числе нет и медных монет с типами треножника и звезды, связываемых А. Н. Зографом в одну серию с разбираемыми мелкими монетками и известных в очень большом количестве. Все это заставляет предположительно датировать указанный клад, а с ним вместе и монетки с крылом грифа, не позднее конца III в. до н. э. Типологический анализ этих монеток не противоречит такой датировке. Типы их тесно связаны с традициями III в. и даже IV в. до н. э. (крыло грифа). Обращает внимание тождество треножника на разбираемых монетках и треножника на перечеканках середины III в. до н. э.[4], а также одинаковый прием размещения надписи сбоку треножника. Фактура, стиль этих монет и форма надписи ΓΑΝ также не препятствуют отнесению их еще к III в. до н. э. В таком случае они могли бы быть выпущены как раз в конце III в. до н. э., так как в период кризиса для этой мелкой монеты места не может быть найдено. Типологически они примыкают к серебряным драхмам с типами головы Аполлона и грифом, о которых мы уже говорили. Связывать их, как это обычно делается, в одну серию с гораздо более поздними монетами, имеющими на реверсе звезду, а на аверсе — треножник [5], нам кажется, нет оснований, так как объединяет их только наличие на тех и на других одного типа треножника, а тип этот был очень распространен в пантикапейской и вообще боспорской нумизматике в течение по крайней мере трех столетий (III—I вв. до н. э.). О том, что монеты со звездой и треножником не встретились в составе Керченского клада, мы уже говорили.

А. Н. Зограф датирует второй половиной III в. до н. э. еще одну группу пантикапейских монет [1]: маленькие медные монетки с типами головы быка на аверсе, плуга и колоса на реверсе. Действительно, некоторые типологические мотивы побуждают относить их к III в. до н. э., но в то же время существуют элементы, противоречащие такой датировке. Мы имеем в виду, главным образом, перечеканку этих монет позднейшими типами, относящуюся к началу I в. до н. э.[2], что заставляет предполагать их обращение еще во второй половине II в. до н. э. Об этом же свидетельствуют и находки их в археологических комплексах [3]. Столетнее обращение такой мелкой медной монеты очень маловероятно и это лишает нас уверенности в правильности предложенной А. Н. Зографом датировки.

Пантикапей был фактически единственным боспорским центром, чеканившим свою монету в III в. до н. э. Правда, около середины этого столетия была сделана попытка выпуска автономной монеты Феодосией. Однако сколько-нибудь серьезного значения эта попытка иметь не могла уже вследствие своего эпизодического характера. Вероятно, феодосийские монеты были выпущены в тот момент, когда Феодосия, воспользовавшись военными затруднениями, испытываемыми Боспором, пыталась вернуть себе самостоятельность. Выпуск, таким образом, преследовал скорее политические, а не экономические цели [4]. Поэтому останавливаться на нем мы не будем. По аналогичной же причине не будем касаться и серебряных драхм, и золотого статера архонта Гигиэнонта, носивших, как уже указывалось, донативный характер.

А. Н. Зограф датирует [5] второй половиной III в. до н. э. чеканку небольших медных монет Фанагории, носящих на лицевой стороне изображение бородатой головы сатира, а на

[1] Б. XXI, *131*; З. XLIII, *19*.
[2] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 187.
[3] ИАК, вып. 47, стр. 6, № 10.
[4] З. XLI, *8—9*.
[5] Б. XXI, *130*; З. XLIII, *18*.

[1] Б. XXIII, *187* и сл.; З. XLI, *12*.
[2] МИА, № 4, стр. 161.
[3] ИАК, вып. 1, стр. 93, № 79.
[4] Об этом подробнее см. Д. Б. Шелов. Феодосия, Спартокиды и Гераклея. ВДИ, 1950, № 3.
[5] А. Н. Зограф. МИА, № 4, стр. 163; № 16, стр. 178.

оборотной — лука и стрелы [1]. Но такая датировка их далеко не бесспорна. Стиль их может быть ближе всего сопоставлен со стилем вышеописанных пантикапейских монет с шапками Диоскуров и рогом изобилия, датируемых, как мы видели, второй половиной II в. до н. э. В кладах III в. до н. э. эти фанагорийские монетки ни разу не встречались. Но основное возражение заключается в том, что большинство их перечеканено из мелкой пантикапейской меди, в том числе и из монет, относящихся уже ко II в. до н. э. [2] Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что Фанагория уже в III в. до н. э. чеканила свою собственную медную монету, наряду с Пантикапеем [3].

Мы рассмотрели всю автономную чеканку городов Боспора в III в. до н. э. Остается лишь упомянуть об иноземной монете, обращавшейся в это время на боспорском денежном рынке. Собственная чеканка Пантикапея, как мы видели, состояла почти исключительно из выпусков меди или серебра мелких номиналов. Совершенно ясно, что вся она была рассчитана исключительно на местный рынок. Значение международной монеты могли бы иметь только указанные выше тетрадрахмы конца III в. до н. э. с изображением пасущейся лошади на реверсе. Но выпуск их был, повидимому, непродолжительным [4], и находки их за пределами Боспора неизвестны. Попыток выпускать собственную монету, которая имела бы хождение на международном денежном рынке, в Пантикапее в III в. до н. э. не делалось. Да они и не были возможны вследствие тех финансовых затруднений, которые испытывала тогда Боспорская держава. Однако боспорская торговля не могла обходиться без золотой и серебряной монеты международного значения. После прекращения в 30—20-х годах IV в. до н. э. хождения на припонтийских рынках кизикинов, их место было занято золотыми статерами Александра Великого. Обращение последних на Боспоре удостоверяется неоднократными находками их в боспорских курганах. Обзор их и датировка приводятся А. Н. Зографом в специальной статье [1]. Наиболее поздние из этих статеров, найденные в кургане Большая Близница [2] и на Тамани [3], принадлежат к посмертным выпускам александровских статеров и попали на Боспор, несомненно, уже в начале III в. до н. э. О длительном обращении на Боспоре статеров александровского типа свидетельствует заимствование их лицевого типа Левконом II для своей медной чеканки уже в начале второй половины III в. до н. э. С монет Левкона этот тип перешел, видимо, и на феодосийские монеты того же времени.

Но основным видом международных денег, имевшим хождение на Боспоре в III в. до н. э., безусловно, были статеры фракийского царя Лисимаха. Они появляются впервые на Боспоре одновременно с посмертными выпусками александровского золота в конце IV в. или в начале III в. до н. э. [4] Однако действительно широкое распространение на Боспоре получают статеры лисимаховских типов, выпускавшиеся уже после смерти Лисимаха в III и II вв. до н. э. многими городами западного побережья Черного моря и особенно Византием в качестве «торговой монеты» [5]. По отношению к этим статерам предстоит еще проделать то кропотливое сличение штемпелей с целью определения места и времени каждого выпуска, о котором говорил А. Н. Зограф в своем докладе на Керченской конференции. Пока эта работа еще не проделана, можно говорить лишь в самых общих чертах о том, что большинство из находимых у нас на юге статеров лисимаховских типов выпущено в Византии в III в. до н. э. Статеры Лисимаха встречаются на Боспоре чрезвычайно часто в составе погребального инвентаря [6]; там же

[1] Б. XXII, *8—11*; З. XLII, *13*.

[2] Ср. Г. Спасский. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. СПб., 1846, стр. 21, № 14; А. В. Орешников. Каталог собрания древностей гр. Уварова, вып. VII. М., 1887, стр. 71, № 499; ср. стр. 54, № 401.

[3] Ко II в. или даже к I в. до н. э. относит фанагорийские монеты с луком и стрелой Э. Миннз (ук. соч., стр. 629).

[4] Ср. Нумизм, сб., II, стр. 87, № 141.

[1] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок. Труды отдела античного мира Гос. Эрмитажа, I, 1945.

[2] ОАК за 1864 г., стр. V.

[3] ОАК за 1910 г., стр. 118, 215.

[4] Например, статер из кургана близ ст. Благовещенской. МАР, вып. 35, стр. 105.

[5] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского и Лизимаха в керченских и таманских находках. «Бюллетень Керченской конференции археологов СССР», 1926, вып. 3, стр. 3; его же. Античные золотые монеты Кавказа. Известия ГАИМК, вып. 110, стр. 180.

[6] Г. Спасский. Босфор Киммерийский с его

встречаются и индикации с подобных статеров [1]. О большом значении лисимаховского золота в денежном обращении Боспора говорит и тот факт, что редкие статеры боспорских правителей III — II вв. до н. э. (Гигиэнонта, Перисадов) обычно копируют типы этого золота [2].

Относительно распространения на Боспоре серебряных монет Александра Македонского и Лисимаха ничего определенного сказать нельзя. Находки в пределах собственно Боспорского царства нам не известны, хотя на Кавказе они встречаются в достаточно большом количестве [3].

Заслуживает внимания тот факт, что на Северном Кавказе эти монеты также не встречаются и что большинство найденных на Кавказе тетрадрахм Александра принадлежит, повидимому, к выпускам восточных или малоазийских монетных дворов [4]; это дает основание предполагать, что они могли проникать на Кавказ не с северо-запада, через Боспор, а с юга и юго-запада. Таким образом, можно полагать, что проникновение на Боспор серебряной и медной монеты Александра и Лисимаха, если и имело место, то было сравнительно незначительно; основную же категорию чужеземных денег, обращавшихся на Боспоре, представляли золотые статеры этих царей.

Бросая общий взгляд на монетное дело Боспора в III в. до н. э., можно сказать, что в нем достаточно определенно отразились серьезные потрясения, переживавшиеся боспорской экономикой в то время. В области монетной политики Спартокиды были вынуждены отказаться от попыток создания своей собственной монеты, предназначенной служить международной валютой, и ограничиться чеканкой денег, имеющих лишь местное значение. В течение длительного времени эта чеканка ограничивается выпуском медной монеты, что свидетельствует о нехватке драгоценного металла в государственной казне. Неустойчивость финансового положения державы Спартокидов выражается и в большом количестве кладов, и в постоянных перечеканках монеты. Частая смена монетных типов, поспешность и небрежность чеканки, проявляющиеся в фактуре и стиле монет, резко отличают монетное дело Боспора разбираемого периода от чеканки предшествующих столетий. К концу III в. до н. э. черты неустойчивости денежного обращения постепенно изживаются, и в дальнейшем чеканка монеты на Боспоре приобретает гораздо более постоянный и спокойный характер, что, вероятно, связано с некоторой стабилизацией экономического положения Боспора, наблюдаемой во II в. до н. э.

древностями и достопамятностями. СПб., 1846, стр. 133, 134; ДБК, т. I, стр. XLII, CXLVIII, 36, 106, 190; т. II, стр. 150, табл. LXXXV, 10; ЗАНО, т. II (Муральт), стр. 306—307, 309, 312, 314, 324 = = Memoires de la Societé imper. d'archéologie, IV, 1850, стр. 17, 19, 20, 21, 26; ОАК за 1869 г., стр. XIV; ОАК за 1878—1879 гг., стр. XLVII; ОАК за 1880 г., стр. 15, 61 и сл., табл. II, *17—18*; ОАК за 1882—1888 гг., стр. XIX, XXI; ЗРАО, I, стр. LIV—LV.

[1] ДБК, табл. LXXXV, *9*; ЗАНО, 1, стр. 411, К. К. Гёрц. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове. М., 1876, стр. 28.

[2] М. И. Ростовцев предполагал, что такое копирование свидетельствует о значительной роли Лисимаха и Фракии вообще в жизни Боспора (ЗООИД, XXXII, стр. 65, прим. 3). Мнение это неосновательно уже потому, что копированию на Боспоре подвергаются не собственные монеты Лисимаха, а статеры его типов, выпущенные в Византии много времени спустя после его смерти и не имеющие никакого отношения к Фракийскому царству.

[3] ТОНГЭ, I, 1945, стр. 60 и сл.

[4] Там же, стр. 41.

И. Б. Зеест

К ВОПРОСУ О ТОРГОВЛЕ НЕАПОЛЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ БОСПОРА

(ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КЕРАМИЧЕСКОЙ ТАРЫ ИЗ РАСКОПОК НЕАПОЛЯ 1945—1950 гг.)

Приморские города Боспора сыграли большую роль в торговле окружающих племен, как входивших в состав Боспорского государства, так и обитавших по соседству.

Развитие торговых связей между местными племенами и боспорскими центрами протекало различно.

На основании литературных источников и археологических данных мы можем с большей определенностью судить о характере экономических отношений Боспора с днепровскими скифами, синдами и меотами, чем о связях с крымскими скифами, жившими непосредственно у западной границы Боспора.

Не решая вопроса о торговых связях Неаполя Скифского во всей сложности этих отношений с другими центрами, мы попытаемся выяснить роль Боспора в снабжении Неаполя, поскольку это позволяет сделать массовый археологический материал, в частности, керамическая тара, черепица и другие предметы, попадавшие сюда в качестве импортных товаров [1].

Раскопки, производившиеся в последние годы, установили, что Неаполь был основан в начале III в. до н. э.[1]

Близость больших городов Северного Причерноморья содействовала проникновению в быт Неаполя их культуры. Однако весь уклад хозяйственной жизни, тесно связанный со степным окружением, где скотоводство и земледелие составили основу экономической базы, определил самобытный характер экономики города.

Торговля и ремесла не получили здесь большого развития. Неаполь не имел выходов к морю и не мог участвовать во внешней морской торговле подобно прибрежным городам. Торговые взаимоотношения Неаполя были ограничены сухопутными путями сообщений, связывавшими его с портовыми городами, куда доступ для скифов был затруднен.

Наиболее удобным местом для вывоза скифских товаров были Херсонес и города западного побережья Крыма. Для Неаполя они имели значение транзитных торговых центров.

Скифы неоднократно и настойчиво стремились к захвату Херсонеса, но ни разу эти попытки не увенчались успехом. Им удалось временно обосноваться в Керкинитиде и Прекрасной Гавани. Однако эти приморские города, даже в период своей зависимости от

[1] Массовый привозной материал в подавляющем большинстве состоит из обломков амфор и черепицы. Прочие предметы, характеризующие привоз в Неаполь, крайне ограничены, а находки монет единичны. Поэтому привлеченный нами массовый керамический материал является основным и наиболее надежным археологическим источником, позволяющим сделать ряд общих выводов о торговле Неаполя.

[1] Раскопки П. Н. Шульца и А. Н. Карасева 1945—1951 гг.

скифов, оставались в хозяйственной орбите Херсонеса, и завоевание их не открыло скифам прямого пути к морской торговле. В силу этих условий торговля не могла быть обильным источником обогащения городского населения Неаполя, а выгоды морской торговли оставались привилегией приморских городов.

В Неаполе, даже в пору его расцвета, средним слоям городского населения почти не были доступны привозные предметы художественного ремесла, имевшие самое широкое применение в быту больших приморских городов. Обломки чернолаковой посуды составляют на этом городище единичные находки. Некоторые греческие формы бытовой посуды, в частности, лутерии и лекифы, широко распространенные во всех приморских городах, были здесь мало известны, между тем лепная, кухонная посуда имела большое применение. Значительную часть всех находок составляют обломки керамической тары и черепицы. Однако количество их, по сравнению с аналогичным материалом в городах Боспора, невелико. Даже в малых городах, какими был Мирмекий, Тиритака или Киммерик, импорт, связанный с керамической тарой, был гораздо обильнее и разнообразнее, что свидетельствует о сравнительно скромных размерах торговли Неаполя.

Наиболее ранние находки привозных предметов связаны с появлением в Неаполе импорта с начала III в. до н. э. Это группы синопской и херсонесской черепицы, наиболее ранние из найденных родосских клейм (III в. до н. э.), и единичные обломки чернолаковой керамики того же времени.

Среди привозного материала преобладает синопская черепица. Изделия III в. до н. э. других центров составляют сравнительно небольшую часть ввоза.

Синопская черепица была в большом употреблении, наряду с херсонесской; боспорская же проникала в крайне незначительном количестве, а гераклейская (составляющая заметную часть находок в Пантикапее) здесь совершенно не встречается.

В приморских городах Боспора и в Херсонесе в III веке состав привозной керамической тары иной. В большом количестве сюда попадала продукция Фасоса, Гераклеи и некоторых неизвестных нам центров, пользовавшихся неклейменой тарой: широко распространены были высокие, красноглиняные амфоры с «колпачковыми» ножками, амфоры с широким туловом на высокой, расширенной внизу «рюмкообразной» ножке, амфоры с широкими нависающими венцами типа найденных в кургане Солоха, местная пантикапейская тара IV—III в. до н. э. и некоторые другие.

Все эти типы амфор употреблялись на Боспоре не только в IV в., но и в течение III в. до н. э., причем Гераклея прекратила свой импорт только в третьей четверти III в., а Фасос продолжал ввоз еще в начале II в. до н. э.

Сравнивая основные группы привозной продукции, попадавшей в Неаполь в III в., с импортом боспорских городов и Херсонеса того же времени, можно легко убедиться, что многие товары, широко распространенные в больших приморских центрах, не попадали в Неаполь. Совершенно очевидно, что в этот период Неаполь не был сколько-нибудь значительным торговым центром и его рынок довольствовался весьма ограниченной продукцией. Надо думать, что в начале III в. до н. э. Неаполь представлял собой значительный укрепленный город Скифского государства, а значение торгового центра страны он получил только в конце III в. и во II в. до н. э.

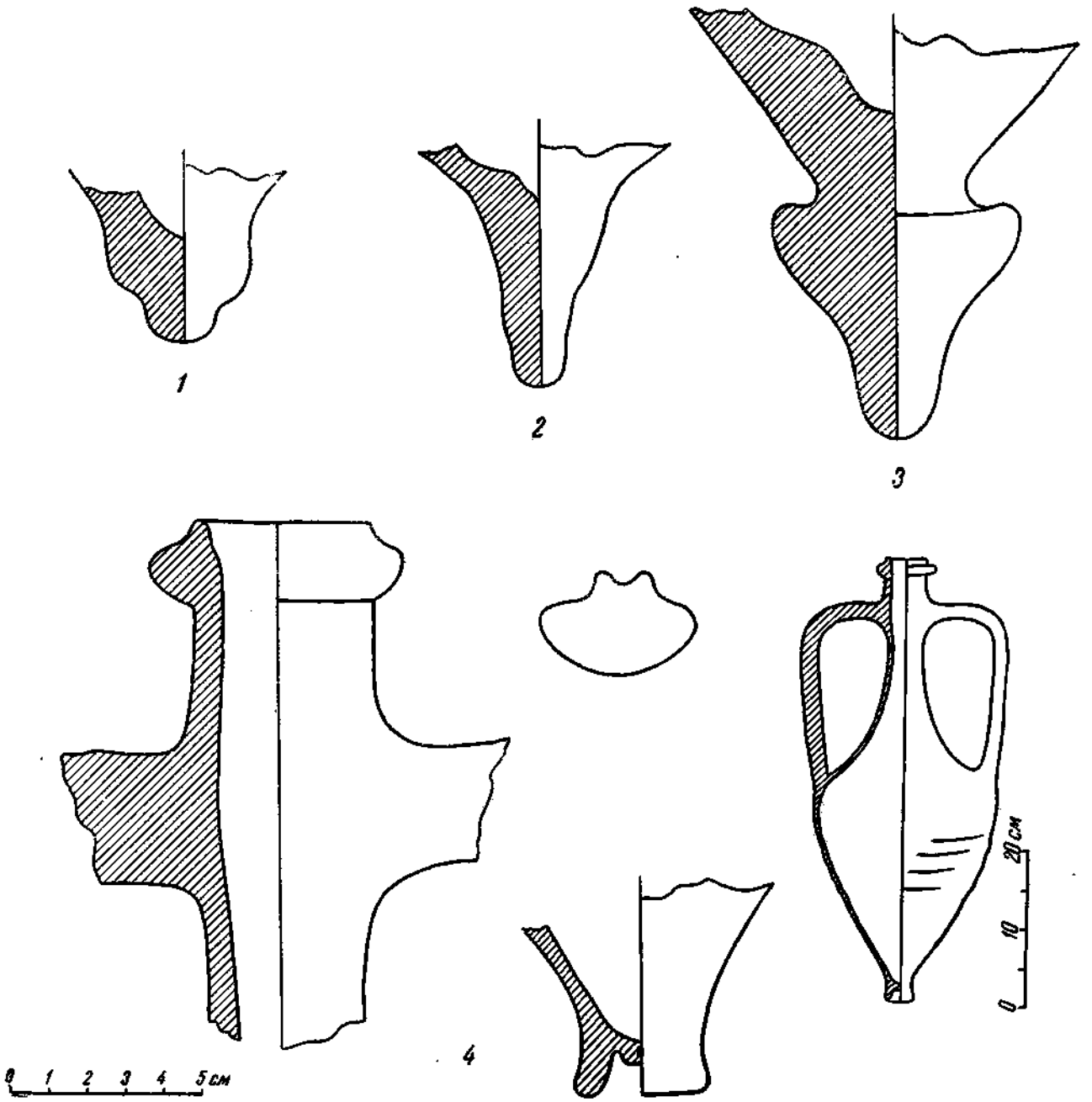
Наиболее свободно сюда поступал импорт родосского вина. Обломки родосских амфор преобладают над прочими группами керамической тары эллинистического времени и относятся они преимущественно ко II в.—началу I в. до н. э. Клейма на ручках этих амфор составляют подавляющее большинство среди прочих амфорных штемпелей. Постоянно встречаются и другие обломки этих же сосудов, в частности, обломки ручек, употреблявшихся в качестве лощил [1].

Синопская керамическая тара, массовый выпуск которой начался в III в. и особенно усилился во II в. до н. э., в Неаполе почти отсутствует. Находки клейменых ручек синопских амфор насчитываются единицами, а обломки этих сосудов встречаются очень редко.

Косское вино поступало в значительно большем количестве, чем продукты в

[1] Благодаря высокому качеству глины родосских амфор из их ручек часто изготовляли лощила. Подобные лощила встречаются не только в Неаполе, но и на Боспоре. Особенно же много их на Кубани, на Елизаветинском городище.

Таблица I

Типы остродонных амфор

1, 2, 3 — ножки некоторых типов амфор II—I вв. до н. э. с двуствольными ручками; *4* — амфора II—III вв. из погребения воина, найденная в Неаполе

синопской керамической таре. Косские амфоры клеймились спорадически, а потому судить об этой группе импорта на основании находок клейм нельзя. Неклейменые косские ручки и другие обломки сосудов составляют заметную часть среди амфорного материала. Характерны двуствольные ручки, отличающиеся прекрасной розоватой глиной, которая, в отличие от родосской, не лишена мелких блесток слюды. Амфоры эти сформованы очень тщательно, а их поверхность покрыта светлой зеленоватой обмазкой. Ножки косских амфор очень низкие, с утолщением в верхней части и небольшим закругленным выступом на конце (см. таблицу I, *1*). Форма их засвидетельствована большим количеством находок в городах Боспора. В Неаполе, кроме этого типа ножек, особенно часто встречается небольшая конусовидная ножка (см. таблицу I, *2*), которая отличается такой же чистой, розоватой глиной с небольшим количеством слюдяных включений и такой же светлой обмазкой, как на косских амфорах. Возможно, что этот тип ножек принадлежит к одному из вариантов косских амфор.

Кроме косских, на Неапольском городище постоянно встречаются двуствольные ручки других амфор. Обломки их разнообразны по глине, что свидетельствует о производстве керамической тары с двуствольными ручками не только на Косе, но и в других центрах.

Амфоры с двуствольными ручками выделяются среди материала Неаполя своей многочисленностью, едва ли не преобладая над импортом Родоса. Большую часть из них составляют косские и светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками I в. до н. э. и I в. н. э., о которых особо будет сказано ниже.

Эллинистические амфоры с двуствольными ручками, кроме Коса, производились по крайней мере в двух других центрах. Один из типов по форме сходен с косской тарой, но отличается от нее некоторыми деталями профилированных частей и совершенно иной глиной. Конусообразно заостренные ножки этих сосудов отделены от тулова глубоким перехватом (см. таблицу I, *3*). Венец округлых очертаний — с нависающим и заостренным нижним краем. На нижней части горла, подобно косским амфорам, имеется легкий изгиб, ручки двуствольные. Глина светлая, розоватая, содержит примеси кварцевого песка, шамота и черных блестящих частиц (авгита). Подобная амфора в раздавленном виде была найдена в Елизаветинском могильнике на Кубани в погребении II в. до н. э.[1]

Как и на Боспоре, встречаются двуствольные ручки каких-то красноглиняных амфор неизвестной нам формы. По времени они относятся к III—I вв. до н. э.

Книдские амфоры привозились в Неаполь в весьма ограниченном количестве. Импорт этого центра вообще не был велик ни на Боспоре, ни в Херсонесе. На Неапольском городище были встречены единичные клейменые ручки и обломки острых доньев с валикообразным налепом в верхней части, характерные для этой группы амфор.

Находки херсонесских амфор не превышают количества синопских и встречаются реже, чем амфоры с двуствольными ручками или родосские. Херсонесское вино мало вывозилось за пределы Гераклейского полуострова, однако импорт херсонесских товаров в Неаполь засвидетельствован, как уже было сказано выше, обильным количеством черепицы; наряду с синопской, она составляет здесь основную часть керамических строительных материалов.

Рассмотренные выше группы керамической тары Неаполя II в.— начала I в. до н. э. гораздо разнообразнее, чем аналогичный материал III в. до н. э., а количество находок, в особенности обломков родосских и двуствольных амфор, во много раз превышает количество находок более ранних типов амфор. Все это указывает на оживление торговли Неаполя с приморскими городами во II в. до н. э.

Участвовали ли в этой транзитной торговле города Боспора или Неаполь пользовался другими приморскими рынками?

На этот вопрос можно ответить, сравнив состояние импорта на рынке Неаполя во II в.— начале I в. до н. э. с рынком Пантикапея и других городских центров Боспора. Привоз родосского вина в города Боспора был особенно велик во II в.— начале I в. до н. э. Однако на Боспоре родосская продукция не является преобладающей частью

[1] Раскопки В. А. Городцова 1935 г.; находится в МАЭ. См. И. Б. Зеест. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией. МИА, № 19, стр. 117, рис. 5, *3*.

импорта, как в Неаполе. Наиболее значительную привозную группу керамической тары на Боспоре составляют в это время синопские амфоры, а родосский ввоз в это время примерно в три раза меньше импорта Синопы.

О преимуществе синопского импорта над родосским на Боспоре свидетельствуют соотношения клейм этих групп [1] и новые данные раскопок на Митридате, где учитывается весь массовый материал керамической тары [2]. В Неаполе, как мы видели выше, над всеми прочими группами господствует родосская тара, а синопская ввозилась в очень ограниченном количестве.

Это различие в соотношении двух важнейших групп привозных амфор свидетельствует о существенном различии характера торговли вином Неаполя и Боспора.

Херсонесский импорт в этот период в Неаполь тоже носил иной характер: в городах Боспора привоз херсонесских амфор занимает совсем небольшое место, в Неаполе же импорт Херсонеса значительнее, примерно наравне с синопским и книдским. Эти различия в характере импорта показывают, что боспорский рынок во II в.— начале I в. до н. э. не был источником снабжения Неаполя вином, маслом и другими продуктами, перевозившимися в керамической таре, что подтверждает и почти полное отсутствие боспорской черепицы II в. до н. э. (как и более ранней) на этом городище.

Основным транзитным рынком, снабжавшим Неаполь во II в.— начале I в. до н. э., как и в III в. до н. э., несомненно, был Херсонес, откуда, наряду с импортными товарами, поступали местное вино и особенно обильно херсонесская черепица.

Вероятно, что в период наиболее тесных общений с Ольвией (II в. до н. э.) какая-то часть продукции поступала в Неаполь и через ольвийский рынок. Ольвия, как известно [3], обильно снабжалась родосским вином, которое могло отсюда попадать и в Неаполь.

В дальнейшем, вплоть до I в. н. э., Неаполь переживает период временного упадка. Скифы не добились желательных результатов в борьбе за выходы к морю и были отброшены за пределы херсонесских владений войсками Диофанта. В этот период торговые связи с Херсонесом, вероятно, неоднократно прерывались.

Вторичный расцвет Неаполя наступил в I—II вв. н. э. [1]

Военные действия скифов в это время были направлены, главным образом, на Боспор, который, однако, успешно отражал натиск скифов. В первые столетия нашей эры Боспор и Херсонес установили тесную экономическую связь с городами Южного Причерноморья, откуда поступал обильный импорт [2]. Это изменение состояния приморских рынков и торговых связей внесло решительные изменения и в торговлю Неаполя.

По своему характеру керамическая тара, попадавшая в то время на рынок Неаполя, ничем существенно не отличается от аналогичного материала Боспора и Херсонеса; в основном — это продукция тех же южнопонтийских центров.

В приморские города керамическая тара этих центров попадала в очень большом количестве, в Неаполе ее значительно меньше, но группы амфор, в основном, те же самые. Среди них выделяются синопские неклейменые амфоры, светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками и ножкой желудеобразной формы и небольшие амфоры темнокоричневой глины, обильно насыщенной черными блестящими частицами. Эти три группы характерны для I в. до н. э.— I в. н. э. [3]

Ввоз из центров южного побережья на Боспор и в Херсонес продолжался и во II в. н. э. С этим импортом связаны различные светлоглиняные, узкогорлые амфоры, довольно разнообразные по формам. Их отличительной особенностью является светлая, хорошо промешанная глина, с заметными блестками, с очень небольшой примесью светлого или серого кварцевого песка и редкими включениями черных блестящих частиц авгита.

Среди светлоглиняных амфор I—II вв. н. э. можно различить небольшие сосуды типа клейменых амфор Гниловского городища,

---

[1] Е. М. Придик. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия 1932—1934 гг. МИА, № 4, стр. 174.

[2] Раскопки В. Д. Блаватского 1945—1949 гг.

[3] Б. Н. Граков. Клейменая тара эпохи эллинизма. Архив ИИМК, 538.

[1] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», 1947, № 5, стр. 64.

[2] И. Б. Зеест. Новые данные о связях Боспора с Южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 106.

[3] И. Б. Зеест. Ук. соч., рис. 5, 6, 7.

опубликованных Т. Н. Книпович [1], амфоры с чрезвычайно узкими и очень высокими горлами или с более широкими прямыми или слегка раздутыми горлами. Ручки амфор этих типов профилированы симметрично или более сложно расположенными бороздками. Стенки обычно имеют слабо выраженную реберчатую поверхность.

Наиболее поздние из светлоглиняных привозных амфор на Неапольском городище — амфоры с прямым и высоким горлом, небольшим округлым туловом со слегка реберчатой поверхностью; ручки имеют один высокий продольный гребень, рассеченный на вершине продольной бороздкой; острое дно оканчивается узким в диаметре (4 см) поддоном высотой 2—3 см. Целая амфора этого типа (табл. I, *4*) найдена в могиле, на территории Неапольского городища (площадь № 8, раскопки 1949 г.) [2].

Могильная яма была прослежена в слое темной мусорной земли, отложившейся на протяжении I—II вв. н. э., что позволяет на основании стратиграфических условий отнести амфору ко времени не ранее II или III вв. н. э.

Еще одна группа светлоглиняных амфор, относящаяся ко II—III вв. н. э., часто встречается на Неапольском городище, хотя и не в таком количестве, как первая. Эти сосуды совершенно отличны и по форме, и по технике изготовления от всех уже перечисленных нами типов малоазийских амфор. Выделка их очень груба — глина содержит примеси песка и шамота, стенки толстые, венец выделен не четко и всегда мятой формы. Ручки не имеют стандартной профилировки, но в общем приближаются по форме к овальным ручкам с одним округленным на вершине продольным гребнем. Горло очень узкое в верхней части, расширяется книзу, начиная от места прикрепления ручек. На горлах часто сохраняются нанесенные красной краской знаки, которые отличаются от обычных букв греческого алфавита. Это дало основание Т. Н. Книпович предположить, что местом изготовления сосудов был один из городских центров Северного Причерноморья, возможно Боспора [3].

[1] Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 142, рис. 46.

[2] А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, XXXVII, стр. 170, рис. 55б.

[3] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 73 и 75, рис. 28А — 29.

Амфоры этого типа настолько не похожи на все прочие известные нам светлоглиняные амфоры и так широко распространены на Боспоре, что выделение их в особую группу, возможно северо-причерноморского происхождения (может быть, боспорского), нам представляется наиболее вероятным.

Как уже было отмечено, весь материал керамической тары Неаполя первых веков относится к типам амфор, широко распространенных на Боспоре и в Херсонесе, и появление его в Неаполе не может служить указанием на прямые торговые сношения с Боспором. Вряд ли военная напряженная обстановка на западной границе Боспора могла содействовать укреплению торговли Боспорского государства со скифами. Привозились эти амфоры в Неаполь, по всей вероятности, из Херсонеса, Керкинитиды и Прекрасной Гавани, куда они могли свободно попадать из городов Боспора.

Более определенно участие Боспора в торговле Неаполя выступает в конце II в. и в III в. н. э. после решительной победы Савромата II над скифами и в правление Рискупорида III, прямо титуловавшего себя «царем всего Боспора и тавроскифов» [1].

О быстро укрепившихся торговых связях Боспора со столицей скифов свидетельствует массовое проникновение туда боспорских ремесленных изделий, которые поступали в обмен на скифские товары.

На Боспоре в это время местное производство и ремесло получили возможность широкого развития. Виноделие было одной из существенных отраслей хозяйства во многих городах. Вино изготовлялось не только для местного потребления, но и на экспорт.

Одним из наиболее распространенных в Неаполе является тип амфоры, найденный в Мирмекии в 1938 г. [2] Эти амфоры изготовлялись в Пантикапее и были широко распространены на Боспоре в конце II в. и в III в. н. э. Встречаются здесь и ручки, несколько другого типа, но сходные по профилировке и по глине с типом ручек мирмекийских амфор. У них продольная выемка на тыловой части врезана глубже и всегда имеет асимметричную форму.

[1] В. В. Шкорпил. Новейшие боспорские надписи. ИАК, 63, стр. 112; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 336.

[2] О. Э. Ланговая. Позднеримская амфора из Мирмекия. СА, VII, стр. 289.

Другой тип боспорских амфор конца II в.— III в. н. э., вывозившийся за пределы Боспора, как и приведенный выше тип, отличается более сложной профилировкой деталей. Массивные ручки имеют широкое продольное углубление, по середине которого проходит валик. С тыловой стороны ручек имеется глубокий асимметричный вырез. Венцы обычно сформованы в виде массивных полуваликов.

Встречаются массивные венцы прямоугольной в сечении формы, профилированные с наружной стороны двумя или тремя глубокими врезанными бороздками. Диаметр подобных венцов достигает 24—25 см. Эти профилированные части принадлежат большим боспорским амфорам II—III вв. н. э. с реберчатой поверхностью, покрытой красной краской. Более поздние типы боспорских амфор, известные по находкам в Пантикапее, здесь не встречаются.

Среди амфорного материала в Неапольском городище, относящегося к позднеримскому периоду, группа боспорских амфор занимает заметное место, но не доминирует над всем материалом. Большую часть его составляют различные красноглиняные амфоры, которые отличаются характерной для херсонесских изделий (или сходных с ними) красной глиной, содержащей большее или меньшее количество включений песка, крупных белых и черных блестящих частиц.

Весь этот материал можно условно объединить в группу херсонесско-неапольскую, обычно встречающуюся в районе Херсонеса и Неаполя, производство которой не связано с Боспором. Наличие этой большой группы амфор в Неаполе свидетельствует о том, что и в поздний период своей жизни Неаполь не прекращал торговли с Херсонесом, которая развивалась одновременно с боспорской торговлей.

Наблюдения над массовым материалом из Неаполя и сопоставление их с известными нам данными о торговле Боспора позволяют выяснить, какое место в торговле с местными племенами (которая была одним из основных факторов в развитии экономики Боспора) занимала торговля с крымскими скифами.

Ближайшее к Пантикапею население Керченского полуострова очень рано оказалось втянутым в общую систему торговли Боспора и участвовало в развитии его крупного зернового хозяйства.

Возникновение Неаполя в степной области Крыма, не связанной удобными торговыми путями с городами Боспора и тяготевшей к юго-западным приморским центрам, не способствовало первоначально развитию торговых общений Боспора с крымскими скифами. В период возникновения Неаполя Боспор уже имел прочно налаженные связи со скифскими племенами Приднепровья, с племенами, населявшими приазовские степи и нижнее Придонье, а также обширные земледельческие районы Прикубанья и Таманского полуострова, торговля с которыми не прекращалась до конца существования Боспорского государства.

Торговые связи Боспора с юго-западным районом Крыма, подвластным Херсонесу, укрепились при Митридате и продолжали развиваться в последующее время.

В период вторичного расцвета Боспорского государства, в первых веках нашей эры, торговля его распространилась и на область крымских скифов. Об этом свидетельствует появление на рынке Неаполя боспорского импорта II—III вв. н. э., который поступал сюда до последних лет существования города. Продукция Боспора, однако, не составляла доминирующей части импорта. В этот поздний период привозные товары продолжали поступать преимущественно из Херсонеса.

Завязавшиеся торговые связи Боспора с крымскими скифами свидетельствуют о большом экономическом значении Боспора в один из его поздних периодов, в течение которого Боспор еще оказывал воздействие на развитие экономики и культуры соседних народов.

И. Т. Кругликова

О МЕСТНОЙ КЕРАМИКЕ ПАНТИКАПЕЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ЭТОГО ГОРОДА

Вопрос о роли местного и греческого населения в городах Боспора занимает в настоящее время всех изучающих историю Боспорского царства. Племена, окружавшие города, основанные греческими колонистами, уже с самого раннего времени имели тесные связи с городским населением, а частично даже и входили в его состав. Испытывая влияние греческой культуры, они, в свою очередь, оказывали значительное, однако неодинаковое в различные исторические периоды влияние на культуру населения городов.

Для выяснения роли местных племен в жизни Пантикапея необходимо использовать все виды источников: литературные, эпиграфические и археологические. Среди последних значительное место занимает керамика.

Наличие в Пантикапее безусловно местной керамики, аналогичной образцам, встречающимся при раскопках поселений, принадлежавших окружавшим Боспор племенам, свидетельствует о том, что в составе населения города были и представители этих племен, так как для изготовления лепной или лощеной керамики определенных форм с типичным орнаментом необходим и навык, и своеобразный круг представлений, отражающийся в орнаменте.

В данной работе рассматриваются те группы керамики, которые находят себе аналогии среди сосудов, употреблявшихся племенами, жившими поблизости от границ Боспорского царства, а частично и входившими в состав его населения. Керамика местного производства, типы которой находят себе аналогии среди греческой посуды, в работе не рассматривается. Только отдельные экземпляры, техника производства которых тесно связана с приемами производства посуды у окружающих Пантикапей племен, привлекались по ходу изложения.

Керамика является наиболее массовым материалом, находимым при раскопках. Среди инвентаря погребений глиняные сосуды встречаются наиболее часто. Но особенно много керамических находок дают раскопки городищ.

В культурных слоях боспорских городов преобладают остатки бытовой глиняной посуды, преимущественно фрагменты остродонных амфор, служивших тарой для перевозки различных продуктов. Встречается много фрагментов простой боспорской керамики хорошей выделки из тщательно отмученной глины, т. е. обычной посуды боспорского производства — столовой и кухонной. В различных количественных взаимоотношениях, в зависимости от времени, к которому относится культурный слой, встречаются фрагменты привозной греческой посуды, а также посуды, типы и техника изготовления которой характерны для местных племен, окружавших боспорские города. Среди последней

группы керамики, безусловно, местного производства имеются очень примитивные сосуды, сделанные от руки из плохо промешанной глины с грубыми примесями, чаще всего с толченой ракушкой или известняком. Условно эту керамику можно назвать «керамикой из грубой глины». Иногда сосуды, вылепленные из такой глины, изготовлялись и с помощью примитивного гончарного круга. Обычно их стенки бывают сильно закопчены и покрыты нагаром, свидетельствующим о том, что сосуды служили для приготовления пищи на огне, чему соответствуют их крупные размеры и форма, чаще всего в виде горшка.

Другой тип, встречающийся среди этой группы,— посуда, наружная поверхность которой залощена, причем лощение бывает черным и серым, но иногда, в зависимости от степени и условий обжига, черепок сосуда с поверхности и даже в изломе принимает розовый оттенок.

Эта керамика обычно выделывалась из очень хорошо отмученной глины с мало заметными примесями. Часто она изготовлялась с помощью гончарного круга. Для ее обжига применялись, вероятно, особые условия, поэтому в изломе черепок имеет обычно серый цвет. Формы и размеры сосудов были довольно разнообразны.

Повидимому, керамика с лощеной поверхностью играла роль столовой посуды. И керамика «из грубой глины», и «с лощеной поверхностью» преимущественно повторяет формы и орнамент сосудов, встречающихся на городищах и в могильниках соседних местных племен, а иногда подражает греческой привозной или боспорской посуде.

Культурные слои античных городов Боспора в редких случаях сохранились ненарушенными. Интенсивная жизнь города на одном и том же месте приводила к тому, что различные ямы хозяйственного и другого назначения нарушали слои более раннего времени и культурные наслоения предшествующих эпох оказывались выброшенными на поверхность и перемешанными с более поздним материалом. Поэтому керамику, найденную при раскопках Пантикапея, очень трудно точно датировать. В слоях первых веков н. э. в большом количестве встречаются остатки сосудов, относящихся к предшествующим этапам, как, например, черно-лаковые и расписные сосуды VI—IV вв. до н. э.

Однако иногда встречаются и неповрежденные слои, и содержащаяся в них керамика, наряду с сосудами из погребений, явилась основой для хронологической классификации местной керамики, рассматриваемой в настоящей работе [1].

В связи с тем, что при археологических раскопках не всегда можно выделить культурные слои с точностью до одного века, во избежание грубых ошибок в хронологическом определении разбираемых типов керамики, мы группируем их по четырем хронологическим периодам, рассматривая отдельно период VI—V вв. до н. э., IV—II вв. до н. э., II в. до н. э.— II в. н. э. и III—IV вв. н. э.

Подобная группировка материала не лишена недостатков. Так, керамика II в. до н. э. могла при описании попасть и во второй, и в третий периоды. Но, допуская некоторую нечеткость в разграничении керамики по векам, мы избегаем более грубых ошибок; к тому же представленный нами материал может быть уточнен и дополнен при более широком размахе раскопочных работ в Керчи, что позволит детальнее изучить и четче разграничить культурные слои Пантикапея.

Не останавливаясь на местной керамике греческих типов, мы рассматриваем лишь четыре группы, позволяющие наиболее отчетливо проследить влияние культуры местных племен на керамическое производство Пантикапея.

Керамика сгруппирована согласно различию в технологии выделки: к первой группе относятся лепные сосуды «из грубой глины», ко второй — сосуды из глиняного теста такого же качества, но сделанные с помощью гончарного круга, к третьей — лепные сосуды с лощеной поверхностью, к четвертой — сосуды с лощеной поверхностью, сделанные с помощью гончарного круга.

---

[1] Автор использовал материалы раскопок Пантикапея 1945—1949 гг., проводившихся под руководством В. Д. Блаватского, привлекая сосуды из прежних раскопок, хранящиеся в Государственном Керченском историко-археологическом музее им. А. С. Пушкина, Государственном Эрмитаже и ГИМ. Для датировки слоев использовались отчеты В. Д. Блаватского о раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг., хранящиеся в Архиве ИИМК.

1. ПЕРИОД VI—V ВВ. ДО Н. Э.

В конце VII в. и начале VI в. до н. э. отношения греков с населением Северного Причерноморья приобретают более или менее регулярный характер. Возникают постоянные греческие эмпории [1], изделия греческих ремесленников проникают вглубь территорий, населенных местными племенами. С VI в. до н. э. на северном побережье Черного моря появляются первые поселения греков-колонистов, переселившихся в далекие холодные области, богатые хлебом, рыбой, плодородными землями, на которых можно было заниматься земледелием и садоводством.

До недавнего времени исследователям еще не удавалось с достоверностью установить, существовало ли на месте Пантикапея догреческое поселение и каковы были взаимоотношения греческих переселенцев с местным населением. Но само название города негреческого происхождения уже заставляло предполагать наличие такого поселения вблизи или на той же самой территории. В 1952 г. существование догреческого поселения было установлено В. Д. Блаватским на Митридате. Следы догреческих поселений найдены при раскопках Нимфея, Тиритаки, Киммерика и др. [2]

В VI в. до н. э. в городах, основанных греческими переселенцами, уже начинает развиваться собственное ремесленное производство, в частности керамическое. Правда, изделия городских ремесленников еще полностью повторяют греческие типы сосудов. Но уже в VI в., наряду с греческой посудой ремесленного производства, встречается грубая лепная и лощеная керамика скифо-меотских типов, что свидетельствует о проникновении в состав городских жителей местного населения Северного Причерноморья.

В начале V в. до н. э. произошло объединение греческих городов Боспора. Но объединенное государство Археанактидов занимало небольшую территорию и влияние местной культуры в жизни греческих городов было еще очень незначительно, тогда как, благодаря более высокому уровню развития производительных сил и наличию у греков-колонистов развитых рабовладельческих отношений и постоянных торговых связей с местными племенами, греки оказывали большое влияние на социальное и экономическое развитие этих племен, способствовавшее быстрому росту социально-имущественной дифференциации. Племенная аристократия широко пользовалась греческими ремесленными изделиями, привозившимися из Средиземноморья. Расширение торговых связей с соседними племенами оказало влияние и на керамическое производство Пантикапея. Пантикапейские ремесленники, желая увеличить спрос на свои изделия, приспосабливаясь к вкусам потребителей, использовали местные традиции орнаментации керамики.

Мы имеем небольшое количество фрагментов керамики интересующих нас групп, которые могут быть отнесены к VI—V вв. до н. э., т. е. к первым векам существования Пантикапея.

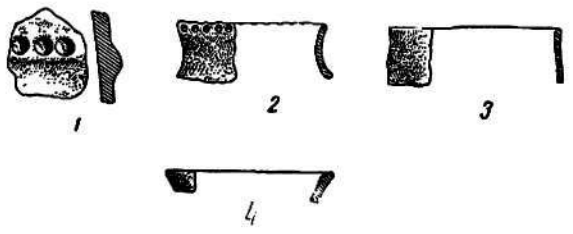
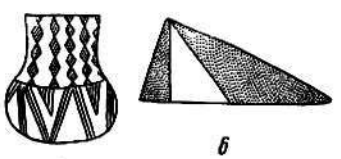
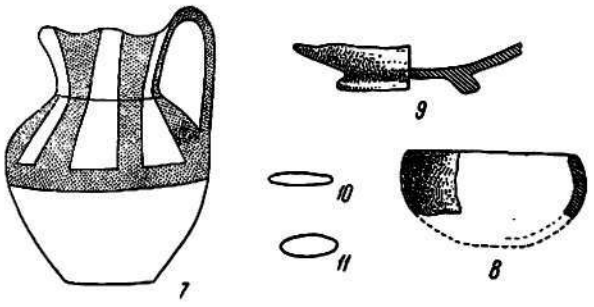
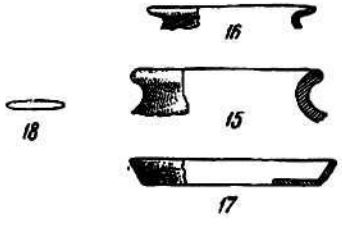
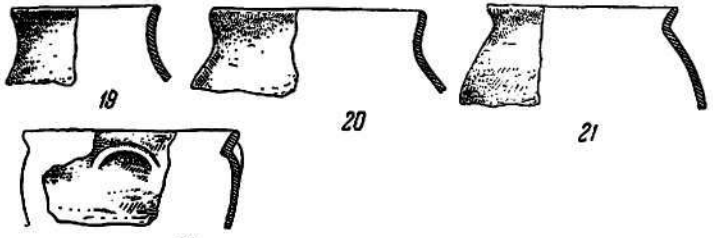
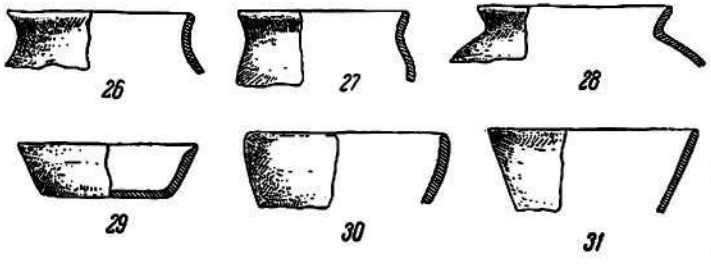
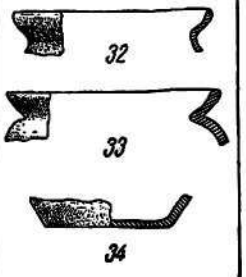
Принято обычно объяснять это обстоятельство тем, что слои VI—V вв. до н. э. раскопаны в Пантикапее лишь на очень небольших площадях. Этого, конечно, отрицать нельзя. Но в то время как фрагменты привозной расписной и чернолаковой керамики VI—V вв. до н. э. встречаются не только в слоях и могилах VI—V вв. до н. э., но и в слоях более позднего времени и особенно в мусорных свалках, характерной для местных племен Северного Причерноморья керамики VI—V вв. до н. э. почти совсем не встречается. Если ранее можно было предполагать, что мы не умеем ее выделить, не знаем типов местной керамики раннего времени, тогда как типы привозной хорошо известны, то теперь, после раскопок Киммерика, где найдено большое количество местной керамики VI—V вв. до н. э., мы уже этого говорить не можем. Да и вскрытие слоев VI—V вв. до н. э. в Пантикапее на раскопе Верхнем

---

[1] См. статью В. Д. Блаватского, опубликованную в настоящем сборнике.

[2] М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея, СА, XVI, 1952, стр. 238 и сл.; Т. Н. Книпович и Л. М. Славин. Раскопки юго-западной части Тиритаки, МИА, № 4, стр. 40 и сл.; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной части Мирмекия. МИА, № 4, стр. 130; Е. Г. Кастанаян. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, стр. 250 и сл.; И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, XLIII, стр. 108 и сл.; Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой балки. КСИИМК, XL, стр. 120 и сл.

ТИПЫ КЕРАМИКИ VI В. до Н. Э.— I В. Н. Э.

	Лепные сосуды из грубой глины	Сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге	Лепные сосуды с лощеной поверхностью	Сосуды с лощеной поверхностью, сделанные на гончарном круге
VI-V вв. до н. э.				
IV-II вв. до н. э.				
II-I вв. до н. э				
I в. до н. э. I в. н. э.				

Митридатском [1], слоя V в. до н. э. на Семибратнем городище [2], архаического дома в Тиритаке [3], слоя VI—V вв. до н. э. в Мирмекии [4] позволяют утверждать, что привозная и местная керамика греческих типов преобладала в быту населения боспорских городов этого времени, однако употреблялась все же и керамика совершенно иных типов — «скифская посуда, сделанная без гончарного круга» [5], как пишет В. Ф. Гайдукевич, характеризуя находки из архаического дома в Тиритаке.

То же самое можно сказать и по отношению к Пантикапею, где в слое VI—V вв. до н. э., несмотря на сравнительно большое количество посуды греческих типов, типичной местной керамики этого времени было найдено мало.

Из интересующих нас групп керамики имеются только первая, третья и четвертая. Сосудов из грубой глины, сделанных на гончарном круге, в слое, относящемся к этому времени, найдено не было.

Лепные сосуды из грубой глины

Имеются два фрагмента, которые по своей фактуре и орнаментации могут быть отнесены к VI в. до н. э. Оба были найдены в слое III—IV вв., содержавшем материал более раннего времени, и отнесены к VI в. до н. э. по аналогии с керамикой, найденной в жилом комплексе VI—V вв. до н. э. в Киммерике. Форма обоих сосудов по имеющимся фрагментам не может быть восстановлена с уверенностью. Для обоих характерна орнаментация в виде горизонтального налепного валика [6], по которому у одного из фрагментов идет ряд нанесенных пальцем вдавлин [7] (табл. I, *1*).

Лепная керамика с такой орнаментацией встречается на городище станицы Елизаветовской [1]. Она не имеет ничего общего с типами обычной греческой керамики VI в. до н. э. и тесно связана с местной традицией, повидимому, идущей еще от эпохи поздней бронзы. Она очень близка к керамике Кобякова городища [2], Алексеевского поселения [3], к керамике верхнего слоя Алхастинского поселения [4] и др. К этой же группе местной пантикапейской керамики относятся несколько фрагментов, которые по имеющимся аналогиям и по условиям находки могут быть датированы как VI в., так и V в. до н. э.

Горшки и миски. 1. Фрагменты горшков с высоким, слегка отгибающимся краем и покатыми плечами [5]. По краю одного из них шел поясок из вдавленных пальцем углублений [6] (табл. 1, *2*). Сосуды аналогичной формы с таким же орнаментом найдены на Елизаветовском городище [7], в Нимфее — в слое V в. до н. э. [8], в Фанагории — в керамической свалке архаического и классического времени [9], в Мирмекии — в слое V в. до н. э. [10]

2. Фрагмент края сосуда почти баночной формы с диаметром устья 17 см. Сосуд имел сравнительно тонкие стенки — 0,3—0,4 см и довольно хорошо заглаженную поверхность (табл. I, *3*) [11].

3. Фрагмент верхней части толстостенной миски очень большого диаметра с утолщенным и срезанным наискось краем [12]. Толщина стенок миски достигает 1,8 см (табл. I, *4*).

---

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 215.

[2] Н. В. Анфимов. Раскопки Семибратнего городища. КСИИМК, XXXIII, 1951, стр. 242.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия. ВДИ, 1947, № 3, стр. 191.

[4] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА, № 4, стр. 115, 128 и сл.

[5] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, М.— Л., 1949, стр. 39.

[6] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I/8, № 481.

[7] Там же, Э II/7, № 920.

[1] Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской. Известия ГАИМК, вып. 104, М.— Л., 1934, стр. 169, рис. 49, *6*, *10*; рис. 52, *6*, *7*.

[2] Там же, стр. 173, рис. 52, 7, *8*; А. А. Миллер. Отчет о работе Северокавказской экспедиции. Сообщения ГАИМК, т. II, стр. 87; т. I, стр. 131.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, стр. 137, рис. 59 и 57.

[4] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, стр. 19, рис. 11; стр. 21, рис. 15.

[5] Собр. ГМИИ, М. 48, Э. XV/10, № 409. Диаметр устья данного сосуда — 12 см; М. 49, Э XIV/11, № 230.

[6] Собр. ГМИИ, М. 49, Э. XIV/11 ЮВ, № 230.

[7] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 149, рис. 49, *3*.

[8] Колл. Гос. Эрмитажа, НФ, 48, № 359; Н., № 1381, 1382 и др.

[9] И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины. МИА, № 19, стр. 90, рис. 1, *2*.

[10] Собр. ЛОИИМК, № 139.

[11] Собр. ГМИИ, М. 48, Э XV/10. 3, № 444.

[12] Собр. ГМИИ, № 49, ВМ VIII + VII/23, № 1415. Фрагмент был найден в слое VI в. до н. э.

Лепные сосуды с лощеной поверхностью

Сосуд типа крынки. К VI в. до н. э. относится лепной сосуд с вертикальным высоким горлом и почти круглым дном (табл. I, *5*; рис. 1, *1*). Его поверхность буроватого цвета сохранила следы блестящего лощения и сверху донизу орнаментирована процарапанными линиями, образующими сложный узор в виде спускающихся от края до плеч рядов соединенных остриями прямоугольников и параллельных линий, а также треугольников на плечах и тулове. Высота сосуда — 12 см, диаметр устья — 7 см. Он был найден в 1898 г. Думбергом при раскопках на горе Митридат вместе с ионийским аском VI в. до н. э., недалеко от гробницы 1, датируемой V в. до н. э.[1]

Очень близок ему по форме, величине и по технике нанесения орнамента лепной сосуд, найденный в Тамани в насыпи[2]. Сосуды с геометрическим орнаментом такого типа относятся к архаическому времени. Фрагменты сосудов с таким орнаментом были найдены в Мирмекии в слое VI в. до н. э.[3]

Близкий по типу сосуд найден в 1935 г. в Моздоке[4], другой скифский сосуд из Приднепровья опубликован с материалами из коллекции Ханенко[5]. При этом интересен орнамент на последнем сосуде, представляющий собою поясок из вписанных друг в друга треугольников, имеющих общее основание. Он напоминает орнамент нижней части сосуда, найденного в Пантикапее.

Фрагмент с подобным же орнаментом встречен в зольном пятне кургана № 1 у станицы Сенной вблизи древней Фанагории[6]. Такой процарапанный орнамент с углублениями, заполненными белой краской, принято называть «инкрустированным». В Крыму фрагменты лощеных сосудов с геометрическим «инкрустированным» орнаментом найдены в Нимфее в слоях VI в. до н. э.[7] и в окрестностях Симферополя, в стоянках так называемой кизил-кобинской культуры[1]. Все это заставляет связать описываемый сосуд с догреческим местным населением Пантикапея, может быть, продолжавшим здесь жить и после прихода греков. Это, безусловно, местный тип сосуда, на котором не чувствуется никакого влияния греческих образцов.

Фрагменты сосудов неизвестных форм. К этой группе принадлежал сосуд очень больших размеров, орнаментированный черными лощеными полосами, расходящимися от горла в виде лучей. Его фрагменты обнаружены в 1945 г. в Керчи, в раскопе с материалом от VI до II вв. до н. э.[2] (табл. I, *6*). Форму сосуда восстановить нельзя, но аналогичные фрагменты найдены в Мирмекии в слое V в. до н. э., содержащем более ранний материал[3], в Фанагории, в керамической свалке архаического и классического времени[4]. Изготовлен сосуд без гончарного круга. Густое черное лощение, характерное для скифской керамики, заставляет связывать сосуд с местным негреческим населением архаической, а может быть, раннеклассической эпохи. К архаической эпохе его можно отнести как по условиям находки, так и по аналогии орнаментации с лучеобразным орнаментом на найденной в Керчи в 1898 г. Думбергом[5] ойнохое, изготовленной на гончарном круге. Эта ойнохоя относится уже к следующей группе разбираемой мною керамики.

Лощеные сосуды, изготовленные с помощью гончарного круга

Ойнохои и кувшины. 1. Упомянутая выше ойнохоя обнаружена на горе Митридат в земляной покрытой досками гробнице, вместе с чернофигурными и черно-

[1] Архив ИИМК, дело 1898 г. Отчет Керченского музея, табл. 38 и 39; Собр. ГИМ, № 38173-180.
[2] Колл. ЛОИИМК, Т. 38/163.
[3] МИА, № 4, стр. 129, рис. 29.
[4] Хранится в Гос. Эрмитаже, инв. № 1465/143.
[5] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, т. III, табл. LXIII, *2*.
[6] И. Т. Кругликова. К вопросу о негреческом населении Фанагории. ВДИ, 1950, № 1, стр. 104, рис. 1.
[7] М. М. Худяк. Раскопки святилища Нимфея, СА, XVI, стр. 239, рис. 4.

[1] О. Д. Дашевская. Раскопки симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, XXXIX, стр. 113 и 117. Фрагменты керамики аналогичного типа обнаружены в Пантикапее в 1952 г. археологической экспедицией под руководством В. Д. Блаватского. Хранятся в ГМИИ — М, 52, ВМ, № 376 и 479.
[2] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ V/9, № 2160.
[3] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская. Раскопки северной и западной частей Мирмекия. МИА, № 4, стр. 134, рис. 39.
[4] Собр. ГМИИ, Ф. 39, Н Бл. 9/4, № 229; ВДИ, 1950, № 1, стр. 104, рис. 2.
[5] Собр. ГИМ, № 38173-180—14.

1 *2*

Рис. 1. Местная керамика

1 — лепной сосуд VI в. до н. э.; *2* — ойнохоя VI в. до н. э., сделанная на гончарном круге

лаковыми сосудами VI в. до н. э.[1] Она имела высоту 24,3 см, диаметр горла — 11 см, диаметр дна — 9 см. Горло и плечики ее украшены широкими, вертикальными, несколько расходящимися к краям, лощеными полосами. По плечам шла такая же широкая горизонтальная полоса. Широкая, почти плоская ручка была также покрыта блестящим черным лощением и поднималась над краем горла (табл. I, *7*; рис. 1, *2*).

2. К этой же группе керамики относится и фрагмент горла кувшина или ойнохои, найденный в слое VI в.[2], покрытый блестящим черным лощением, таким же, как ойнохоя из погребения VI в. до н. э. Встречаются уплощенные ручки с таким же лощением, вероятно, тоже принадлежавшие этому виду посуды[3] (табл. I, *10—11*).

Миски. Вторым типом описываемой группы керамики являются открытые миски со слегка загнутыми внутрь краями и довольно толстыми стенками. Диаметр по краю — от 16 до 20 см. Встречены в слоях различного времени, но всегда содержащих материал VI—V вв. до н. э.[1] Часть этих мисок можно отнести к слою VI—V вв. до н. э. по аналогии с найденными в Фанагории в свалке архаического и классического времени; подобной формы миски, но изготовленные вручную, без гончарного круга, найдены в Семибратнем городище[2], в поселениях Прикубанья скифской эпохи[3] и

[1] Архив ИИМК, дело 1898 г., рукописный отчет и фото № 19; ОАК за 1898 г., стр. 16—19.
[2] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ VIII + VII/26, № 1421.
[3] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ VI/10, № 2838.

[1] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ I—IV/13, № 4010; V/15, № 2324; М. 47, Б IX/4, № 807.
[2] Н. В. Анфимов. Отчет о раскопках Семибратнего городища 1939 г. Архив ИИМК, альбом к отчету, рис. 99.
[3] Н. В. Анфимов. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА XI, стр. 247, рис. 4, *3—4*; стр. 257, рис. 8, *2*; К. Ф. Смирнов. Раскопки Пашковского могильника в 1948 г. КСИИМК, XXXII; собр. ГИМ, погр. II, № 252; Пашковский могильник, 48.

часто встречаются в скифских поселениях [1]. Дно открытой миски с прекрасным черным лощением, найденное в Керчи [2], принадлежало миске на кольцевом поддоне (табл. I, *9*).

Лощеная, сделанная с помощью гончарного круга, керамика встречается в Пантикапее с VI в. до н. э. по III—IV в. н. э. Вероятно, она считалась нарядной столовой посудой. Об этом свидетельствуют условия находки ойнохои 1898 г. и сопровождающий ее остальной погребальный инвентарь,— в основном, привозная дорогая расписная и чернолаковая посуда.

Сосуды этой группы обычно отличаются хорошим качеством глины, часто они подражают формам античной греческой посуды, как, например, данная ойнохоя. Техника изготовления и подражание греческим формам сближают ее с греческой привозной керамикой и с посудой греческих типов, изготовлявшейся в городах Боспора. Но в то же время она отличалась от греческой керамики характером обжига, производившегося, вероятно, в особых условиях, о чем свидетельствует серый цвет глины, в отличие от обычного розовато-оранжевого и красного, характерных для боспорской керамики. Отличается она также и отделкой поверхности, которая залащивалась.

Обычай залащивать стенки сосудов характерен для скифов и меотов, тогда как греческая нарядная керамика этого времени большей частью покрывалась черным лаком.

Повидимому, факт появления на Боспоре этой группы керамики наиболее ярко свидетельствует о влиянии местного населения и его вкусов и традиций в процессе формирования культуры боспорских городов. Это влияние проявилось в стремлении боспорских ремесленников приспособиться ко вкусам местного населения, для чего они использовали местные традиции изготовления посуды и орнаментации. На примере изготовления мисок мы вновь сталкиваемся с той же особенностью местного керамического производства Пантикапея, т. е. с использованием пантикапейскими ремесленниками местных традиций. Но если при изготовлении ойнохой они использовали только способ орнаментации, то здесь они изготовляли с помощью новой техники старый, обычный и распространенный у местного населения тип посуды, но изменяя его, снабжая миску кольцевым поддоном.

Наличие в слое VI—V вв. до н. э. лощеной керамики, сделанной с помощью гончарного круга, свидетельствуя о влиянии вкусов и традиций местного населения на ремесленное производство городов, не может служить доказательством наличия этого населения в составе городских жителей.

Вместе с тем находки в Пантикапее в слоях VI—V вв. до н. э. керамики, сделанной без помощи гончарного круга и по образцам посуды, употреблявшейся в быту местными племенами, свидетельствуют о том, что в Пантикапее этого времени, кроме греков и сильно эллинизированного местного населения, были и представители окрестных племен (повидимому, в небольшом количестве), которые прочно сохранили свои обычаи и навыки изготовления посуды.

2. ПЕРИОД IV—II ВВ. ДО Н. Э.

В 438/437 г., как сообщает Диодор, власть от Археанактидов перешла к новой династии Спартокидов, вероятно, местного происхождения, правившей до конца II в. до н. э. В это время Боспорское царство переживало период наибольшего расцвета. В IV в. до н. э. сильно расширяются его границы. В состав Боспора была включена территория многих племен Прикубанья. В европейской части владения Боспора простирались до Феодосии, которая была присоединена в середине IV в. до н. э. Именно к этому периоду истории Боспорского царства относятся наиболее богатые погребения пантикапейского курганного некрополя, наиболее ценные образцы боспорских ювелирных изделий и художественной керамики. Они свидетельствуют о необычайном расцвете ремесла в IV в. и начале III в. до н. э., о скоплении больших богатств в руках боспорской аристократии. В слое этого времени, как и в предыдущем, встречены только три из описываемых нами групп керамики.

---

[1] Бельское городище. Собр. ГИМ, Моздокский могильник. Собр. Гос. Эрмитажа (экспозиция).

[2] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ VI/13, № 3112.

Лепные сосуды из грубой глины

Горшки. 1. Края больших горшков с диаметром устья около 22—23 см, с более или менее покатыми плечами, с толщиной стенки около 0,8 см [1]. Край довольно сильно отогнут и закруглен (табл. I, *12*).

2. Фрагмент шейки большого горшка с диаметром 30 см, с едва отгибающимся краем и покатыми плечами (табл. I, *13*). К шейке и плечам прикреплена ручка в виде налепной дуги [2]. Ручки в виде дугообразных выступов находят в доскифской и скифской керамике [3]. В виде «архаических пережитков» они встречаются в керамике Ольвии эллинистической эпохи [4]. Фрагменты сосудов с такими налепами встречены в Фанагории в слое эллинистического времени [5], на Семибратнем городище, в станице Раевской и т. д. В более позднюю эпоху они продолжали бытовать в Илурате. Кроме фрагментов краев, в Пантикапее в слое IV—II вв. до н. э. были найдены стенки лепных сосудов, может быть, тоже горшков [6].

Лепные сосуды с лощеной поверхностью

Горшки. Представлены фрагментом края горшка с диаметром горла 14 см [7]. Фрагмент найден в слое, предшествующем I в. до н. э., и, вероятно, относится к концу эллинистической эпохи (табл. I, *14*). Край горшка закруглен и отогнут, повторяя форму лепного, о котором говорилось выше (табл. I, *12*). Поверхность бурого цвета и слегка залощена как с наружной, так и с внутренней стороны. При этом лощение носит скорее характер заглаживания, чем орнамента.

Кроме того, найдена стенка закрытого сосуда [8], форму которого восстановить не удается.

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, Э VIII/18, № 1626 и 1625; М. 48, Э XVI 13, п. 85, слой 1, № 2021.

[2] Собр. ГМИИ, М. 47, Б VIII/10, № 378; он найден в слое, где имеется материал от VI до I в. до н. э., но, главным образом, эллинистический.

[3] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, т. II, табл. III, *827*.

[4] Т. Н. Книпович. Местная керамика из раскопа «И», Ольвия, т. I. Киев, 1940, табл. 28, *1*.

[5] И. Т. Кругликова. Фанагорийская местная керамика из грубой глины, МИА, № 19, стр. 94.

[6] Собр. ГМИИ, М. 47, Б IX/28, № 1869 и 1870.

[7] Собр. ГМИИ, М. 45, ст. II/8, № 112.

[8] Собр. ГМИИ, М. 45, ст. II, № 690.

Лощеные сосуды, изготовленные с помощью гончарного круга

Горшки. Сохранились фрагменты краев горшков с диаметром горла 16—14 см. Края сильно отогнуты и закруглены, плечи крутые [1] (табл. I, *15*). Горшки такой формы встречались в слое IV—II вв. до н. э. среди группы лепной керамики. Наличие той же формы горшков, сделанных на гончарном круге, со слегка залощенной поверхностью, подчеркивает близость этих типов керамики, их взаимную связь.

Кастрюли. Представлены только отдельными фрагментами, среди которых есть край сосуда, подражающего боспорской кастрюле с крышкой [2] (табл. I, *16*). В отличие от очень распространенных на Боспоре сосудов типа кастрюль из хорошо промытой плотной глины розовато-оранжевого цвета, хорошего обжига, данный сосуд был сделан из серой глины и наружная поверхность отогнутого венчика с углублением для крышки была покрыта черным, блестящим лощением.

Вероятно, к сосудам такого типа принадлежат и фрагменты стенок с неблестящим небрежным лощением, как у горшков и кастрюли [3]. Но есть стенки, покрытые очень блестящим черным лощением [4].

Сковородки. Четыре найденные фрагмента [5] позволяют восстановить полную форму сковороды высотой 4 см, с диаметром по верхнему краю — 25 см, диаметром дна — 21 см (табл. 1, *17*). Внутренняя поверхность покрыта горизонтальными, параллельными лощеными полосами, отстоящими друг от друга на некотором расстоянии, а наружная поверхность почти сплошь залощена. Лощение сковороды, как и горшка, скорее функционального назначения, чем орнаментального. Оно не имеет блеска, носит несколько небрежный характер, и применение его в данном случае свидетельствует о том, что местный прием залащивать поверхность сделался обычным среди боспорских ремесленников.

[1] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ V/10, № 2231; ст. III/15 ю. ч., № 349.

[2] Собр. ГМИИ, М. 47, Э VI + VII/12, № 794.

[3] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ VIII/6, № 4551.

[4] Собр. ГМИИ, М. 45, II/I, № 402.

[5] Собр. ГМИИ, М. 47, Э VI + VII/16, № 861 и 1115.

Сама по себе форма сосуда — сковорода — характерна для быта боспорцев более позднего времени. Она широко распространена в первые века н. э. в Фанагории.

Ручки сосудов. В слое IV—II вв. до н. э. найдены уплощенные ручки, покрытые лощением[1]. Какому типу сосудов они принадлежат — установить не удалось (табл. 1, *18*).

Для городских слоев Пантикапея IV—III вв. до н. э. характерно наличие очень небольшого количества лепной керамики с грубой и лощеной поверхностью. Повидимому, в этот период, благодаря расцвету ремесла, керамика, выделывавшаяся пантикапейскими ремесленниками, была настолько дешева, что сосуды домашнего производства употреблялись мало. Были найдены только фрагменты горшков, причем наряду с типами горшков, встречавшихся в слоях более раннего времени и отличавшихся слабоочерченной шейкой и покатыми плечиками, появляются горшки с более четко очерченным профилем, с более высоким и сильнее отогнутым краем. Горшки такого типа с лощеной и грубой поверхностями обнаружены в большом количестве в могильниках и на городищах Прикубанья. Продолжает встречаться лощеная керамика, изготовленная с помощью гончарного круга. При этом для данной группы характерно наличие греческих форм сосудов, и только обычай залащивать поверхность сближает ее с керамикой местных типов.

3. ПЕРИОД II В. ДО Н. Э.—II В. Н. Э.

В последние века до н. э. и первые века н. э. происходят важные события в истории Боспорского царства, имеющие решающее значение для городов Боспора и в том числе для Пантикапея.

Восстание скифских рабов под руководством Савмака поколебало установившийся порядок и нарушило экономическую жизнь Пантикапея.

Подчинение Боспорского царства Митридату Евпатору, царю Понтийскому, старавшемуся в своей борьбе с Римом опереться на местные племена Причерноморья, способствовало возрастанию роли последних в городской жизни Боспора. Морская блокада римлян нарушила внешнюю торговлю боспорских городов и привела их к экономическому упадку.

Борьба за власть между преемниками Митридата Евпатора, в процессе которой каждый из них старался привлечь на свою сторону местные племена, приводила к тому, что с победой того или другого претендента усиливалось влияние синдо-меотской племенной знати, и состав населения столицы Боспора — Пантикапея пополнялся представителями местных племен, роль которых в жизни государства заметно возрастала.

Этот процесс нашел свое отражение во всех сторонах жизни боспорских городов и неоднократно отмечался в литературе.

Материалы, полученные в результате изучения группы местной пантикапейской керамики, подтверждают наблюдения, сделанные на основании других видов источников.

В слое I в. до н. э.— II в. н. э. резко возрастает количество фрагментов местной керамики по сравнению со слоями более раннего времени. Увеличивается разнообразие форм. Появляются красиво украшенные лепные сосуды, которые своей формой и орнаментом повторяют типы керамики, обычные для окружающих Боспор скифо-меотских племен.

Лепные сосуды из грубой глины

В слое I в. до н. э. возрастает количество находок лепной керамики, сделанной из грубого глиняного теста. Если в предшествующих слоях встречались, главным образом, фрагменты лепных горшков, которые различались степенью отогнутости венчика, высотой шейки и толщиной стенок, то в слое I в. до н. э.— I в. н. э. уже появляются новые формы: миски, кувшины, профили которых становятся значительно разнообразнее.

Горшки. 1. Продолжает встречаться тип горшков с высокой вертикально стоя-

[1] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ VIII/9, № 4578 и М. 47, Б IX/17, № 2143.

щей или слегка отгибающейся шейкой и покатыми плечиками [1] с диаметром горла 14—18 см (табл. I, *19*, *26*). При этом появляется новый вариант этой формы: если в образцах, встречавшихся ранее, шейка плавно переходит в тулово, то в этом слое появляются экземпляры, у которых имеется резкая грань с внутренней стороны на месте прикрепления шейки к плечикам [2] (табл. I, *21*).

2. Встречается горшок с сильно отогнутым краем, прикрепленным под углом к стенке, благодаря чему образуется острое ребро в месте их соединения с внутренней стороны (табл. I, *28*). Край иногда срезан, иногда закруглен. На некоторых экземплярах стенка резко изгибается, образуя ребро с наружной стороны на плечике сосуда [3].

3. Имеется также сосуд, представляющий, по существу, переходную форму от горшка к кастрюле, с почти вертикальными стенками и прикрепленной под углом шейкой. В месте соединения шейки со стенками образовался острый выступ внутрь, вероятно, поддерживающий крышку. К шейке и плечикам была прикреплена ручка в виде дугообразного выступа, такого же типа, как мы видели на горшке из слоя IV—II вв. до н. э.[4] (табл. I, *22*; рис. 2).

4. Появляется тип горшка, напоминающий в верхней части боспорскую кастрюлю с крышкой. Шейка его отгибается, прикрепляясь к плечику под острым углом. Тулово сильно раздуто, плечики крутые. Основной особенностью нового типа горшков является углубление для крышки, образованное специальным изгибом венчика [5] (табл. II, *1*, *2*). Встречаются также некоторые варианты этой формы: горшок с низким, слегка отогнутым краем, острым ребром на внутренней части горла, с покатыми плечиками и сравнительно тонкими стенками [1].

5. Кроме того, имелись тонкостенные лепные горшки, у которых иногда слегка, а иногда сильно отогнут край и более или менее покаты плечи. Они отличаются от уже встречавшейся формы горшка только очень тонкими стенками около 0,2 см [2] (табл. I, *20*; II, *3*).

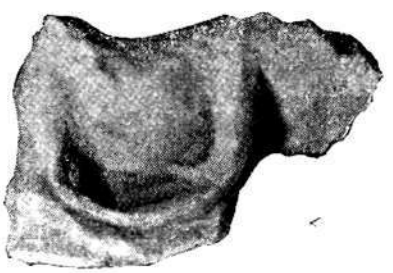

Рис. 2. Фрагмент стенки сосуда с ручкой-налепом

Все фрагменты горшков, найденные в данном слое, имели негладкую поверхность, толщину стенок 0,4—0,8 см (за исключением тонкостенных). Все были изготовлены из плохо промытой глины, с органическими включениями и с включениями мелких белых кусочков толченого известняка или ракушечника.

Кувшины. К слою I—II вв. н. э. надо отнести лепной небольшой кувшинчик, найденный в Керчи в 1923 г. в подбойной могиле в районе кладбища и Эспланадной улицы [3]. Других данных для его датировки, кроме типологических аналогий, приведенных в работе К. М. Скалон, у нас нет. Кувшинчик вылеплен из черной, плохо отмученной глины с примесями. Поверхность мутно-серая, местами от неравномерного обжига светлая и желтоватая, местами черная [4]. Ручка кувшина напоминает фигурку животного. В настоящее время ее верхняя часть, которую

---

[1] Собр. ГМИИ. М. 45, Э I+II/18, № 2182; там же, яма 8, № 2001; М. 46, Э. VI/15 з. ч. № 4583; VI/17, № 4787; М. 49, II Б II/1, № 88 II/10, № 170; II/8, № 132; II/15, № 42; Э VI—VII/3, № 216; ВМ. I/12, № 70; М. 46, Э VI/13, № 3404, 3406; Э V + II, № 1845; II + V/28/2a, № 6152 и 6150; М. 49, ВМ V/3, № 771; М. 47, Э VIII/6, № 1164; М. 46, Э V+II/28, № 6122; Б/IX, № 2068.

[2] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VI/15 з. № 4583; В II/12, № 200; М. 47, Б IX/12.

[3] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б II/15, № 42; ВМ, IV/3, № 701; V/6, № 881; М. 46, Э V + II/28/2a, № 6150; Э V+II/28/9, № 1994, 6232 и 6233.

[4] М. 47, Э VIII/3, № 1024.

[5] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б II/10, № 168; М. 46, Э V/28/10, № 1903, Э V + II/28/3a, № 6231; М. 49. ВМ I/12/ № 70.

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, Э VII/II, № 6594.

[2] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ 1/7, № 50; М. 46, Э II+V/28/2a, № 6154; М. 47, Э VIII/5, № 1135.

[3] Собр. Керченского музея, № 4987; фото см. К. М. Скалон. Изображения животных на керамике. Гос. Эрмитаж, Труды Отдела истории первобытной культуры, табл. VII, *1*. Высота кувшина — 9,6 см, диаметр устья — 7 см, дна — 5 см.

[4] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 192.

К. М. Скалон характеризует как вытянутую морду кабана, отбита (табл. II, *4*). Налепные лепешки на изгибе ручки и на горле, возможно, как думает К. М. Скалон, являются символическим изображением глаз.

Сосуды типа кастрюль. 1. Сосуд с выемкой для крышки и диаметром устья 22 см (диаметр горла 18 см), с очень сильно отогнутым краем и острым углом в месте прикрепления края к тулову. Сохранилась только верхняя часть сосуда с ручкой в виде дугообразного выступа-налепа [1] (табл. II, *5*). Наличие ручек-налепов, характерных для местной керамики древнейших периодов и распространенных как архаический элемент в керамике первых веков н. э., и особенно во II—IV вв., форма верхней части сосуда, подобная форме боспорских кастрюль, как нельзя лучше свидетельствуют о двойственной природе этого типа, о сочетании в нем элементов местной — негреческой — и боспорской городской керамики.

2. Сосуд типа горшка с высоким изогнутым краем, образующим выемку для крышки, покатыми плечиками, резко изгибающимися при переходе к почти вертикальным стенкам [2] (табл. II, *6*).

3. Фрагмент сосуда, имевшего лишь слегка закругляющиеся книзу, почти вертикальные стенки, короткий, немного отогнутый край и выступ в виде зуба для упора крышки [3] (табл. II, *7*). Фрагмент очень невелик и не позволяет восстановить формы сосуда, которому он принадлежал.

Миски. 1. Большая миска с диаметром по краю около 28 см, со слегка выпуклыми стенками. Нижняя часть не сохранилась, и высота сосуда, так же как и форма дна, неизвестны. Миска имеет ручку в виде слегка изогнутого выступа. Венчика нет, край срезан на 3 см выше ручки [4] (табл. II, *8*). Ручка-выступ, отличаясь от дугообразного налепа, принадлежит к группе примитивных ручек, часто встречающихся на местной керамике в различное время. Такие ручки имеются и на сосудах в Ольвии [5], и на серебряных скифских сосудах [1], и на сарматской керамике.

2. Глубокая миска со срезанным краем и слегка расходящимися стенками, с диаметром по краю 22 см [2] (табл. II, *9*; I, *31*).

3. Низкая лепная миска высотой 6 см, с диаметром по краю 25 см. Стенки поставлены слегка наклонно, миска расширяется кверху, ее край закруглен и немного утолщен [3] (табл. II, *10*).

4. Миска с сильно отогнутым, почти горизонтально поставленным краем, который на найденном фрагменте имеет два выступа [4], (табл. II, *11*). Высота и диаметр сосуда неизвестны. Выступы, возможно, были поставлены вместо ручек.

5. Низкая миска с полукруглыми стенками, загибающимся внутрь, немного утолщенным краем, с ручкой в виде дугообразного выступа. Диаметр по краю сосуда — около 26 см. Подобные низкие миски с изогнутыми стенками и ручками-налепами находили в Фанагории и на Пересыпи (табл. II, *12*).

6. Некоторые миски имеют высоту 8—12 см, толстые массивные стенки и диаметр по краю 16—18 см. По верхнему, утолщенному обрезу края проходит выемка, образуя углубление для крышки. Повидимому, эти миски появились в результате подражания, с одной стороны, широко распространенным простым мискам, сделанным на гончарном круге, с другой — боспорской кастрюле, для которой характерно наличие выемки по краю для более плотного прилегания крышки [5] (табл. II, *13*).

7. Другой тип мисок имеет ровные, слегка закругляющиеся стенки и прямой, даже иногда немного суживающийся край. Диаметр этих мисок 18—20 см (табл. I, *30*). У некоторых по краям нанесен орнамент в виде полосы из вдавленных пальцем углублений [6]. Один из найденных фрагментов принадлежал миске с сильно отогнутым краем,

---

[1] Собр. ГМИИ, М. 46, Э II+V/28/2а, № 6151.
[2] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ IV з. бр. шт. 3, № 701; М. 48, II Б II/15, № 42.
[3] Собр. ГМИИ, М. 46, Э II+V/28/2А, № 6156.
[4] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VII/5, № 5857.
[5] Т. Н. Книпович. Керамика местного производства из раскопа «И». Ольвия, т. I, Киев, 1940, табл. XXVII, *2*.

[1] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 115, рис. 187; стр. 120, рис. 191—192.
[2] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V+II/28/4а; № 6364 и 6380.
[3] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ III/4, № 268; Э II+ +V/28, № 6153 и 6155.
[4] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V+II/28/3а, № 6234.
[5] Собр. ГМИИ, М. 49, ПБ II/12, № 201 и П/11, № 182 и 169.
[6] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б/II/11, № 181; II/12, № 199; М. 49, ВМ V/6, № 883; М. 45, Э I+II/18, № 2008 и др.

ТИПЫ КЕРАМИКИ I—III ВВ. Н. Э.

Дата слоя	Лепные сосуды из грубой глины	Сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге	Лепные сосуды с лощеной поверхностью	Сосуды с лощеной поверхностью, сделанные на гончарном круге
I–II вв. н. э.	1–14	15–18	19, 20, 20а	21–28
III в. н. э.	29–40	41	42, 43	44–49

поставленным под углом к стенкам [1]. Вдоль всей верхней части края шел ногтевой орнамент. Это свидетельствует о том, что лепные миски употреблялись не только для приготовления пищи, но, повидимому, и как столовая посуда, поэтому ее и старались орнаментировать (табл. II, *14*).

Керамика из грубой глины, сделанная на гончарном круге

До сих пор, рассматривая керамику VI—I вв. до н. э., нам приходилось сталкиваться только с сосудами трех типов: лепными из грубой глины, лепными с лощеной поверхностью и с сосудами, сделанными на гончарном круге и имеющими лощеную поверхность, либо орнамент в виде лощеных полос. В слое I в. до н. э.— I в. н. э. впервые появляются горшки, сделанные из грубой глины, но на гончарном круге. Состав глины этих сосудов идентичен глине лепных сосудов, встреченных в этом же слое; в ней также преобладают примеси толченого известняка и кварцевого песка.

Горшки. К ним относятся несколько фрагментов, принадлежавших плоскодонным горшкам, края которых сильно отогнуты и имеют углубления для крышки. Размеры горшков были такие же, как и у лепных сосудов с выемкой для крышки, найденных в том же слое, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, не дающим возможности восстановить полного профиля сосуда. Один из фрагментов имеет более четкие очертания, очень крутые плечики, одутловатую форму, резкий изгиб венчика [2] (табл. I, *33*); другой — более расплывчатых очертаний, с более покатыми плечиками и плавным переходом от тулова к краю сосуда [3] (табл. I, *32*). Вместе с ними найдены фрагменты плоского дна из той же глины, такого же обжига. Поверхность дна свидетельствует, что при изготовлении сосуд стоял на песке, который насыпался на гончарный круг [4]. Были обнаружены фрагменты горшка с диаметром горла 15 см, с сильно закругляющимся наружу краем и крутыми плечиками [5] (табл. II, *15*), и фрагмент шейки тонкостенного горшка с отгибающимся краем [1] и покатыми плечиками, с диаметром края 14 см (табл. II, *17*).

Сосуды типа кастрюль. Представлены фрагментом сосуда с выемкой для крышки и острым ребром, выступающим внутрь в месте соединения с шейкой (табл. II, *16*). Стенки его с резким перегибом на плечике под углом направлялись вниз. К сожалению, дно не сохранилось. Край венчика был закруглен в виде валика, проходящего вокруг всего устья сосуда; при этом очертания края не представляют ровной окружности, а имеют выступы и углубления.

Круглодонный сосуд, верхняя часть которого очень близка описанному фрагменту, был найден В. Ф. Гайдукевичем в слое I в. н. э. [2] Такого же типа сосуд с плоским дном обнаружен Сизовым в станице Раевской [3].

Лепные сосуды с лощеной поверхностью

Горшки. Имеются только фрагменты верхней части тонкостенного горшка с невысокой шейкой, слегка расширяющейся кверху, с диаметром горла 16 см. Вся наружная поверхность была покрыта слабым неблестящим лощением [4] (табл. II, *19*).

Миски. В слое I в. до н. э. найден край лепной миски, поверхность которой была покрыта сплошным черным лощением. Миска имела небольшое дно, судя по наклону стенок, а диаметр ее в верхней части достигал 20 см [5]. Край несколько утолщен по сравнению с толщиной стенки (табл. I, *23*). По форме миска сильно отличается от лепных мисок местного типа с загибающимися внутрь краями, встречаемых в городищах VI—V вв. до н. э. Миски с широко расходящимся верхним краем, распространенные на Боспоре в III—IV вв. н. э., повидимому, уже существовали и в I в. до н. э.

Лощеные сосуды, сделанные на гончарном круге

Кувшины. К слою I—II вв. н. э. относится большая часть лощеных сосудов

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, Б IX/4, № 838.
[2] Собр. ГМИИ, М. 49, 11/Б II/12, № 202; II/10, № 168.
[3] Собр. ГМИИ, М. 54, Э 1+11/19, № 2633.
[4] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I—II/19, № 2632.
[5] Собр. ГМИИ, М. 48, ВЭ I/14, № 202.

[1] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ IX, № 1566.
[2] Сосуд опубликован в книге В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», стр. 137.
[3] МАК, вып. II, рис. 34.
[4] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I+II/12, № 1325.
[5] Собр. ГМИИ, М. 45, СТ II/13, № 286; СМ. VIII/II, № 4663 (стенки, возможно, такой же миски).

с зооморфными ручками в виде фигурок кабана [1] (табл. II, *21*, *22*). Это, главным образом, кувшинчики с яйцеобразной, иногда с биконической формой тулова и с расширяющимся кверху горлом. Поверхность кувшинчиков покрыта лощением различного качества. На некоторых лощение очень густое, черное, блестящее и, повидимому, наносившееся поверх обмазки, на других — серое, бесцветное, более или менее блестящее, а иногда черное, густое, но не очень блестящее.

Рис. 3. Ручка в виде фигурки кабана (слой I — II вв. н. э.)

Форма сосудов, манера, в которой вылеплены фигурки кабанов, настолько близки, что не оставляют сомнения в принадлежности сосудов одному и тому же времени и изготовлении их в одной и той же мастерской. Цвет и качество лощения в данном случае не показательны и свидетельствуют, вероятно, о различных способах обработки поверхности. Эти сосуды, происходящие из Керчи, подробно разобраны К. М. Скалон в упоминавшейся уже работе. Автор убедительно доказывает принадлежность их I—II вв. н. э.

Датировку К. М. Скалон подтверждает находка в Пантикапее в 1948 г., на западном раскопе, в слое I—II вв. н. э., ручки в виде фигурки кабана (рис. 3). Она повторяет уже известные нам ручки на сосудах, найденных в Керчи в 1888 г. [1] и в 1902 г. [2]

К. М. Скалон относит к периоду I—II вв. н. э. сосуд с ручкой в виде птицы, найденный В. В. Шкорпилом в одном из склепов на северо-восточном склоне «Сахарной головы» в Керчи. Тулово сосуда биконической формы, горло высокое, слегка расширяющееся кверху. Под горлышком плечи сосуда орнаментированы «двумя поясками из трех концентрических бороздок, с ромбами между ними» [3] (табл. II, *23*). Такой орнамент из пересекающихся лощеных линий и бороздок, сделанных вдавленными лощеными линиями, характерен для III—IV вв. н. э. [4] Форма сосуда приближается к типу сарматских горшочков, имеющих, впрочем, более округлое тулово. К. М. Скалон датирует этот сосуд на основе формы ручки. Других данных для датировки у нее нет; если ее датировка правильна, то появление на лощеных сосудах Пантикапея уже в I—II вв. н. э. орнамента из пересекающихся лощеных линий очень интересно. Орнаментация сосудов вертикальными и перекрещивающимися лощеными линиями характерна для племен, насе-

[1] К. М. Скалон. Изображение зверей на керамике. Гос. Эрмитаж, Труды отдела истории первобытной культуры, табл. V—IX.

[1] Там же, табл. VI.
[2] Там же, табл. IV, *2*.
[3] Там же, стр. 204—205, рис. 15.
[4] См. ниже, период III в.

лявших район Салтовского городища [1]. Она встречается и на средневековой керамике нижнедонских поселений [2]. На западе этот орнамент обычен для керамики полей погребений, в частности для III—IV вв. н. э. Им украшены сосуды, найденные в Черняховском могильнике [3]. Данный экземпляр, следовательно, является наиболее ранним из орнаментированных таким образом сосудов. В более позднее время — в III—IV вв. н. э.— подобная орнаментация широко распространена на Боспоре. Сосуды с таким лощением находят и в Фанагории, и на городище в районе Тамани, и в Тиритаке.

Горшки. Горшок с диаметром края около 14 см с сильно закругляющимся отогнутым венчиком и крутыми плечами [4] (табл. II, *24*). Его поверхность покрыта блестящим черным лощением.

Миски. В слое I в. до н. э. найдены два фрагмента краев лощеных мисок, сделанных на гончарном круге. Одна из них диаметром 18 см с поверхностью, покрытой блестящим черным лощением, имела слегка закругляющийся внутрь край [5] (табл. I, *25*); другая — с более прямыми, расходящимися кверху краями — была диаметром 20 см. Лощение нанесено на ее стенки в виде широких горизонтальных полос [6] (табл. I, *24*).

Найдено также плоское дно открытой миски; его внутренняя поверхность покрыта черным блестящим лощением, при этом отчетливо заметны пересекающиеся линии, образовавшиеся при лощении (табл. II, *25*).

В поселениях местных племен в эпоху эллинизма широко распространены лощеные миски подобных типов как лепные, так и сделанные на гончарном круге [7].

Кастрюли. Представлены фрагментами сосуда с диаметром горла 20 см. Край сильно отогнут и имеет выемку для крышки [1] (табл. II, *27*). Наружная часть края покрыта нанесенным в виде широких черных, неблестящих полос лощением, повидимому, имеющим орнаментальное значение.

Кроме упомянутых фрагментов, позволяющих восстановить форму сосудов, имеются черепки, по которым форму восстановить не удалось. Среди них интересен фрагмент стенки большого сосуда, украшенного резным орнаментом в виде двух кружков, вписанных один в другой, и спускающихся от них четырех параллельных линий, закругляющихся внизу [2] (табл. II, *28* и рис. 4, *1*). Орнамент нанесен не особенно острым инструментом, который не процарапал, а вырезал довольно широкую линию. Аналогичная техника нанесения и очень похожий рисунок отмечены на фрагментах лощеных сосудов, найденных в Фанагории в слоях первых веков нашей эры [3] (рис. 4, *2—3*) и в станице Гниловской [4] (рис. 4, *4—5*). Особенно близкий рисунок, повидимому, был на сосуде из городища Нагай-Кале (станица Раевская [5]; рис. 4, *6*). Форма кувшинов с таким орнаментом, найденных в станице Гниловской и в кургане № 1 на Зубовском хуторе [6] и датируемых I в. н. э., характерна для сарматской керамики. Повидимому, и фрагмент сосуда, сделанного на гончарном круге, из Пантикапея тоже надо связывать с сарматами, хотя не исключена возможность, что эта керамика производилась в Пантикапее для местных и соседних сарматских племен, сообразно их вкусам и обычаям.

Наличие в слое I в н. э. орнаментированной керамики, сделанной не только на гончарном круге, но и от руки, очень знаменательно. В I—II вв. появляются лепные сосуды с орнаментом в виде вдавлин, нанесенных пальцем или ногтем. При этом интересно отметить, что лепная орнаментированная керамика встречается в поселениях Северного Причерноморья в догреческий период. В ранних слоях греческих городов-

---

[1] В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского могильника. Труды XIV арх. съезда, М., 1911, ч. III, табл. IV.

[2] М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Н. Дону. Известия ГАИМК, вып. 131, стр. 54.

[3] А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр 54 и сл.; стр. 57, рис. 2, *1*, *8*.

[4] Собр. ГМИИ, М. 48, ВЭ III/8, № 528.

[5] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ V/15, № 2324.

[6] Собр. ГМИИ, СМ VIII/9 т. г., № 4577.

[7] Собр. Краснодарского историко-краеведческого музея, станица Ладожская, земляной склеп 1944 г.; КСИИМК, XVI, стр. 150 и сл.; хранится в МАЭ; из станицы Елизаветинской, могильник, погребение 20, № 5260/106, 5266/165 и др.

[1] Собр. ГМИИ, М. 54, Э I + II/15, № 1489.

[2] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ IV/6, № 587.

[3] Собр. ГМИИ, Ф. 40, Сев. V, вып. 186, сл. 5—6, № 812 и собр. ГИМ, Ф. 36, ГА II/I, № 1199.

[4] Собр. ГИМ, 54746-1414 и 1433; Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 144, рис. 50.

[5] МАК, вып. II, фототипия XXI, *1*. Автор ошибочно относит этот сосуд к бронзовому веку.

[6] Собр. Гос. Эрмитажа, инв. № 1899-2/24.

колоний в VI—V вв. до н. э. тоже попадаются орнаментированные лепные горшки. Но позднее, вплоть до I в. н. э., среди лепной керамики боспорских городов встречаются лишь очень примитивные, без всяких украшений горшки. В первом веке вновь начинают входить в употребление сначала лепные орнаментированные миски, затем горшки и другие сосуды.

элемента, в города проникло большое количество представителей окружавших племен. Это сопровождается изменением характера керамических изделий и изменением соотношения между греческой и боспорской керамикой, с одной стороны, и лепной грубоглиняной и лощеной,— с другой, а именно — увеличением удельного веса последней группы.

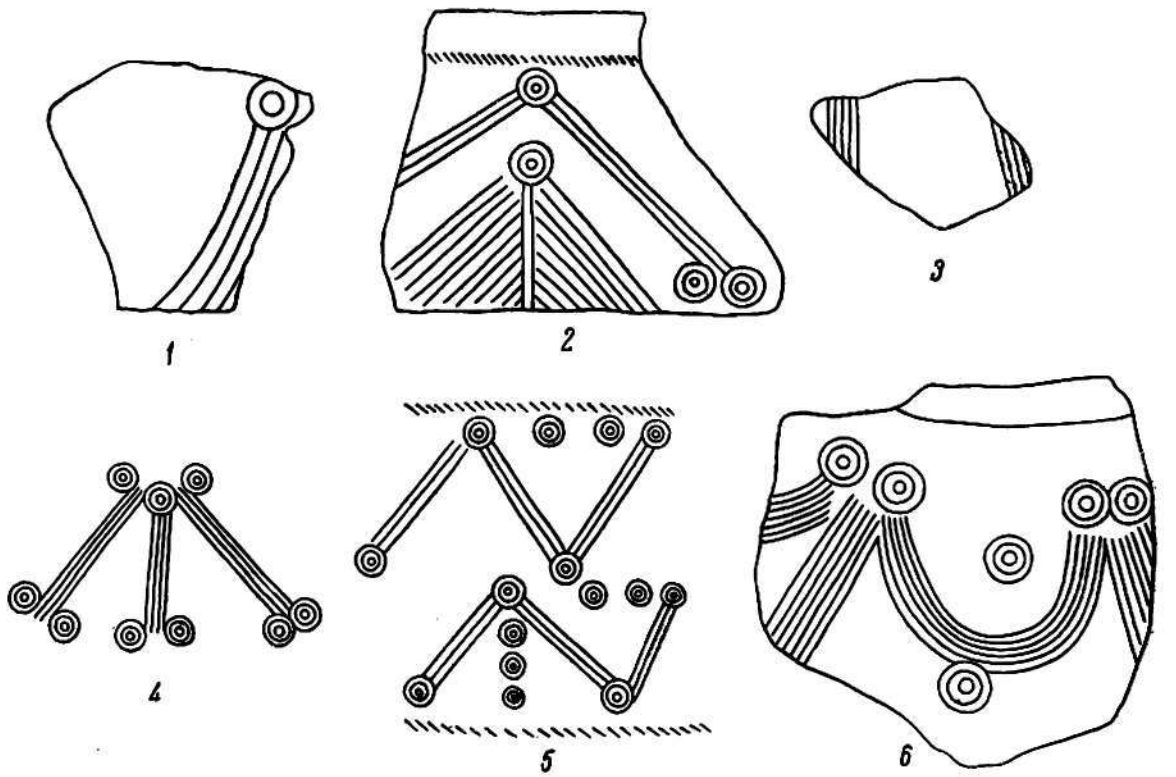

Рис. 4. Орнамент на сосудах

1 — фрагмент сосуда из Пантикапея; *2 — 3* — фрагменты сосудов из Фанагории; *4 — 5* — части орнаментальных поясов на кувшинах из станицы Гниловской; *6* — фрагмент сосуда из станицы Раевской

Повидимому, большое количество привозной греческой керамики, а также местное ремесленное производство уже с самого раннего времени существования городов обеспечивали внутренний рынок хорошей столовой посудой, доступной всем слоям населения. Поэтому лепная керамика сохранялась лишь в небольших количествах, либо как пережиток местной традиции, либо только для кухонных нужд. С I в., а может быть, даже с I в. до н. э., в составе населения боспорских городов произошли существенные изменения, резко увеличилось влияние местного

Среди грубоглиняной керамики встречаются, наряду с горшками и мисками, распространенными еще в предшествующий период, также кувшины и кастрюли. Тип горшков, в основном, сохраняется прежний. Встречаются приблизительно те же размеры горшков, только найдено значительно большее количество разновидностей.

В слоях, относящихся к предшествующим периодам, мы уже встречали лепные сосуды типа горшков, верхняя часть которых была близка боспорской кастрюле с крышкой. Этот тип характерен для боспорских городов.

Он появился в результате развития широко распространенной, особенно в быту у местных племен, формы лепного горшка, а также под влиянием очень распространенных в боспорских городах сосудов типа кастрюль с крышками, производившихся местными ремесленниками. Вероятно, в период I в. до н. э.— I в. н. э. посуда, выпускавшаяся ремесленными мастерскими, несмотря на ее широкое распространение, не могла быть доступна всем слоям городского населения. Многие из жителей Пантикапея, может быть, недавно пришедшие в город из местных поселений и сохранившие навык ручной лепки сосудов, а может быть, принадлежавшие к беднейшим слоям населения, лепили дома хозяйственную посуду, подражая обычным в городах типам.

Появление сосудов из грубой глины, изготовленных с помощью гончарного круга, в I в. до н. э.— I в. н. э. свидетельствует, что в этот период расширяется ремесленное производство. Ремесленники стали изготовлять и самую дешевую посуду из плохо промешанной глины, из той же глины, что до сих пор выделывали и продолжали еще выделывать хозяйки либо наиболее бедных, либо недавно появившихся в городе и не усвоивших еще полностью городской культуры семейств. Характерно, что на гончарном круге изготовляется именно тот тип горшков, появление и распространение которого относится к данному периоду,— тип горшков из грубой глины, подражающих боспорской кастрюле. К I в. до н. э.— I в. н. э. относится появление таких же сосудов в Фанагории. Но в материале поселений местных племен — скифских, сарматских, меотских — такого типа сосуды встречаются, как исключение. Повидимому, этот тип развился под влиянием образцов городской хозяйственной посуды из обычного местного лепного горшка и изготовлялся также вручную из той же глины и по тем же традиционным правилам, как и обычный горшок.

В Пантикапее и других городах Боспора [1] в I—II вв. н. э. получают широкое распространение сосуды с зооморфными ручками. Их много в Прикубанье, на Северном Кавказе. Они встречаются на Дону [2] и в Нижнем Поволжье. В Пантикапее находят, главным образом, сосуды с ручками в виде кабана; почти все они сделаны на гончарном круге. Есть основание предполагать, что центром их производства был именно Пантикапей. Отсюда сосуды с ручками в виде кабана могли вывозиться боспорскими купцами к окрестным племенам.

Сосуды с зооморфными ручками встречают в районах расселения сарматских племен. Вероятно, возросшим сарматским влиянием в Пантикапее и следует объяснить распространение там такого типа сосудов. В эпоху Митридата, искавшего себе опору в среде «варварских» [1] племен, и в последующий период конца I в. до н. э. и начала I в. н. э. количество так называемого «варварского» населения в городах Боспора резко увеличилось. Может быть, это было связано с заселением опустевших во время социальных смут городов окрестными жителями, заменившими большое количество уехавших греков. Возможно, это было результатом социальных изменений, происходивших в среде местных, окружавших города, племен, а также политики правящей династии. В литературе неоднократно отмечалась связь с сарматскими племенами боспорского царя Аспурга. Вероятно, с его укреплением на боспорском престоле в I в. н. э. значение сарматов в городах, и особенно в Пантикапее и Фанагории, увеличилось. Появление в Пантикапее лепных сосудов с зооморфными ручками, производство их на гончарном круге, т. е. массовое ремесленное производство, является показателем большой роли сарматов в жизни Пантикапея этого времени.

В Керчи встречаются три группы сосудов с почти одинаково исполненными ручками:

1) сделанные на гончарном круге сосуды с поверхностью, покрытой черным или серым лощением;

2) сделанные на гончарном круге сосуды без признаков лощения, обожженные до красного цвета глины, как обычная боспорская посуда [2];

---

[1] Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, стр. 247 и сл.

[2] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 192.

[1] «Варварами» греки называли все другие, негреческие народы.

[2] Кружка из боспорской красной глины (табл. II, *18*) с зооморфной ручкой (высота — 8 см, диаметр устья — 8 см, диаметр дна — 4,80 см), на кольцевом поддоне, была найдена в Пантикапее и опубликована К. М. Скалон (ук. соч., стр. 193, рис. 10). Хранится в Керченском музее.

3) лепные сосуды без лощения с плохо заглаженной поверхностью из глины с грубыми примесями.

Проникшие в состав городского населения представители сармато-аланских племен продолжали изготовлять вручную сосуды, снабжая их, согласно религиозным представлениям и традиции, фигуркой зверя в качестве «оберега». Эти же фигурки прилепляли к сосудам, изготовленным в ремесленных мастерских. Массовое производство таких сосудов свидетельствует о том, что на них был большой спрос и, повидимому, со стороны городского населения, иначе нельзя было бы объяснить факта их нахождения в некрополе Пантикапея. Боспорские купцы продавали и окрестным племенам эти же сосуды. Но вывоз не был главной целью производства. Такие сосуды выделывались и для населения самого Пантикапея. На одном из сосудов [1], покрытом черным блестящим лощением и имевшем ручку в виде стилизованной фигурки кабана, сохранилось граффити из трех букв ΕΡΒ. Греческие буквы свидетельствуют о том, что хозяин сосуда был знаком с греческой письменностью. Для жителя Пантикапея в этом нет ничего удивительного; греческий язык, повидимому, был основным языком городского населения.

Лощеные миски,— сделанные на гончарном круге и лепные,— продолжают традиции местной догреческой керамики. На окрестных городищах лощеные миски широко распространены с древнейших эпох [2]. Распространение же лепных мисок из грубой глины в Пантикапее в первые века н. э. связано, вероятно, с появлением какого-то нового кушанья, требующего приготовления не в горшке, а в более широкой и низкой миске, и возможно, и с изменением типа печи или очага, на котором эта пища приготовлялась. Интересно рассмотреть исследуемые группы керамики не только с точки зрения формы и ее изменений, эволюции или степени подражания другой группе керамики, но и с точки зрения функционального назначения. Интересно выяснить вопрос об очагах или печах, в которых готовилась пища в кухонной посуде. Материал раскопок Пантикапея 1945—1949 гг. позволяет нам это сделать.

Для того, чтобы уяснить себе назначение и употребление многочисленных лепных сосудов, найденных в Пантикапее, надо прежде всего обратить внимание на то, что на большей части их сохранились следы сажи, нагара, обуглившейся накипи.

Все нижние части сосудов, найденных в процессе раскопок, как и сосуды, сохранившие полный профиль, имели плоские донья. Только два сосуда, найденные В. В. Шкорпилом в гробницах, были круглодонными. Один из них датируется IV в. н. э. [1], дата другого (маленького), хранящегося в Керченском музее, неизвестна.

Закопченность наблюдается не столько у доньев, сколько на высоте нижней трети или половины сосуда. Это позволяет предположить, что для приготовления пищи сосуды ставили на угли или приваливали угли к стенкам сосуда, который стоял на раскаленном поду печи.

Накипь в верхней части сосуда (иногда с внутренней стороны, а иногда и с наружной) свидетельствует, что в горшках, кастрюлях и мисках приготовляли жидкую пищу. Может быть, миски с низкими стенками служили также вместо крышек для горшков, поэтому так часто их стенки с внутренней стороны закопчены сильнее, чем с внешней.

В связи с назначением лепной кухонной посуды интересно реконструировать домашнюю печь, открытую раскопками В. Д. Блаватского в Керчи в 1946—1947 гг. [2] в культурном слое I—II вв. н. э. Форма ее близко напоминает печь, обнаруженную в 1948 г. в Илурате [3] и датируемую III в. н. э., а также печь, открытую в Керчи в 1929—1930 гг. [4] и датируемую IV в. н. э. Повидимому, таков обычный тип боспорских печей I—IV вв. н. э.

Печь, открытая в Пантикапее,— вытянутой формы с наибольшей длиной 1,1 м (рис. 5, *1*). Она была обложена камнями (известня-

[1] Собр. Керченского музея, инв. № 4959.

[2] См. Н. В. Анфимов. Отчеты о раскопках Семибратнего городища и других поселений. Прикубанья (Архив ИИМК) и указанные выше публикации.

[1] Собр. ГИМ, № 45717.

[2] См. В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1947 г. Архив ИИМК.

[3] В 1949 г. близкие по конструкции печи обнаружены в помещениях «И» и «Н». См. В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, XXXVII, стр. 202—204.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные керамические печи. Известия ГАИМК, вып. 80, стр. 45.

ковые блоки и камни неправильной формы). С внутренней стороны камни покрывала плотная глиняная обмазка слоем 0,7—1,2 см. В некоторых местах она вдавалась внутрь в виде языков, и там слой глины был значительно толще. Стенки печи сохранились в высоту на 22—40 см. Над стенками во многих местах сохранился слой красной, сильно

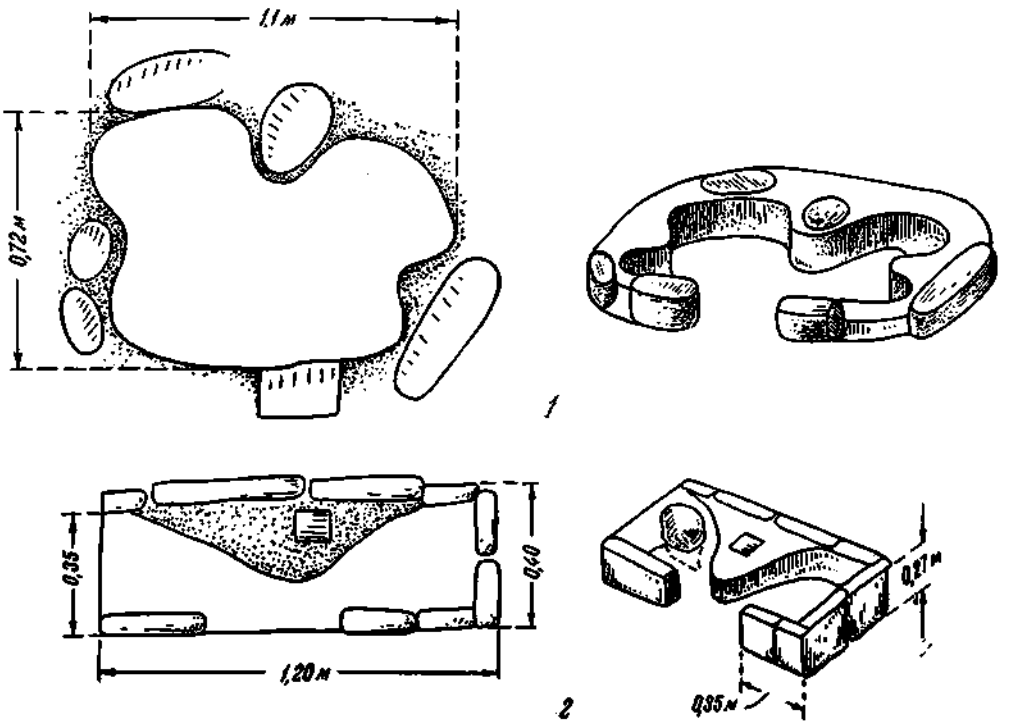

Рис. 5. Планы и реконструкции очагов
1 — в Пантикапее; *2* — в Илурате

пережженной глины толщиной от 3 до 5 см. Вероятно, это был глиняный потолок, проходивший над всей топкой. Его куски сохранились на всей поверхности печи, куда он обвалился. Под ним был слой земли,— видимо, заплыв земли еще до обвала крышки,— а ниже шли чередующиеся прослойки золы и угля. Обкладка печи состояла из сырца и камней ракушечника и известняка. Толщина обкладки достигала 25 см.

Печь, открытая в Илурате в помещении «В» [1], близка по своей конструкции пантикапейской (рис. 5, *2*). Она имела форму вытянутого прямоугольника длиной 1,2 м и ширина около 0,4 м. Стенки ее высотой от 0,27 до 0,35 м были сложены из каменных плит, стоящих на ребре, кроме сторон, где печь примыкала прямо к каменной стене. Задняя длинная стенка печи имела глиняный выступ-язык, как и печь, открытая в Керчи. В центре этого выступа находился почти квадратный каменный столбик со сторонами 11 и 12 см. Он был обмазан глиной. Сверху печь покрывала глиняная плита толщиной 4 см, остатки которой найдены на уровне верхней части стенок. Повидимому, боспорские печи имели крышку или плиту, покрывавшую топку сверху, и выступы, благодаря которым образовывались углубления, куда можно было загребать угли и лучше сохранять тепло. Выступы могли служить также для поддержания глиняной плиты. Сосуды, в которых приготовлялась пища, ставили внутрь печи прямо на угли. Высота внутренней части (0,27—0,4 м) позволяла поместить там даже самый большой из дошедших до нас горшков. Впрочем, большие горшки и кастрюли могли ставить и на угли, выгребавшиеся наружу к топочному отверстию. Такая конструкция печи сильно отличается от более

[1] Фотография и реконструкция печи мне любезно предоставлены В. Ф. Гайдукевичем, за что я ему приношу благодарность. Реконструкция пантикапейской печи сделана автором статьи.

примитивных очагов, обнаруженных в 1949 г. в Киммерике в жилых помещениях VI—V вв. до н. э.[1] Там были найдены два почти идентичных очага, состоящих из поставленных на ребро каменных плит, образующих прямоугольник размером около 0,7 на 0,6 м. Внутренняя часть очага была заполнена толстым слоем глиняной обгорелой обмазки. Слой глины сохранился до 10—12 см. Огонь разводили, повидимому, на этом глиняном подстиле между каменными стенками. Очаг был открытым. Прогоревшие угли и золу очищали с глиняного пода, и на нем могли печь лепешки. Правда, у одной из печей перед топочным отверстием, на уровне пола лежала очень ровная каменная плита, на которую могли выгребать уголь и, раскалив ее, использовать для выпечки хлеба.

Может быть, введение в обиход лепных мисок с крышками было следствием появления нового вида печи с перекрытием. Миски, так же как и кастрюли, были не высоки, их удобно было ставить в печь, особенно при приготовлении густой пищи. Но они ни в какой мере не заменяли лепных и сделанных на гончарном круге горшков, которые продолжали существовать и в последующие периоды.

4. ПЕРИОД III в. Н. Э.

В III в. н. э. в истории Боспора намечается перелом. Начался период упадка, связанный с острым социально-экономическим кризисом внутри государства и сильным нажимом и открытыми нападениями на боспорские города различных вторгшихся в Северное Причерноморье племен. Древние писатели называют «скифами» племена, проникшие на территорию Боспора в середине III в. н. э. Этнический состав этого племенного союза и роль в нем отдельных племен до настоящего времени не установлены. Их пиратские набеги на города Малой Азии, Фракию и другие торговые центры нарушили экономические связи Боспора с этими городами. Торговля боспорских купцов резко сократилась. Это вызвало обострение экономического кризиса и, повидимому, способствовало углублению социальных противоречий. Во всяком случае, по свидетельству раннесредневекового историка Зосима, около середины III в. н. э. власть на Боспоре захватили «недостойные презренные люди», которые переправили «скифов» через Боспор в Азию[2]. Повидимому, в этом свидетельстве нашло отражение социальное движение, происходившее в Боспорском царстве в III в.

Нам хорошо известно, что вторжения «варваров», как называли римляне народы, подошедшие в III в. к их границам, находили поддержку у низших слоев населения. На Дунае вторжение «варваров» сопровождалось восстанием покоренного населения[1]. В. Ф. Гайдукевич упоминает о послании епископа неокесарийского Григория, сообщающего о том, что совместно с вторгшимися в район Трапезунта «варварами» действовали и некоторые местные жители, разорявшие дома богатых[2]. О каких-то социальных смутах говорит и появление в 60-х годах III в. нового боспорского царя Фарсанза, известного нам по монетам[3], а также царя Хедоспия, имя которого сохранилось на одном из фрагментов надписи, найденной в Керчи[4].

События середины III в. н. э. подорвали экономическую жизнь Пантикапея. Материалы археологических раскопок дают нам яркую картину изменения городской жизни. Сокращение внешних торговых связей остро сказалось на денежной системе. Недостаток драгоценных металлов привел к выпуску неполноценной монеты, нарушению внутреннего денежного обращения. Все больше усиливается переход к натурализации хозяйства и тесно связанной с ней рустификацией Пантикапея[5]. Не только внешние, но и внутренние торговые связи Боспора были нарушены постоянными вторжениями и передвижениями племен.

---

[1] И. Т. Кругликова. Раскопки древнего Киммерика. Ученые записки Гос. Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина. Симферополь, 1952, стр. 62 сл.

[2] В. В. Латышев. Scythica et Caucasica, I, стр. 790.

[1] Димитров. Падение Дакии. ВДИ, 1949, № 1, стр. 76 и сл.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 446.

[3] А. Н. Зограф. Тиритакский клад КСИИМК, VI, стр. 59 и сл.

[4] В. В. Шкорпил. ИАК, вып. 54, стр. 65—67.

[5] В. Д. Блаватский. Материалы по истории Пантикапея. МИА, № 19, 1951, стр. 28.

На примере Киммерика особенно ярко видна судьба малых городов, отстоящих далеко от Пантикапея. В III в. н. э., несмотря на оборонительную систему каменных стен и башен, Киммерик подвергся разгрому, дома были сожжены, и жизнь на этом месте прекратилась. Повидимому, население малых городов, при приближении врагов, спасалось в сильно укрепленные крупные города. Ко времени 50—60-х годов относится большая часть монет найденного в Тиритаке монетного клада, который был зарыт около 276 г.[1], что подчеркивает тревожное состояние жителей в этот смутный период.

Найденная в Керчи посвятительная надпись Сога свидетельствует, что в 306 г. в состав Боспорского государства еще входила Феодосия[2]. Вторжения вражеских племен и разорение ими малых городов были, вероятно, пиратскими набегами, с целью грабежа, а не захвата территорий. Разорение мелких городов приводило к тому, что потерявшее имущество, обнищавшее население пополняло ряды бедноты в крупных, надежно укрепленных городах, способствуя росту неимущих слоев населения. От набегов враждебных племен и нападений пиратов страдали, повидимому, не только городские, но и сельские жители. Они тоже искали спасения за стенами Пантикапея и других крупных городов. Все это отражалось на общем характере городской жизни. Переход к натуральному хозяйству не мог не привести к быстрому упадку ремесленного производства. Резко понизились качество строительного дела и уровень искусства. Изменение характера жизни в Пантикапее III—IV вв. н. э., ухудшение общего благосостояния жителей сказались на керамике, находимой при раскопках города и его некрополя. Резко возрастает количество лепной и лощеной бытовой керамики. В слоях III—IV вв. н. э. фрагменты грубой керамики местных типов и керамики с лощеной поверхностью иногда преобладают над фрагментами простой посуды, выделывавшейся пантикапейскими ремесленниками. Увеличивается разнообразие форм лепных сосудов, широко практикуется обычай украшать эти сосуды различного рода прищепами, налепами, насечками и т. д. В то же время широкое распространение в быту населения Пантикапея получают сосуды, форма и орнаментация которых аналогичны сарматской и аланской керамике. Таким образом, наряду с общим упадком хозяйственной жизни Пантикапея и обеднением его жителей, наличие большого числа форм сосудов, характерных для окружающих Боспор племен, позволяет говорить об увеличении роли и влияния местных элементов в культуре Пантикапея.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 456.
[2] Там же, стр. 457.

Лепные сосуды из грубой глины

Горшки. Продолжают встречаться различные формы горшков:

1. Горшок со слабо отогнутым венчиком и покатыми плечами[1] (табл. II, *36*). Край иногда закруглен, иногда срезан и образует плоскость. Такие горшки встречаются у сарматского населения Поволжья в III в. до н. э. и в I—II вв. н. э., а также среди местной керамики Танаиса[2].

2. Горшки с вертикальным краем и крутыми или пологими плечами[3] (табл. II, *35*). Такие горшки встречаются в Танаисе[4].

3. Горшки с отогнутым краем и крутыми плечами, иногда с тонкими стенками[5] (табл. II, *34*).

Все эти виды горшков имеют более или менее одинаковые размеры. Обычно диаметр по краю сосуда колеблется от 16 до 20 см, диаметр горла — от 13 до 16 см, высоту не всегда удается установить. У целых экземпляров она при таком же диаметре горла и края достигает 25—30 см.

Кроме этих больших, довольно грубо слепленных горшков, почти всегда сохраняющих на стенках следы копоти и нагара,— что свидетельствует об употреблении их для приготовления пищи непосредственно над огнем,— в слое III в. н. э. встречаются также и миниатюрные горшочки различных размеров.

4. Горшочек с шаровидным туловом, низкой шейкой и слегка отогнутым венчиком. Подобный сосудик высотой 6,8 см, диаметром устья 5,2 см и диаметром дна 4,5 см

[1] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VII/4, № 5775, 5777; Э VII/2, № 5344.
[2] Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 78, рис. 33.
[3] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ IV/5, № 586 и Э XI-7, № 2864; Э XI пол. 42, № 2937; Э VII/4, № 5774.
[4] Т. Н. Книпович. Ук. соч., стр. 78.
[5] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VI/5, № 2405; Э VII/5, № 5858.

был найден в Керчи в 1902 г. в большом склепе у Братской церкви[1] (табл. II, *30*), датируемом, на основании аналогий, III в. н. э. Несколько большего размера шаровидный горшочек обнаружен Ю. А. Кулаковским[2] в окрестностях Керчи в 1894 г. (табл. II, *33*). Подобные горшочки широко распространены среди сарматского населения более раннего времени, но продолжают бытовать довольно долго. У сарматов Поволжья такие горшки известны в III—I вв. до н. э.[3] и позднее — в I—II и III вв. н. э. Они очень часто встречаются в Танаисе[4]. В Керчи в 1903 г. В. В. Шкорпилом был найден совсем маленький лепной шаровидный сосудик с круглым дном. Его высота 4 см, диаметр 6,5 см[5]. Еще один близкий по форме сосуд из Керчи хранится в ГИМ (его высота — 8,6 см, диаметр устья — 5 см, диаметр дна — 3,7 см).

5. К этой же группе небольших горшочков относятся сосуды с раздутым туловом[6] и воронкообразным горлом (табл. II, *29*). В Пантикапее сосуды такой формы встречаются также среди лощеной керамики, как лепной, так и сделанной на гончарном круге. Эта форма сосудов иногда с несколько сильнее, иногда слабее отогнутым краем повторяет типичную для сарматов форму сосудов, которые в большом количестве встречаются в Сусловском курганном могильнике и других могильниках нижнего Поволжья[7]. У сарматов Поволжья эта форма сосудов бытует необычайно долго. Подобный сосудик из Керчи не может быть определенно датирован. Условия его находки неизвестны, так как почти весь архив Керченского музея погиб во время Великой Отечественной войны. Но аналогичный по форме сосуд (табл. II, *43*) со слабыми признаками лощения был встречен в Керчи в 1903 г. в склепе с двумя лежанками[1], где, кроме него, находились меч с шарообразным навершием, сосуды из зеленоватого стекла, золотые и бронзовые вещи и т. д. Все вещи могут быть отнесены к периоду II—III вв. н. э. Сосуд, близкий по форме, с резным орнаментом, хранящийся в Керченском музее[2] (рис. 6, *1*; табл. II, *44*) имеет полную аналогию в технике и узоре орнамента с фрагментом, найденным в Фанагории[3] в слое III в. н. э. (рис. 6, *2*), а также с сосудом из Сусловского могильника — из кургана II—III вв. н. э. Все это заставляет отнести и данный лепной сосуд к III в. н. э. Небольшой сосуд с круглым туловом, вытянутым горлом и с орнаментом в виде елочки на плечах обнаружен в одном из курганов нижнего Поволжья.

К у в ш и н ы. 1. В Керченском музее (инв. № 23916) хранится лепной кувшин с зооморфной ручкой, установить точное происхождение которого не удалось. Известно только, что он найден в Керчи. Размеры: высота — 9 см, диаметр устья — 5 см, диаметр дна — 4 см (табл. II, *31*). На плечиках сосуда, чуть ниже горла, проходит орнаментальная полоса из волнистой врезной линии и окружающих ее круглых углублений, заключенных между двумя параллельными линиями. Кувшинчик имеет ручку в виде очень стилизованной фигурки животного, напоминающую ручку на сосудах III в. из Керчи[4]. По форме сосуд близок к сарматским горшочкам, о которых только что шла речь. Форма сосуда и ручки заставляют датировать кувшинчик — по аналогии с сарматскими горшочками и лощеными сосудами из Керчи — III в. н. э.

2. Кувшинчик очень маленьких размеров — высотой 4,2 см (табл. II, *32*), с одной ручкой, может быть,— игрушечный, но даже в этом случае он представляет интерес, так как повторяет в миниатюре форму кувшинов, употреблявшихся в быту. Найден в

---

[1] ИАК, вып. 9, стр. 162, гробн. № 485. Сосуд хранится в ГИМ, инв. № 45531.

[2] Собр. ГИМ, инв. № 3440б. Размеры: высота — 9,8 см, диаметр устья — 8,5 см, диаметр дна — 4,5 см.

[3] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 45, рис. 18.

[4] Т. Н. Книпович. Танаис, стр. 79 и рис. 36.

[5] Собр. Керченского музея, инв. № 4725. Условия его находки неизвестны.

[6] Собр. Керченского музея, инв. № 1709в. Размеры: высота — 9,4 см, диаметр устья — 5,5 см, диаметр дна — 4 см. Место находки неизвестно.

[7] И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 93, рис. 65, табл. I, *3*; стр. 116, рис. 77.

[1] ИАК, вып. 9, стр. 107. Сосуд хранится в ГИМ, инв. № 43935. Его высота — 8,4 см, диаметр устья — 4,7 см, диаметр дна — 4 см.

[2] Инв. № 4984.

[3] Собр. ГМИИ, Ф. 40, Сев. VII, поп. 240—223, сл. 6, № 735.

[4] ОАК за 1894 г., стр. 90—91, рис. 164; К. М. Скалон. Ук. соч., табл. XV, *2* и стр. 210, рис. 18.

1903 г.[1] в гробнице. Стеклянные сосуды, встреченные вместе, позволяют его отнести к III в. н. э. Находка эта тем более интересна, что ниже слоя III в. н. э. не встречалось лепных кувшинов и горшков с ручками, кроме небольших кувшинчиков с зооморфными ручками. Только один фрагмент ручки без

1 *2*

Рис. 6. Сосуды с резным орнаментом

1 — из Пантикапея (II — III в. н. э.); *2* — из Фанагории (слой III в. н. э.)

стенок был найден в слое I—II вв. н. э.; установить, какому сосуду она принадлежала, не удается. Но в слоях I—II вв. н. э., содержащих небольшое количество материалов более позднего, а также в слоях III—IV вв. н. э., включающих более ранний материал, встречается довольно большое количество фрагментов краев кувшинов и, может быть, двуручных горшков. В собрании Керченского музея встречаются целые сосуды, вылепленные из грубой глины, форма которых очень близка маленькому одноручному кувшину, найденному в 1903 г., но датировать их из-за отсутствия архивных данных не представляется возможным[2]. Оба типа имеют вертикальные кольцевые ручки.

Кроме того, в Керченском музее имеется еще один, близкий по форме сосуд, место находки которого неизвестно. Его, вероятно, надо отнести к этому же времени[3].

Миски. В III в. н. э. население Пантикапея продолжает употреблять лепные миски с широко расходящимися стенками, с диаметром по краю 20 см. Найдены фрагменты верхних частей трех таких мисок, которые были довольно высокими, судя по наклону стенок и по аналогии с миской такого же профиля и качества, найденной около очага IV в. н. э. в Керчи в районе Эспланадной улицы[1]. Одна из них имела гладкие стенки и слегка закругленный край[2] (табл. II, *37*), другая — слегка отогнутый и заостренный край[3] (табл. II, *39*), третья — скошенный конусообразный венчик, может быть, приспособленный для крышки[4] (табл. II, *38*). Все миски были сильно закопчены, что свидетельствует об их употреблении для приготовления пищи на огне.

---

[1] ИАК, вып. 9, стр. 107, гробница 181. Собр. ГИМ, № 43935.

[2] Сосуд высотой 11,2 см, диаметр дна — 6 см, диаметр устья — 8,5 см. Шифр на сосуде К-Го 1933 20е IV Гр. № 11; второй сосуд высотой — 8,7 см, диаметр дна — 4,6 см, диаметр устья — 7,8 см, инв. № 4712, из раскопок В. В. Шкорпила 1914 г.

[3] Высота сосуда — 9,2 см, диаметр устья — 10,6 см, диаметр дна — 5,6 см, инв. № 6782. В слоях II—III вв. раскопок Пантикапея 1945—1949 гг. встречается большое количество фрагментов сосудов с ручками. Так, в слое III—IV вв., содержащем материал и I—II вв. н. э., были найдены фрагменты краев и стенок кувшинов с диаметром горла 8—12 см (М. 47, Вт, Кр. 1/8, № 148; I/II, № 243; М. 45, Э I/5, № 227), а также сосудов с большим диаметром края — от 14 до 20 см, возможно, горшков (М. 45, Э I—II/15, № 1557, 2519, 1148; Э XII/12, № 2306; 76 поп. № 896; I/9 № 2782). Но из-за отсутствия находок в чистых слоях эта группа сосудов может быть отнесена к III в. н. э. лишь условно.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические печи, стр. 45.

[2] Собр. ГМИИ, М. 49, ВМ IV зап. бр. шт. 3 № 402.

[3] Собр. ГМИИ, М. 47, Б VIII/7, № 337.

[4] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I—II/16, № 1876.

Кастрюли. Продолжают встречаться лепные сосуды типа кастрюль, по краю которых, прикрепленному под острым углом к стенке, есть выемка для крышки, а стенка имеет излом (табл. II, *40*).

Кроме того, в слое II в. н. э. встречаются фрагменты стенок с различного рода выступами вместо ручек. Иногда плоский, несколько закругленный по бокам выступ прижат пальцем вверх к стенке сосуда. Ручка в таком случае теряет свое функциональное назначение и приобретает чисто орнаментальный характер [1]. Иногда на выступе делалась выемка посредине и ручка в таком случае имела вид двух зубов [2].

Сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге

В слое III в. н. э. имеются только фрагменты дна сосуда грубой глины, сделанного на гончарном круге [3]. Установить по ним, какой это был сосуд, не удается.

Лепные сосуды с лощеной поверхностью

Горшки. Повидимому, к III в. н. э. следует отнести два лепных лощеных горшочка: один из них с округлым туловом, другой — несколько приземистее. Характерны воронкообразные горла. Сосуды такой формы встречались уже среди лепной керамики из грубой глины. Эта форма характерна для сарматской керамики и, безусловно, была привнесена в Пантикапей сарматами. Один из горшков был найден в 1903 г. в склепе, датируемом III в. н. э. [4] (табл. II, *43*), другой — в 1892 г. [5] (табл. II, *42*). Первый сосуд (№ 43935) имеет гладкую серо-бурую поверхность и бесцветное лощение, плохо сохранившееся в виде слабо заметных серо-бурых полос. Тулово расширяется в нижней части и приближается к биконической форме. Второй сосуд (№ К — 119) был покрыт тоже плохо сохранившимся, очень блестящим чернобурым лощением. Плечи и тулово украшал орнамент в виде довольно широких полос, образованных наколами иглы или проколки. Одна такая полоса идет по плечам горшочка, и еще восемь спускаются от нее вниз к основанию.

Сосуды с лощеной поверхностью, изготовленные с помощью гончарного круга

Среди керамики с лощеной поверхностью, сделанной на гончарном круге, встречаются такие же формы, как и среди лепных и нелощеных сосудов. Это, главным образом, кувшины и горшочки.

Горшки. В Керченском музее хранится небольшой лощеный горшочек с расширяющимся книзу туловом, четко выступающим плоским донышком и воронкообразным, широко расходящимся кверху горлом [1] (табл. II, *44*). Он покрыт черным, неблестящим лощением. По краю нанесен орнамент в виде пересекающихся резных линий, а по плечам — орнаментальная лента в виде сложного геометрического узора из нескольких чередующихся мотивов: елочки, двух горизонтальных параллельных и одной пересекающей их линии и шести вертикальных и одной поперечной линии. Этот сложный орнамент выполнен заостренной лопаточкой или другим, не очень острым инструментом по сырой поверхности сосуда. Затем образовавшиеся углубления заполнены белой пастой. Стиль инкрустированного орнамента сосуда резко отличается от скифского. Углубления здесь не глубокие, но широкие и плоские, с ровными краями. Совершенно идентичный орнамент (тот же узор и та же техника нанесения) мы встречаем на фрагменте лепного лощеного сероглиняного сосуда из Фанагории, найденного в 1940 г. в слое III в. н. э. (рис. 6, *2*) [2].

Форму фанагорийского сосуда восстановить трудно. Может быть, он был такой же формы, как и керченский, но больших размеров. Близкий орнамент мы видим на кувшине из кургана № 12 Сусловского могильника. Датируется это погребение II—III вв. н. э. и найденный кувшин считается

---

[1] Собр. ГМИИ, 47 Э XI/7, № 2861; Б. VIII/I, № 301; М. 47, Э XI/7, № 2862.

[2] Собр. ГМИИ, М. 47, Э XI/7, № 2863.

[3] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VI/4, № 2232—3.

[4] Размеры: высота — 8,4 см, диаметр устья — 4,7 см, диаметр дна — 4 см. Хранится в собр. ГИМ, инв. № 43935.

[5] Размеры: высота — 6,7 см, диаметр устья — 4,4 см, диаметр дна 4,2 см. Хранится в Керченском музее, инв. № К—119. Оп. 1953.

[1] Собр. Керченского музея, инв. № 4984. Размеры: высота — 7,5, диаметр устья — 5,5, диаметр дна — 4,6 см.

[2] Собр. ГМИИ, Ф. 40, Сев. VII, слой 6, № 735.

привезенным из Причерноморья. Один из мотивов этого орнамента мы видим на большом горшке, опубликованном в «Древностях Поднепровья» [1].

Форма керченского сосуда, имеющего приземистое, расширяющееся книзу тулово, не находит себе аналогии среди греческих типов керамики. Она несколько напоминает известные сарматские горшочки, но последние более округлы. Вытянутость горла и приземистость тулова характерны для позднесарматско-аланских кувшинов. Она намечается уже на сосудах с зооморфными ручками [2], но получает широкое распространение на поздних памятниках [3], связываемых с аланской культурой.

Чашечки. В Государственном Эрмитаже хранится небольшая чашечка с тремя ручками (табл. II, *49*). Она обнаружена в 1873 г. в одной из земляных гробниц на горе Митридат [4]. Стенки и ручки сосуда покрыты черным лощением, только в некоторых плохо обожженных местах лощение серого цвета. Стенки под ручками оставлены без лощения. Ручки прикреплены прямо к краю и, закругляясь, спускаются почти до основания. Очень похожий по форме и лощению сосуд найден в Илурате в 1949 г., в слое II—III вв. н. э. На основании этой аналогии и пантикапейский сосуд надо датировать тем же временем. Такая же чашечка с тремя ручками была найдена на Кубани, в Усть-Лабинском могильнике № 2, погребение № 37, раскопки 1934 г. [5] Форма сосуда и орнаментация его не греческая, что заставляет отнести чашечку к большой группе керамики, изготовлявшейся в мастерских Пантикапея под влиянием нового, пришедшего алано-сарматского населения.

Кувшины. В Керчи на хуторе Корецкого в 1863 г. (табл. II, *45*), в гробнице был найден сероглиняный лощеный кувшин со стилизованной зооморфной ручкой [1], по форме совершенно аналогичной красноглиняному кувшину III в., найденному в 1894 г. Ю. А. Кулаковским. Верхняя часть тулова этого кувшина украшена орнаментом из двух поясков углубленных лощеных линий и вписанных между ними наклонных, тройных полос, образующих узор в виде треугольников. Вся остальная часть тулова покрыта сплошным лощением. По условиям находки и по аналогии сосуд тоже должен быть датирован III в. н. э. [2] Такая датировка подтверждается находками других сосудов, имеющих ручки аналогичной формы. Так, в Тиритаке, в здании позднеримского времени III—IV вв. н. э. обнаружены: лепной горшок с лощеной поверхностью, с двумя ручками, близкими по форме ручкам пантикапейских кувшинов [3], и лепной лощеный кувшин с одной ручкой такой же формы [4]. В урочище «Три брата», в подбойной могиле кургана № 13, встречен лощеный горшок с округлым туловом, имеющим лентообразное вдавление на стенках, с вытянутым горлом, с двумя ручками такой же формы [5]. Чаша или чарка с такой ручкой была найдена с материалом II—III вв. н. э. Е. И. Крупновым в катакомбе близ Алхастинского селища [6]. Повидимому, сосуды с такими ручками были распространены у кавказских племен в первые века н. э. [7] Эти ручки, почти потерявшие всякое сходство с фигурками зверей, получают позднее новое функциональное назначение: на некоторых сосудах они снабжены сквозным отверстием и, вероятно, исполняют роль носика. Такая ручка-носик, принадлежавшая лепному сосуду, была найдена в Тиритаке в 1938 г. в слое III—IV вв. н. э. [8]

---

[1] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Поднепровья, т. III, табл. LIII, *823*.

[2] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека. Труды ГИМ, т. XVII, стр. 26, рис. 23, *15*; К. М. Скалон. Ук. соч., табл. 1, 2.

[3] Е. И. Крупнов. Ук. соч., стр. 26, рис. 23, 16; Труды XIII арх. съезда, табл. XXIII, № 16; М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, I, стр. 159.

[4] Ее размеры: высота — 7,5 см, диаметр устья — 6,8 см, диаметр дна — 3,4 см; точно установить, в какой из 16 гробниц и с каким инвентарем найдена чашечка, не удается. Находки из гробниц 66—83 относятся частично к эпохе эллинизма, частично — к римскому времени. Музейный номер находки М. 1873, 170.

[5] Собр. Гос. Эрмитажа, инв. № 1106/22.

[1] Хранится в Керченском музее. Размеры: высота — 16 см, диаметр горла — 7 см, диаметр дна — 6 см. Опубликован К. М. Скалон (ук. соч., табл. XV, 2).

[2] К. М. Скалон. Ук. соч., стр. 211.

[3] Собр. ЛОИИМК, Л. 40, 397; Е. Г. Каста наян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, стр. 251, рис. 6.

[4] Собр. ЛОИИМК, Л. 40, № 326; Е. Г. Каста наян. Ук. соч., стр. 253, рис. 7.

[5] СА, I, рис. 16.

[6] Труды ГИМ, вып. XII, табл. VII, *3*.

[7] МАК, вып. VIII, табл. I, XXXV, рис. 6.

[8] Е. Г. Каста наян. Ук. соч., стр. 254, рис. 10.

Ручку-носик имел также сосуд, найденный в Керчи в 1908 г.[1]

В коллекции ГИМ хранятся три кувшина почти одинаковой формы, происходящие из Керчи. Они были куплены у частных лиц и условия их находки неизвестны. Форма тулова их округлая, горло вытянутое, край слегка отгибающийся. У всех ручки прикреплены верхней частью непосредственно к краю горла, не образуя закраины, а нижней — к плечам. Один из кувшинов (инв. № 4308) имеет круглую витую ручку (табл. II, *47*); вся его поверхность покрыта бесцветным, неблестящим лощением, нанесенным вертикальным заглаживанием лощилом, имеющим небольшую площадь соприкосновения (полосы тонкие). По краю кувшина нанесен орнамент из пересекающихся вдавленных лощеных полос (высота сосуда — 11 см, диаметр устья — 6 см, диаметр дна — 4 см).

Второй кувшин (инв. №22309-314) покрыт сплошным, неблестящим лощением (табл. II, *46*). Ручка — овальной формы, гладкая. По краю кувшина и по его плечикам нанесен орнамент из пересекающихся вдавленных лощеных полос. (Размеры сосуда: высота — 9,5 см, диаметр устья — 5,1 см, диаметр дна — 3,9 см.)

Третий кувшин (инв. № 17352) покрыт густым черным лощением (табл. II, *48*), может быть, даже поверх обмазки, как мы это видели у сосудов I—II вв. н. э. Ручка сделана в форме двух витых стволов. По краю сосуда — орнамент в виде перекрещивающихся широких врезанных линий, по плечам — тройная зигзагообразная линия между двойным пояском. (Его размер: высота — 14 см, диаметр устья — 7,5 см, диаметр дна — 5,8 см.)

Все три кувшина по форме и орнаменту почти совершенно аналогичны лощеному кувшину, найденному в Тиритаке в 1939 г., в яме, в помещении I «Дома рыбака»[2]. На основании этой аналогии все три кувшина можно отнести к IV в. н. э.

Кроме фрагментов лощеных сосудов, которые можно датировать III в. н. э. по аналогии с вышеперечисленными, в слое III в. н. э. встречены ручки со следами лощения. Они имели уплощенную форму, так же как ручка на лощеном кувшине из Тиритаки, и, вероятно, тоже принадлежали кувшинам. По-видимому, с III в. н. э. в Пантикапее возрождается стремление орнаментировать поверхность лепных сосудов. Это должно быть связано с упадком ремесленного производства, с обеднением населения и с расширением функций лепной керамики, которую стали применять не только для приготовления пищи, но и как столовую посуду.

Тот факт, что орнаментированная лепная керамика имеет формы сарматской посуды[1], свидетельствует об усилении влияния сарматских элементов в жизни Пантикапея.

К III в. н. э. относится очень интересный, сделанный на гончарном круге кувшин из красной, хорошо промытой, глины. Кувшин снабжен стилизованной зооморфной ручкой. На плечиках нанесен орнамент в виде трех поясов параллельных линий, между которыми острым инструментом сделаны наколы, образующие две зигзагообразные линии. Сосуд найден в 1894 г. Ю. А. Кулаковским в гробнице № 4[2]. Некрополь, где находилась гробница, хорошо датируется монетами III в. н. э. Сосуд биконической формы с воронкообразным горлом как бы является дальнейшим развитием кувшинов с зооморфными ручками, широко распространенных в Пантикапее в I—II вв. н. э. Стилизованная ручка лишь очень отдаленно напоминает реалистические фигурки кабанчиков I—II вв. н. э., хотя и тогда уже попадались сосуды, на которых фигурки зверей трактовались очень условно (например, лепной кувшинчик 1923 г.[3]).

Изготовление такого сосуда в ремесленной мастерской свидетельствует о том, что сарматские мотивы для керамики Пантикапея стали органичны, что вместе с формами сосудов эволюционируют и элементы, связанные с религиозными или магическими представлениями сарматских или аланских племен. Повидимому, в III в. н. э. керамическое производство Пантикапея находилось

[1] ОАК за 1908 г., стр. 115, рис. 162.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки. МИА 25, стр. 116, рис. 142.

[1] Аналогичные сосуды опубликованы И. В. Синицыным (Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, рис. 77). К. Ф. Смирновым (Сарматские погребения Южного Приуралья, КСИИМК, XXII, стр. 84, рис. 28) и Б. И. и В. И. Ханенко (Древности Приднепровья, вып. III, табл. LXII, 2).

[2] ОАК за 1894 г., стр. 90—96, рис. 164.

[3] См. выше, стр. 87.

под сильным влиянием керамики сарматоаланских племен. Формы сосудов, изготовлявшихся в Пантикапее, не только подражают формам, бытовавшим у этих племен, но и линия развития — эволюция типов — была одной и той же.

5. ПЕРИОД III—IV ВВ. Н. Э.

Малая изученность позднего боспорского материала, в частности керамики, не всегда позволяет нам провести точную грань между III и IV вв. н. э. В большинстве археологических отчетов культурные слои суммарно датируются III—IV вв. н. э. То, что удалось отнести только к III в. н. э., уже было рассмотрено выше. Те из сосудов, которые могут быть датированы IV в. н. э., будут указываться специально; все остальные, к рассмотрению которых мы переходим, принадлежат слою III—IV вв. н. э.

Для последнего периода существования Боспорского царства, т. е. второй половины III в. и первой половины IV в. н. э., характерно резкое снижение материального благосостояния населения, наметившееся уже раньше. Это особенно заметно на материале некрополя. Теперь преобладают могилы с бедным инвентарем, хотя никаких существенных перемен в ритуале и наборе погребальных вещей не заметно. Старая линия развития городской жизни изменяется скорее в силу внутренних социальных причин, чем в результате вторжений каких-либо новых этнических элементов [1]. Все это находит подтверждение и на материале местной керамики III—IV вв. н. э.

Резко возрастает количество лепной, грубоглиняной и лощеной керамики в культурных слоях Пантикапея. Очень заметно меняется соотношение между находками фрагментов простой боспорской керамики и местной грубой посуды. Последняя уступает количественно, пожалуй, только фрагментам остродонных амфор. Появляется много вариантов уже встречавшихся ранее форм сосудов, которые видоизменяются, эволюционируют, но резкого изменения типов керамики не наблюдается.

Лепные сосуды из грубой глины

Горшки. Продолжают бытовать уже известные нам из слоев более раннего времени типы горшков.

1. Горшки с вертикально поставленными высокими краями и крутыми, иногда более покатыми, плечами [1]. Диаметр устья горшков различен — от 11 до 20 см (есть 11, 15, 18—20 см). Край иногда бывает срезан, иногда сглажен и закруглен. Один из фрагментов сохранил следы горизонтальной ручки [2]. Толщина стенок различна — от 0,3 до 0,9 см. Высота шейки от места соединения с туловом до края — 3,4 см. Целый горшок такой формы был найден в Керчи в 1929—1930 гг. около очага IV в. [3] (табл. III, *1*).

2. Горшки с более или менее сильно отогнутым краем и крутыми плечиками [4] (табл. III, *2*). Диаметр устья различен — от 15 до 20 см; толщина стенок 0,5—0,7 см. Край иногда закруглен, иногда срезан.

3. Горшки с отгибающимся краем и покатыми плечами [5] (табл. III, *3*). Диаметр края колеблется от 14 до 20 см (есть 14, 15, 16, 18, 20 см). Сохранились фрагменты краев и стенок с вертикальными округлыми и уплощенными ручками [6].

Один из фрагментов горшка такой формы имел выступ в виде зуба, направленный внутрь, на месте изгиба шейки [7] и служивший, вероятно, для упора крышки (табл. III, *4*).

4. Горшок с сильно отогнутым краем, с диаметром горла 20 см. Край отогнут под

---

[1] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 468, 469.

[1] Собр. ГМИИ: М. 49, II Б II/1, № 247; М. 45, Э 1+II/16 Я 23, № 1875 и 3047; М. 48, Э XV/9 в, № 341; С 1к I/5, № 39; М. 45, Э I/4 стол под выш., 1 шт., 3, № 137; М. 48, Э XII Я 17 и 18, № 2369; XI/2, № 2712 и XI/3, № 2743; Э II я 8/2, № 2045 и др.

[2] Э XII, № 2369.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические печи. Известия ГАИМК, вып. 80, стр. 45.

[4] Собр. ГМИИ, М. 48, Э XV/1, № 2; С 1 к II/5, № 91; Э XVI/76 поп., № 912; М. 46, Э VI/3, № 2090; Э VI/3, № 2077; Э VI/3, № 2089 и др.

[5] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б I/6, № 52; М. 47, Э XI/4, № 2771; XI/3, № 2745; М. 46, Э II-7 Я 35, № 7059 и 7058; Э I—III Я 15, № 3023; Э V/6, № 299; Э XI/2, № 2710 и 2713; Э IX/4, № 1956; V/6, № 62 и 160; М. 46, С з Э V+II/28/5, № 1580; I Б-II, № 247.

[6] Собр. ГМИИ, М. 447, Б VII/5, № 302; М. 49, II Б I/5, № 113.

[7] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б II/1, № 90.

острым углом по отношению к тулову (табл. III, *5*) [1].

5. Миниатюрные тонкостенные горшочки с высокой прямой, иногда несколько расширяющейся шейкой, с диаметром устья 6—8 см [2] (табл. III, *6*).

6. Сосуд баночной формы (диаметр 23 см). Его края слегка суживаются. Нижней части не сохранилось [3] (табл. III, *7*). Кроме того, имеется фрагмент маленького сосуда такой же формы с диаметром по краю 8,5 см [4].

7. Сосуд, приближающийся к баночной форме, но имеющий немного выпуклые стенки [5] (табл. III, *8*). Диаметр по краю — 18—20 см. На одном из фрагментов, отступя на 2 см ниже края по внутренней части стенки, вдоль всей окружности сосуда проходит тонкая рельефная лента шириной 1,5 см, служившая, вероятно, для упора крышки [6] (табл. III, *9*). На другом фрагменте сосуда такой же формы была прилеплена ручка в виде плоского выступа, прижатого к стенке сосуда в трех местах. Ручка, благодаря этому, приобретала орнаментальный характер [7] (табл. III, *10*). Несколько фрагментов сохранили кольцеобразные вертикальные ручки уплощенной формы, прикрепленные непосредственно к краю сосуда.

8. Кроме того, был найден фрагмент верхней части сосуда, стенки которого конусообразно расширялись книзу [8]. Край был срезан, а на 2 см ниже его к стенке прикреплялась вертикальная, повидимому, дугообразная ручка (табл. III, *11*).

Миски. В слое III—IV вв. встречается большое количество фрагментов лепных мисок самой различной формы и размеров.

1. Миски с ровными, наклонно стоящими стенками, с диаметром по краю от 16 до 22 см и по дну от 10 до 14 см. Высота различна: от 4 до 14 см [1] (табл. III, *12, 13*). У большого количества мисок сохранилась только верхняя часть, поэтому диаметр дна и высота могут быть восстановлены лишь в некоторых случаях. Почти все миски, имеющие полный профиль,— плоскодонные. Сохранилось лишь одно дно лепной миски, с кольцевым поддоном [2]. По сохранившимся плоским донъям видно, что при изготовлении сосуд стоял на песке [3]. Стенки — от 0,4 до 0,9 см толщиной, иногда к краю несколько утолщаются [4]. Почти все стенки носят следы копоти, иногда нагар сохранился не только на внешней, но и на внутренней стороне. Целая миска такой формы обнаружена в слое IV в. у очага в районе Эспланадной улицы [5]. Некоторые фрагменты краев таких мисок были украшены вдавленным и прищепным орнаментом [6].

Один из фрагментов принадлежал миске с изгибающимся краем, образующим выемку для крышки [7], один имел ручку в виде дугообразного выступа, середина которого прижата к стенке [8].

2. Миски с почти вертикально поставленными стенками и чуть утолщающимся краем [9] (табл. III, *14*), на котором сделана небольшая выемка для крышки или просто выступ. Такого же типа миске, вероятно, принадлежал фрагмент с отогнутым плоским краем с полукруглым выступом, заменявшим ручки [10]. Другой фрагмент имел на внутренней части стенки выступ для упора крышки, а по краю наружной стенки — орнамент в виде прищепов [11] (табл. III, *15*).

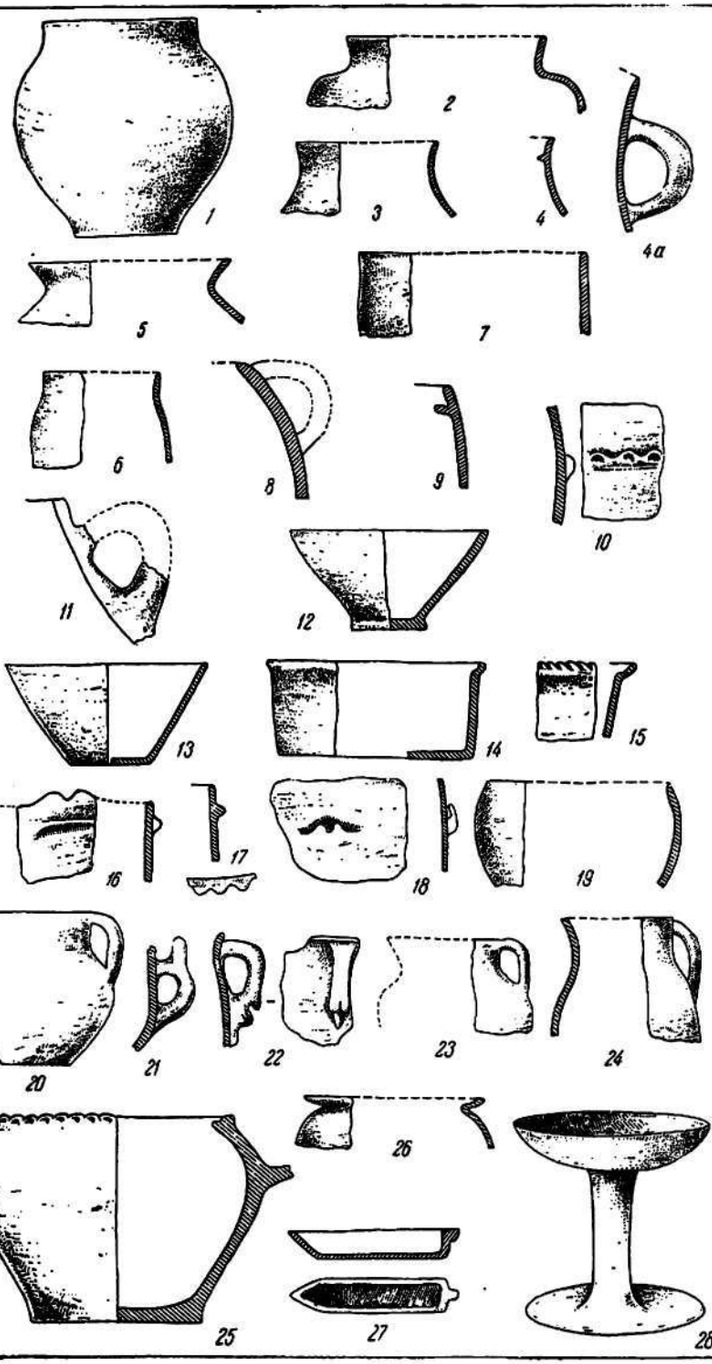
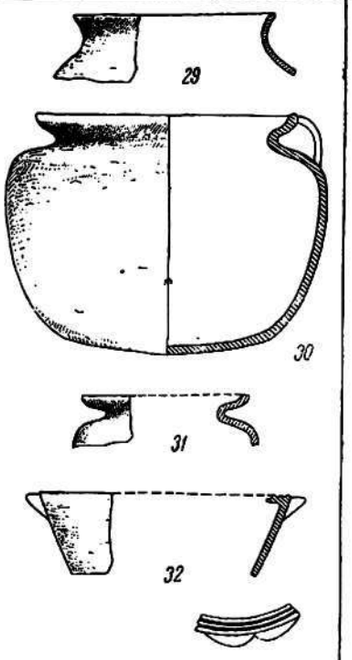
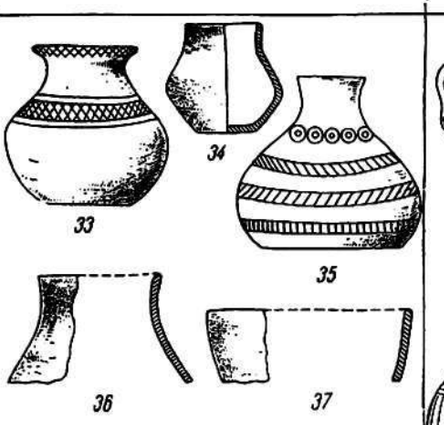
3. Миски с вертикально поставленными стенками, иногда слегка закругленными,

---

[1] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VI/3, № 2074: VI/7 з. ч., № 2910.
[2] Собр. ГМИИ, М. 48, З II/2, № 31; М. 47, Б VII/4, № 23; М. 49, II Б I/6, № 45.
[3] Собр. ГМИИ, М. 47, Б VIII/5, № 303.
[4] Собр. ГМИИ, М. 45, Э II я 8/6, № 2116.
[5] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б I/6, № 38, 37, 40, 56, 78, 50, 55.
[6] Собр. ГМИИ, М. 47, XI/3, № 2736.
[7] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б II/1, № 89. Подобного типа ручка встречена и в слое более раннего времени. Собр. Керченского музея М, 46, Б IV/13, № 1788.
[8] Собр. ГМИИ, М. 47, Э XI/6, № 2818.

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, Б VII/6, № 94; М. 46, СЗ Э V+II/28/5, № 1581 и 1652; М. 49, II Б I/6, № 59, 51, 42; I/7, № 76; I/6, № 44, 54, 49, 53, 43, 41, 58, 77; М. 45, Э I/4, № 138; М. 47, Б VII/6, № 93; М. 48, С Iк II/12; № 283; Зап. VII/7, № 260 и 261; М. 45. Э I + II Я 15, № 3022, В Э II/3, № 323 и др.
[2] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б II/1, № 91.
[3] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V+II/28/7, № 1703.
[4] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б I/6, № 59.
[5] В. Ф. Гайдукевич. Античные обжигательные печи, стр. 45.
[6] Собр. ГМИИ, М. 48, зап. III/7, № 328; М. 49, II Б 1/7, № 80.
[7] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б 1/7, № 80.
[8] Собр. ГМИИ, М. 47, Б IX/I, № 728.
[9] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V/7 № 242; VI/7 з. ч., № 2809; М. 49, II Б 1/7, № 79; М. 48, ВЭ III/I—3, № 426.
[10] Собр. ГМИИ, М. 48, Э XV/4, № 57.
[11] Собр. ГМИИ, М. 45, Э я 8/6, № 2136.

ТИПЫ КЕРАМИКИ III—IV В. Н. Э.

Дата слоя	Лепные сосуды из грубой глины	Сосуды из грубой глины, сделанные на гончарном круге	Лепные сосуды с лощеной поверхностью	Сосуды с лощеной поверхностью, сделанные на гончарном круге
III–IV вв. н. э.				

с выступами вместо ручек. Некоторые из фрагментов имеют, кроме того, неровный с выступами край [1] (табл. III, *16*). Ручки прикрепляются в виде прямоугольного выступа (№ 2216) или выступа со скошенными краями, а иногда с выемками в виде зубцов (табл. III, *17*). Встречаются ручки, напоминающие прикрепленный выступ, середина которого прижата к стенке [2] (табл. III, *18*).

4. Миски с загибающимися внутрь краями [3] (табл. III, *19*).

5. Обнаружен фрагмент лепной миски большого диаметра со сливом в верхней части [4].

Кувшины. 1. Большие кувшины с невысокой шейкой и круглой ручкой, прилепленной непосредственно к краю, с довольно четким членением тулова и шейки [5] (табл. III, *23*).

2. Кувшин с конусообразно расширяющимся книзу туловом, без четкого отделения шейки от тулова, с ручкой приплюснутой формы (с желобком посредине), прикрепленной на 2,5 см ниже края [6] (табл. III, *24*).

3. Маленький лепной кувшинчик с короткой шейкой и носиком [7] (табл. III, *20*) был найден в слое IV в. н. э. около очага на Эспланадной улице. Кувшинчики такого типа и горшочки маленьких размеров встречались в слоях III в. н. э. в Киммерике и Фанагории.

4. Кроме целых кувшинов и фрагментов, находили зооморфные ручки со стенками. Возможно, они принадлежали лепным кувшинам [8] (табл. III, *21*, *22*), хотя ручки такого типа могли быть и на двуручных горшках, типа найденных в доме III—IV вв. н. э. в Тиритаке [9]. Одна из ручек являлась, повидимому, стилизованным изображением фигурки кабана (табл. III, *21*), другая — собаки (табл. III, *22*). Они обнаружены в слое III—IV вв. н. э., содержавшем материал более раннего времени. Ярко выраженная стилизация изображения заставляет датировать их не I—II вв., а III—IV вв. н. э., поскольку в слоях III в. сосуды, снабженные ручками такого типа, встречались, а ручки, обнаруженные в слоях I—II вв., имеют, как правило, гораздо более реалистичные изображения.

Кастрюли. В слое III—IV вв. продолжают встречаться лепные горшки с выемкой для крышки, подражающие боспорским кастрюлям. Мы знаем несколько вариантов таких сосудов.

1. Сосуд в виде горшка без шейки с утолщающимся краем, имеющим выемку для крышки, раздутым туловом, сужающимся книзу, с плоским дном и ручками-выступами, возможно, оканчивающимися двумя разветвлениями, а может быть, с отверстиями для подвешивания [1]. По краю нанесен вдавленный орнамент. Сосуд сильно закопчен. Он представляет собой комбинацию обычного кухонного горшка и округлой боспорской кастрюли (табл. III, *25*). Встречались также фрагменты подобного типа сосудов, но несколько большего диаметра и без орнамента по краю [2].

2. Сосуды с более широкими венчиками, с выемкой для крышки, покатыми плечами, с диаметром устья 15—18 см (табл. I, *26*). При этом попадаются различные варианты степени изогнутости венчиков. Некоторые сосуды имели только слегка выгибающийся край, другие — четко выраженный профиль боспорских кастрюль; одни — более крутые [3], другие — более покатые плечики [4].

Светильники. В слое III—IV вв. н. э. встречались лепные светильники ладьеобразной формы [5] (табл. III, *27*), круглые, на высокой ножке [6] (табл. III, *28*), закрытые, вытянутые с длинным рожком [7].

Среди фрагментов лепных сосудов, форму которых установить не удается, представ-

[1] Собр. ГМИИ. М. 45, Э II/9, № 2216; Б VII/3, № 28; М. 47, Б VII/6, № 45.
[2] Собр. ГМИИ, М. 45, Б VIII/1, № 301; М. 47, Э X/5, № 2451; № 2861 и Э XI/7, № 2862.
[3] Собр. ГМИИ, М. 48, Э X/4, № 2432; Э IV э. я. II/9, № 3630; IV/5, № 3446.
[4] Собр. ГМИИ, М. 47, Э XI/6, № 2819.
[5] Собр. ГМИИ, М. 47, Э XI/1, № 2817; М. 49, II Б II/1, № 57 — диаметр устья около 10 см.
[6] Собр. ГМИИ, М. 47, Э XI/3, № 2742.
[7] В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические печи, стр. 45
[8] Собр. ГМИИ, М. 45, Э V/6, № 63 и Э XI/2, № 2709.
[9] Собр. ЛОИИМК, Л. 40/397; Е. Г. Кастанаян. Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, стр. 251, рис. 6.

[1] Собр. ГМИИ, М. 48, Э XII/143, № 2346. Высота сосуда — 11 см, внутренний диаметр устья — 10,5 см, диаметр дна — 10 см.
[2] Собр. ГМИИ, М. 45, Э V/5, № 76.
[3] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V/7, № 246.
[4] Собр. ГМИИ, М. 46, Э VI/3, № 2082.
[5] Собр. ГМИИ, М. 45, ВЭ III/2, № 387.
[6] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I—II/12, № 1327; М 49, II В I/7, № 70 и 69.
[7] Собр. ГМИИ, М. 48, Э XV поп. 75, № 873.

ляют интерес некоторые стенки сосудов с выступами вместо ручек. Это были, повидимому, большие сосуды (диаметр около 20 см) с прямыми стенками. Среди фрагментов — стенки с ручками в виде плоских выступов [1] или выступа, по краю которого идет линия вдавленных пальцем углублений [2], с плоской ручкой, имеющей по краю три выступа [3] (табл. III, *17*). Небольшая горизонтальная ручка у одного из фрагментов придавлена к стенке, как это очень часто бывает на краснолаковых сосудах, подражание которым можно видеть в данном лепном сосуде [4].

Стенка другого лепного сосуда имеет налеп в виде изогнутого валика [5]. Этот фрагмент интересен с точки зрения техники изготовления лепных сосудов в III—IV вв. н. э. Он найден на акрополе Пантикапея, где все слои предшествующих периодов были счищены и на скальном грунте остался только слой III—IV вв. н. э., что позволяет точно датировать найденные там лепные сосуды [6]. Сосуд был изготовлен ленточной техникой. Ясно заметны три ленты, из которых была слеплена сохранившаяся часть сосуда.

Обнаружено также несколько плоских доньев лепных сосудов. У некоторых из них заметен наплыв в месте соединения дна со стенкой [7], у других — нет [8]. На одном из экземпляров ясно отпечатались камешки, на которых стоял сосуд при лепке. Найдено большое количество ручек овальных [9], с желобком посредине [10] и продолговатых [11]. На продолговатой ручке, присоединенной к прямому краю сосуда, повидимому, кувшина, на верхней поверхности, у места соединения со стенкой, сохранился налеп в виде лепешки, часто встречающийся у кувшинов III—IV вв. н. э. в Фанагории.

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, II/Б II/3, № 28.
[2] Собр. ГМИИ, М. 45, э. я. № 8/6, № 2135 и 2137; Э II/5, № 816.
[3] Собр. ГМИИ, М. 49, II/Б 1/7, № 75; М. 47, Б VII/3, № 29.
[4] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V/5.
[5] Собр. ГМИИ, М. 48, Стк, II/3, № 55.
[6] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея. КСИИМК, XXXIII, стр 23.
[7] Собр. ГМИИ, М. 48, С. к II/12, № 283; М. 48, Э XI/1, № 3.
[8] Собр. ГМИИ, М. 46, Э V+II 28/5, № 1577.
[9] Собр. ГМИИ, М. 45, Э I/4, ст. под вым. 1, шт. 3, № 133.
[10] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б 1/7, № 71, 61 и 74.
[11] Собр. ГМИИ, М. 49, II Б 1/7, № 60 и 78.

Керамика из грубой глины, изготовленная с помощью гончарного круга

В III—IV вв. н. э. на гончарном круге изготовлялись из грубой глины сосуды тех же форм, какие мы встречаем среди лепной керамики.

Горшки. Эти горшки с более или менее отогнутым краем [1] и большей или меньшей крутизной плечиков [2] повторяют пропорции и размеры лепных горшков (табл. III, *29*).

Кастрюли. В точности повторяют профили лепных сосудов типа кастрюль и имеют иногда более, иногда менее отогнутый край [3] (табл. III, *31*).

В 1904 г. В. В. Шкорпилом в катакомбе на северном склоне горы Митридат на Шлагбаумской улице, в гробнице № 179 найден круглодонный сосуд, сделанный из грубой глины [4] (табл. III, *30*). Венчик его отогнут и снабжен углублением для крышки. Внизу к венчику прикреплены две небольшие вертикальные ручки, доходящие до плечиков [5]. Вместе с этим сосудом обнаружены: краснолаковая чашка, лощеный кувшин с ручкой-носиком, горшочек из черной глины, одноручный кувшинчик с горизонтальными желобками по всему корпусу и железная пряжка в виде полумесяца, украшенная шлифованными альмандинами в золотой оправе. Находки вполне соответствуют общей датировке IV в. н. э. и позволяют этим же временем датировать сосуд. Сосуд был сильно закопчен. Повидимому, его употребляли для приготовления пищи на огне.

Миски. Интересен фрагмент края большой миски с диаметром по краю 24 см. Стенки полукруглые, сильно расходятся кверху. Форма дна неизвестна. Край загибается внутрь в виде плоского выступа, имеющего

[1] Сосуды с более отогнутым краем: ГМИИ, М. 46, Э II+V я 35, № 7122; М. 45, Э III З я, № 3, шт. 2, № 3787; края менее отогнуты: М. 46, СЗ Э V + II/26/5, № 1578; VI/V, № 2403; VI/II, № 3591.
[2] Горшки с менее крутыми плечиками: ГМИИ, М. 46, СЗ Э V+II/28/5, № 1578; плечики более крутые: М. 45, Э III/5, № 3570 З я, 11 шт. 5.
[3] ГМИИ, М. 46, Э VI/2, № 1024; М. 47, Б VII/4, № 1612. М. 48, Э XV/4.
[4] ИАК, вып. 25, стр. 56 и сл.
[5] Сосуд из собр. ГИМ, инв. № 45717. Его высота — 12 см, диаметр шейки — 8 см, диаметр края венчика — 12 см.

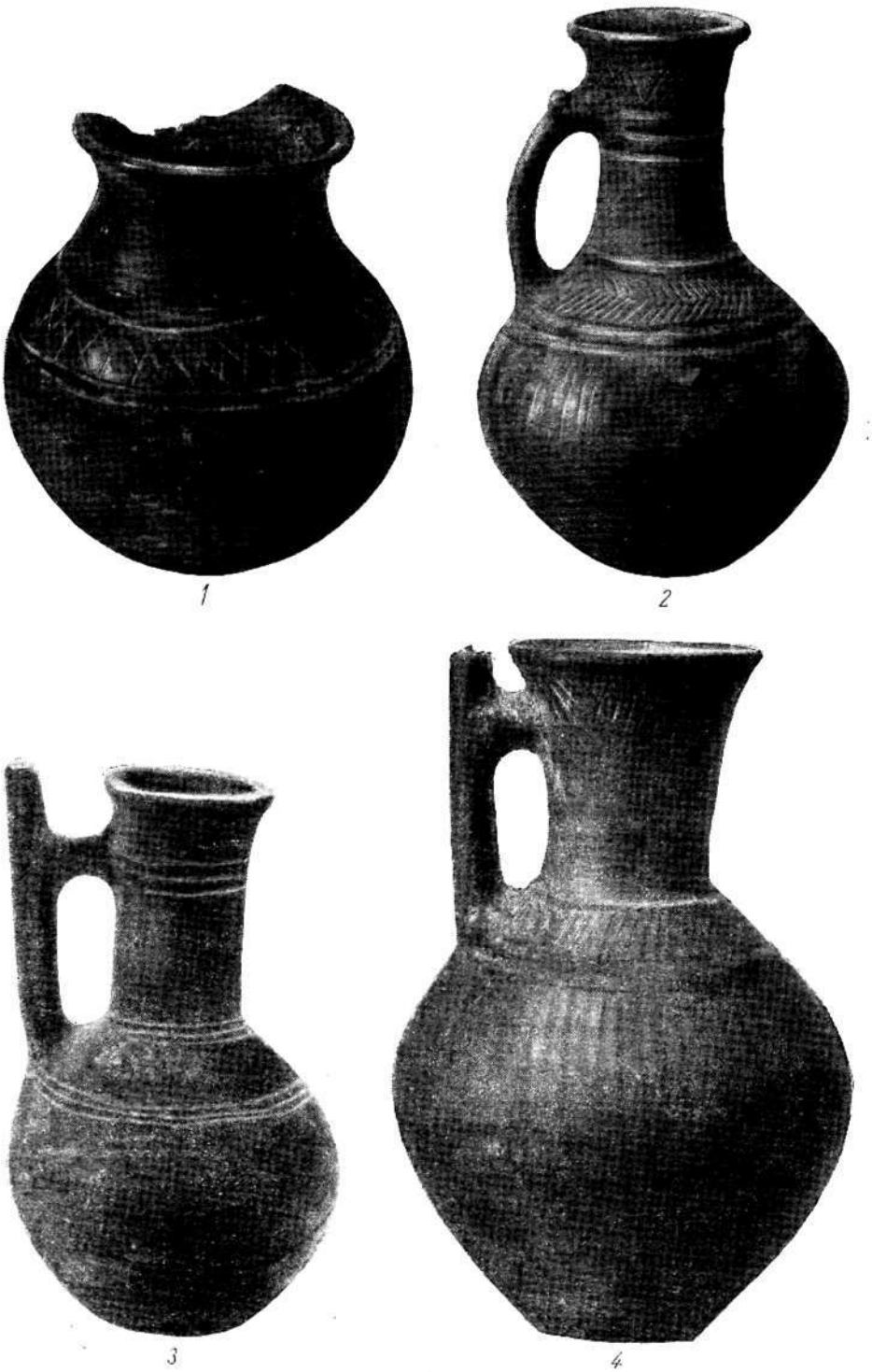

Рис. 7. Местная керамика III — IV вв. н. э.

1 — лепной лощеный горшок; *2 — 4* — лощеные кувшины, сделанные на гончарном круге

сверху две бороздки. Кроме того, с внешней стороны край имеет два выступа, может быть, игравшие роль ручки [1] (табл. III, *32*).

Лепная керамика с лощеной поверхностью

Горшки. К слою III—IV вв. н. э. можно отнести несколько лепных горшков с лощеной поверхностью. Некоторые из них украшены резным орнаментом.

1. Горшочки с округлым туловом и вытянутой, расходящейся кверху шейкой (табл. III, 33, рис. 7) [2], покрыты очень блестящим, черным лощением. По плечам и по краям проходят орнаментальные пояски из вдавленных лощеных полос, по краю — в виде пересекающихся полос, по плечикам — состоящие из двух двойных бороздок и перекрещивающихся полос между ними. Условия находки этих сосудов не дают материала для датировки. Но сосуды такой же формы обнаружены в Фанагории. Один из них был найден в 1937 г. в некрополе «С», в земляном склепе, датируемом краснолаковым блюдом с рифлением, стеклянными сосудами с синими глазками и монеткой первой четверти IV в. н. э. [3] Другой обнаружен в 1859 г. близ древней Фанагории, в катакомбе, датируемой III—IV вв. н. э. [4] Фрагмент горла такого же сосуда встречен в городском слое Фанагории в 1939 г. [5]

На основании приведенных аналогий и керченские горшочки могут быть датированы III—IV вв. н. э., а возможно, и IV в. н. э. По своей форме они близки уже встречавшимся в слое III в. н. э. горшочкам с округлым туловом и расширяющейся шейкой и находят прямые аналогии в керамике сарматских курганов. Такого типа горшки встречены в Сусловском курганном могильнике, в кургане у с. Бородаевка, в курганах № 3 и 4 Маячной горы пос. Благословенского Чкаловской области [1] и т. д. Принадлежность таких сосудов выходцам из местных северо-причерноморских племен, поселившихся в городе, подтверждается и характером погребения в катакомбе, открытой в 1859 г. В саркофаге с мужским захоронением найдена «мужская шапка из верблюжьей шерсти, сшитая из нескольких кусков». По форме она походит на те, в которых изображены скифы на золотом сосуде из Куль-Оба. Это колпак, к которому сзади пришит широкий кусок из той же верблюжьей шерсти для прикрытия от непогоды шеи и обычных для скифов длинных волос [2].

2. Маленький лепной горшочек с туловом биконической формы и прямой вытянутой шейкой (табл. III, *34*). Поверхность его покрыта серо-бурым блестящим лощением. Он был найден в катакомбе и, судя по сопровождающему материалу, должен быть датирован III—IV вв. н. э. (фибула «готского» типа и стеклянные сосуды) [3].

3. Повидимому, к этому же времени надо отнести горшочек с раздутым, приземистым туловом и узким, расширяющимся кверху горлом [4] (табл. III, *35*). Сосуд слеплен из двух отдельных частей: нижней и верхней; в месте их скрепления образовался шов. Поверхность сосуда покрыта матовым, бесцветным лощением. Все тулово украшено вдавленным орнаментом, состоящим из четырех горизонтальных поясов, в виде кружков, косых и прямых линий. Сосуд найден в 1872 г. в земляной гробнице при мужском захоронении, на северо-восточной стороне пирамидального скалистого холма на горе Митридат. Здесь же обнаружен одноручный лощеный кувшин, сделанный на гончарном круге (табл. III, *38*) [5]; по типу лощения и орнамента он должен быть датирован III—IV в. н. э. Горшки раздутой, приземистой формы встречались уже в слое III в. н. э., и хотя подобная форма характерна

[1] Собр. ГМИИ, М. 47, БУ III/2, № 215.

[2] Собр. ГИМ, инв. № 17357 (покупка у Запорожского), размеры: высота — 8 см, диаметр устья — 5,3 см, диаметр дна — 4,2 см; инв. № 996 (коллекция Самоквасова), размеры: высота — 9 см, диаметр устья — 5 см, диаметр дна — 4,2 см.

[3] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 44—46.

[4] К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова, М., 1870, стр. 98.

[5] Собр. ГИМ, инв. № 11696-3709.

[1] К. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, XXII, стр. 84 и сл.

[2] К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова, стр. 97.

[3] ИАК, вып. 30, стр. 5, гробн. № 10—12. Хранится в ГИМ, инв. № 46029. Высота сосуда — 5,4 см, диаметр устья — 3,8 см, диаметр дна — 3 см.

[4] Архив ИИМК. Альбом рисунков к археологическим исследованиям 1872 г., лист 31, рис. 7. Высота сосуда — 8,5 см, наибольший диаметр тулова — 10 см. Хранится в Гос. Эрмитаже, II, 1872-37.

[5] Гос. Эрмитаж, II, 1872-38, № 317 д; Альбом рисунков, лист 31, рис. 6.

для сосудов сармато-аланских племен и более позднего времени (например, в Пашковском могильнике, № 1, V—VI вв. н. э.) [1], наличие такого типа керамики в Пантикапее уже в III—IV вв. н. э. вполне вероятно. Оно может быть объяснено увеличением сармато-аланских элементов в городском населении III—IV вв. н. э., а также дальнейшей эволюцией, в связи с развитием городского ремесла, типов керамики, характерных для сармато-аланского населения.

Горшочек, с расширяющимся книзу туловом, с узким горлом и чуть загибающимся краем, фрагмент которого был найден на городище Пантикапея в слое III—IV вв., должен быть отнесен к той же группе лощеных сосудов сарматского типа [2].

Еще два обломка лощеных сосудов принадлежали, возможно, горшкам более крупных размеров с отогнутым краем и покатыми плечами.

Миски. Встречен только фрагмент края лепной миски диаметром 20 см. Наружная поверхность покрыта матовым бесцветным лощением [3].

Кроме фрагментов, позволяющих восстановить форму сосудов, в слое III—IV вв. н. э. найдены многочисленные фрагменты стенок, ручек и краев лощеных сосудов, форму которых восстановить не удается. В основном для всех этих фрагментов характерно лощение плохого качества, не имеющее густого цвета и блеска, которые обычны для лощеной керамики раннего времени. Чаще всего встречается бесцветное лощение, когда поверхность сосуда принимает цвет глины [4], иногда оно черного цвета, но без обычного блеска [5].

Керамика с лощеной поверхностью, сделанная на гончарном круге

Кувшины. 2. Для слоев III—IV вв., а, может быть, и только IV в., характерно распространение лощеных кувшинов с прямой высокой ручкой, обычно имеющей сквозное отверстие и, повидимому, являвшейся одновременно носиком. Такой сосуд был найден Ю. А. Кулаковским в 1890 г. в гробнице, находящейся против печей Ростовского [1] (табл. III, *39*). Узкое горло сосуда вытянуто и расширялось кверху. Тулово — округлое, немного приземистое, покрыто сплошным черновато-бурым блестящим лощением. На плечиках орнамент из вдавленных лощеных перекрещивающихся линий. Ручка, в виде длинного, почти прямого стержня со сквозным отверстием, соединялась перемычкой с шейкой и упиралась в плечи сосуда. Эта форма ручки, повидимому, появилась в результате эволюции зооморфных ручек с фигурками кабана, распространенных в Пантикапее в I—II вв. н. э. Стилизация фигурок началась еще в I—II вв. н. э. На сосудах III в. н. э. мы могли отметить ручки, уже только отдаленно напоминающие фигурки животного, тогда как форма самих сосудов изменилась мало [2]. В IV в. н. э., благодаря дальнейшей стилизации, подобные ручки почти теряют зооморфную форму и в то же время получают новую функцию — носика. Но некоторая изогнутость и сужение конца ручки [3], как у морды кабана, свидетельствуют о каком-то продолжении старой традиции. Впрочем, некоторые из сосудов этого типа имеют уже совершенно ровную, вытянутую ручку [4]. Это доказывает, что магическое значение фигурки животного, как оберега, уже было потеряно [5]. Тип сосуда в IV в. н. э. тоже несколько изменяется, хотя и сохраняется еще прежний общий вид кувшина с округлым туловом и расходящейся кверху шейкой; сохраняется и тип орнамента в виде нанесенных на плечиках поясков из вдавленных пересекающихся или зигзагообразных лощеных полос.

В гробнице, где был в 1890 г. найден сосуд, кроме него находился стакан из прозрачного зеленоватого стекла с синими

---

[1] М. В. Покровский. Ук. соч. СА, I, стр. 159.
[2] ГМИИ, М. 45, Э II/9, № 2249.
[3] ГМИИ, М. 45, Э IV я, 11 шт. 10, № 3698.
[4] ГМИИ, М. 45, я 8 дно № 2004; Ст. II/4 № 57; Э I+II/11, № 1234.
[5] ГМИИ, М. 46, Э V/9, № 468.

[1] ОАК за 1890 г., стр. 28 и сл.
[2] Е. Г. Кастанаян, анализируя сосуды с зооморфными ручками из Тиритаки, приходит к такому же выводу (см. ее статью: Сарматские сосуды из Тиритаки. СА, XV, стр. 255).
[3] Особенно это заметно у данного сосуда.
[4] ИАК, вып. 40, стр. 19, рис. 82.
[5] Впрочем, в Тиритаке в могиле III—IV вв. н. э. был найден лепной кувшин с расширяющимся устьем, уплощенной ручкой, имевшей желобок. К верхней части ручки была прилеплена фигурка птицы, повернутая головкой к шейке сосуда. В той же могиле была найдена монета IV в. н. э. В. Д. Блаватский. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г. МИА, № 4, стр. 68, рис. 100.

вкраплинами в верхней части [1]. Такие стаканы были обнаружены среди инвентаря катакомбы, в которой имелся золотой венок с оттиском монеты императора Валентиниана (364—375 гг. [2]). Это позволяет отнести к IV в. н. э. и кувшин из раскопок Ю. А. Кулаковского.

Другой кувшин с прямой ручкой-носиком найден В. В. Шкорпилом в 1904 г. в гробнице № 179 на Госпитальной улице (табл. III, *40*; рис. *7*, *3*). Сосуд имел округлое тулово, длинную, вытянутую шейку и ручку в виде прямого пологого стержня. Вся поверхность кувшина покрыта бесцветным неблестящим лощением. По краю и на плечиках нанесен орнамент из вдавленных лощеных пересекающихся линий и поясков из параллельных горизонтальных бороздок [3]. Гробница, как и весь некрополь, относится к III—IV вв. н. э. Очень близкий по форме и орнаменту сосуд обнаружен В. В. Шкорпилом в 1908 г. в разграбленной гробнице на северном склоне горы Митридат [4] и датируется им III—IV вв. н. э. К этому же времени следует отнести и аналогичный кувшин из Керчи, хранящийся в собрании ГИМ [5]. Он покрыт бесцветным неблестящим лощением; на плечах и по краю нанесен орнамент из перекрещивающихся лощеных линий (табл. III, *41*; рис. 7, *4*). Такого же типа сосуды имеются в Керченском музее и в Государственном Эрмитаже [6]. В Керченском музее, кроме того, хранится кувшин такой же формы, но с витой ручкой. В коллекции ГИМ имеются такого же типа кувшины с витой, плоской и с двуствольной ручками [7] (табл. IV, *1* и *2*). Все эти кувшины принадлежат к одной группе керамики и относятся к III—IV вв. н. э.

2. Повидимому, к III—IV вв. н. э. следует отнести другую группу кувшинов с биконическим туловом, расширяющимся устьем и небольшой закругляющейся ручкой, прикрепленной к верхней части тулова. Характерен орнамент в виде бороздок, образованных лощением. В верхней части по краю сосуда нанесен поясок из пересекающихся лощеных линий, на плечах — узор из треугольников. Один из сосудов встречен в земляной гробнице на северо-восточной стороне пирамидального скалистого холма на горе Митридат [1] (табл. III, *38*); условия находки другого (табл. IV, *3*) неизвестны [2]. Близкие по форме сосуды, но с гладким лощением по всей поверхности (из собрания ГИМ) [3], тоже, вероятно, следует отнести к III—IV вв. н. э. Один из них имеет на шейке две прорезные линии, другой — рельефный выступ. Очень близкий к ним по форме и размерам серолощеный кувшин был найден Н. И. Веселовским в 1903 г. в кургане № 1 близ Армавира [4]. Судя по сопровождавшему инвентарю (бронзовое зеркало, фибула в виде фигурки барана и др.), этот кувшин надо отнести к I в. н. э. Однако наличие на керченских кувшинах орнамента из пересекающихся лощеных полос сближает их с керамикой полей погребения [5], где также имеются близкие к ним по форме сосуды. Это позволяет отнести к несколько более позднему времени, чем сосуд из Армавира, и кувшины, найденные в Пантикапее.

Интересна находка кувшинов аналогичного типа в некрополе Фанагории (табл. IV, *4*—*7*), раскопанном в 1950 г. [6] Форма, размеры, орнамент, наличие поясков из лощеных бороздок почти такие же, как у сосудов из Пантикапея. Один из кувшинов — лепной — находился в земляной могиле при детском костяке, ориентированном головой на северо-северо-запад, и датируется Н. В. Анфимовым III в. н. э. [7] (табл. IV, *4*). Другой,

[1] ОАК за 1930 г., стр. 28.

[2] ИАК, вып. 25, стр. 42—44.

[3] Собр. ГИМ, инв. № 45717; размеры сосуда: высота — 18,6 см, диаметр устья — 5,9 см, диаметр дна — 3,5 см.

[4] ИАК, вып. 40, стр. 19, рис. 82.

[5] Из коллекции Забелина, инв. № 22279; размеры сосуда: высота — 23,5 см, диаметр устья — 9,6 см, диаметр дна — 6 см.

[6] Из раскопок в Керчи 1873 г., инв. № 1873-64.

[7] Из коллекции Забелина, инв. № 22275, 22276 и 2277.

[1] Собр. Гос. Эрмитажа, инв. № 11 1872-38; № 317 д. Альбом рисунков к археологическим исследованиям 1872 г., лист 31, рис. 6; высота сосуда — 16,2 см, диаметр устья — 8,6 см, диаметр дна 6,6 см.

[2] Собр. ГИМ, коллекция Забелина № 22342-352; высота сосуда — 12,3 см, диаметр устья — 8,6 см. диаметр дна — 5,5 см.

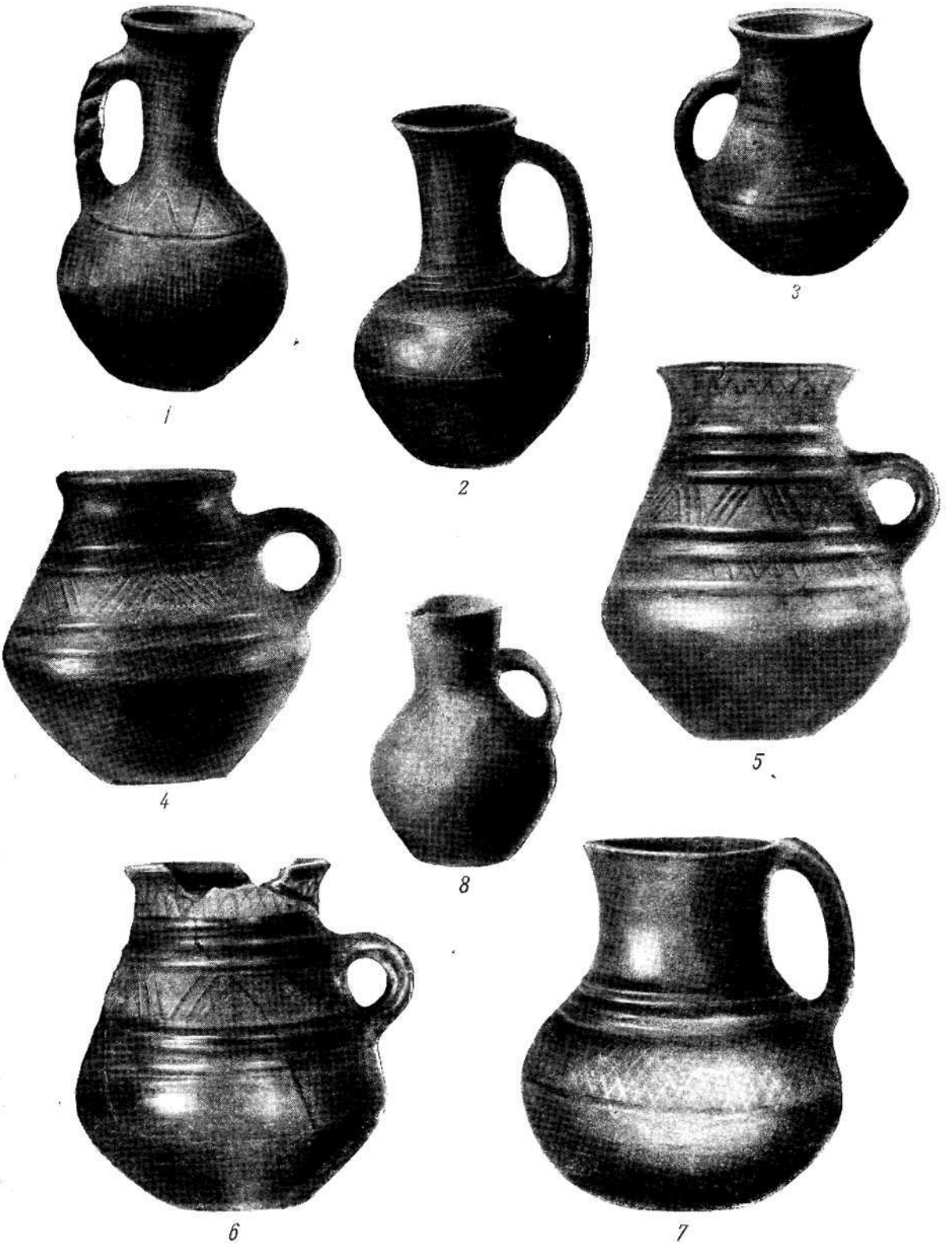
[3] Там же, № 22342-352: высота — 10,4 см, диаметр устья — 6,9 см, диаметр дна — 4,8 см, и покупка у Запорожского: диаметр дна — 6 см, диаметр устья — 9,3 см, высота — 10,6 см.

[4] Колл. Гос. Эрмитажа, КУ 1903 1/83.

[5] СА, X, 1948, стр. 57, рис. 1, *11*.

[6] М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1950 г. Архив ИИМК.

[7] Собр. ГМИИ, Ф. 50 XII, погр. 57; размеры: высота — 12,5 см, диаметр дна — 5,8 см, диаметр устья — 7,5 см. Дневник начальника раскопа Н. В. Анфимова (архив экспедиционного отдела ГМИИ).

Местная керамика

1—3, 8 — сосуды из Пантикапея; 4 —7 —сосуды из Фанагории

сделанный на гончарном круге, найден при костяке, ориентированном на север (табл. IV, *5*). Кроме кувшина, в могиле встречены только две бронзовые пряжки [1].

4. Кувшин с широкой шейкой, с округлым туловом и ручкой, прикрепленной непосредственно к краю сосуда и к плечику. Характерно наличие орнаментальных поясков из глубоких, вдавленных лощеных бороздок и из пересекающихся лощеных линий. В собрании ГИМ хранится кувшин такого типа из коллекции Забелина [2] (табл. III, *42*). Очень похожий по форме и орнаменту (бесцветное лощение и вдавленные лощеные линии) кувшин обнаружен в Фанагории в 1950 г. в грунтовом погребении, ориентированном на северо-восток, вместе с поясной пряжкой и стеклянными бусами многогранными и овальными [3] (табл. IV, *7*). Характер лощения и орнамент позволяют датировать сосуд III—IV вв. н. э., хотя пряжка, найденная в могиле, напоминает поясные пряжки, встречающиеся в земляных гробницах Крыма V—VII вв. н. э. [4] Отнесение всех этих сосудов к III—IV вв. н. э. подтверждается наличием в культурном слое Пантикапея II—IV вв. н. э. фрагментов керамики, сделанной на гончарном круге, с орнаментом из пересекающихся лощеных линий с бороздками, лощеными полосами и т. д. [5]

Миски. В слое III—IV вв. н. э. были найдены фрагменты лощеных мисок различной формы.

1. Миска диаметром 15—18 см, покрытая хорошим черным лощением, с изогнутой стенкой и отгибающимся краем [6] (табл. III, *43*). Миски такой формы встречались в Фанагории. Одна из них была найдена в земляном склепе IV в. н. э. [7] Аналогичные мисочки встречены на Кубани в Пашковском могильнике № 1, погребение 3 (1948 г.), и у станицы Тифлисской [1], а также на Дону, у станицы Гниловской [2].

2. Миска диаметром около 15 см с вертикальными стенками в верхней части и наклонными в нижней, с утолщающимся краем [3] (табл. III, *44*). Поверхность покрыта бесцветным неблестящим лощением. Миски такой формы были широко распространены в городах Боспора. Обычно их поверхность покрыта красным лаком. Появление лощеных мисок этого типа, повидимому, свидетельствует о том, что в более позднюю эпоху, когда получили широкое распространение местные приемы орнаментации керамики, пантикапейские мастера, изготовляя обычную миску средиземноморского типа, применяли для ее орнаментации лощение.

Таким образом, характерно увеличение количества лепной и лощеной керамики в культурных слоях Пантикапея III—IV вв. н. э. Формы сосудов становятся многообразнее. Широко распространена орнаментированная посуда — лепная и сделанная на гончарном круге. Для этого времени характерно распространение лепных светильников, а также миниатюрных лепных сосудов: горшочков, кувшинчиков, которые, как правило, в слоях более раннего времени почти не встречаются.

Распространение лепных светильников на Боспоре связано, прежде всего, с обеднением боспорских городов. В более ранние периоды употреблялись светильники преимущественно ремесленного производства из тщательно промытой, хорошо обожженной глины, хотя беднейшие слои населения, повидимому, пользовались лепными светильниками и раньше.

Распространение лепных сосудов также, конечно, связано с обеднением населения, но тождество этих сосудов по технике выделки, приемам орнаментации и характеру примесей в глине с сосудами, обычно встречающимися у сармато-аланских племен, свидетельствует о притоке в город нового населения, вероятно, сармат и аланов, привыкших употреблять в быту посуду домашнего производства.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что в городах Боспора, и в том

---

[1] Собр. ГМИИ, Ф. 50, XII, II/13, погр. 30, № 105.
[2] Инв. № 22309-314; размеры: высота — 12 см, диаметр устья — 7,6 см, диаметр дна — 5,5 см.
[3] Собр. ГМИИ, Ф. 40, XII, погр. 4, № 48; размеры: высота — 14 см, диаметр устья — 7,8 см, диаметр дна — 6—8 см.
[4] ИАК, вып. 19, табл. X, *3* и XII, *3*.
[5] Собр. ГМИИ, М. 45, Э II я, II/4, № 2078; М. 47, Э XI/2, № 2714; М. 45, ст. I/4, № 794; Э II/8, № 956 и т. д.
[6] Собр. ГМИИ, М. 45, Э II/9, № 2248 и М. 47, Э X/2, № 2434.
[7] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории. Труды ГИМ, XVI, стр. 45.

[1] ОАК за 1902 г., стр. 72, рис. 150.
[2] Собр. ГИМ, инв. № 21-54746.
[3] Собр. ГМИИ, М. 45, СМ VI/4, № 3056.

числе в Пантикапее, с самого раннего времени их существования встречалась керамика, которая по способу изготовления, по форме, орнаменту или другим особенностям не может быть причислена ни к привозной греческой посуде, ни к посуде, изготовленной в городских мастерских греческими ремесленниками[1]. Изучение этой керамики дает возможность расширить наши сведения о составе населения Пантикапея и о роли местного населения Северного Причерноморья в сложении городской культуры.

Наличие в культурных слоях городища и в некрополе Пантикапея керамики, типы которой и орнамент находят себе полную аналогию в керамике местных племен Северного Причерноморья, свидетельствует о том, что в составе населения Пантикапея находились, кроме греков-колонистов, и исконные жители Северного Причерноморья, родственные племенам, населявшим окружающие город территории.

Неодинаковое количественное соотношение в городских слоях, относимых к различным историческим периодам, местных типов керамики и типов греческих говорит о том, что количество местных элементов в составе городского населения для каждого периода было различным. Резкое увеличение количества лепной и появление грубой керамики, сделанной на гончарном круге в I в. до н. э. и I—II вв. н. э., отражает изменения, происшедшие в это время в составе городского населения.

Преобладание в слоях III—IV вв. н. э. керамики лепной, сделанной на гончарном круге, но из грубой глины или с лощеной поверхностью, над сосудами греческих типов должно быть связано с притоком в город окрестного населения, возможно, в поисках надежного убежища от наступающих из степи и с моря врагов, а также с общим упадком городской культуры и ремесла и обеднением основной массы городского населения.

Лепная керамика являлась в основном кухонной посудой и служила для приготовления пищи. Среди лепной керамики встречались типы горшков, по форме и орнаментам аналогичные сосудам доскифского, меотского, скифо-сарматского и аланского населения. Но с I в. н. э. появляются лепные сосуды, подражающие распространенным на Боспоре кастрюлям греческого типа. Это свидетельствует о слиянии пришедшего в город окрестного населения с жителями боспорских городов.

Начиная с I в., не только среди лепной керамики Пантикапея, но и изготовленной с помощью гончарного круга, появляются сосуды, аналогичные сарматским. Они стали изготовляться пантикапейскими ремесленниками, которые выделывали их из пантикапейской глины на гончарном круге, тщательно обрабатывая поверхность сосуда, иногда даже покрывая ее глазурной краской. Массовый выпуск сосудов сарматского типа в Пантикапее, начиная с III в., объясняется возросшим влиянием сармат и увеличением их роли в жизни города.

Наличие лощеной керамики, сделанной на гончарном круге, характерно для Пантикапея, начиная с VI в. до н. э. Производство пантикапейскими ремесленниками сосудов, подражающих греческим типам керамики, и применение для украшения их поверхности местного приема — лощения свидетельствуют о стремлении приспособиться к вкусам местных жителей, а также о влиянии последних на городскую культуру.

В период IV—II вв. до н. э. эллинизация местного населения достигает наибольшей степени. В быту горожан Пантикапея преобладают греческие типы керамики, что связано с расцветом экономической жизни и с развитием ремесла и культуры в Пантикапее и других городах Боспора этого времени.

В последующие эпохи уменьшаются размеры внешней торговли и сильно увеличивается внутренняя торговля с местными племенами. Это сказывается на появлении местных типов керамики, выпускаемых пантикапейскими ремесленниками.

Пантикапей становится крупнейшим ремесленным центром, снабжающим своими изделиями, и в том числе керамикой, окрестные племена.

Наиболее тесные связи Пантикапея с азиатским Боспором, Кубанью и Северным Кавказом сказываются в наличии большого количества одинаковых типов керамики в Пантикапее и у кавказских племен. Это объясняется как торговлей, так и непосредственным проникновением аланских племен в Пантикапей в первые века н. э.

[1] Дальнейшая работа над этим материалом — прежде всего, сопоставления с находками в греческих городах — позволит уточнить заключения автора, в ряде случаев дискуссионные (*Ред.*).

А. А. Передольская

ОБ ОТРАЖЕНИИ ОБРЯДА „ВСЕЗЕРНИЯ" В ТЕРРАКОТАХ V ВЕКА ДО Н. Э., НАЙДЕННЫХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В силу громадного значения земледельческого хозяйства в экономике Боспора и древних греческих государств Северного Причерноморья земледельческие культы и сопровождавшие их обряды, несомненно, могли иметь широкое распространение.

Так как литературных и письменных источников, раскрывающих эту сторону жизни античных городов Северного Причерноморья, сохранилось очень мало, важным свидетельством, привлекаемым к изучению прошлого, могут служить памятники материальной культуры и искусства, которые, будучи правильно истолкованы, отражают то или иное явление прошлой жизни или мировоззрение среды, создавшей их.

В выпуске XIII «Советской археологии» [1], в небольшой статье, посвященной разбору сюжетов трех глиняных статуэток, происходящих из знаменитого комплекса терракот в одном из женских погребений кургана Большая Близница, я попыталась доказать, что необычный характер этих произведений коропластики — «карикатур» [2], как их принято называть до сего времени,— объясняется тем, что они являются отражением различных ритуальных обрядов земледельческих культов Греции и, в частности, связываются с элевсинскими мистериями.

Различные ритуальные обряды, совершаемые во время проведения земледельческих празднеств, обладали, по представлениям древнего земледельца, магической силой, которая могла придать земле необходимое плодородие, обеспечить хороший урожай и отогнать от земли злые влияния.

В проведении обрядов земледельческих культов большое участие принимали женщины, и важная роль отводилась, повидимому, старухам или пожилым женщинам.

В данной статье мне бы хотелось остановиться на выяснении сюжета статуэток старухи, изображаемой с разбитым горшком у ног. Этот тип представлен в собрании Эрмитажа в двух статуэтках, причем обе они, вероятно, происходят из Керчи [1].

Первая статуэтка [2] изображает уродливую старуху невысокого роста, с непропорцио-

[1] А. А. Передольская. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница. СА, XIII, 1950, стр. 255 и сл.

[2] Мало удачные термины «карикатура» или «гротеск» особенно часто применяются к терракотовым статуэткам V в. до н. э., обычно объединяемым в одну общую хронологическую группу вместе с эллинистическими карикатурными фигурками, передающими образы торговцев, мелких ремесленников, крестьян, рабов и т. п., в которых художники этого времени сознательно подчеркивали и усиливали некрасивые, грубые и уродливые черты лица и формы тела, искажая действительность. Если подчеркивание этих уродливых внешних черт лица и тела — характерная особенность в коропластике Александрии, Эфеса, Смирны, Мирины и других эллинистичеоких городов III—II вв. до н. э., то так называемые гротеск и карикатура в терракотах архаического и классического времени имели другое значение, связанное с древнейшими обрядами земледельческих культов.

[1] Обе статуэтки куплены в Керчи у торговца древностями Запорожского, который скупал вещи. Долгое время они, как сомнительные, хранились вместе с подделками.

[2] Гос. Эрмитаж, инв. № 794. Высота фигуры без подставки — 10,2 см, с подставкой — 11,2 см. Статуэтка склеена из кусков, недостающие части добавлены из гипса. Поверхность покрыта белой облицовкой и сохранила следы яркой раскраски. Глина коричневато-красная, тонкая, хорошо промытая, напоминающая аттическую.

1

Рис. 1. Статуэтка старухи, найденная в Керчи

2

Рис. 2. Статуэтка старухи, найденная в Керчи

нально большой головой, глубоко ушедшей в плечи (рис. 1). Старуха одета в гладкий хитон, сохранивший следы розовой раскраски с яркокрасными полосами на боках; на уродливой голове ее накинут платок, по форме напоминающий клафт. Руки, из которых сохранилась только одна, были протянуты вперед. Губы исполнены так, как будто старуха что-то произносит. У ее ног — простой горшок, расколотый надвое, покрытый внутри и отчасти снаружи черной краской.

Вторая статуэтка[1] (рис. 2) также изображает уродливую старуху, однако не стоящую неподвижно на месте, как первая, а в момент энергичного движения: ноги ее, обутые в башмаки, широко расставлены, причем правая сильно выдвинута вперед, а отставленная назад левая чуть согнута в колене; туловище также откинуто назад. Правая рука вытянута вперед и вниз к какому-то предмету, лежавшему на земле, а левая поднята вверх. Голова повернута в три четверти в сторону общего движения фигуры, взгляд явно направлен вниз к предмету. Этим предметом мог быть только горшок, грубо вылепленный, также слегка лишь расколотый, но не совсем разбитый надвое. Старуха одета в хитон, вероятно, подпоясанный по талии, с коротким напуском; на голове ее чепец остроконечной формы. Сквозь тонкую ткань хитона проступают некрасивые, дряблые формы старческого тела — большой живот и вялые груди. Энергично жестикулируя, старуха, видимо, произносит какие-то слова, относящиеся к горшку.

[1] Гос. Эрмитаж, инв. № 795. Высота — 13,5 см. Фигура сплошная, с задней стороны не обработанная. Голова и руки приклеены. Глина коричневобурая, от обжига местами потрескалась, по оттенку и структуре напоминает глину, из которой сделаны местные, с подвесными ногами, терракоты позднего Боспора. Следов раскраски и облицовки не имеет. Подставка не сохранилась. Горшок был мною обнаружен в запасах отдельно от статуэтки.

Перед нами два варианта одного сюжета, воспроизводящие, может быть, различные моменты одного и того же действия.

Возможно, что третьим вариантом этого же сюжета — старухи, бросившей на землю горшок,— можно считать обломок, найденный в Ольвии (рис. 3) [1]. Это верхняя часть фигуры такой же уродливой старухи, отличавшейся непомерно большой головой. Левая рука поднята вверх, не сохранившаяся правая, судя по излому, была, вероятно, опущена вниз. Старуха была одета в нарядный хитон с коротким отворотом, нижний край которого, из-под пояса, образует извилистую линию, как у одной из предшествующих фигурок.

Рис. 3. Обломок статуэтки из Ольвии

Прежде чем перейти к выяснению вопроса о том, кого изображал этот тип старухи с «разбитым» горшком у ног, я хочу остановиться вкратце на роли старух и пожилых женщин в обрядовой стороне земледельческих греческих культов. Роль эта была, несомненно, велика. Приведу несколько литературных свидетельств.

Во-первых, напомню, что в гомеровском гимне Деметре сама богиня Деметра, опечаленная и разгневанная похищением дочери, покидает Олимп и отправляется на землю в образе старухи — ἠγρηΐῡς [2]. Эту версию сохраняет и Павсаний [3], рассказывающий, ссылаясь на Памфа, что именно в «образе старухи» отдыхала Деметра у водоема на дороге, ведущей из Элевсина в Мегару, где ее увидели дочери Келея и отвели к матери.

Во-вторых, Павсаний [1], рассказывая о празднике в честь Деметры Хтонии (т. е. подземной) в Гермионе, указывает, что видную роль в этом празднике играли четыре жрицы-старухи — τέσσαρες γρᾶες, сидевшие в храме на четырех тронах. В храм загоняли, одну за другой, четырех коров, которых жрицы должны были зарезать серпом.

В-третьих, храм Геры в Олимпии обслуживали, как известно, шестнадцать пожилых женщин — ἥτις ἡλικία τε ἦν πρεσβυτάτη, отличающихся как достоинством, так и добрым именем — καὶ ἀξιώματι καὶ δόξῃ τῶν γυναικῶν [2].

В-четвертых, в той же Олимпии, в святилище Илифии, наряду с почитанием этой богини, существовал и более древний культ местного божества Сосипаса, жрицей которого была старая женщина — ἡ πρεσβῦτις [3].

Наконец, в-пятых, весьма возможно, что пожилыми были и те четырнадцать жриц Диониса, которые играли столь важную роль во время весеннего праздника Анфестерий в Афинах. Эти жрицы назывались γεραιραί или γεραραί — «почтенные» [4]. Они избирались из знатных афинских семей и, вероятно, являлись помощницами в подготовке и проведении древнего обряда «священного брака» — ἱερὸς γάμος — басилины с архонтом-басилевсом, игравшим в этом обряде роль самого бога Диониса [5].

Эти примеры показывают, что появление в греческой коропластике V в. до н. э. большого числа самых разнообразных типов старух было далеко не случайно и могло быть связано с назначением терракотовых статуэток как вотивных, т. е. посвятительных, фигурок, воспроизводящих тот или иной ритуальный обряд народной земледельческой религии.

К сожалению, вопросами об отражении различных ритуальных обрядов и культов в греческом изобразительном искусстве занимались мало; обычно для этой цели при-

[1] Гос. Эрмитаж, инв. Ол. 1102. Высота — 8,1 см. Глина розоватая, грубая, плохо промытая, с обильными вкраплениями кусочков кварца. Найден в Ольвии в 1903 г. См. ИАК, вып. 13, стр. 281, № 908.

[2] Homeri Hymni. В дальнейшем H. h. C, V, 113.

[3] Paus., I, 39, 1.

[1] Paus., II, 35, 4—8; ср. M. P. Nilsson. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der attischen. Leipzig, 1906, стр. 329 и сл.

[2] Paus., V, 16, 4.

[3] Paus., VI (2), 20, 2.

[4] Demosth., 59, 73, 75, 78; ссылка по L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1932, стр. 100 и прим. 7.

[5] M. P. Nilsson. Die Prozessionstypen im griechischen Kult. Jahrb. d. deutsch. arch. Instituts. 31, 1916, стр. 330 и сл. со ссылкой на Демосфена.

влекали лишь рисунки на греческих расписных вазах. Что же касается терракот, то их почти не использовали для объяснения религиозных культов и народных земледельческих обрядов; между тем многие терракоты, несомненно, были связаны с той или иной обрядовой стороной этой народной религии. Укажу несколько примеров.

1. Статуэтка старухи в Национальном музее в Афинах [1], несущая на голове большую плетеную, плотно закрытую корзину, а в левой руке — кувшин, может быть именно такой посвятительной фигуркой, которая изображала не рыночную торговку или рабыню, а, вероятнее всего, участницу какой-то праздничной процессии. В культе, связанном с этой процессией, важное значение имели и корзина, и кувшин — аттрибуты старухи.

На значение корзины в различных народных обрядах Аттики, связанных с древней земледельческой религией, много намеков сохранилось в комедиях Аристофана. Напомню, например, хорошо всем известную сценку подготовки Дикеополя и членов его семьи к участию в процессии во время празднования сельских Дионисий в комедии «Ахарняне», где дочь несет плетеную корзину — τὸ κάνεον или τὸ κανοῦν, которую она снимает с головы перед началом жертвоприношения [2].

Из текста Аристофана ясно, что плетеные корзины носились женщинами в праздничных процессиях, посвященных Дионису, а, может быть, и во время других земледельческих праздников. Эти корзины могли быть теми «священными корзинами» — цистами — ἡ κίστη, в которых хранились всевозможные священные предметы τὰ ἱερὰ или τὰ ἄῤῥητα [3].

2. Обломок статуэтки, изображающей жрицу-старуху, был найден в святилище Деметры на Книдосе [4]. Это верхняя часть фигуры старухи, несущей на голове круглую цисту (корзину?), плотно закрытую крышкой. Статуэтка относится, вероятно, к концу V в. до н. э.

3. Статуэтка старухи, сидящей на плетеной корзине, находящаяся в коллекции Гос. Эрмитажа [1], также воспроизводит, на мой взгляд, какой-то ритуальный обряд, связанный с актом, во время которого старая женщина сидит на плетеной, плотно закрытой корзине, последняя может быть только священной цистой. Дело в том, что на посвятительных рельефах, найденных в Элевсине [2], богиня Деметра изображена сидящей на священной цисте [3], имеющей вид плетеной корзины.

4. Наконец, все три статуэтки из кургана Большая Близница — группа супругов на ложе, немолодая женщина со скифосом в руках и нагая пожилая женщина с фаллом — могут быть связаны, как мне удалось показать, с различными обрядами Элевсинских мистерий [4].

Возвращаюсь к разбору статуэток старух с разбитым у ног горшком. Кого они изображали? Очевидно, горшок имел в этих случаях какое-то значение, играл какую-то совершенно определенную и важную роль. Но какую именно?

Вряд ли мы имеем здесь изображение обычного жанрового сюжета, что-нибудь вроде старухи-рабыни, разбившей горшок и оплакивающей свою потерю. Правда, жанровые сюжеты из женской домашней жизни в коропластике были особенно популярны в Беотии VI—V вв. до н. э. [5], но среди довольно широко опубликованных типов беотийских жанровых фигурок аналогий к разбираемым статуэткам пока не найдено.

---

[1] G. M. A. Richter. A History of Greek, Etruscan and Roman Furniture. Oxford, рис. 245; F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakoten, II, 461, 2.

[2] Aristoph. Acharn., стр. 242 и сл., 253, 259 и сл.

[3] О цистах в виде плетеных корзин см. H. G. Pringsheim. Archäologische Beiträge zur Geschichte des eleusinischen Kults. München, 1905, стр. 52.

[4] C. T. Newton. Discoveries at Halicarnassus, Cnidus and Branchidae. London, 1862—1863, табл. LX, 7.

[1] Гос. Эрмитаж, инв. Г. 2515. Высота — 9,2 см. Издана мною в журн. «Искусство», 1936, вып. 1, стр. 58 с рис. Одежда состоит из хитона и плаща, на голове — платок, напоминающий по форме платок одной из старух с горшком у ног.

[2] Otto Kern. Das Kultbild von Eleusis. Ath. Mitt., 17, 1892, стр. 125 и сл. и особенно стр. 137 и сл.; его же. Die griechischen Mysterien der klassischen Zeit, Berlin, 1927, стр. 9 сл.

[3] На афинской агоре недавно была найдена небольшая мраморная статуэтка Деметры, сидящей, вероятно, на цисте цилиндрической формы: см. Bull. Corr. Hell., 70, 1946, стр. 403—417, табл. XXII—XXIII; AJA, 1949, № 4, стр. 391. Статуэтка эта датируется второй половиной V в. до н. э. или началом IV в. до н. э.

[4] См. CA, XIII, 1950.

[5] Типы жанровых фигурок из Беотии, в частности из Танагры, зарисованы: F. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakoten, I, стр. 34—35.

Толкованию старух, как служанок-рабынь, противоречат, на мой взгляд, следующие детали:

1) особой формы,— встречающейся крайне редко,— платок, на голове первой статуэтки, которую я считаю аттической. Платок такой формы отмечен мной у жрицы-старухи, сидящей на плетеной корзине [1];

2) нарядные хитоны обеих старух — яркая раскраска хитона (розового с красными вертикальными полосками на боках) у первой и тонкая просвечивающая ткань хитона с отворотом у другой старухи — особенности, не свойственные скромной одежде служанок-рабынь; у третьей фигуры — обломок из Ольвии — также нарядный хитон с отворотом;

3) определенная торжественность величественно-патетической позы второй статуэтки.

Невозможно также толковать статуэтки и как изображения актеров древней аттической комедии, несмотря на то, что уродливое лицо одной из них напоминает, на первый взгляд, застывшую маску актера с ее широко открытым ртом. Против такого толкования говорит индивидуальная характеристика лица другой, аттической старухи, лица, не имеющего ничего общего с традиционной застывшей маской актеров в роли старух [2]. Большой горбатый нос, маленькие подслеповатые глазки, губы не широко раскрытого, как у актеров, рта, а вытянутые вперед, наконец, довольно спокойные формы почти гладкого лба, не испещренного рядами параллельных морщин, опять-таки традиционных для изображений маски актера древней комедии,— все это говорит о другом, более живом и реалистическом образе.

Ближайшую аналогию к голове этой старухи представляет голова кулачного бойца из кургана Большая Близница [3].

Другим возражением против толкования разбираемых статуэток как возможных изображений актеров древней комедии может служить костюм — тонкий просвечивающий хитон и отсутствие традиционного плаща, закутывающего обычно фигуру актера в роли старухи.

Кого же в таком случае могли изображать статуэтки старух, столь различно охарактеризованные в своих деталях?

Выше я уже отметила, что для определения сюжета статуэток, горшок, лежащий у ног, имеет решающее значение. Не мог ли горшок, подобно кувшинам, плетеным корзинам и тому подобным предметам, играть немалую роль в различных обрядовых действиях и культовых процессиях? [1]

Некоторые намеки на роль горшка, иногда разбитого, а чаще наполненного какой-нибудь снедью, встречаются в дошедших до нашего времени комедиях Аристофана, сохранивших вообще довольно много отрывочных сведений о различных ритуальных обрядах и праздниках.

Ἡράκλεις, τουτὶ τί ἐστι; τὴν χύτραν συντρίψετε— в испуге восклицает Дикеополь в упомянутой выше комедии «Ахарняне» [2], собираясь принять участие в процессии сельских Дионисий. Его горшок был, вероятно, наполнен той сладкой подливой, которой сдабривался праздничный пирог перед самым началом процессии [3].

Пирог этот был постоянным атрибутом многих праздничных процессий, как известный символ плодородия и изобилия.

В комедии Аристофана «Мир» богиня Тишины — Эйрена представляется афинскому земледельцу в образе благословенного горшка, наполненного ячневой кашей: τοῖς ἀγροίκοισιν γὰρ ἦσθα χίδρα καὶ σωτηρία,— обращается хор земледельцев к богине Эйрене [4].

Из той же комедии мы узнаем, что земледелец Тригей предлагает принести в жертву богине «горшки» —χύτραις ἱδρυτέον, подобно тому, как их приносили в жертву Гермесу [5].

---

[1] Ср. также головные уборы на женских фигурах золотых украшений, найденных на Родосе, в Камиросе и относящихся к VI в. до н. э. F. H. Marshall. Catalogue of the jewellery greek, etruscan and roman in the British Museum. London, 1911, табл. XI и сл., стр. 96, рис. 21.

[2] См., например, F. Winter. Die Typen..., II, стр. 462 (если считать эти статуэтки за изображение актеров, в чем я сомневаюсь).

[3] Гос. Эрмитаж, инв. Б. Б. 169; ОАК за 1869 г., табл. II, *6*.

[1] Ср., например, вышеупомянутую статуэтку старухи с плетеной корзиной на голове и кувшином в руках, явно участвующую в какой-то процессии.

[2] Aristoph. Achar., 284.

[3] Там же, 245—246.

[4] Aristoph. Pax., 596.

[5] Там же, 922—924:

Хор. Ἀγὲ δὴ τί νὼν ἐντευθενὶ ποιξτέον;
Тригей. Τί δ'ἄλλο γῆ ταύτην χύτραις ἱδρυτέον;
Хор. Χύτραισιν, ὥσπερ μεμφόμενον Ἑρμίδιον'.

Из приведенного текста Аристофана совершенно определенно вытекает, что существовал обычай жертвовать или посвящать Гермесу «горшки». Это мог быть только хтонический Гермес.

Горшок, наполненный кашей, связывается в комедии Аристофана «Плутос» непосредственно уже с образом дряхлой старухи, которая, как участница какого-то праздника, доступного, очевидно, только женщинам, должна была провести ночь на территории святилища Асклепия, в его ограде. Плут, проникший хитростью за ограду святилища, рассказывает:

> Κ'αγὼ καθεύδειν οὐκ ἐδυνάμην, ἀλλά με
> ἀθάρης χύτρα τις ἐξέπληττε κειμένη
> ὀλίγον ἄπωθεν τῆς κεφαλῆς του γραδίου[1].

А в конце этой же комедии мы узнаем, что в праздничной процессии, устраиваемой в честь Плутоса, принимает активное участие и старуха, которая должна нести на голове какие-то горшки. Старуха спрашивает у Хремила, что ей делать: Ἐγὼ δὲ τί ποιῶ; на это Хремил ей отвечает:

> ...Τὰς χύτρας, αἷς τὸν θεὸν
> ἱδρυσομεθα, λαβοῦσ' ἐπὶ τῆς κεφαλῆς φέρε
> σεμνῶς· ἔχουσα δ' ἦλθες αὐτὴ ποικίλα[2],

т. е. «Эти вот горшки (посвященные богам), возьми, нарядная,— и на голову их поставь...».

Интересный литературный материал о роли горшка в различных земледельческих обрядах Аттики был собран Б. Л. Богаевским[3].

С нашей точки зрения особенно интересны обряды приготовления «священной каши» — ἱερόν ἔγμα, которая варилась в различные праздники из различных злаков, а потому и называлась по-разному. В одних случаях она варилась из бобов или бобовых злаков в сладком соку — и тогда называлась πυανέψια; в других случаях приготовлялась из пшеницы, бобов, ячменя, чечевицы, гороха — и тогда носила специальное название πανσπερμία — «всезернне»; в третьих случаях это была ячменная каша, сваренная на молоке, так называемая галаксия — γαλαξία.

Наиболее популярные обряды приготовления такой «священной каши» и обряды несения горшков с кашей в праздничных процессиях в Афинах совершались трижды в год — весной, летом и осенью.

Третий день праздника Ἀνθεστήρια, посвященного Дионису и справлявшегося весной, в период цветения хлебов, так и назывался οἱ χύτροι — «горшки» или «праздник горшков»[1]. Этот день посвящался умершим, а потому Гермесу Хтоническому, как и умершим, приносились в жертву горшки с «всезернием»[2].

О старинном обычае бросания в расселину земли «пшеничной муки, замешанной с медом», рассказывает Павсаний[3], описывая и место, где это действие происходило на священном участке храма Зевса Олимпийского в Афинах, посвященном богине Земли — Гее. Здесь, во времена Павсания, еще сохранялась трещина, в которую, по преданию, стекли все воды потопа, бывшего при Девкалионе, и куда афиняне ежегодно бросали означенную жертву.

С этим рассказом Павсания Дейбнер ставит в связь сведения об обряде с горшком в честь хтонического Гермеса, описанном в Схолиях к Аристофану[4]: после потопа

---

[1] Aristoph. Plut., 671 и сл.: «Но глаз сомкнуть никак не мог я. В нос мне бил чудесный запах пшенной каши из горшка у изголовья старушонки дряхленькой». (Перевод по изд. «Academia», 1934.)

[2] Aristoph. Plut., 1197 и сл.

[3] Б. Л. Богаевский. Обряды, связанные с горшками в богослужении Арвальских братьев. ЖМНП, 1907, октябрь (новая серия — XI), стр. 470; его же. Земледельческая религия Афин. Пгр., 1915, стр. 192 и сл. («всезернне»); ср. также Georg Hock. Griechische Weihegebräuche. Würzburg, 1905, стр. 59 и сл., 71 и сл., 75 и сл.

[1] Ср. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, I, стр. 145—146; Georg Hock. Ук. соч., стр. 61; L. Deubner. Attische Feste, стр. 93, 112 и сл.

[2] Ср. также: Ernst Buschor. Ein choregisches Denkmal. «Athenische Mitteilungen», 53, 1928, стр. 100.

[3] Paus., 1, 18, 7: Ἐνταῦθα ὅσον ἐς πῆχυν τὸ ἔδαφος διέστηκε, καὶ λέγουσι μετὰ τὴν ἐπομβρίαν τὴν ἐπὶ Δευκαλίωνος συμβᾶσαν ὑπορρυῆναι ταύτῃ τὸ ὕδωρ, ἐσβάλλουσί τε ἐς αὐτὸ ἀνὰ πᾶν ἔτος ἄλφιτα πυρῶν μέλιτι μάξαντες; см. L. Deubner. Ук. соч., стр. 113, прим. 4, где говорится о «медовых лепешках», как хтоническом жертвоприношении.

[4] L. Deubner. Ук. соч., стр. 113 и прим. 1 с текстом схолий: Aristoph. Acn., 1076: χύτρους θεόπομπος τοὺς διασωθέντας ἐκ τοῦ κατακλυσμοῦ ἐφῆσαί φησι κύτραν πανσπερμίας ὅδεν οὕτω κληθῆναι τὴν ἑορτήν καὶ θύειν ⟨αυ⟩ τοῦ (ἔθος ἦ) κουσι Ἑρῇ κθονίῳ. τῆς δὲ κύτρας οὐδένα γεύσασθαι; τοῦτο δὲ ποιῆσαι τοὺς περισωθέντας (λασκομένους τὸν Ἑρμῆν ὑπὲρ τῶν ἀποθανόντων.

живущие приготовляют в горшках «всезерние» и жертвуют Гермесу Хтоническому. Жертва имела, конечно, умилостивительное значение и, помимо Гермеса, покровителя душ умерших, предназначалась и для самих умерших, на что указывает и возглас, заключающий этот день: θύρασε, κῆρες, οὐκέτ' Ἀνθεστήρια, т. е. «Прочь, души! Анфестериям конец!» [1].

Летом, во время жатвы, на седьмой день месяца фаргелиона, варилось «всезерние» из «начатков» еще не совсем созревшего урожая, которое и посвящалось Аполлону и Горам [2]. Как начатки урожая, так и самый праздник назывались θαργήλια [3], а горшок, в котором носилась в процессии «священная каша» — ἱερὸν ἔψημα, — получил специальное название θάργηλος [4].

Наконец, осенью, во время озимого посева, рано утром, в седьмой день месяца пианепсиона, молодые женщины варили либо бобовую кашу — πυανέψια, либо «всезерние» — πανσπερμία, а вечером того же дня старухи, в пестрых платьях, носили в процессии по улицам Афин простой горшок из необожженной глины — χύτρος, наполненный этой же «священной кашей» [5]. «Всезерние» это также посвящалось Аполлону и Горам. Самый праздник носил название πυανόψια [6] и был связан с идеей плодородия полей [7].

Кроме трех перечисленных обрядов приготовления «священной каши», в Афинах существовал еще праздник галаксии — Γαλάξια, во время которого приготовлялась ячменная каша на молоке — γαλαξία, посвящавшаяся великой матери богов [1].

Об этом обряде сохранились лишь скудные сведения, причем неясно, был ли этот обряд занесен в Афины из Малой Азии, где великая мать богов особенно чтилась, или он возник в Афинах самостоятельно, на почве древних представлений. Б. Л. Богаевский и Л. Дейбнер склоняются к этому последнему решению.

Б. Л. Богаевский указывает на очень веское доказательство в пользу местного афинского происхождения обряда, а именно на употребление в обряде приготовления галаксии ячменного, а не пшеничного зерна. Ячмень был хлебным злаком, наиболее характерным для Афин и Аттики, в противоположность Малой Азии, где произрастала пшеница. О существовании аналогичного обряда и праздника в Малой Азии в сохранившихся литературных источниках сведений нет.

Тем больший интерес и тем большее значение приобретает одна из наших статуэток, явно не аттического происхождения. Анализируя ее, не можем ли мы получить некоторые данные о существовании в Восточном Средиземноморье, в Малой Азии, аналогичных же обрядов приготовления и посвящения богам плодородия «священной каши» — будь то галаксия, или пианепсия, или панспермия?

Так как две из анализируемых статуэток приобретены в Керчи и, вероятно, там же были найдены, а третья обнаружена в Ольвии, то отсюда, может быть, следует сделать и еще один вывод — о существовании подобных обрядов в греческих колониях Северного Причерноморья, славившихся богатейшими урожаями хлебного зерна, особенно же пшеницы.

Почва для слияния чисто местных обрядов, связанных с почитанием местного женского божества, с аналогичными же обряда-

---

[1] L. Deubner. Ук. соч., стр. 113, прим. 5.

[2] Б. Л. Богаевский. Обряды, связанные с горшками..., стр. 467 и сл.; его же. Земледельческая религия Афин, стр. 194 и 197; L. Deubner. Ук. соч., стр. 188 и сл., где приведена специальная литература.

[3] Ср. Гесихий: θαργήλια Ἀπόλλωνος, ἑορτή. καὶ ὅλος ὁμὴν ἱερὸς τοῦ θεοῦ. ἔνδε τοῖς θαργηλίοις τὰς ἀπαρχὰς τιῶν φαινομένων, ποιοῦνται καὶ περικομίζουσι. ταῦτα δὲ θαργήλια φασι, καὶ μὴν θαργηλιῶν... (Цитата по L. Deubner; ук. соч., стр. 189, прим. 1).

[4] Там же, дальше: καὶ τὴν, βυετηρίαν, ἐκάλουν θάργηλον... καὶ ὁθάργηλος χύτρα ἐστὶν ἀνάπλεως σπερμάτων.

[5] Обряд этот подробно разобран Б. Л. Богаевским (Земледельческая религия Афин, стр. 194 и сл.).

[6] Phot. Πυανόψια ἑορτὴ Ἀθήνησιν Ἀπόλλωνος· ἀνομάσθη καὶ διὰ τὸ ἑψόμενον ἔτνος τῶν κυάμων. τὸ γὰρ ἔτνος καὶ τὴν ἄθαρον πύανα καλοῦσιν· ἀφ' οὗ καὶ μήν ἐστι πυανεψιῶν λεγόμενος. (Цитата по L. Deubner; ук. соч., стр. 199, прим. 1).

[7] Ср. M. P. Nilsson. Griechische Feste mit Ausschluss der attischen. Leipzig, 1907, стр. 135: «Die Panspermie bezieht sich auf die vegetative Fruchtbarkeit»; ср. также Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 107.

[1] Bekker. Anecd., I, 229, 25: Γαλάξια ἑορτὴ Ἀθήνησι Μητρὶ θεῶν ἀγομένη, ἐν ᾗ ἑψοῦσι τὴν γαλαξίαν. ἔστι δὲ πάλτος κριθινος ἐκ γάλακτος. Ср. L. Deubner. Ук. соч., стр. 216, прим. 7; ср. Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 201, прим. 1.

ми, бытовавшими среди греческого населения, здесь, в Северном Причерноморье, была особенно благоприятна.

О бросании горшка, наполненного «священной кашей», мы пока с уверенностью можем говорить только в применении к обрядам, совершаемым на третий день праздника Анфестерий в честь Гермеса Хтонического и умерших. Существовал ли подобный обряд в культовых действиях других греческих земледельческих праздников,— в Пианепсиях и Фаргелиях,— нам пока неизвестно. Но две терракотовые статуэтки в собрании Государственного Эрмитажа как будто являются свидетельством в пользу существования подобного акта; при этом невольно возникает вопрос: следует ли связывать их только с днем «горшков» Анфестерий, или они могут воспроизводить и какие-то другие обряды, более тесно связанные с земледельческой народной религией? Некоторую помощь в выяснении этого вопроса нам могут, как кажется, оказать обряды, описанные Б. Л. Богаевским в указанной выше его статье «Обряды, связанные с горшками в богослужении Арвальских братьев» [1].

Свидетельства, относящиеся к этим обрядам, датируются, правда, уже очень поздней эпохой — 218/219 гг. н. э., но, принимая во внимание живучесть всяких религиозных традиций, особенно народных обрядов, обряды Арвальских братьев, несомненно, воспроизводят действия, зародившиеся еще в глубокой древности [2].

Основные действия в этих обрядах, посвященных Dea Dia — богине земли и производительных сил природы с целью обеспечения плодородия полей,— сводятся к следующим важным для нас моментам:

1. Приготовление знакомой уже нам «священной каши» — так называемой puls. Когда происходило это действие и кто его производил — остается невыясненным. Известно только, что днем, после утреннего жертвоприношения, Арвальские братья совершали какое-то действие над горшками, уже находившимися в храме и стоявшими на столах [3]. Вероятно, до этого сосуды уже были наполнены приготовленной «священной кашей».

2. Оставление на ночь горшков с puls на столе в закрытом помещении храма.

3. Двойное «призывание» горшков рано утром, после возвращения братьев в храм, с прикосновением, между призываниями, к puls, наполнявшей горшки.

4. Выбрасывание горшков через раскрытые двери храма по склону холма к алтарю богини, стоявшему у подножия холма [1]. Совершенно ясно при этом, что простые глиняные горшки, какими были, например, χύτροι, при этом действии разбивались; горшки же каменные сохранялись целыми [2].

Самый акт бросания имел, как правильно отметил уже Б. Л. Богаевский, значение умилостивительной жертвы [3].

Выводы, касающиеся двух терракотовых статуэток старух с горшками у ног, могут быть сделаны следующие:

1. Обе статуэтки изображают старух — участниц какого-то земледельческого обряда, в котором главную, если не решающую, роль играли горшки.

2. Обряд этот, в котором горшки играли решающую роль, мог быть только обрядом, связанным с приготовлением «священной каши» — ἱερὸν ἔψημα, которая, в зависимости от того, что́ входило в состав варева, могла называться πυανέψια (бобовая каша), или πανσπερμία («всезерние» — различные сорта зерновых), или, наконец, γαλαξία (ячменная каша на молоке).

3. Такую «священную кашу» — ἱερὸν ἔψημα не только приготовляли, но и носили в горшках в процессиях.

4. В некоторых случаях горшки бросали в трещину или расселину в земле — τὸ ῥέγαρον, или скатывали по склону холма к алтарю того или иного божества, связанного с идеей обильного произрастания урожая.

При этих действиях могло происходить и, вероятно, происходило магическое заклинание — так называемое «призывание» горшков, как мы видели в аналогичных обрядах Арвальских братьев. Об этом

---

[1] Б. Л. Богаевский. Обряды..., ЖМНП, 1907, октябрь (новая серия, XI). Ср. также A. Dieterich. Mutter Erde. Berlin — Leipzig, 1905, стр. 79—80.

[2] Ср. A. Dieterich. Ук. соч., стр. 476 и сл.

[3] Б. Л. Богаевский. Ук. соч., стр. 476 и сл.

[1] Там же, стр. 479.

[2] Там же, стр. 480, прим. 1. Б. Л. Богаевский приводит, например, римский обычай, описанный Плутархом (De Is. et Os., 46) и заключающийся в бросании каменного горшка, наполненного особой травой, обрызганной кровью убитого волка.

[3] Там же, стр. 480.

заклинании — «призывании» — свидетельствует как оживленная жестикуляция рук одной из старух, так и выразительная характеристика лица у обеих.

Особой формы платок на голове одной из старух характерен, как я думаю, для жриц, призванных совершать те или иные обрядовые действия в официальном культе [1]; пестрая или яркая раскраска хитона у той же статуэтки вполне соответствует свидетельству Аристофана о «пестром платье» старухи [2], которое, по догадке Б. Л. Богаевского, должно указывать на обряд «всезерния» (πανσπερμία)[3].

Выяснение сюжета двух статуэток, изображающих в двух вариантах старух с разбитыми горшками у ног, приводит нас, таким образом, к любопытным выводам: обе статуэтки, созданные, судя по техническим и стилистическим особенностям, в разных центрах античного мира, несомненно, отражают древнейшие ритуальные обряды земледельческого культа. Обе они датируются V в. до н. э. Происхождение их из Керчи, т. е. с территории Боспорского царства, а также находка третьего обломка подобной же статуэтки в Ольвии свидетельствуют о широком распространении этих и подобных им земледельческих обрядов в различных областях античного мира, в том числе и в античных городах Северного Причерноморья [1].

[1] Ср., например, терракотовую статуэтку старухи, описанную выше (стр. 118, № 3).

[2] Aristoph. Plut., ст. 1199.

[3] Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин, стр. 195.

[1] На аналогичные обряды в современности указывает Б. Л. Богаевский (ук. соч., стр. 196, прим. 1, 2 и 3) с привлечением соответствующей литературы.

Н. И. Сокольский

БОСПОРСКИЕ МЕЧИ

1. ВВЕДЕНИЕ

Меч, наряду с луком и копьем, являлся важнейшим видом индивидуального боевого (наступательного) оружия народов древнего мира. Меч — оружие ближнего боя.

Изучение оружия древности, в том числе и мечей, имеет большое значение для изучения культуры древнего мира в целом, и военного дела в особенности.

В то время как на ранних ступенях развития человеческого общества не было особенно резкой дифференциации между оружием и орудиями труда, в классовом обществе оружие резко отделяется от орудий труда. Особенно усиливается роль оружия, по сравнению с предыдущим временем, в период становления классового общества, при разложении первобытно-общинного строя, в связи с увеличившимися вооруженными столкновениями, с возникновением войн, как таковых. Ф. Энгельс указывает на период, «во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху,— эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора» [1]. Оружие в классовом обществе служит главным образом, для поддержания классового господства, для ведения грабительских, захватнических войн, или для борьбы угнетенных классов против своих поработителей, угнетенных народов против захватчиков. В основном же оружие в классовом обществе становится принадлежностью господствующего класса или государства. Отсюда понятно, что на протяжении всей истории классового общества господствующие классы боялись давать оружие в руки представителей угнетенного класса Однако поскольку государству часто требовалась военная сила большой численности, постольку приходилось вооружать и представителей угнетенных слоев населения; создавалась такая система военной организации, которая делала армию и другие виды вооруженных сил подчиненными господствующему классу, государству.

Важно отметить, что при рабовладельческом строе, в античную эпоху, как правило, основные вооруженные силы комплектовались из среды самого рабовладельческого, господствующего класса, имевшего оружие непосредственно в своих руках.

Оружие является показателем того уровня, которого достигли в данную эпоху экономическое развитие, техника, военное дело, культура народа, государства. Развитие оружия должно было соответствовать развитию производительных сил в целом, обусловливающих характер производственных отношений. Марксизм-ленинизм, характеризуя смену первобытно-общинного строя рабовладельческим, учит, что «такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия...» [1]. При этом в классовом обществе многие технические усовершенствования находят применение в первую очередь в военном деле. Таким образом,

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. II, стр. 295.

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 119.

изучение оружия чрезвычайно важно для изучения техники, военного дела, экономического развития, культуры. «...Вся организация и боевой метод армий, а вместе с ними победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники»,— говорит Ф. Энгельс [1].

Между тем систематическое изучение оружия античного мира археологами началось довольно поздно, с 60-х годов XIX в. [2], и вначале не носило строго научного характера. До настоящего времени изучение оружия отстает от ряда других разделов науки об античном обществе. Оружие характеризовалось на основании отрывочных и неполных данных, рассеянных в античных литературных источниках, а поэтому оно представлялось в неизменном, застывшем виде на протяжении всей античной эпохи (10—12 веков). Не уделялось достаточного внимания анализу исторической эволюции оружия.

Археологи первой и отчасти второй половины XIX в. считали оружие второстепенным видом археологических находок, предпочитая заниматься более эффектными, ценными и лучше сохранившимися памятниками античного мира, как, например, керамикой, скульптурой, архитектурой и т. д., обращая внимание только на дорогие и хорошо сохранившиеся экземпляры оружия.

Так обстояло дело и в изучении оружия нашего юга античной эпохи. Русская археология собрала колоссальный материал для изучения истории античных городов Северного Причерноморья. Среди этого материала имеются данные и для суждения об оружии и, в частности, о мечах Боспора. Однако сведения эти не систематизированы и недостаточны, потому что археологи очень часто при раскопках не обращали внимания на остатки оружия вообще или ограничивались только указанием в отчетах на факт наличия в погребениях оружия, в том числе и мечей, без анализа и даже простого описания их формы. Упоминания о мечах в отчетах Археологической комиссии (без указания размеров и формы) нередко бывают настолько общи, что даже не могут быть должным образом использованы для статистики. Например, в отчетах Ф. И. Гросса за 1884, 1886 гг., К. Е. Думберга — за 1900 г. характеризуются десятки могил без какой-либо дифференциации; в суммарной характеристике инвентаря могил кратко говорится только о том, что были найдены «железные мечи». Это тем более досадно, что железные предметы в грунте Северного Причерноморья сохраняются весьма плохо и только своевременная тщательная фиксация при раскопках могла бы дать необходимые точные данные. Вынутые из погребения, обычно сплошь покрытые коррозией или совершенно расслоившиеся железные предметы на воздухе очень скоро распадаются, теряют свою форму и пропадают для науки. Археологами на протяжении полутора столетий обнаружено на территории Северного Причерноморья, в том числе Боспорского государства, большое количество мечей, однако в настоящее время в наших музеях их всего лишь несколько десятков, причем большинство в плохом состоянии. К тому же паспорта некоторой части находок утеряны, а такие мечи только относительно пригодны для изучения вопроса.

Советские археологи, владеющие теорией исторического материализма, дают и для изучения оружия более точный материал. Однако количество античного оружия, собранного до последнего времени, еще невелико, ибо советская археология ставит перед собой широкие цели изучения поселений и городских комплексов, а не только некрополей, которые в основном и дают оружие.

Вследствие недостаточного внимания к изучению оружия, работ, специально посвященных исследованию мечей Боспорского государства и отдельных городов Северного Причерноморья, нет.

Некоторые исследователи [1] в связи с различными вопросами останавливались на изучении боспорского вооружения. Однако всестороннего рассмотрения вопроса в работах не дается. М. Ростовцев, например, касается в основном мечей I в. до н. э.— II в. н. э. и немного говорит о более поздних.

---

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Теория насилия, Госполитиздат, 1950, стр. 160.

[2] P. Couissin. Les armes romaines. Paris, 1926, стр. VII.

[1] Например, М. И. Ростовцев в работах «Скифия и Боспор», «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», «Античная декоративная живопись на юге России» (особенно при описании склепа 1872 г.).

При этом он не связывает свой анализ оружия с изучением истории военного искусства в целом; его интересует главным образом формально искусствоведческий и формально типологический анализ, причем империалистические, модернизаторские концепции М. Ростовцева вредят исследованию ранней истории нашей Родины.

В. Гинтерс [1] в работе, посвященной скифским и сарматским мечам, попутно касается и боспорских, но также римского времени. При этом автор, обобщивший материал, разбросанный по русской археологической литературе о скифо-сарматских мечах, строил свои исследования на основе типологического, а не исторического метода.

Из работ советских историков необходимо отметить две, но разные по своему качеству, касающиеся интересующего нас предмета: 1) К. Ф. Смирнова [2], посвященная истории и культуре сарматских племен Поволжья, в которой автор, анализируя типы оружия сарматов, приходит к выводу о том, что пантикапейские мечи I в. до н. э.— IV в. н. э. были сарматского происхождения; 2) К. Э. Гриневича «Оборона Боспора Киммерийского на основании археологических материалов» [3], в которой включена глава о вооружении боспорцев; однако эта статья, к сожалению, не привносит ничего нового, а ряд положений, слабо аргументированных, вызывает возражения. Автор не использовал всех первоисточников, недостаточно изучил подлинное оружие, находящееся в музеях, и основал свою статью главным образом на анализе отчетов В. В. Шкорпила, помещенных в Известиях Археологической комиссии № 1—60, что недостаточно для воссоздания картины развития боспорских мечей.

В упомянутых работах о боспорском оружии трактуется более или менее как об отдельном предмете. В остальной литературе можно найти только разрозненные указания и сведения.

В настоящей работе ставится задача — ответить на вопрос о том, какие мечи были в Боспорском государстве на протяжении его истории. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, крайне недостаточны, однако некоторые результаты сопоставления материалов могут послужить отправными пунктами для дальнейшего изучения военного дела античных городов Северного Причерноморья. Нашей целью является также введение в научный оборот некоторых неизданных и найденных в последнее время мечей.

Греческие и римские писатели почти не оставили нам упоминаний о вооружении воинов Боспорского государства и других городов античного Северного Причерноморья. Поэтому для изучения боспорских мечей основными источниками являются:

I. Подлинные мечи, найденные при археологических раскопках. Однако, как указывалось выше, в музеях имеется небольшое количество мечей, а главное, недостаточна их документация.

II. Изображения мечей, которые можно разбить на две группы: 1) скульптурные, 2) живописные.

К первой группе — скульптурных изображений — можно отнести следующие виды:

1. Рельефы на пантикапейских надгробиях, дающие возможность судить об оружии пантикапейцев в период, начиная от IV—III вв. до н. э. и до II в. н. э. Изучение изображений на надгробиях особенно важно для эпохи I—II вв. н. э., так как ранних пантикапейских надгробий до нас дошло мало, и изображение воинов на них — более редкое явление.

2. Монеты — ценный источник для изучения оружия; однако на монетах изображения в еще большей степени схематизированы, чем на подгробных рельефах, дается только общий контур меча, не всегда точно соблюдаются пропорции, и форма часто довольно неопределенна. На боспорских монетах первых веков нашей эры иногда трудно определить, изображены ли местные боспорские мечи или римские инсигнии; возможно, что в некоторых случаях мы имеем изображение римского гладиуса, а вероятнее всего, короткого меча римских высших военных начальников — паразониума, подобного известному «мечу Тиберия» [1].

---

[1] W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928.

[2] К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья (автореферат диссертации). МГУ им. М. В. Ломоносова. Доклады и сообщения исторического факультета, вып. 5, 1947, стр. 78—79.

[3] Ученые записки Томского государственного университета, 1947, № 7.

[1] Dictionnaire des Ant. gr. et rom., т. II, ч. 2, стр. 1606 — E. Beurlier. «Gladius», фиг. 3619; Lersch. Das sogenannte Schwert des Tiberius. Bonn, 1849.

3. Статуи и декоративные рельефы дают чрезвычайно ценный материал для суждения о способе носить мечи и о приемах их применения, однако статуй и рельефов с изображением оружия мало.

4. Рельефные изображения на разного рода предметах (вазах, пластинах, обкладках и т. д.).

Ко второй группе — живописных изображений — относятся:

1. Живопись пантикапейских склепов. Этот источник, несомненно, мог бы дать больше материала для изучения мечей эллинистическо-римской эпохи, чем монеты и надгробные рельефы. Но в том виде, в каком роспись склепов дошла до нас, она дает только некоторые отдельные штрихи, а в некоторых случаях даже вводит в заблуждение ввиду плохой сохранности.

2. Вазопись. Это очень ценный источник, однако он дает материал только для изучения типов греческих мечей V—III вв. до н. э.

2. МЕЧИ V—II ВВ. ДО Н. Э.

По археологической литературе наиболее полное представление можно составить о мечах Боспора периода I в. до н. э.— II в. н. э. Изучение мечей предшествующего периода в связи с тем, что их сохранилось мало, представляет большую трудность.

Каковы были мечи в греческих городах VI в. и начала V в. до н. э., мы с абсолютной уверенностью сказать не можем, так как до нас не дошло ни одного экземпляра. Несомненно, что в молодых городах Северного Причерноморья употреблялись мечи греческие, поскольку население было в основном греческим. Трудно представить, чтобы греки в момент переселения и в ближайшие за тем десятилетия сменили традиционную форму оружия на другую. Анализ мечей последующего времени (V—II вв. до н. э.) подтвердит наши предположения. Интересно отметить, что в архаическом некрополе Пантикапея VI—V вв. до н. э. процент погребений с оружием [1] весьма высок — до 14%. Эта цифра показывает, что в первый век жизни города почти все взрослые мужчины — граждане Пантикапея — являлись воинами, и это вполне понятно: грекам-переселенцам приходилось вести постоянную борьбу с местным населением. В некрополе Пантикапея IV—III вв. до н. э. на горе Митридат процент погребений с оружием резко падает — до 5—6% от общего количества исследованных погребений [2]. Наоборот, количество погребений с оружием увеличивается в некрополях небольших окраинных городов Боспорского государства, например в могильнике Корокондамы, расположенном на Таманском полуострове.

Как ни относительны указанные цифры, основанные на материалах, полученных из еще недостаточно полно изученных некрополей Пантикапея, все же можно сделать вывод о том, что в период IV—III вв. до н. э. Пантикапей, превратившись в столицу довольно значительного Боспорского государства, в период расцвета стал внутренним городом, и центр тяжести военных действий,— наступательной борьбы государства против местных племен,— переместился на границы, на периферию, причем с развитием наемничества отпала необходимость поголовного народного ополчения и ношения оружия всеми гражданами — пантикапейцами.

При разрешении вопроса о боспорских мечах необходимо отметить, что по своему этническому составу население Боспорского государства с самого его возникновения, т. е. с первой четверти V в. до н. э., было неоднородным. На территории Боспора проживали, кроме греков, и представители местных племен и народностей.

По преданию, Пантикапей был основан на месте догреческого поселения на земле скифов [1]. В дальнейшем, в конце V—IV вв. до

[1] Выделить процент погребений с мечами не представляется возможным.

[2] Г. А. Цветаева. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав. МИА, № 19, 1951. Уменьшение погребений с оружием в районе горы Митридат в период IV — III вв. до н. э. Г. А. Цветаева объясняет «наличием погребений воинов на Глинище», где в IV—III вв. до н. э. осваивался новый, преимущественно аристократический, некрополь. Однако соотношение погребений IV — III вв. до н. э. на Глинище с оружием и без оружия приблизительно такое же, как и в других частях Пантикапейского некрополя этого времени.

[1] Steph. Byz.= SC, I, стр. 264; С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Известия ГАИМК, вып. 104, 1934, стр. 8; Г. А. Цветаева. Указ. соч., стр. 67—68.

н. э. в Боспорское государство вошли синды и меотские племена Восточного Приазовья и Тамани, а также часть скифских и сарматских племен, обитавших около Танаиса. Государство принимало многоплеменной характер. Этническая неоднородность состава населения, тесные экономические, политические и культурные связи основных греческих городов Боспора с окружающим населением обусловили активное взаимодействие греческой и местной культур с постепенно нараставшим усилением местного влияния, что привело в последние века до н. э. к созданию синкретичной греко-местной культуры, изменило экономический, политический и этнический облик Боспора, превратив Боспорское государство в греко-меото-сарматское.

Эта особенность развития дает нам возможность понять ряд моментов в истории военного дела и оружия Боспора. Из-за недостаточности материала трудно было бы проследить развитие боспорских мечей в более дробные хронологические промежутки, чем следующие три периода: первый — V—II вв. до н. э., второй — I в. до н. э.— II в. н. э. и третий — III—IV вв. н. э.; все они представляют и в истории Боспорского государства, и в развитии мечей вполне определенные этапы, связанные единством исторических событий.

При всей значимости влияния местной культуры в первые века существования Боспорского государства и даже вплоть до II в. до н. э. города в основном оставались греческими по своей культуре и этническому составу. Это подтверждает анализ материалов пантикапейского некрополя VI—II вв. до н. э.; в результате анализа воссоздается образ пантикапейца как грека-палестрита.

В приложении к этой статье (стр. 170—196) сгруппированы мечи, упомянутые или описанные в археологической литературе, которые могут быть более или менее точно датированы. Для периода V—II вв. до н. э. таких мечей с территории Боспорского государства указано 80 (без учета мечей из могильника у станицы Елизаветовской в дельте Дона). У нас нет данных о форме и размерах большинства мечей. Наша задача — выяснить, что они собою представляли, и установить основные их типы.

Акинак (ἀκινάκης). К. Э. Гриневич в своей статье об обороне Боспора Киммерийского делает такой вывод: «Мы видим, что живые защитники Боспора имеют в течение всей античной истории следующее наступательное оружие: 1) меч — сначала короткий акинак, который, постепенно удлиняясь, переходит в римскую спату. Этот меч обычно носился слева» [1].

Такое слишком ограниченное и схематичное понимание истории развития мечей Боспора совершенно не отражает действительности.

Во-первых, невозможно представить, что с самого возникновения Боспорского государства в нем, при наличии подавляющего количества греческого населения в городах, преобладал бы исключительно скифский меч — акинак. Автор делает вывод о первоначальном господстве акинака, основываясь только на длине ранних мечей, указанных в отчетах В. В. Шкорпила, помещенных в Известиях Археологической комиссии (в № 1—60). Он не анализирует изображений мечей на античных вазах, хотя в этой же статье [2] для доказательства наличия у боспорцев щита, шлема, панцыря и поножей ссылается на греческие вазы.

Во-вторых, нельзя формально-типологически объяснять переход акинака в спату как простое удлинение клинка; это не исторично. Боевая роль, характер удара, т. е. функциональное различие акинака и спаты, столь различны, что непосредственный эволюционный переход одного вида оружия в другой невозможен.

В-третьих, мы можем утверждать, что «римская» спата на Боспоре не применялась, как и вообще римское оружие не получило распространения на Боспоре, даже в период пребывания римских войск в Крыму. Сама римская спата, ставшая основным мечом в римской армии конца II в.— начала III в. н. э., вероятнее всего, появилась под влиянием сарматского длинного меча.

В-четвертых, акинак, по скифскому обычаю, носился не слева, а справа [3]; он был или плотно прикреплен ремешками к бедру, как изображено на рельефе западного фриза

[1] К. Э. Гриневич. Оборона Боспора Киммерийского на основании археологических материалов. «Ученые записки Томского государственного университета», 1947, № 7, стр. 74.

[2] Там же, стр. 69.

[3] Herod., VII, 61; Б. Н. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 71; W. Ginters. Das Schwert..., стр. 21—23.

могилы Паявы в Ликии [1], или висел у пояса,— как изображено на фрагменте статуи из Краснодарского музея [2], на золотой пластинке из Аму-Дарьинского клада [3]. Слева акинак носился только в качестве исключения, что можно видеть по изображениям на гребне и обкладке горита из кургана Солоха.

Имелся ли акинак в вооружении жителей Боспора в V в. и позднее — в IV и III вв. до н. э.? Поскольку вокруг Пантикапея и других городов Боспора, да и в самих городах, имелось скифское население, акинак применялся на Боспоре, но нужно полагать, что он был принадлежностью вначале главным образом не греков, а скифов. Нельзя отрицать и того, что греки-переселенцы могли быть знакомы с формой скифского акинака и ранее, соприкасаясь с народами Северного Причерноморья, или по персидским образцам [1], поскольку в Персии эта форма меча была известна [2].

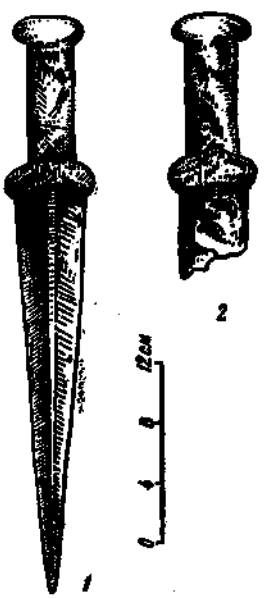

Рис. 1. Акинаки IV—III вв. до н. э. из некрополя Тирамбы

1 — из могилы № 5; 2 — из могилы № 6. (Хранятся в ГМИИ)

Наиболее ранние экземпляры (два) известных нам акинаков с территории Боспора происходят из некрополя Гермонассы. Они обнаружены раскопками Н. И. Репникова 1931 г. в могиле № 5 и находятся в настоящее время в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры Академии Наук СССР [3]. Погребение № 5 хорошо датируется чернолаковой посудой конца VI в. — начала V в. до н. э. Первый меч, длиною 0,40 м (кончик острия обломан), имеет треугольный клинок с продольным ребром, перекрестье в виде ласточкина хвоста, прямую рукоять и брусковидное навершие. Второй меч из того же комплекса имеет треугольную форму клинка, но без ребра, перекрестье — округло-сердцевидное, рукоять — прямая с закраинами по обеим сторонам (для удержания обкладки), навершие — в виде двух волют.

Акинак постепенно входил в употребление у боспорцев в течение V—III вв. до н. э. Мы знаем находки акинаков в кургане Мирзы Кекувацкого второй половины IV в. до н. э. [4], в кургане Куль-Оба IV в. до н. э. [5]

Известны два акинака (рис. 1), найденные при разведочных раскопках фанагорийской экспедицией некрополя Тирамбы (Пересыпь на Таманском полуострове) в 1940 г. Оба экземпляра относятся к погребению IV—III вв. до н. э. У одного из акинаков сохранилось не более половины клинка (из могилы № 6), другой найден полностью. По форме оба близки друг другу, за исключением того, что у хорошо сохранившегося экземпляра (из могилы № 5) имеется продольный желобок посреди клинка. Ширина клинка у перекрестья — 0,045 м, ширина рукояти — 0,03 м, длина рукояти — 0,11 м; общая длина — 0,38 м. Оба меча являются типичными скифскими акинаками средних размеров с сердцевидными перекрестьями

---

[1] W. Ginters. Ук. соч., табл. IX, *а*.

[2] CA, VII, стр. 21, рис. 4; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 66, рис. 28.

[3] Dalton. The treasure of the Oxus, 1926, табл. XIV, 48; W. Ginters. Ук. соч., табл. *9*, с; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 73, рис. 39, *в*.

[1] Мы здесь не ставим себе задачей разбирать вопрос о происхождении формы акинака и распространении его у скифов. Большинство исследователей считает акинак персидской формой оружия. В последнее время это мнение высказывалось Б. Н. Граковым (ук. соч., 1947, стр. 71).

[2] Herod., IV, 62; VII, 54, 61.

[3] Дело № 865, опись 78, Колл. 217, мог. 5, № 30—34. С мечами меня познакомил В. Ф. Гайдукевич.

[4] W. Ginters. Ук. соч., табл. 17.

[5] ДБК, табл. XXVII, 10; W. Ginters. Ук. соч., табл. 22, *с*.

и брусковидными, закругленными у конца навершиями, и напоминают акинак из Волковцев (Ромны, бывшей Полтавской губернии) [1].

В Государственном Эрмитаже имеется короткий меч из неизданных материалов раскопок В. Н. Глазова на Тамани у Тузлы в 1913 г. (Гос. Эрмитаж, Т. 1913-102). В настоящее время у меча потеряна рукоятка, однако сохранившийся схематический рисунок на паспорте позволяет дополнить представление о всем мече. Длина клинка его без рукоятки равна 0,35 м, полная длина должна была составить около 0,50 м. Этот меч представляет довольно типичный скифский акинак с сердцевидным перекрестьем. Датируется он энглифическим клеймом на горле остродонной амфоры второй половиной IV в. до н. э.

Меч-акинак изображен на одной стороне монеты Левкона II, относящейся к началу второй половины III в. до н. э.[2] Значение этого изображения нельзя преуменьшить: оно свидетельствует о распространении акинака в боспорском войске, среди наемников и союзников боспорских правителей — Спартокидов.

Дополнительные данные нам может дать анализ таблицы мечей V—II вв. до н. э. (приложение, стр. 170—180). Положение мечей в могилах очень разнообразно. Из 80 находок местоположение в могиле определяется только у 54, в том числе (табл. 1):

Таблица 1

Местоположение меча	На Керченском полуострове	На Таманском полуострове
Справа от костяка	7	8
Слева	8	7
Поперек, от правой руки к левой ноге	1	13
Между ног	0	6
В углу могилы	1	1
В ногах	1	0
Вдоль костяка, от груди до ног	1	0
Итого	19	35

Положение меча — от правой руки к левой ноге, т. е. поперек тела,— определяется, видимо, тем, что меч вкладывался в руку погребенного, символизируя готовность к бою. Определение положения меча «между ног» неточно: мечи лежали несколько наискось, как, например, акинак из могилы № 5 у Пересыпи, и, вероятно, были положены поперек, а затем сдвинуты землей. Поскольку положение меча поперек тела характерно для Таманского полуострова (только в одном случае такое положение встречено в Керчи), можно заключить, что это была особенность синдского обряда погребения.

В табл. 2 указаны длина мечей (в метрах) и положение их в могиле.

Таблица 2

Вправо от костяка	Влево от костяка	Поперек	Вдоль тела от груди до ног
0,51	0,64	0,61	0,67
0,585	0,66	0,48	
0,62	0,53	0,66	
0,44		0,60	
		0,71	

Что нам могут дать приведенные выше цифры?

Во-первых, необходимо констатировать, что длина известных нам мечей V—II вв. до н. э. колеблется от 0,44 до 0,71 м. Во-вторых,— если положение мечей в могилах соответствует тому, как они носились, то мечи, лежащие справа от костяка, нужно считать скифскими акинаками, причем длина их этому не противоречит. Греческие мечи носились слева, поэтому лежащие от костяка влево могли быть греческими. Однако наблюдается одно отклонение: меч длиной 0,53 м [1] имеет навершие в виде двух колец, не имеющее аналогий среди греческих мечей классического времени, т. е. навершие, свойственное одной из групп скифских или группе сарматомеотских мечей V—IV вв. до н. э. (из станицы Елизаветовской). Длина же остальных двух экземпляров — 0,64 и 0,66 м — соответствует длине греческих мечей. Положение

[1] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, II, табл. II, № 50.

[2] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLII, *17*. На другой стороне монеты изображен овальный щит.

[1] ИАК, вып. 56, 1911, могила 54, раскопки В. В. Шкорпила.

мечей рукоятью от правой руки к левой ноге (под различным углом поперек туловища) явно не соответствовало способу ношения; следовательно, оружие положено таким образом специально при погребении, а потому с равным правом мы можем предположить, что это были как скифские акинаки, так и греческие мечи, ибо резкой разницы в длине между ними не было; скифский акинак в среднем имел длину от 40 до 60 см.

Меньшие размеры свойственны мечам, лежащим вправо от костяка, т. е. отождествляющимся со скифскими акинаками. Меч же длиною 0,53 м, оказавшийся лежащим слева от скелета, был скифским акинаком, а поэтому его положение в могиле являлось исключением из правила. Нам хорошо известны отдельные примеры, когда скифский акинак носился не справа, а слева (изображение на золотом гребне и обкладке горита из кургана Солоха).

Греческие мечи. Кроме скифских, на Боспоре применялись и другие типы мечей, в частности греческие. Это вполне понятно, поскольку Боспорское государство, особенно в ранний период развития, имело в своих городах — полисах основное греческое население. В классической Греции было несколько типов мечей, произошедших от бронзовых прототипов крито-микенского времени [1], имевших влияние на развитие мечей в соседних странах (Италии). Ценным источником для изучения греческих мечей классической поры является греческая (аттическая) вазопись. Изображения на вазах дают нам два самых распространенных типа мечей: однолезвийный — μάχαιρα (табл. I, *3, 4, 5*) и прямой обоюдоострый короткий меч с расширяющимся в нижней части клинком, отчего клинок получает пестиковидную форму — ξίφος (табл. I, *1, 2*). Другие типы, как, например, короткий меч спартанцев — ξυήλη, имели локальное распространение, в то время как махайра и ксифос были универсальным, широко распространенным оружием во всей материковой, островной и малоазийской Греции. Эти типы греческих мечей в античную эпоху были распространены и у других народов Европы и встречаются в Италии и во Фракии [2].

[1] M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte. Bd. 11, Schwert, стр. 412—413.

[2] J. Dechelette. Manuel d'archeologie préhistorique, t. IV, ch. V, стр. 1134—1136.

1. Махайра (μάχαιρα). Длина махайры и ксифоса приблизительно равна: 60—70 см, однако есть основания предполагать, что средняя длина махайры несколько превышала длину ксифоса, а ширина клинка значительно превосходила ширину клинка ксифоса. Махайра — однолезвийна и являлась по преимуществу рубящим мечом, особенно удобным и наиболее целесообразным для кавалеристов. В Греции махайра употреблялась не только конниками, но и пехотинцами; ко времени Александра Македонского она становится, главным образом, оружием кавалерии, тогда как прямой двулезвийный меч — ксифос — оставался классическим оружием пехоты [1]. Однако фиванцы сохраняли махайру как оружие пехоты [2]. В Италии махайра была распространена в восточной части страны, находят ее и в центральной Италии, где она засвидетельствована известной находкой в Палестрине [3] V в. до н. э. Однако палестринская махайра [4] отличается от греческой огромными размерами (1,10 м) и рукояткой, представляющей замкнутое кольцо, чего мы не наблюдаем в Греции.

Махайра греков имела характерную рукоять в виде незамкнутого удлиненного кольца и однолезвийный клинок, расширяющийся в средней части. Край, противоположный лезвию,— тупой и утолщенный. Носилась она, подобно ксифосу, с левой стороны на перевязи (τελαμών), проходящей через правое плечо и соединяющейся с верхней частью ножен посредством двух пряжек и кольца, или, как это можно заключить по рисункам на вазах, перевязь завязывалась вокруг верхней части ножен под их устьем, проходя через кольца, укрепленные по бокам верхней части ножен. Случаи, когда меч носился у пояса, редки, однако оба способа ношения были известны грекам [5].

Е. Берлье [6] пишет, что мечи, изогнутые как κοπίς и μάχαιρα, имеют обязательно изогнутые

[1] M. Ebert. Reallexicon der Vorgeschichte. Bd. 11, Schwert, стр. 438.

[2] Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, ч. 2, стр. 1602—1604 — E. Beurlier. «Gladius».

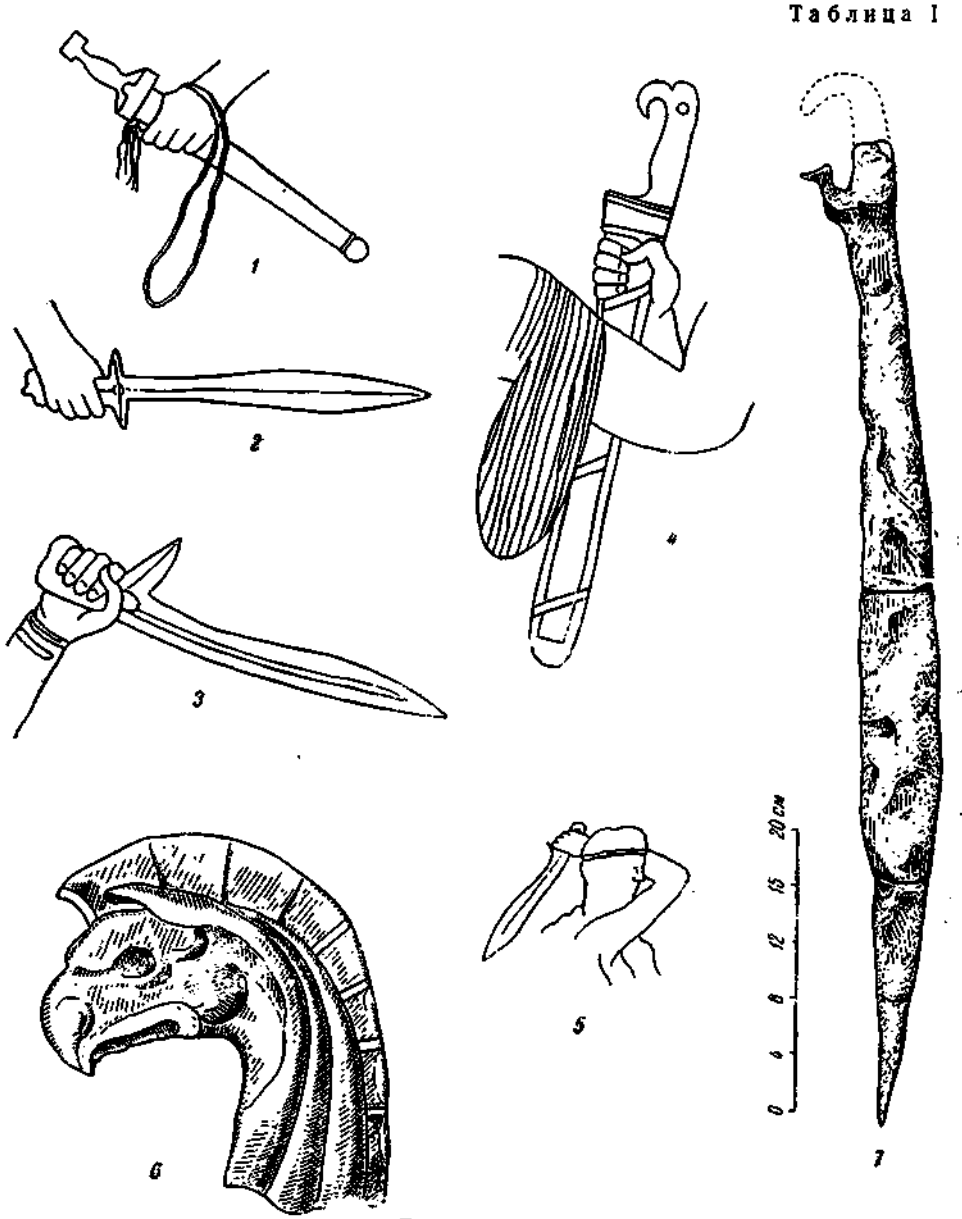
[3] P. Couissin. Les armes romaines, стр. 49—50.

[4] Montelius. Civ. prim., pl. 364.

[5] Через перевязь — Одиссея, XXIV, 528—529; у пояса — Одиссея, XXI, 432.

[6] Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, ч. 2, стр. 1603—«Gladius».

Таблица I

Греческие мечи

1, 2 — ксифосы; *3 — 7* — махайры.
1—5 — по рисункам на вазах; *6* — из Семибратних курганов; *7* — из раскопок А. Б. Ашика в Керчи в 1834 г.
(Хранятся в Государственном Эрмитаже)

ножны. С этим нельзя согласиться безоговорочно, так как махайра иногда не имеет изогнутости по линии продольной центральной оси. Изогнутость ее часто бывает кажущаяся, ибо впечатление изгиба создается односторонним расширением лезвия. В связи с этим и ножны не обязательно кривые, что можно видеть по рисункам на вазах [1] (табл. I, *4*).

[1] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, Bd. III, 1923, рис. 226, 502; Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasen, табл. 25, 34; ОАК за 1867 г., Атлас, табл. IV.

Ножны греческих мечей делались обычно из дерева и обтягивались кожей или металлом [1]. Устье ножен обычно прямоугольное или трапециевидное; конец делался различной формы: прямоугольной, закругленной, в виде листка и т. д. Но характернейшим элементом, часто встречающимся у махайры, является верхняя часть загнутой крюком рукояти, оформленной в виде головы хищной птицы [2]. Форма рукояти также делала оружие особенно удобным для рубящего удара кавалеристов.

У нас имеется ряд доказательств довольно широкого распространения махайры в Северном Причерноморье, особенно на Боспоре.

Обратим внимание на меч, найденный в обломках В. В. Шкорпилом [3] в некрополе Мирмекия (Приложение. Мечи V—I вв. до н. э. с Керченского п-ва, № 7). Форма клинка В. В. Шкорпилом не засвидетельствована, однако рукоять в виде птичьей головы с загнутым клювом характерна для махайры. Меч лежал в могиле, относящейся к IV—III вв. до н. э., слева от погребенного, т. е. в том положении, в каком обычно носились греческие мечи. Все это позволяет определить находку как махайру.

Б. Н. Граков обратил мое внимание на серебряный предмет в виде головы грифа из находок в главной гробнице третьего Семибратнего кургана [4]. Это — скульптурное изображение головы орлиноголового грифа с загнутым мощным клювом (табл. I, *6*). Голова грифа сделана из серебра, а гребень и горло — из золота. Перед нами, несомненно, верхняя часть рукояти махайры. Это подтверждается еще тем, что основанием головы в нижней части (у шеи) был железный стержень, а рядом в могиле обнаружены кусочки серебряных пластинок, несомненно, служивших обкладкой железного черенка рукояти. Обычай украшать серебром рукоять (κώπη) был распространен в Греции и засвидетельствован еще Гомером [1]. Форма навершия вполне походит на орлиноголовое навершие махайры, изображенной на вазе V в. до н. э., найденной в Керчи [2].

Нам известна также находка рукояти, имеющей форму птичьей головы, из станицы Абинской на Кубани; по всей вероятности, это также была рукоять махайры [3].

Обычай украшать оружие изображением грифа и головы хищной птицы был распространен в Северном Причерноморье, в частности на Боспоре [4], и, по предположению Тальгрена [5], оказал влияние, в частности, на форму обуха (в виде головы хищной птицы) кирки-кайла из минусинских находок. Это вполне возможно потому, что мотивы скифского звериного стиля подготовили восприятие данной формы.

Следует указать на находку достаточно хорошо сохранившейся типичной махайры (табл. I, *7*) в гробнице, раскопанной А. Б. Ашиком в 1834 г. близ Карантинного шоссе [6]. Гробница датируется монетой Лисимаха [7], т. е. относилась к концу IV в. или к началу III в. до н. э. Инвентарь могилы дает возможность представить картину погребения воина-грека. Здесь имеется греческий шлем, овальный щит, стригили и греческие сосуды. В углу могилы, облицованной каменными плитами, лежал сильно попорченный ржавчиною меч, находящийся в настоящее время в экспозиции Государственного Эрмитажа. Этот меч представляет собою махайру, длиною около 0,80 м, с едва заметной изогнутостью по продольной оси; в середине, немного ближе к тонко заостренному концу клинка — массивное расширение, характерное для махайры. Верхняя часть рукояти не сохранилась, но она легко восстанавливается (см. табл. I, *7*). Эта махайра производит впечатление массивного меча и очень удобна для нанесения рубящего удара сверху.

---

[1] См. об этом подробнее указанную выше статью «Gladius» в «Dictionnaire des antiquités grecques et romaines».

[2] ОАК за 1867 г., Атлас, табл. IV; Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, рис. 3610.

[3] ИАК, вып. 30, отчет В. В. Шкорпила за 1906 г., могила № 106.

[4] ОАК за 1876 г., стр. V; Атлас, табл. I, *1*, хранится в Гос. Эрмитаже

[1] Ch. Daremberg et M. Ed. Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, т. II, «Gladius».

[2] ОАК за 1867 г., стр. 161—181, Атлас, табл. IV.

[3] ОАК за 1877 г., стр. XXV.

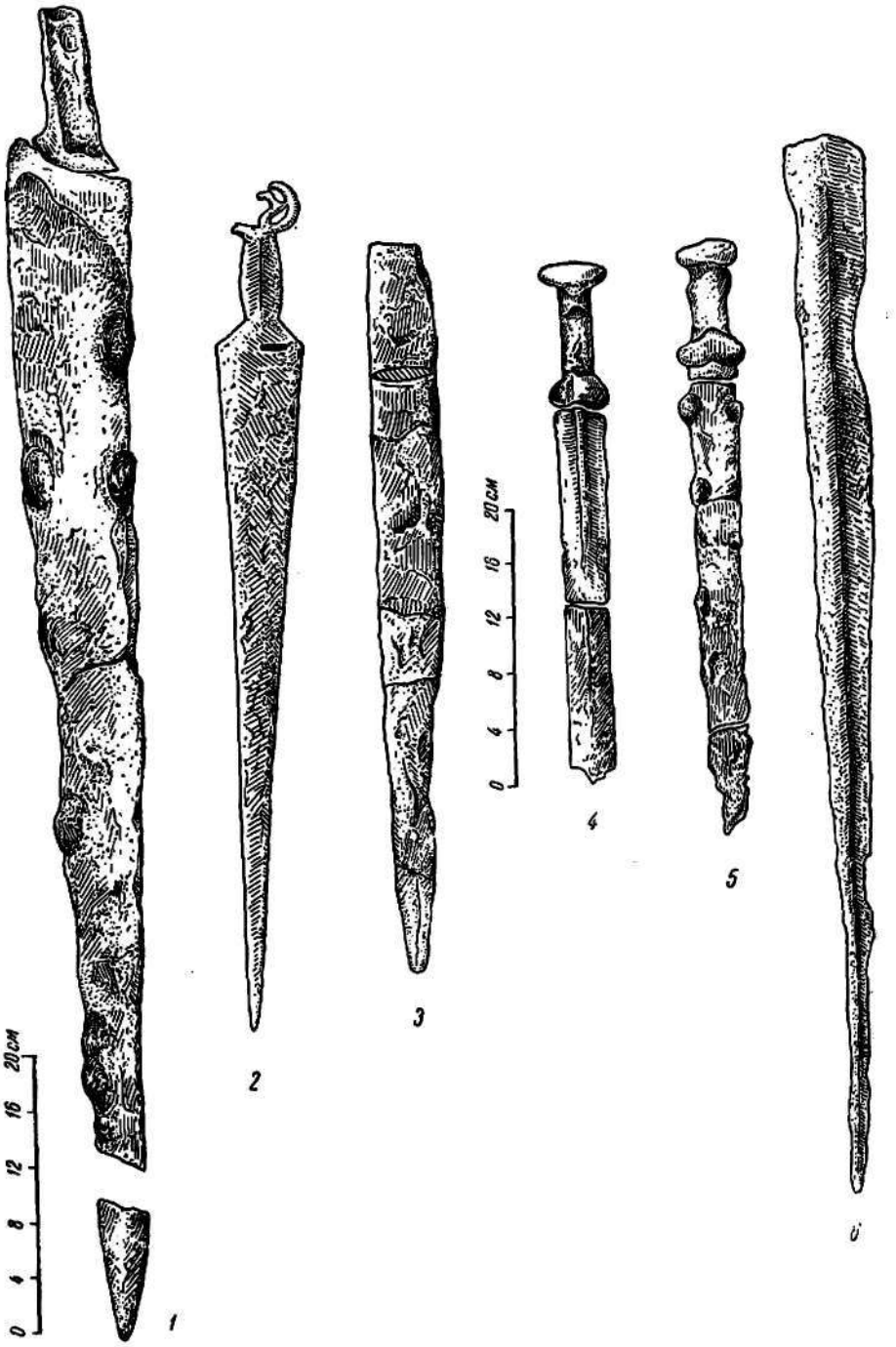
[4] Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики. КСИИМК, XXII, 1948, стр. 67.

[5] A. M. Tallgren. Collection Tovastine. 1917, стр. 51.

[6] ДБК, т. I, 1854, XXXIII, XII, CXVII (план C, 5).

[7] А. Б. Ашик. Воспорское царство, т. III, табл. II, рис. 1.

Таблица II

Мечи V — IV вв. до н. э.

1 — меч IV в. до н. э. из погребения на мысу Ак-Бурун; *2* — не документированный меч из коллекции Государственного Эрмитажа; *3* — клинок меча V в. до н. э. из кургана у Ахтанизовского лимана; *4* — меч из Феодосийского музея (случайная находка у Алушты); *5* — меч V в. до н. э. из погребения в районе Мирмекия; *6* — меч из Куль-Обы (?)

В Отчетах Археологической комиссии несколько раз встречается упоминание о находках большого, широкого меча в погребениях V—IV вв. до н. э. Таков меч из кургана у мыса Ак-Бурун [1]; о находке подобного большого, широкого меча из крайнего кургана на Юз-Обе [2] и из гробницы на северном склоне Митридата [3] сообщает А. А. Бобринский. Н. П. Кондаков обнаружил широкий меч с железной рукоятью при раскопках курганов у Нимфея [4]. Для указанного времени только один тип меча — махайра — превосходил остальные по ширине. Данные мечи мы с большой долей вероятности должны отнести именно к этому типу. Даже исследователи XIX в., вообще не обращавшие необходимого внимания на формы мечей, все же сочли нужным отметить величину и ширину найденных мечей.

Меч из погребения IV в. до н. э. у мыса Ак-Бурун (в настоящее время находится в Государственном Эрмитаже) по своим размерам (длина 0,99 м, ширина у пяты клинка — 0,09 м) резко отличается от основных типов мечей V—IV вв. до н. э. и представляет исключение. Прямых аналогий этому мечу нам неизвестно (табл. II, *1*). Возможно, это махайра, однако состояние меча не позволяет сказать об этом уверенно.

Наличие и распространенность махайры среди греческих поселенцев в Северном Причерноморье и, в частности, в Боспорском государстве подтверждается также способом ведения боя, применявшимся на Боспоре.

Известно, что с эпохи IV в. в Греции все большее значение в военном деле приобретала конница [5]. Распространенным оружием конников являлась махайра, служившая для нанесения рубящего удара сверху, наотмашь, с легким оттягиванием руки назад, при котором в полной мере проявлялись и режущие свойства этого оружия. Благодаря искривленности лезвия получался страшный удар, рубящий и режущий, однако значительно отличающийся от рубящего удара позднейшей сабли [6]. В Боспорском государстве конница, благодаря скифскому окружению, уже с V в.— начала IV в. до н. э. играла крупную роль, которая неизмеримо увеличилась в более позднее время. Для IV в. до н. э. значение конницы засвидетельствовано Диодором Сицилийским [1] в рассказе о битве при Фате. Боспорское государство невольно должно было извлекать уроки из практики военных столкновений племен и народностей Северного Причерноморья. Прежде всего оказывало влияние военное дело скифов, стоявшее на большой высоте. Поэтому многие приемы боя, тактики, соотношение родов войск (пехоты и конницы) заимствуются греками у скифов. Нередко боспорцы привлекали скифов в качестве союзников, что показывает описание Диодором Сицилийским той же битвы при Фате.

В результате, в системе своих вооруженных сил боспорцы усиляли роль конницы [2], одинаково готовой в бою как к прорыву фронта противника, так и к преследованию. Превосходство конницы над пехотой в маневренности, быстроте передвижения, стремительности в атаке были несомненны. Поэтому уже с конца V в.— начала IV в., нужно полагать, боспорская армия по соотношению родов войск несколько отличалась от греческой.

Конечно, основу как греческой, так и боспорской армии составляла пехота, точнее — фаланга гоплитов [3]. Однако значение конницы на Боспоре и в последующие столетия, возможно, за исключением отчасти III в. до н. э., последовательно возрастает.

В связи с этим понятно, что махайра на Боспоре имела самые широкие возможности применения. Однако она не была исключительно оружием кавалеристов. Как и для Греции, мы имеем свидетельства о том, что и

---

[1] ОАК за 1875 г., стр. XXXIV.
[2] ОАК за 1889 г., стр. 12.
[3] ОАК за 1891 г., стр. 28.
[4] ОАК за 1876 г., стр. 23.
[5] Xenoph. Anab., I, 8, 24; I, 10, 7 и сл.
[6] При ударе саблей, благодаря изогнутости клинка, сабля скользила в сторону наносящего удар, упираясь перекрестьем в кисть руки. Вследствие этого навершие у сабли не играет функциональной роли, и оно, как правило, отмирает. Наоборот, изогнутость лезвия махайры прямо противоположна изогнутости лезвия сабли. Поэтому при ударе махайрой скольжение шло в направлении от лица, наносящего удар. Отсюда и функциональная необходимость навершия, ибо при отсутствии его махайра выскользнет из руки. Поэтому навершие у махайры усилено по сравнению с навершиями прямолезвийных мечей: вся рукоять оформлена в виде незамкнутого кольца или крюка, соответствующим образом орнаментированного.

[1] Diod., XX, 22, 23.
[2] В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, 1946, № 1, стр. 102—103; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 73.
[3] В. Д. Блаватский. Битва при Фате..., стр. 102.

Рис. 2. Мраморный рельеф из Керчи с изображением махайры

на Боспоре махайрой вооружались пехотинцы.

В Керченском историко-археологическом музее хранится найденное в 1951 г. на горе Митридат расписное надгробие с изображением воина в полном вооружении. Сохранность изображения плохая, однако тип и форма оружия совершенно ясны. У воина хорошее защитное вооружение — панцырь, изображенный краской, и высокие поножи; за спиною — круглый щит и три копья, а у левого бока висит отчетливо прорисованная махайра с характерной для нее крючкообразной рукоятью. Плохая сохранность изображения не дает возможности сказать, этими ли предметами исчерпывалось вооружение; можно предположить, что воин держал в руке шлем.

Изображенный воин представляет собою по характеру вооружения типичного гоплита IV в. до н. э. Этим временем и нужно датировать надгробие.

К сожалению, до нас вообще мало дошло ранних (V—II вв. до н. э.) надгробных рельефов из Керчи, и особенно мало с изображением воинов с оружием. Однако известно еще одно, датируемое концом III в. до н. э., найденное в 1867 г. на горе Митридат [1]; на нем изображен человек с мечом в руке, поднятым для нанесения рубящего удара. Форма меча вполне соответствует махайре. Ножны показаны с левой стороны, видимо, на перевязи, по греческому обычаю.

Разбирая вопрос о махайре, необходимо упомянуть об опубликованном А. Б. Ашиком [1] фрагменте мраморного барельефа, возможно, служившего для украшения общественного здания. На барельефе, вероятно, изготовленном в Пантикапее из бело-желтого мрамора, кроме двух борющихся фигур, изображена мужская фигура с характерно закинутой за голову рукой для нанесения рубящего удара мечом. И этот меч — махайра (рис. 2). А. Б. Ашик называет его «булавой» (!!), а Л. П. Харко [2] — «мечом-кинжалом с серповидным изгибом», «типом лакедемонского», т. е. ξυήλη. Это сравнение ни на чем не основано, так как спартанский меч на юге СССР не обнаружен, да и вообще он имел локальное распространение.

О широком распространении махайры в Северном Причерноморье свидетельствует также находка небольшого размера махайры в Ольвии [3]. От причерноморских греков этот тип меча перешел и к местным народам. Об этом можно судить по указанным выше находкам рукоятей из Семибратних курганов, из станицы Абинской. Один из воинов, изображенных на золотом колокольчике из

[1] Kieseritzky-Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, N° 449.

[1] А. Б. Ашик. Боспорское царство, т. I, стр. 30, табл. VII.

[2] СА, VII, стр. 92.

[3] ОАК за 1900 г., стр. 7, рис. 10, раскопки Ю. А. Кулаковского.

кургана Курджипс держит в руках меч, аналогичный махайре [1]. Погребения Курджипса, в основном, датируются III—II вв. до н. э. Широкому распространению махайры на Боспоре способствовало присутствие в войсках фракийских наемников. Во Фракии махайра была одним из важных видов оружия.

Перейдем к рассмотрению вопроса о применении на Боспоре другого типа греческого меча — ксифоса.

2. Ксифос (ξίφος) — пестиковидный обоюдоострый меч греческих гоплитов, был распространен в Греции еще более широко, чем махайра (табл. I, *1*, *2*,). Судя по изображениям на вазах [2], особенно частым на аттических, он имел перекрестье в виде выступающих с обеих сторон острых треугольников. Форма навершия разнообразна: прямая штанга, усеченный конус, невысокий цилиндр, загнутые вниз концы с утолщением в виде капель, шаровидные, в виде полумесяца, колоколовидные, подобные гальштатским [3]. Устья ножен аналогичны устьям ножен махайры — прямоугольные и трапециевидные; концы ножен полукруглые, пуговицевидные, в виде лепестка, цветка, бутона и т. д. Однако все эти детали не изменяют основной формы меча, который служил для нанесения колющего и рубящего удара в рукопашной схватке. Ксифос носился также с левой стороны на перевязи, подобно махайре. На серебряной вазе, найденной в Молдавии на правобережье Прута [4], изображен обнаженный воин-грек, в греческом шлеме, сражающийся с амазонками [5]. В правой руке он держит короткий обоюдоострый меч-ксифос с полушаровидным навершием, а на левом боку висят на перевязи ножны, через скобку которых пропущена перевязь. Функция этой скобы подобна функциям скоб на ножнах латенских мечей [6] или на ножнах сарматских и пантикапейских мечей первых веков нашей эры [1].

Учитывая широкое распространение ксифоса в метрополии, можно предполагать, что он употреблялся и на Боспоре. Это тем более вероятно, что со второй четверти V в. вплоть до III в. до н. э. постоянно поддерживалась оживленная торговля и культурная связь между Боспором и материковой Грецией и что на Боспоре широко использовались греческие наемные отряды гоплитов [2]. Греческие формы оборонительного оружия (шлемов, поножей) находят распространение не только среди греческого населения боспорских городов, но и у скифов [3]. Поэтому трудно себе представить греческих воинов на Боспоре без одного из основных видов греческого оружия — ксифоса. На обивке ножен акинака из кургана Чертомлык, изготовленной пантикапейскими торевтами [4] с изображением битвы греков (повидимому, из северо-причерноморских городов) с воинами местных племен, пятый воин справа — грек — держит в руке типичный ксифос.

Однако в Северном Причерноморье ксифос имел меньшее распространение, чем махайра, в связи с большей ролью конницы здесь, чем в материковой Греции. Этим отчасти объясняется то, что из археологических раскопок нам мало известен этот тип меча, имевший, повидимому, к тому же большее распространение в ранний период истории Боспорского государства, затем интенсивно вытеснявшийся скифским акинаком. Другой причиной отсутствия у нас находок подлинных экземпляров ксифоса является невнимательность археологов, не фиксировавших формы находимых мечей. Мы с большой долей вероятности можем предположить, что мечи с Таманского и с Керченского полуострова (приложение, № 5), лежавшие слева от костяка, а также мечи с Таманского полуострова (приложение, №№ 2, 4, 6), лежавшие поперек скелета и имевшие соответственно длину 0,66, 0,64, 0,61, 0,66, 0,60 м, могут быть причислены именно к этому типу меча — ксифосу.

---

[1] E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 233, фиг. 126, ОАК за 1895 г., стр. 62, рис. 140; В. Сысоев. Курджипский курган и его древности. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XXII, стр. 7; автор утверждает, что оба меча обоюдоострые.

[2] См. E. Pfuhl. Ук. соч., т. III, рис. 217, 234, 237, 323, 359, 369, 373, 395, 417, 428, 434, 447, 452, 455, 475, 615 и др.

[3] E. Pfuhl. Ук. соч., рис. 615 и др.

[4] ДБК, Атлас, рис. XL и XLI.

[5] ДБК, т. I, стр. 268.

[6] J. Dechelette. Manuel d'archeologie..., т. IV, фиг. 259.

[1] W. Ginters. Ук. соч., табл. 28, 31.

[2] Diod., XX, 22.

[3] Б. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 67, рис. 33.

[4] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 121—122.

Из устного сообщения научного сотрудника Керченского историко-археологического музея Н. Б. Кивокурцева известно о находке на горе Митридат меча, полностью соответствующего форме греческого короткого обоюдоострого меча. Отсутствие этой формы в некрополях боспорских городов V—III вв. до н. э. объясняется еще тем, что обычай хоронить с оружием не был обязательным среди греческого населения. Вообще количество оружия, известного из некрополей боспорских городов V—II вв. до н. э., меньше, чем из некрополей I—II вв. н. э.

Перечисление Диодором Сицилийским состава вооруженных сил в битве при Фате 310—309 гг. до н. э.[1] показывает, что, кроме греков и скифов, в битве на стороне Сатира принимали участие наемники-фракийцы, а на стороне Евмела — конное и пешее войско фатейского царя Арифарна, состоявшее, нужно полагать, не только из одних фатеев, но и из представителей других, соседних фатеям и родственных им, меотских племен. Мечи греков, фракийцев и скифов V—III вв. до н. э. для нас в значительной степени ясны. Это были ксифос, махайра и акинак[2].

Интересен вопрос о том, какими мечами пользовались воины Арифарна и вообще меотские племена Восточного Приазовья и Тамани, входившие в состав Боспорского государства.

Для того чтобы в какой-то мере ответить на этот вопрос, рассмотрим мечи из района дельты Дона, где проходила северная граница расселения меотских племен.

Мечи из района дельты Дона. Оставить без внимания район дельты Дона, в котором находился крупный боспорский город — Танаис, являвшийся, по выражению Страбона, «самым большим после Пантикапея торжищем варваров»[3],— нельзя. Этот район был издавна связан с Боспором, а затем часть его входила в состав Боспорского государства. Поэтому следует рассмотреть формы мечей, распространенных здесь, и их связь с формами мечей всего Восточного Приазовья и собственно Боспора. Мы не будем касаться спорного вопроса о том, являлось ли городище у станицы Елизаветовской древним Танаисом, или Танаис с момента его основания боспорцами находился в районе Недвиговки[1].

Материалы по истории Танаиса[2] показывают, что в городе, являвшемся наиболее удаленным форпостом Боспорского государства в скифо-сарматском и меотском мире[3], местные элементы играли бо́льшую роль, чем в других городах Боспора. Танаис,— и весь район дельты Дона,— представляет огромный интерес, ибо здесь сходились культурные влияния скифов, сарматов и меотов, соприкасались границы расселения этих народов в период VI—III вв. до н. э.[4]

Материалы раскопок[5] курганного могильника характеризуют поселение у станицы Елизаветовской как чисто местный, но сильно эллинизованный крупный центр, имевший активные торговые связи с городами Боспора и даже со Средиземноморьем. Этнический состав населения этого центра трудно определить точно, но нужно полагать, что основным населением города у станицы Елизаветовской были меоты; кроме меотов, очень важной частью населения, несомненно, были савроматы, а затем сарматы. Могли играть известную роль и отдельные скифские элементы.

В связи со всем сказанным понятно своеобразие оружия, в том числе и мечей, из курганного могильника у станицы Елизаветовской. Нужно отметить, что материалы раскопок свидетельствуют не только о торговом, но и о военном характере поселения, ибо в каждом погребении есть предметы вооружения: мечи, наконечники копий и стрел, пластинки от чешуйчатых панцырей, иногда шлемы, в одном случае пластина от обивки щита. Среди погребений трудно выделить женские, поскольку во всех могилах имеется оружие. Не служит ли это подтверждением особого положения женщины у сарматов и меотов, и участия ее в военном деле?[6] Тот

---

[1] В. Д. Блаватский. Битва при Фате..., стр. 103.

[2] Нужно отметить, что в этот период у фракийцев применялись длинный меч латенского образца и скифский акинак. Однако мечей латенского типа на Боспоре совершенно не встречается.

[3] Strab., VII, 3, 10.

[1] Т. Н. Книпович. Танаис, 1949, стр. 10—12.

[2] С. А. Жебелев. Боспорские этюды, стр. 45; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 227—232.

[3] Strab., VII, 3, 10.

[4] Diod., II, 43.

[5] ИАК, вып. 35, 1910; ОАК за 1908 г.; ОАК за 1909—1910 гг.; ОАК за 1911 г.; ИАК, вып. 56, 1914.

[6] Б. Н. Граков. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (пережитки матриархата у сарматов). ВДИ, № 3, 1947.

факт, что полных комплектов вооружения сохранилось мало, объясняется исключительно

Рис. 3. Ножны меча VI—V вв. до н. э. (*1*) и меч V в. до н. э. в ножнах (*2*)

1 — находка И. Ушакова у станицы Елизаветовской; *2* — из кургана № 1 у станицы Елизаветовской (раскопки 1910 г.)

плохой сохранностью металлических предметов в сырой почве могильника[1]. Кости скелетов и даже бронзовые предметы также очень плохо сохранились. Это затрудняет анализ предметов вооружения. Мы можем говорить только о 8 мечах, относительно хорошо сохранившихся.

Наиболее ранним экземпляром, бесспорно, является меч из раскопок И. Ушакова в 1903 г.[1] (рис. 3, *1*). При датировке этого меча среди исследователей возникли серьезные разногласия[2] вследствие того, что находка И. Ушакова не была полностью опубликована, и датировать пришлось, только исходя из изображений, выполненных в зверином стиле на ножнах меча, и формы ножен. Нам кажется, что датировать находку можно VI—V вв. до н. э., так как по орнаментации ножен меч близок ранним скифским мечам VI в. до н. э. Однако необходимо учитывать, что он найден в группе курганов IV в. до н. э., а это в известной степени может свидетельствовать о более поздней дате, чем VI в. до н. э.

Форма ножен ушаковского меча указывает на то, что у клинка были почти параллельные линии лезвия, у конца переходившего в острие. В. Гинтерс сообщает[3], что ножны длиною 0,54 м имели сердцеобразный вырез, который должен соответствовать сердцевидному перекрестью, типичному для скифских акинаков VI—IV вв. до н. э. Характерная черта меча — необычная ширина, если судить по ножнам (ширина их 9,5 см). Ближайшими аналогиями этой формы ножен и соответственно формы клинка являются ножны мечей из «Острой могилы» близ Тамаковки[4] и из Золотого кургана у Симферополя[5], датируемые В. Гинтерсом рубежом VI и V вв. до н. э.[6]

По типу ножен близким ушаковскому мечу является меч из раскопок в кургане № 1 у

стр. 100—121; К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 153.

[1] ОАК за 1911 г., стр. 46—48.

[1] W. Ginters. Ук. соч., табл. 7, *b*; Arch. Anz., XVII, 1902, стр. 44.

[2] Тальгрен (Collection Tovastine, стр. 66) датирует VII в. до н. э., Кизерицкий (Arch. Anz., 1902, стр. 44) и Е. Миннз (Scythians and Greeks, стр. 270) — VI в. до н. э., В. Гинтерс (ук. соч., стр. 10) — концом VI в. до н. э., М. Ростовцев (Скифия и Боспор, стр. 531) — V — IV вв. до н. э., указывая на то, что курган, раскопанный И. Ушаковым, не отличается от прочих курганов в районе станицы Елизаветовской, датируемых IV в. до н. э.

[3] W. Ginters. Ук. соч., стр. 9.

[4] Древности Геродотовой Скифии, II, стр. 62, Атлас, т. XXVI; МАР, 37, 1918, стр. 38.

[5] ОАК за 1890 г., стр. 4; МАР, 37, 1918, стр. 40, рис. 27; W. Ginters. Ук. соч., табл. 4, *d*.

[6] W. Ginters. Ук. соч., стр. 12.

станицы Елизаветовской [1] (рис. 3, *2*), который можно датировать V в. до н. э.[2] Этот меч имеет золотой обклад ножен, орнаментированных в зверином стиле, очень длинную, также золотую, лопасть для подвешивания, массивную железную рукоятку с кольцевым навершием. О форме перекрестья судить трудно; видимо, она была сердцевидной. Общая длина меча — 0,58 м. По форме ножны чрезвычайно близки ножнам ушаковского меча, вследствие чего единство типа двух мечей несомненно, и можно предположить, что ушаковский имел также кольцеобразное навершие. Нужно заметить, что меч из кургана № 1 является одним из самых ранних мечей с кольцевым навершием, известных в Северном Причерноморье, и его вместе с ушаковским нужно отнести к савроматским мечам.

Следующую группу составляют четыре меча (табл. III, *2—5*), относящиеся к IV в. до н. э., значительно отличающиеся от двух описанных выше. Эта группа является наиболее характерной для материалов из раскопок в Елизаветовской станице. Из четырех мечей полностью, хотя и в сильно коррозированном виде, сохранился один — из кургана № 6 раскопок 1911 г.[3] (табл. III, *2*). Длина его — 0,60 м, клинок, очень широкий у перекрестья (около 8 см), постепенно сужается, переходя в острый конец, небольшая часть которого не сохранилась. Массивное перекрестье имеет сердцевидную форму, рукоять была прямой и довольно короткой. Навершие состояло из двух волют — антени, загнутых в кольца. Сильный нарост ржавчины не позволяет сказать, были ли эти волюты простыми или в виде птичьих голов или голов грифов. Аттическая краснофигурная котила, найденная в той же могиле, датирует меч второй половиной IV в. до н. э.

Аналогичный меч, относящийся к тому же времени, был найден при раскопках 1911 г. в кургане № 34 [4]. Меч был переломлен пополам; сохранилась лишь верхняя часть клинка с рукоятью (табл. III, *4*, изображен без масштаба). В могиле довольно хорошо представлен комплект вооружения. Здесь также обнаружены два наконечника копий, пучок бронзовых наконечников стрел (у левого бедра, где находился горит или колчан) и большие железные пластины от панцыря. Меч, в отличие от меча из кургана № 6, лежавшего справа, у бедра погребенного, обнаружен в несколько необычном положении: рукоять лежала на ребрах груди слева, а конец — на тазовых костях. Нужно полагать, что меч был положен так при погребении, ибо его положение не отражает способа ношения — походного или боевого. Меч отличается от предыдущего большей стройностью. По изгибам двухкольцевого навершия можно догадываться, что оно образовано двумя волютами в виде птичьих голов или птичьих лап с когтем.

Следующий меч (табл. III, *3*) указанной группы обнаружен в кургане № 18 из раскопок 1911 г. [1] и датируется тем же временем, что и два предыдущие. В погребении кургана № 18 найден набор вооружения, аналогичный комплекту из кургана № 34, но более полный, так как, кроме двух пучков бронзовых наконечников стрел, двух наконечников копий и остатков железного чешуйчатого панцыря, в могиле найден бронзовый шлем греческого типа. Меч длиной 0,58—0,60 м также сильно попорчен ржавчиной, образующей даже своеобразные наплывы; навершие рукоятки отсутствует [2]. Однако прорисовывающаяся форма сердцевидного перекрестья, ясно обозначенная форма последовательно суживающегося клинка и прямой рукоятки тождественны мечу из кургана № 34, а поэтому нужно думать, что не сохранившееся навершие также было аналогично навершию меча из кургана № 34. Положение меча в могиле неопределенно, кости погребения сохранились плохо, и в отчете сообщается только, что меч найден «посреди могилы».

Четвертый меч этой группы (табл. III, *5*) происходит из кургана № 4 раскопок 1910 г.[3] Двухкольцевое навершие оформлено в виде загнутых когтей или стилизованных

[1] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210; Arch. Anz., 1911, стр. 197, рис. 5.

[2] W. Ginters. Ук. соч., стр. 20; Б. В. Фармаковский (Arch. Anz., 1911, стр. 197) датирует этот меч VI в. до н. э.

[3] ИАК, вып. 56, 1914, стр. 230, рис. 20 и 22. Хранится в Гос. Эрмитаже.

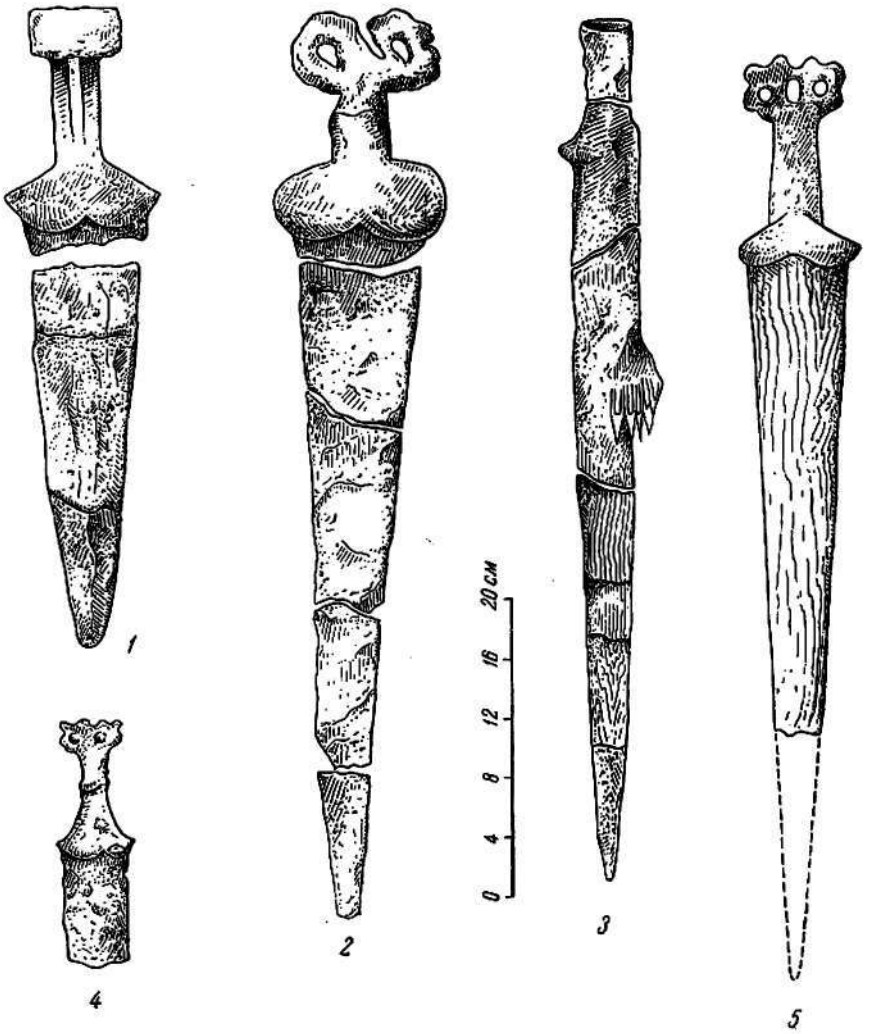
[4] ИАК, вып. 56, 1914, стр. 243—244, рис. 55 и 57.

[1] Там же, стр. 236, рис. 34.

[2] Очистка меча от земли и наплыва ржавчины, произведенная после написания данной работы, обнаружила, что этот наплыв ржавчины покрывал пучок бронзовых наконечников стрел, прикипевших к клинку, а вместо черенка рукояти прикипел кусочек втулки копья.

[3] Хранится в Гос. Эрмитаже (Т. Е. 1910, 20).

Таблица III

Мечи (IV в. до н. э.) из курганного могильника у станицы Елизаветовской (*1—5*)
(Хранятся в Государственном Эрмитаже)

голов грифов; рукоять прямая, перекрестье напоминает ласточкин хвост, довольно широкий клинок равномерно суживается. Конец клинка обломан. Общая длина меча должна была составлять 0,60—0,62 м; сохранившаяся часть — длиной 0,46 м.

Следующий меч (рис. 4) из группы елизаветовских, найденный в кургане № 10 во время раскопок 1909 г.[1], близко примыкает по форме и размерам (длина 0,60 м) к перечисленным трем, но имеет существенные отличия. Лицевая сторона обклада его ножен, рукояти и лопасть для подвешивания, орнаментированные в зверином стиле, сделаны из золота. Перекрестье — сердцевидной формы (или — лучше — формы ласточкина хвоста, т. е. линии, образующие верхний угол навершия,— прямые, затем сломанные под углом), штанга рукояти прямая, разделенная вдоль несколькими линиями с насечкой по краям. Навершие сплошное, без отвер-

[1] ИАК, вып. 35, 1910, стр. 104, рис. 9; там же, табл. V, *23*, *в*; Arch. Anz., 1910, стр. 206, рис. 6; W. Ginters. Ук. соч., табл. 21.

стий, но с исполненными в рельефе двумя волютами в виде когтистых лап хищной птицы, соединенных двумя перпендикулярными штангами. Клинок треугольный, равномерно суживающийся к острию; в верхней сохранившейся части ножен имеется пять продольных бороздок. Меч лежал поперек нижней части живота и таза погребенного, рукоятью у правого бока и концом пересекая левое бедро подобно тому, как это имело место в погребениях Таманского полуострова. Погребение относительно богато и дает почти полный комплект вооружения: меч, перержавевший железный наконечник копья, бронзовые наконечники стрел и, что особенно любопытно, медный круг (диаметром 50 см) от щита, лежавший на голенях и коленях.

Ближайшей и почти полной аналогией рукояти этого меча является рукоять акинака из кургана Солоха [1], а также рукоять акинака из Куль-Обы [2], хотя последняя и не имеет навершия. Очень близок также акинак, происходящий из Чкаловской области (бывшей Оренбургской) [3]. Две подобные, не украшенные золотом рукояти акинаков, найдены были на Полтавщине [4]. Исходя из этих аналогий, указанный меч нужно датировать IV в. до н. э., чему не противоречит материал могильного инвентаря.

Ножны этих мечей должны были быть аналогичны ножнам меча из кургана № 10 раскопок 1909 г., т. е. имели треугольную форму и лопасть для подвешивания, сделаны, по всей вероятности, из дерева и обиты металлическими пластинками или кожей. Мечи носились у пояса справа, подвешенные за лопасть, как это изображено на каменной бабе, найденной в кургане у станицы Елизаветовской [5].

Последний из восьми мечей, найденных при раскопках в Елизаветовской станице (табл. III, *1*), представляет одну из типичных разновидностей скифских акинаков. Он обнаружен при раскопках 1910 г. [6] в кургане № 5 и в настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже. Насколько нам известно, этот меч еще не опубликован. Длина его 0,42—0,45 м. Клинок переломлен, и возможно, что небольшого кусочка недостает,

Рис. 4. Меч в ножнах (IV в. до н. э.) из кургана № 10 у станицы Елизаветовской (Раскопки 1909 г.)

в связи с чем длина может быть несколько увеличена. Навершие представляет собою короткий брусок; штанга рукояти прямая, с продольной бороздкой; перекрестье сердцевидное; массивный, довольно широкий клинок треугольной формы, равномерно суживается к острию. В могиле он лежал «у пояса»; датируется IV в. до н. э.

[1] ОАК за 1912 г., стр. 40; W. Ginters. Ук. соч., табл. 21.
[2] ДБК, табл. XXVII, *10*.
[3] МАР, 37, табл. VII, *15*; W. Ginters. Ук соч., табл. 21, *e*.
[4] У Ромен — А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, табл. XXII, *4*.
[5] Известия РАИМК, 1925, стр. 197.
[6] ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145.

Ближайшими аналогиями являются акинак из Волковцев, б. Роменского уезда [1], другой акинак из б. Роменского уезда Полтавской области [2], небольшой акинак-кинжал из курганного погребения у Дарьевки и Василькова Киевской области [3].

Дополнительным элементом для суждения о мечах, найденных в районе дельты Дона, может служить довольно схематично изготовленная бронзовая статуэтка из коллекции И. Ушакова, обнаруженная в окрестностях станицы Елизаветовской [4]. Изображенный нагой человек в левой руке держит меч, треугольная форма клинка которого аналогична клинкам перечисленных выше мечей; правда, перекрестье имеет, видимо, прямоугольную форму, а навершие слабо выражено. Статуэтку можно датировать, исходя из формы меча, IV в. до н. э.

В Государственном Эрмитаже хранится меч без паспорта (табл. II, *2*), по типу и размерам очень близкий елизаветовским мечам, однако не имеющий перекрестья; плечи клинка косо срезаны, возможно, на них было в свое время перекрестье; навершие — в виде кольца, перегороженного двумя изогнутыми переплетами.

Мечи из раскопок у станицы Елизаветовской в основном нужно считать ранними меото-сарматскими [5]. В их типах отражается историческая связь, географическая близость со скифским миром; поскольку район дельты Дона был точкой соприкосновения сарматов, скифов и меотов, елизаветовские мечи чрезвычайно близки отдельным группам скифских мечей, и возможно, что некоторые из них были непосредственно скифского происхождения. В типах этих мечей можно видеть местные глубокие традиции, как и во всех предметах вооружения, исключая шлемы и поножи. Отличительной чертой является фигурное навершие в виде кольца, или загнутых в кольца антенн, оформленных в зверином стиле, сердцевидное перекрестье и треугольный клинок. Однако для группы ранних, видимо, савроматских, мечей характерен клинок с параллельными лезвиями и кольцеобразное навершие. Мы располагаем только одним экземпляром короткого меча с брусковидным навершием. Длина этих мечей удивительно совпадает — около 60 см. Они были предназначены для рукопашного боя в пешем строю и не могли служить основным оружием воина-всадника, но конник мог применять такой меч для рукопашного боя при спешивании, как это было принято у скифов.

Из анализа комплексов погребений можно сделать заключение, что у жителей меото-сарматского поселения у станицы Елизаветовской, наряду с конницей, существовало пешее войско, поскольку в отдельных погребениях встречается по два и даже по три копья,— вооружение, не свойственное всадникам; в кургане № 10 раскопок 1910 г. найдена медная пластина от круглого щита вместе с наконечниками стрел, что характерно для пешего воина. Нужно указать, что сами мечи играли вспомогательную роль при основном оружии — копьях и луках со стрелами.

Анализ мечей из курганов у станицы Елизаветовской дает нам известную опору для изучения мечей меотов и синдов, входивших в состав Боспорского государства и игравших большую роль в военной истории Боспора.

К югу от дельты Дона можно выделить две области распространения меотских мечей: 1) среднекубанскую и 2) синдско-таманскую.

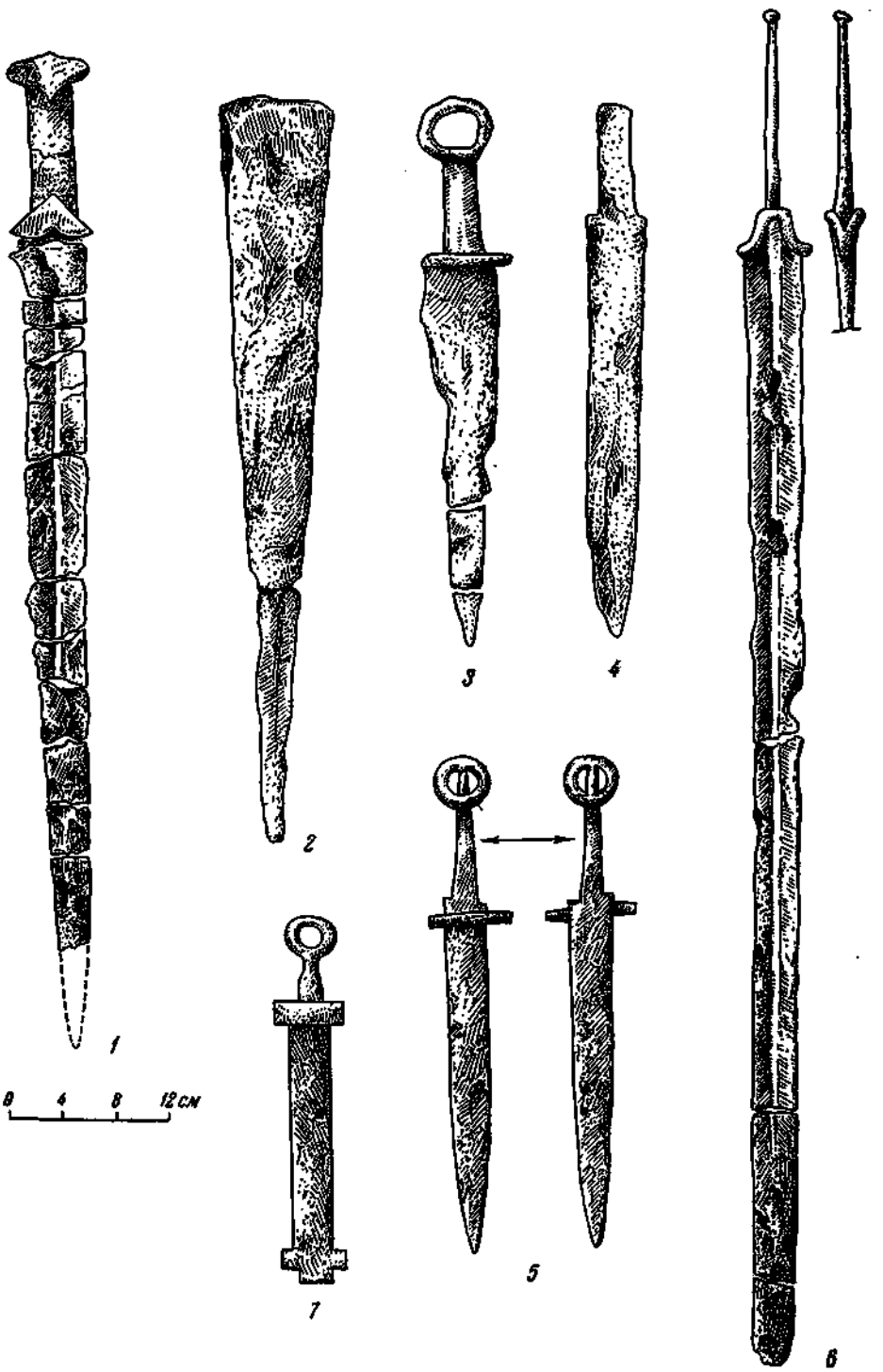
В первой области встречается своеобразный тип меча, глубоко самобытный и оригинальный. К настоящему времени этот тип надежно локализуется на среднем течении Кубани, в районе от станицы Елизаветинской до Усть-Лабинской. Ярким примером являются мечи из раскопок К. Ф. Смирнова у станицы Пашковской, где в могильнике № 3 за последние годы были найдены три таких меча, из которых два опубликованы.

Мечи имеют плоский, довольно широкий клинок, равномерно суживающийся к острию; рукоять представляет собой плоскую, прямую штангу, увенчанную коротким брусковидным навершием, которое, однако, встречено не у всех экземпляров. Если мечи не имели деревянного перекрестья, то они в таком случае были более удобны для рубящего удара, необходимым же минимальным упором для руки являлись довольно крутые

---

[1] Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, II, табл. II, № 50.
[2] Там же, табл. II, № 53.
[3] А. А. Бобринский. Смела, II, табл. 15, 7.
[4] ИАК, вып. 35, 1910, стр. 88, рис. 2.
[5] А. А. Миллер (ОАК за 1911 г., стр. 46—48) определенно считает курганы у станицы Елизаветовской сарматскими.

Таблица IV

Мечи из синдских и скифских поселений и курганов

1 — меч из синдского поселения у станицы Таманской (начало V в. до н. э.); *2* — клинок меча V — IV вв. до н. э. из Семибратних курганов; *3* — *6* — мечи из раскопок Неаполя Скифского; *7* — меч сарматского типа (по изображениям на керченских надгробиях I — II вв. н. э.). (Мечи хранятся: *1* — в ГИМ, *2* — в Государственном Эрмитаже, *3* — *6* — в ГМИИ)

плечики верхней части клинка, выходившие за плоскость рукояти. По длине мечи разделяются на короткие, длиной около 0,50 м [1], и более длинные [2]. Точно такой же размер и форму имеет меч из раскопок Н. И. Веселовского в 1903 г. у станицы Воронежской [3]. Эти мечи датируются временем V—III вв. до н. э. Судя по длине, они были более приспособлены для легкой пехоты и носились справа у пояса, о чем говорит изображение подобного типа меча на статуе из известняка, найденной П. П. Семенякою в 150 саженях к юго-западу от станицы Сенной на Тамани [4]. Статуя, нижняя часть которой не сохранилась, изображает «молодого воина-варвара в панцыре, хламиде и остроконечной шапке». В левой руке у воина-меота лук сарматского типа и горит со стрелами, а правая рука держит за рукоять меч среднего размера с брусковидным навершием, прикрепленный к поясу справа. Судя по изображению, меч — без перекрестья. Учитывая соединение элементов сарматского вооружения (панцырь, лук) и меотского (меч), статую можно датировать III в. до н. э.

К этому типу более длинных меотских мечей следует отнести меч V в. до н. э. из кургана № 1 или № 2 (раскопок 1852 г.) у станицы Ахтанизовской. Меч хранится в Государственном Эрмитаже. Рукоять и верхняя часть клинка не сохранились; длина сохранившейся части клинка — 0,55 м, так что полная его длина превышала 0,70 м (табл. II, *3*).

Вторая, синдско-таманская группа, не представляет такого единства, как первая, и поэтому ее выделение в большей мере условно, тем более что меото-синдских мечей известно еще мало. Значительное количество их было найдено в Таманских курганах, раскопанных в XIX в. и начале XX в. Однако находки не были опубликованы, даже не описаны и до нас не дошли. В Государственном Эрмитаже имеется один из мечей, найденных в Семибратних курганах, навершие и перекрестье которого утеряны (табл. IV, *2*), но форма его клинка идентична форме мечей из раскопок в Елизаветовской станице.

Здесь же следует сказать еще об одном мече, по своей длине превосходящем скифские акинаки и греческие ксифосы. Этот меч находится в Государственном Эрмитаже и выставлен в комплексе Куль-Обского погребения (табл. II, *6*). Длина его клинка (черенок отсутствует) — 0,76 м; вся длина должна была быть около 0,90 м. Меч сильно попорчен коррозией; снятый слой ржавчины сделал клинок тонким. Клинок равномерно суживается к концу, посредине прослеживается ребро; повидимому, он имел ромбовидное сечение. Точная документация о его происхождении из погребения Куль-Обы отсутствует. Если это меч не позднего сарматского типа, то ближе всего он сходен с мечом из Семибратних курганов, и тогда его присутствие в Куль-Обе может свидетельствовать о синдо-меотском влиянии, проникавшем в скифскую среду.

Большой интерес представляет меч из раскопок Т. В. Блаватской в 1951 г. синдского поселения к востоку от станицы Таманской (табл. IV, *1*). Погребение, в котором он обнаружен, надежно датируется началом V в. до н. э.: двумя чернолаковыми киликами, амфориском финикийского стекла и чернолаковой солонкой конца VI в. до н. э. В могиле находились чашечка и кувшин местного производства.

В могиле был погребен воин-синд. Кроме меча, найден вток для копья, трехгранный наконечник стрелы и точильный камень. Меч лежал в обломках поперек скелета от кисти правой руки к левой голени. Верхняя поверхность меча сохранилась очень плохо, однако другая, нижняя сторона полностью сохранила форму. Стройный, равномерно сужающийся к острию клинок, судя по расслоению металла, имел продольное ребро или бороздку. Конец клинка отбит так, что в современном состоянии длина меча — 0,66 м, полная же его длина должна была составлять 0,70—0,72 м, ширина клинка — 0,055 м. Длина рукояти от начала перекрестья до конца навершия — 0,14 м. Клинок с черенком рукояти выкован из одного куска железа, на который с обеих сторон наварены

---

[1] Из раскопок у станицы Пашковской в 1947 г. К. Ф. Смирнов. Пашковский могильник № 3, КСИИМК, XXVI, 1949, стр. 89, рис. 37, *1*.

[2] Например, из раскопок у станицы Пашковской в 1949 г., могильник № 3, погребение № 4. К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 153, рис. 48, *3*.

[3] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах...; ГИМ, № 48478, III/286, № 1.

[4] ОАК за 1896 г., стр. 124, рис. 41; М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, 1951, стр. 184—186, рис. 8, *3—4*.

симметричные пластины перекрестья и навершия, составляющие самую существенную особенность данного меча. Навершие состоит из овальных пластин, одна из сторон которых вытянута язычком в направлении рукояти. Такая форма навершия встречается впервые в Северном Причерноморье.

Перекрестье сделано в форме ласточкина хвоста. Оно аналогично перекрестью меча из станицы Елизаветовской [1], а также перекрестьям целой группы скифских акинаков из курганов IV в. до н. э. (Солоха, Куль-Оба, Чертомлык). Насколько мне известно, такая форма перекрестья еще не встречалась в скифских курганах 1-й половины V в. до н. э., и поэтому находка меча в синдском поселении под Таманью, во-первых, углубляет дату развития данной формы перекрестья, во-вторых, показывает распространенность определенных форм меча и его элементов на большой территории скифского, сарматского и меото-синдского мира. По своему боевому назначению меч, вероятнее всего, употреблялся легковооруженным пехотинцем. Близко к описанной выше форме синдского меча примыкает меч (табл. II, *5*) из хорошо датированного погребения V в. в районе Мирмекия [2]. Коррозия не дает возможности судить о деталях, однако полуовальное навершие, прямая рукоять, сердцевидное перекрестье, стройный, довольно длинный клинок (общая длина меча — 0,565 м) родственны формам предыдущего меча. Правда, нельзя сказать, было ли на нем продольное ребро.

В Феодосийском музее хранится меч (табл. II, *4*) с обломанной нижней частью клинка, означенный как случайная находка из Алушты. Этот меч почти полностью повторяет форму и размеры приведенного выше меча из Мирмекия, а формой навершия (язычок в сторону рукояти) и наличием вполне прослеживаемого продольного ребра, составленного пересечением граней клинка, очень напоминает синдский меч из раскопок синдского поселения в 1951 г.; только форма перекрестья немного отличается. Поэтому меч, обнаруженный около Алушты, следует датировать V в. до н. э. Он является промежуточной формой между двумя приведенными мечами.

К другой характерной форме мечей, наблюдаемой на Тамани в более позднее время, принадлежат мечи Буеровой могилы, в которой был захоронен не грек, а эллинизованный воин одного из соседних греческим городам Тамани племен [1]. Учитывая географическое положение и датировку Буеровой могилы III—II вв. до н. э., нельзя сомневаться в том, что в ней погребен знатный синд. Один из найденных мечей, сохранивший золотые пластинки от обкладки ножен и в основном правильно реконструированный [2], был длиной около 0,85 м; он лежал справа от костяка. Навершие рукояти образовано двумя волютами в виде птичьих голов, что чрезвычайно сближает этот меч с ранними меотосарматскими из раскопок в станице Елизаветовской. Подобный тип, видимо, был распространен, так как обкладка ножен, близких к буеровским, обнаружена в гробнице с деревянным ящиком под Анапой [3] и на мысу у Ак-Буруна под Керчью [4]. Гробница у Ак-Буруна датируется статером Лисимаха III—II вв. до н. э., как и Буерова могила. Форма ножен, прямое перекрестье мечей из Буеровой могилы чрезвычайно близки и раннесарматским мечам Заволжья и Чкаловской области (Прохоровский курган № 1 [5]), имеющим длинное навершие в виде прямых штанг или антенн. На Кубани находки мечей, родственных раннесарматским, не единичны. Например, в станице Псебайской [6] обнаружен меч длиною 0,74 м с прямым перекрестьем и рукоятью, аналогичной рукоятям прохоровских мечей.

К. Ф. Смирнов познакомил нас с сарматским мечом подобного же типа, хранящимся в Краснодарском музее и происходящим из склепа (вероятно, III—II вв. до н. э.) у станицы Елизаветовской. Однако длина этого экземпляра (1,06 м) превышает длину мечей из Буеровой могилы. Таким образом, можно считать, что последние носят следы сильного сарматского влияния. Они, как и мечи меотоприкубанской группы IV—III вв.

---

[1] Курган № 10 из раскопок 1909 г. ИАК, вып. 35, 1910, стр. 104, рис. 9.

[2] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия 1935—1938 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 215, рис. 140.

[1] МАР, 37, стр. 46.

[2] МАР, 37, табл. III; W. Ginters. Ук. соч., стр. 49—50, табл. 23.

[3] ОАК за 1881 г., стр. VII.

[4] ОАК за 1874 г., стр. 331.

[5] W. Ginters. Ук. соч., табл. 23, *f*.

[6] ОАК за 1895 г., стр. 133, рис. 224.

до н. э., являлись переходными от греческого и скифского типов (V—II вв. до н. э.), преобладавших на Боспоре, к сарматскому типу меча, господствовавшему в последующее время. Естественно, что меотские (приазовские, таманские и прикубанские) племена, жившие в непосредственной близости с сарматскими племенами сираков и аорсов, а может быть, и родственные им, испытывали прежде всего влияние высокоразвитого сарматского военного дела и являлись проводниками сарматского влияния еще до того, как началось массовое перемещение сарматских племен на запад в III—II вв. до н. э. Эта же мысль подтверждается при изучении посадки конников Боспора [1].

Гальштатские и латенские формы мечей не оказали заметного влияния на мечи Боспора. Столь распространенный на западе латенский тип найден на юге СССР только в одном случае [2]. Этот меч (табл. IV, *б*) из Неаполя Скифского является типичнейшим мечом Ла-Тена II; появление его в Крыму, несомненно, стоит в связи с военной экспансией галатов на восток в III в. до н. э. [3], с тем, что галаты в III—II вв. до н. э. служили наемниками в армиях ряда эллинистических государств.

* * *

Сопоставляя типы и формы боспорских мечей V—II вв. до н. э. с тактикой, применявшейся боспорским войском на протяжении того же периода, нужно сказать следующее.

В ранний период истории Боспора, с конца VI в. и до начала IV в. до н. э., основой боспорских вооруженных сил было пешее войско — фаланга, тяжело вооруженное и построенное по греческому образцу. Основным вооружением гоплита в фаланге, комплектовавшейся из полноправных свободных граждан боспорских городов, было два или три (а то и более) копья, меч греческого образца (ксифос или махайра), шлем, панцырь, поножи и круглый щит. Конница в этот период не играла большой роли. К середине IV в. до н. э., в связи с завоеванием ряда областей Крыма, территории меотских племен Тамани и Восточного Приазовья,— боспорское войско получило большой опыт из военных действий против местных скифских и меотских племен. Усилившееся экономическое благосостояние Боспора и ведение захватнических войн рабовладельческой правящей верхушкой Боспорского царства обусловили широкое развитие наемничества; можно решительно утверждать, что ядром боспорской армии IV—III вв. до н. э. становятся наемники, по преимуществу греческие и фракийские [1]. Но многочисленное наемное войско, необходимое в период военных действий и крупных военных столкновений, государство, сколь оно ни было богато, держать не могло. Поэтому в боспорское войско, в большом количестве, вероятно, превосходившем число наемных войск, включаются в качестве союзников скифские и меотские контингенты; последние, возможно, набирались и в принудительном порядке.

Военный опыт, полученный от столкновений с местными народами, включение в большом количестве скифских и меотских элементов, развитие наемничества изменили не только этнический состав боспорского войска, но и в значительной степени тактику, способы ведения боя. Недостаточность имеющихся сведений не позволяет нам восстановить картину изменений во всех подробностях, но основное отметить можно: это усиление роли конницы в бою, введение особой тактики, при которой предусматривается взаимодействие фаланги гоплитов и конницы, причем последняя является решающей ударной силой прорыва и преследования. Об этом свидетельствует история битвы при Фате. В. Д. Блаватский в своей статье о битве при Фате указывает на родственность такой тактики и тактики македонской армии IV в. до н. э., однако отмечает, основываясь на точном указании Диодора Сицилийского, что некоторые приемы боя боспорского войска Сатира явились заимствованием от обитателей обширных степных пространств Северного Причерноморья [2].

---

[1] В. Д. Блаватский. О боспорской коннице. КСИИМК, XXIX, стр. 99.

[2] П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя Скифского. Общее собрание Академии Наук СССР 1947 г., 1948, стр. 68, рис. 11.

[3] В декрете в честь Протогена (III в. до н. э.) есть указания на то, что галаты находились под Ольвией в III в. JOSPE, II, 32.

[1] Diod., XX, 22.

[2] В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. ВДИ, 1946, № 1, стр. 104—105.

В связи с этим понятно, почему прямой короткий греческий меч, ксифос, не нашел широкого применения на Боспоре и во всем Северном Причерноморье. Его функции выполнялись совершенными и традиционными для народов Северного Причерноморья короткими мечами (скифский акинак, меотский короткий меч, позднее сарматский короткий меч) [1]. Роль акинака в боспорском войске в период от V до конца III в. до н. э. возрастает. Находит объяснение и то, что грекофракийский меч с искривленным лезвием — махайра получил здесь большее распространение, поскольку он удобен не только для пехоты, но и для кавалерии. Относительно широкое применение махайры в Северном Причерноморье обусловлено было еще тем фактом, что защитных доспехов у местных народов было много меньше, чем у греков; рубящее оружие всегда с большим успехом используется против слабо защищенного шлемом, панцырем и поножами противника. Щит же оберегает воина в большей степени от удара колющего, чем рубящего. Однако и акинак, и махайра играли вспомогательную роль. Основным оружием тяжелой пехоты оставалось копье, а всадников — лук со стрелами и копье. Оборонительными доспехами служили шлем, щит, панцырь и поножи, но для конницы эти доспехи в полном наборе применялись меньше. Они были, по всей вероятности, достоянием только отборной конницы, являвшейся ближайшим окружением военачальника и служившей ударной группой.

Как использовались меотские воины в армии Боспора — сказать трудно. Однако известно из рассказа Диодора Сицилийского, что меоты имели сильную как конницу, так и пехоту. Вооружена меотская конница была, нужно полагать, подобно скифской, с той разницей, что в первой употреблялся короткий меотский меч типа мечей из Пашковского могильника или елизаветовских. Находки акинаков на Тамани говорят о том, что в период V—III вв. до н. э. меото-синдское население Тамани в границах Боспорского государства широко использовало и скифский акинак. Что касается меотских пехотинцев, то они, повидимому, составляли легкую пехоту, вооруженную копьями, мечом средних размеров, луком со стрелами и, вероятно, щитом. Металлические шлемы, панцыри и поножи у них были распространены слабее, чем у конников. Необходимо отметить значительное количество чешуйчатых панцырей в могильнике у станицы Елизаветовской.

В III в., а возможно и в IV в. до н. э., роль легкой пехоты в Боспорской армии возрастает. К этому времени со всею силою сказались слабые стороны греческой фаланги, особенно в военных действиях в Крыму, на широких просторах Приазовья и Северного Причерноморья против скифов и других народов, имевших свою оригинальную тактику и боевые построения, связанные с рассыпным и расчлененным строем. На это указывает и появление в III в. до н. э. на Боспоре овального щита, никогда в Греции не употреблявшегося гоплитами-фалангитами. Под влиянием тактики скифов, меотов и других народов, в войсках которых огромное значение имела конница, греческая фаланга на Боспоре в III в. приобретает большую маневренность и расчлененность.

3. МЕЧИ I В. ДО Н. Э.—II В. Н. Э.

С I в. до н. э., а возможно, и во II в. до н. э. в Боспорском государстве, в частности в Пантикапее, появляются мечи новой формы, резко отличающиеся от прежних греческих и скифских и генетически связанные с меото-прикубанскими и мечами, найденными в Буеровой могиле, в частности. Начиная с I в. до н. э., и особенно в I—II вв. н. э., т. е. в период расцвета Боспорского государства, мечи боспорцев представляют поразительное единообразие при редко встречающихся отклонениях. В этот период можно отметить два типа мечей: 1) короткий меч-кинжал (с кольцевым навершием) и 2) длинный меч, чаще всего без перекрестья, с навершием в виде

[1] Несомненным является преобладание короткого меча в период V—II вв. до н. э. В отчете о раскопках в Керчи в 1861 г. (ОАК за 1861 г., стр. V) упоминается «у бедра длинный железный меч в обломках». Погребение датируется по вещам лежащего рядом женского скелета IV—III вв. до н. э. В данном случае длина меча, видимо, была исключительной, поскольку в отчете указывается, что «скелет (мужской) был необыкновенного роста», или это был длинный меч меотского типа.

различной формы большой пуговицы из полудрагоценных камней, стекла и других материалов.

Оба типа мечей, распространенных в Пантикапее и на Боспоре вообще, в развитой форме имелись у сарматских племен Поволжья, где они прошли длительную эволюцию, став характерным элементом сарматской культуры в целом, что убедительно показано К. Ф. Смирновым в его работе, посвященной изучению материальной культуры сарматов [1]. Между тем А. Кушева-Грозевская, Эберт и др. [2] относят появление длинного меча у сарматов к III в. н. э., считая этот тип заимствованным из позднелатенских форм, переработанных в Пантикапее и отсюда перешедших к сарматам; появление короткого меча с кольцевым навершием Эберт [3] датирует I—III вв. н. э. на основании изображений подобных мечей на надгробиях. Однако археологические данные говорят о более ранней датировке того и другого типа мечей. Меч с кольцевым навершием, изображенный на гробнице Антиоха I в Каммагене [4] и относящийся к I в. до н. э., очень близок изображениям на пантикапейских надгробных рельефах, что может быть объяснено проникновением сарматских форм меча в Переднюю Азию.

Обе формы меча были распространены также у сарматов Придонья и Кубанской области, однако мечи с этих территорий еще недостаточно изучены. Во всяком случае необходимо указать еще раз на меч V в. до н. э., имеющий золотые ножны, с кольцевым навершием из раскопок у станицы Елизаветовской [5] (рис. 3, *2*).

Распространение сарматской культуры в Северном Причерноморье и, в частности, в Боспорском государстве исторически обусловлено. Рост производительности труда и численности населения, а также напор с востока азиатских племен,— вероятнее всего, гуннов,— в III—II вв. до н. э. способствовали внутренней консолидации разрозненных, но родственных сарматских племен, связанной с началом массового передвижения их из-за Волги и Дона на запад и юг. Сарматские племена проникают (II в. до н. э.) в Малую Азию, вторгаются в Крым, затем достигают территории современной Румынии и Венгрии, где сталкиваются с римлянами (I в. н. э.). Если прежде элементы сарматской культуры проникали в области Приазовья, Тамани и Боспора через посредство местных, преимущественно меотских племен, то теперь сарматы сами вторгаются в Приазовье, Крым, на территорию греческих городов Боспорского государства. Сарматы активно теснили скифов [1].

В то же время, в III—II в. до н. э., Боспорское государство переживает период экономического упадка, обусловившего и политическое ослабление [2]. Происходит новая перегруппировка северо-причерноморских племен, окружавших Боспор. Скифы, например, уже в IV в. до н. э. создавшие свое государство, теснимые другими народами, обосновываются в III—II вв. до н. э. в Крыму [3], угрожая городам Северного Причерноморья и особенно Боспору и Херсонесу. Сарматы становятся все более важным политическим фактором в Северном Причерноморье. Ослабление Боспорского государства приводит к тому, что в конце II в. до н. э. оно оказывается под властью понтийского царя Митридата VI Евпатора.

Бурный в истории Боспора период, связанный с усилением классовой борьбы (восстание Савмака конца II в. до н. э.), с деятельностью Митридата VI и с последующими военно-политическими событиями, приводит к еще большему ослаблению Боспорского рабовладельческого государства и завершается тем, что во второй половине I в. до н. э. Боспор попадает в некоторую политическую зависимость от Рима. В своей борьбе с Римом Митридат VI опирается на скиф-

---

[1] К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья (автореферат диссертации). МГУ им. М. В. Ломоносова. Доклады и сообщения исторического факультета, вып. 5, М., 1947, стр. 78—79.

[2] А. Кушева-Грозевская. Один из видов сарматского меча. Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1929, т. III, стр. 166; M. Ebert. «Südrussland». Reallexicon der Vorgeschichte, Bd. 13, § 91.

[3] M. Ebert. Ук. соч., § 91.

[4] W. Ginters. Ук. соч., табл. 25 и 26.

[5] См. выше; ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210.

[1] Diod., II, 43; Luc. (Лукиан Самосатский). Tox., 42 = SC, I, стр. 553 и сл.

[2] В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 298—299.

[3] П. Н. Шульц. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму. «Советский Крым», Симферополь, 1946, вып. 2.

ские и сарматские племена [1], вызывая даже недовольство греческого населения Пантикапея [2]. Все более частыми становятся военные столкновения сарматов с Боспорским государством, причем, в отличие от времени Спартокидов, правящая рабовладельческая группа отказывается от широкого применения наемной вооруженной силы и предпочитает организовать оборону, используя, главным образом, коренное население боспорских городов. Причины отказа от наемничества, помимо изменения социально-экономической базы государства, возможно, были вызваны опасениями рабовладельческой верхушки Пантикапея и других городов Боспорского государства, созданными восстанием под руководством Савмака.

Уже во II в. до н. э. в пантикапейском некрополе появляются черты, родственные сарматским погребениям нижнего Поволжья [3].

С I в. до н. э. начинается процесс сарматизации Боспорского государства, настолько активный, что в первые века нашей эры оно превращается в «своеобразную амальгаму, в которой уже не было четко различимых групп греческого и негреческого населения» [4]. Особенно ярко выступает сила этого процесса сарматизации [5] в некоторых царских погребениях римского времени; например, в сюжетах росписи и инвентаре гробницы, открытой А. Б. Ашиком в 1841 г. [6], в Стасовском склепе, обнаруженном в 1872 г. [7], в инвентаре подкурганного погребения на Глинище, раскопанного в 1837 г. [8], и т. д.

Характерно большое количество оружия, конской сбруи, а иногда и целых остовов лошадей, находимых в боспорских погребениях [9], что свойственно сарматским обычаям. На боспорских надгробных рельефах появляются изображения пеших и, особенно, конных воинов в сарматском вооружении. Мы видим картину интенсивной военизации жизни населения Боспора, что вполне соответствует тревожному, полному военных столкновений, времени.

Наибольшее количество оружия в могилах падает на I—II вв. н. э. Число находок оружия I в. до н. э. невелико, что объясняется незначительностью количества известных нам погребений этого времени.

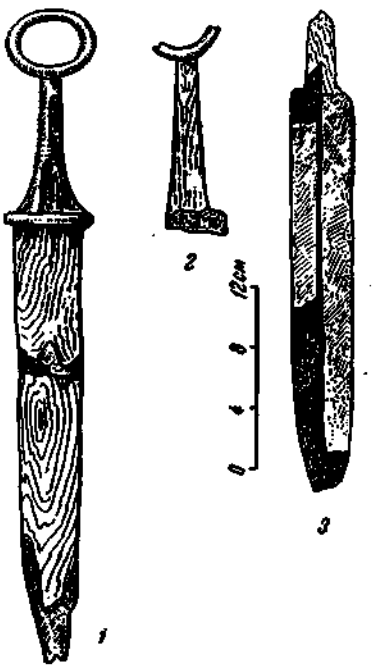

Рис. 5. Мечи из Керченского музея

1, 2 — с кольцевым навершием; *3* — короткий меч.

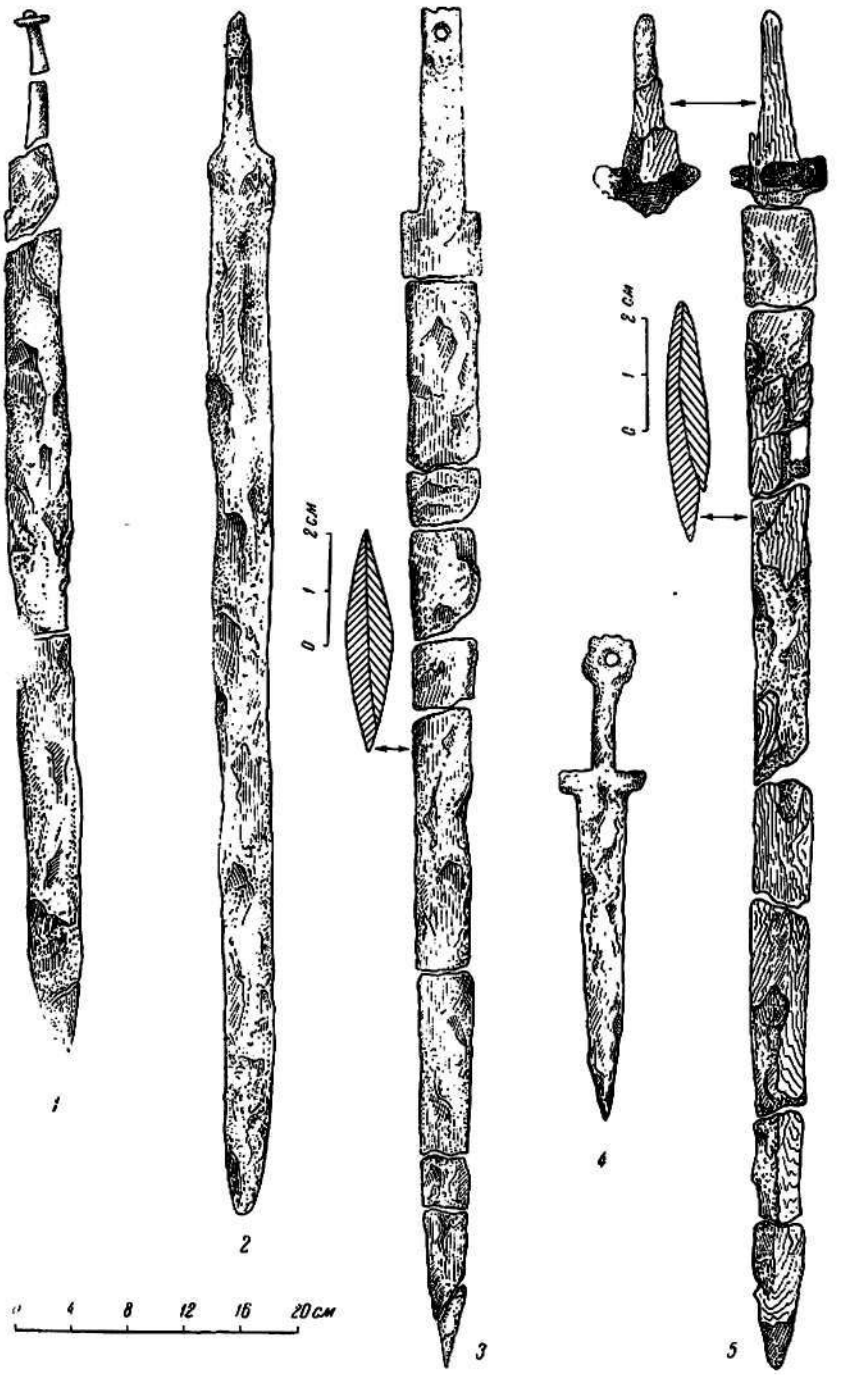
Главным наступательным оружием сарматов, наряду с копьем, луком и стрелами, был меч. Поэтому мечи сарматского образца широко распространяются на Боспоре в эпоху I в. до н. э.— II в. н. э.

Короткий меч (с кольцевым навершием). Короткий меч, по преимуществу имевший кольцевое навершие, известен нам из раскопок в Пантикапее (табл. V, *4*) [1]. Его форма идентична ряду сарматских мечей, в частности экземпляру из раскопок могильника

[1] Appian. Mithr., 102, 108 (ВДИ, 1948, № 4, стр. 280—283).
[2] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 309.
[3] Г. А. Цветаева. Ук. соч., стр. 73—74.
[4] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 413.
[5] Там же, стр. 425.
[6] АДЖ, стр. 346—375.
[7] АДЖ, стр. 293—345.
[8] ДБК, стр. 13.
[9] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 425.

[1] Arch. Anz., 1914, рис. 27; W. Ginters. Ук. соч., табл. 25, *e*. В Керченском музее имеется меч (рис. 5, *1*) с кольцевым навершием хорошей сохранности длиною 0,42 м, с остатками дерева от ножен на клинке. Там же хранится рукоять подобного меча, кольцо которого сохранилось только частично (рис. 5, *2*).

Таблица V

Мечи I в. до н. э.—IV в. н. э.

1 — из некрополя Фанагории (I в. до н. э.); *2* — из некрополя Фанагории (I — II вв. н. э.); *3* — из некрополя Тиритаки (II—III вв. н. э.); *4* — из Керчи; *5* — из некрополя Фанагории (III — IV вв. н. э.), могила № 50, восточная камера (мечи хранятся: *1*, *3*, *5* — в ГМИИ, *2* — в ГИМ).

Кара-Оба, М. Узень [1]. К этому типу, видимо, относился меч (I в. н. э.) из раскопок В. В. Шкорпила в 1902 г. в Керчи [2], 0,61 м длиной, лежавший в могиле справа от костяка. Широкое распространение короткого меча с кольцевым навершием на Боспоре подтверждается многочисленными изображениями всадников, вооруженных таким мечом, типичным для сарматского вооружения, на пантикапейских надгробных рельефах [3] I—II вв. (табл. IV, 7). Подобных мечей известно более 40; из них более 20 — из Поволжья, около 10 — с Кубани, 7 — с Украины, 4 — из степного и горного Крыма, несколько из Керчи, один из Ольвии. Некоторые исследователи (Эберт и др.) неправильно датируют их I—II вв. н. э., тогда как на основании изучения археологических памятников появление этого типа мечей у сарматов можно датировать II—I вв. до н. э. [4] На Боспоре наибольшее распространение они получили в I—II вв. н. э. и к концу II в. исчезают.

Тип короткого сарматского меча с кольцевым навершием, известный нам по археологическим находкам и по изображениям на пантикапейских надгробных стелах, сравнительно однообразен: клинок обоюдоострый, немного суживающийся к острому концу, причем более резкое сужение дается в последней трети длины клинка. Сечение клинка подобно двояковыпуклой линзе; продольного ребра нет; черенок рукояти почти круглый или — чаще — овальный в сечении; к концу черенка приварено кольцо навершия; перекрестье — прямое, в виде двух полос металла, охватывающих пяту клинка с обеих сторон. Рукоять обкладывалась деревом, возможно, костью либо металлом или обматывалась ремнем. Длина мечей колеблется от 0,40 до 0,65 м, судя по сарматским экземплярам, что соответствует размерам мечей, изображенных на боспорских надгробиях. На пантикапейских надгробных рельефах мечи кажутся иногда более короткими, но по изображению точно определить их длину нельзя. По надгробным рельефам можно видеть, что меч с кольцевым навершием носился на правом бедре, прикрепленный ремешками, охватывающими бедро, как показано

Рис. 6. Деталь мраморной статуи из Анапы (I — II вв. н. э.) с изображением короткого меча.

на статуе I—II вв. из Анапы (находящейся в Государственном историческом музее; рис. 6), на медных литых статуэтках, найденных в Молотовской области (бывшей Пермской губернии) у деревни Сапогово [1]. Этот способ прикрепления, в деталях еще не выясненный, был удобен при верховой езде. Положение мечей в сарматских могилах справа у бедра погребенного также подтверждает этот способ ношения. На рельефах гробницы

[1] Раскопки Саратовского государственного университета, Нижневолжская экспедиция 1950 г.

[2] ИАК, вып. 9, могила № 518.

[3] Kieseritzky-Watzinger. Griechische Grabreliefs..., № 599, 600, 606, 619, 627, 657, 675 и др.; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, рис. 64.

[4] Если учесть меч из раскопок А. А. Миллера у станицы Елизаветовской (ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210), то эта дата должна быть отодвинута в V в. до н. э.

[1] ЗУОЛЕ, т. XXXII, вып. 2, 1913, табл. 1 и 2.

Антиоха I в Каммогене меч с кольцевым навершием показан висящим справа на ремне [1].

Ножны коротких мечей трудно восстановить в деталях, так как в гробницах они почти не сохранились, кроме незначительных остатков, найденных в Сусловском могильнике. По материалам из сарматских могил известно, что ножны изготовлялись из дерева и, возможно, покрывались кожей. На пантикапейских надгробиях изображены ножны двух видов: 1) ножны, повторяющие форму клинка, т. е. несколько суживающиеся книзу; 2) прямоугольные, имеющие одинаковую ширину от низа до верха (табл. IV, 7). В обоих случаях в верхней части сделаны прямоугольные боковые лопасти, как бы продолжающие прямоугольное устье.

Ножны некоторых мечей имели такие же лопасти и в нижней части, как изображено на надгробном рельефе из Керченского историко-археологического музея или на терракотовой статуэтке всадника из Сирии [2]. Возможно, что лопасти-выступы имели функциональное назначение и служили для пристегивания меча к бедру.

Короткий сарматский меч, несомненно, близок скифскому акинаку, на что указывал уже В. Гинтерс [3]: размеры приблизительно равны (в среднем 50 см), носились они с правой стороны, подвешенными на ремне или прикрепленными к бедру, форма клинка была аналогичной, оба меча были колющими. Разница наблюдается лишь в деталях: в форме перекрестья и навершия. Среди сарматских и скифских мечей имеется ряд мечей переходной формы от скифского акинака к сарматскому мечу с кольцевым навершием. Наблюдается переход от скифского сердцевидного перекрестья через перекрестья в виде узких крыльев бабочки и в виде бруска, сломанного под тупым углом, к прямому перекрестью. Кольцо же навершия у сарматского меча было или заимствовано от минусинских кинжалов, или развилось из раннесарматских антенн [4], известных по находкам в бывшей Оренбургской губернии.

При раскопках П. Н. Шульцем Неаполя Скифского в 1946 и 1947 гг. найдены в числе прочих три меча-кинжала длиной 0,395 м, 0,37 м, 0,41 м, подобных сарматским. Два — с кольцевым навершием (табл. IV, *3, 5*), причем у одного из них, происходящего из могилы I—II вв. н. э., кольцо навершия прикреплено так, что стержень рукояти проходит сквозь две кольцевые пластинки, упираясь концом в верхнюю часть кольца с внутренней стороны. Наличие коротких мечей с кольцевым навершием в некрополе столицы скифского государства объясняется сарматским влиянием. Известно, например, что сарматское племя роксаланов еще во II в. до н. э. оказало помощь Палаку в его борьбе с войсками Диофанта [1].

Третий кинжал из раскопок П. Н. Шульца (табл. IV, *4*) навершия и перекрестья не имеет, видимо, они утеряны; поэтому мы не рискуем относить его к другому типу.

Мечи эллинистического и сарматского времени из района дельты Дона, где находился Танаис, в деталях нам плохо известны. Они сохранились в очень фрагментарном состоянии. Однако наиболее компетентный исследователь древнего Танаиса, Т. Н. Книпович, пишет, что «из мечей хорошо восстанавливается только один тип — обычный для первых веков нашей эры сравнительно короткий меч с прямой крестовиной и кольцеобразным навершием» [2].

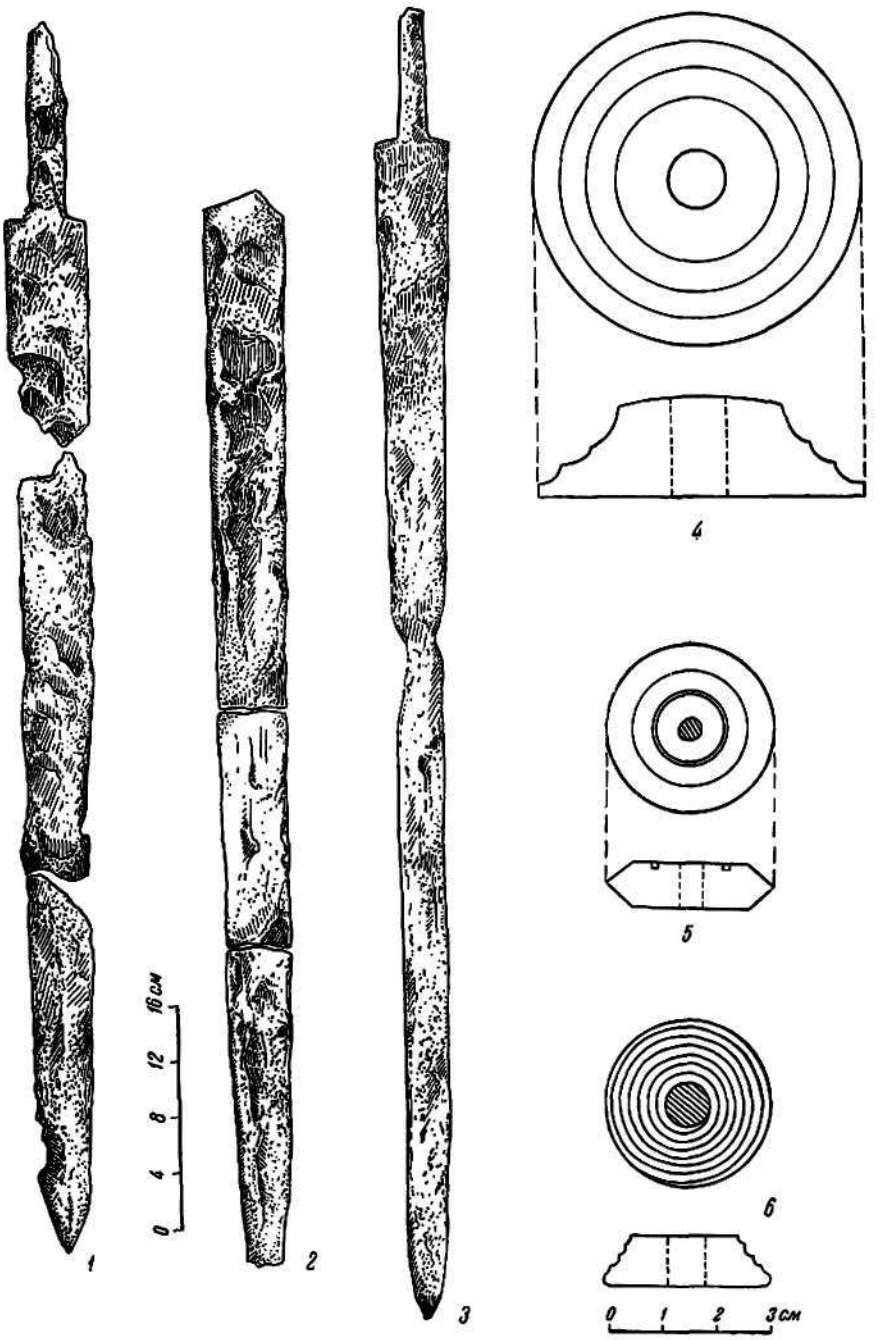
Короткий меч с кольцевым навершием являлся вспомогательным оружием, употреблявшимся подобно скифскому акинаку, как колющее оружие в ближнем бою. Он применялся, вероятно, кавалеристами, когда конникам приходилось спешиваться и вступать в рукопашную, как это изображено в сценах битвы на серебряном обкладе горита и золотом гребне из кургана Солоха. В таких случаях длинный меч был менее удобен, ибо им трудно наносить колющие удары.

В рассматриваемую эпоху в пределах Боспора встречаются мечи-кинжалы без кольцевого навершия, выполнявшие те же функции, что и мечи с кольцевым навершием. У них «пуговицевидные» и округлые навершия, подобные навершиям длинного меча. Характерным примером этого типа является меч, изображенный на мраморной статуе I—II вв н. э. из Анапы, хранящейся в ГИМ (рис. 6). Меч прикреплен ремнем неподвижно к правому бедру, имеет полусферическое навершие, прямую рукоять и прямоугольное

[1] W. Ginters. Ук. соч., стр. 59.
[2] Там же, табл. 32, *а*.
[3] Там же, стр. 56.
[4] МАР, вып. 37.

[1] Strab., VII, 3, 17.
[2] Т. Н. Книпович. Танаис, 1949, стр. 66.

Таблица VI

Мечи I—III вв. н. э.

1, 2 — мечи II в. н. э. из раскопок А. Б. Ашика в Керчи в 1841 г.; *3* — из Керчи; *4* — агатовое навершие меча из раскопок Д. Карейши в Керчи в 1842 г.; *5, 6* — навершия мечей I—III вв. н. э. из пасты (раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.).

перекрестье. Ножны его на конце несколько расширены и закруглены. Такого типа меч-кинжал, длиною 0,32 м, хранится в Керченском музее. Он не имеет перекрестья, и навершие его не сохранилось (рис. 5, *3*).

Меч с кольцевым навершием исчезает на Боспоре в конце II в.— начале III в. н. э. Однако в это время он еще употребляется в западных областях Причерноморья, куда позднее всего проникли сарматские племена. Этого рода меч, например, засвидетельствован находкой 1898 г. у Гавы в Венгрии [1], датируемой медной монетой императора Константина (306—307 гг. н. э.).

Длинный меч. Кроме короткого меча, боспорцы были вооружены длинным с «пуговицевидным», преимущественно неметаллическим навершием. Длинный меч играл несравненно бóльшую роль, чем короткий. Если в предыдущий период меч был вспомогательным оружием подобно короткому мечу I в. до н. э.— II в. н. э., то в I в. до н. э.— II в. н. э. длинный меч стал основным оружием боспорцев наряду с копьем и луком.

Форма длинного меча известна нам по находкам в некрополях боспорских городов и по изображениям на пантикапейских надгробных рельефах. Этот тип резко отличается от известных нам форм греческих мечей, скифских и кельтских. Особенно широкое распространение длинные мечи приобретают в Прикубанье и на Боспоре в I—II вв. н. э., однако их появление на Боспоре относится к I в. до н. э., а в Прикубанье — к еще более раннему времени.

Количество длинных боспорских мечей, найденных при археологических раскопках, очень значительно, однако они почти все не опубликованы. В приложении к этой статье (мечи I в. до н. э.— II в. н. э.; стр. 182) приведены 63 находки, из которых 57 — с. Керченского полуострова и 6 — с Таманского, причем включены лишь те мечи, которые могут быть датированы; о некоторых фрагментах мы даже не можем сказать, относились ли они к типу длинного или короткого меча [2].

В приложении под одним номером упоминаются иногда два, а то и более мечей, если они найдены в одной могиле или в группе одновременных могил и при этом не могут быть дифференцированы по основным показателям, характеризующим форму. Длина мечей этого типа колеблется в основном от 0,71 до 1,12 м. Форма их однообразна.

Боспорский длинный меч характеризуется нешироким (4—5 см у его основания), едва заметно суживающимся книзу клинком с острым, но не вытянутым концом. Клинок плоский, без продольного ребра с сигарообразным или ромбовидным сечением. Перекрестье очень короткое, слабо выраженное, прямое, как это можно различить на надгробных рельефах [1]. В могилах мечи этого типа встречаются без перекрестья. Черенок рукояти выкован вместе с клинком и представляет плоский брусок, слегка суживающийся к концу, часто имеющий отверстие для пропуска заклепки, соединяющей черенок с обкладкой рукояти, например, у меча II в. н. э., найденного А. Б. Ашиком [2]. Однако оно не обязательно и у многих мечей отсутствует, например, у кубанских [3] или у меча из Фанагории, найденного в 1936 г. (раскопки В. Д. Блаватского) и хранящегося в ГИМ [4] (табл. V, *2*). Рукоять обкладывалась преимущественно деревом, костью или золотом и соответственно черенку немного расширялась книзу. К верхней части черенка приделано навершие, самая характерная деталь длинного кубано-пантикапейского меча. Оно представляет собой подобие большой пуговицы различной формы: овальной, полукруглой, граненой, шаровидной и т. д. Иногда встречаются «пуговицевидные» навершия из чистого золота, как, например, у кинжала из раскопок А. Б. Ашика [5], но обычно применялись халцедон, оникс, янтарь, дымчатый топаз, кость, стекло, паста различных цветов, алебастр, агат, серебро, дерево, обожженная глина. Пронизи-навершия нередко находили в могилах и без мечей, которые, видимо, разрушились [6] (табл. VI, *4—6*, табл. VII, *2, 3*).

[1] W. Ginters. Ук. соч., стр. 58, табл. 25, *c*.

[2] В фондах Керченского музея хранятся фрагменты нескольких десятков мечей данного типа, но документация находок утеряна.

[1] Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 631, 633, 634, 639, 640, 642, 647, 669, 670, 683, 686, 705, 725.

[2] А. Б. Ашик. Боспорское царство, стр. 49—50. Хранится в Государственном Эрмитаже. Находка 1841 г.

[3] ОАК за 1902 г., стр. 135.

[4] Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 38 (в статье В. Д. Блаватского — Отчет о раскопках Фанагории 1936—1937 гг.).

[5] А. Б. Ашик. Боспорское царство, II, § 41, 49.

[6] М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 236—238; МАР, 37, табл. 31; ДБК, I, стр. 186. В ГМИИ им. Пушкина хранятся две пронизи-навершия из раскопок В. Д. Блаватского некрополя

Иногда навершия были охвачены металлической (золотой, бронзовой, возможно, серебряной) оправой, очень часто украшались гранатами и другими каменьями различных цветов и приобретали красивый и богатый вид, как, например, навершия кинжалов из Керчи и Гурзуфа [1]. «Пуговицевидные» навершия имели просверленное отверстие, через которое они насаживались на конец черенка и закреплялись на нем заклепкой в виде шляпки, часто золотой. Нужно полагать, что все длинные сарматские мечи делались с навершиями обычного «пуговицевидного» типа; отсутствие их (например, находки из Сусловского могильника, погребение № 51, фанагорийская 1936 г. и др.) объясняется тем, что навершия были из дерева или другого, легко разрушающегося материала. Применение дерева засвидетельствовано несколько раз, например, у меча в известной находке Мессаксуди [2] и у фанагорийского (находка 1950 г., табл. V, *1*). Меч без навершия очень неудобен в употреблении и при ударе мог выскальзывать из руки. Изображение меча без навершия на сибирской бляшке [3] неубедительно, ибо с точностью утверждать отсутствие навершия нельзя. Очень трудно себе представить одновременное употребление неудобного по форме меча без навершия и более удобного для удара с навершием. Имели ли длинные мечи I в. до н. э.— II в. н. э. перекрестья? В могилах их находили без перекрестья и на этом основании большинство исследователей считает, что длинные мечи этого периода не имели перекрестья вообще [4].

Однако нужно сказать, что в битве меч без перекрестья неудобен. На надгробных пантикапейских рельефах можно различить, хотя и неясные, очертания перекрестий. Памятники сассанидского искусства, близкого по времени, дают нам примеры изображений длинных мечей, очень близких боспорским по размерам, форме и отделке, причем сассанидские снабжены прямым перекрестьем.

Позднейшие боспорские мечи III—IV вв. имеют, как правило, железные (или бронзовые) перекрестья. Применение дерева для отделки ножен, рукоятей было обычным явлением, так что возможно предположить употребление дерева и для перекрестий. Однако дерево легко разрушается, и мечи дошли до нас без перекрестий.

Из таблицы мечей I в. до н. э.— II в. н. э. (см. приложение, стр. 182—190) видно, что подавляющее большинство мечей данного типа относится к I—II вв. н. э. Поэтому чрезвычайно большой интерес представляет находка меча Фанагорийской экспедицией 1950 г. (холм «И», могила № 37), находящегося в настоящее время в ГМИИ (табл. V, *1*). Могила № 37 датируется монетой I в. до н. э., светильником и красно-лаковым кувшином эллинистического времени. К сожалению, меч найден в очень плохом состоянии. Его общая длина 0,72—0,75 м; клинок представляет обычную плоскую полосу, суживающуюся в конце и переходящую затем в острие. Черенок рукояти, почти круглый в сечении, выкован вместе с клинком и заканчивается шляпкой (диаметром в 2 см), под которой сохранились остатки деревянного навершия. Было ли перекрестье у этого меча — сказать трудно: пята клинка наиболее сильно попорчена ржавчиной. На клинке в некоторых местах хорошо сохранился тонкий слой дерева от ножен, покрытых белой грунтовкой, возможно являвшейся клеевой основой для обтягивания кожей или тканью. Меч лежал несколько необычно: рукоятью около левого плеча и клинком к левому бедру погребенного. Возможно, что меч был пристегнут к гориту.

Мы располагаем несколькими, довольно хорошо сохранившимися мечами I—II в. н. э., которые являются характерными примерами данного типа.

Уже упоминавшийся меч из Фанагории [1] относится к погребению I—II вв. н. э. (табл. V, *2*). Он сохранился в длину на 0,835 м;

Тиритаки в 1933 г. (см. МИА, № 4, 1941). Пронизи размером 0,03 м имеют «пуговицевидную» форму, одна из бело-желтого камня, другая из синего стекла с белой спиралью (Камыш-Бурун, 1933, опись № 124 и 547, табл. VI, *5—6*). Нам известны «пуговицевидные» навершия, хранящиеся в Государственном Эрмитаже (халцедоновые — П. 1894, 21; П. 1879, 4; янтарные — П. 1884, 6; П. 1862, 84; из зеленого стекла — П. 1872, 189). В экспозиции Керченского музея выставлено 9 красивых «пуговицевидных» наверший.

[1] W. Ginters. Ук. соч., табл. 27.

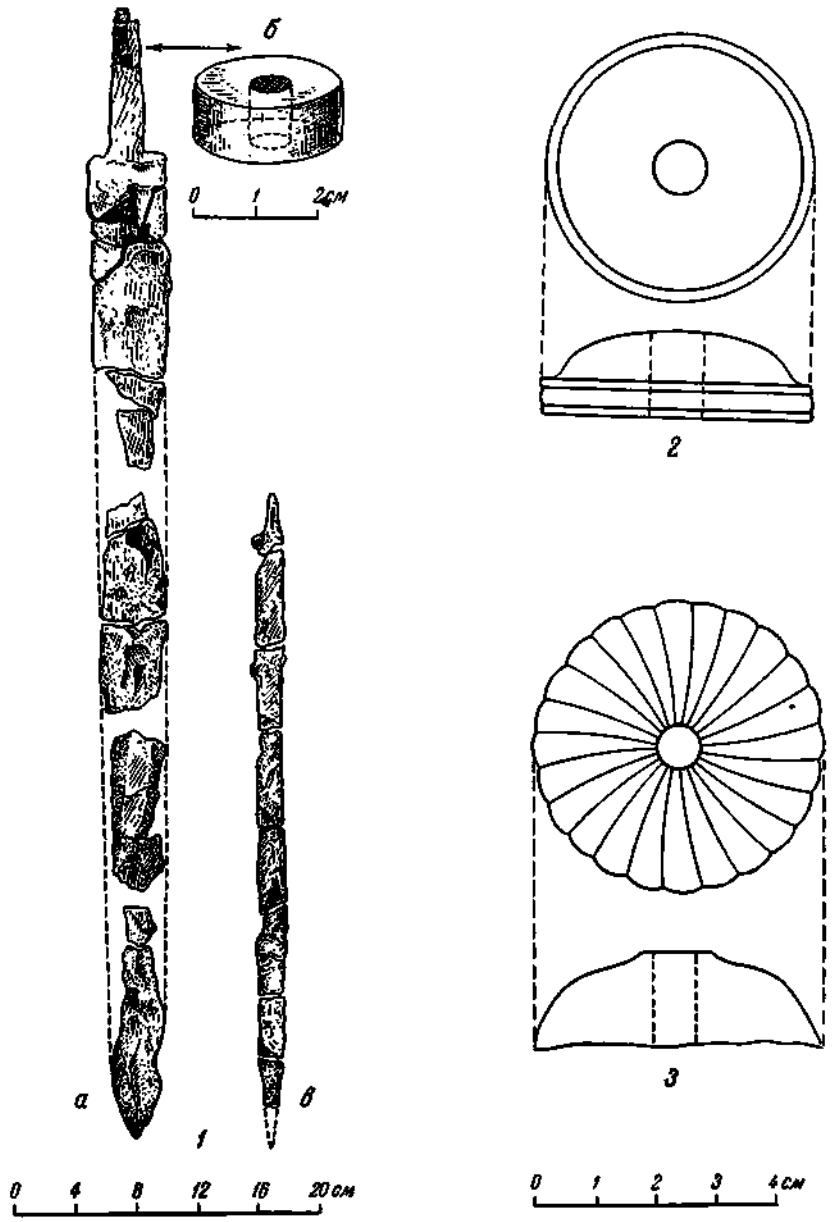
[2] W. Ginters. Ук. соч., стр. 66—68; M. Rostovtzeff. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate... Fondation Eugène Piot, XXVI. Paris, 1923.

[3] E. Minns. Scythians and Greeks, стр. 278, фиг. 201; W. Ginters. Ук. соч., табл. 32.

[4] А. Кушева-Грозевская. Один из типов сарматского меча. Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1929, т. III, стр. 164.

[1] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 36.

Таблица VII

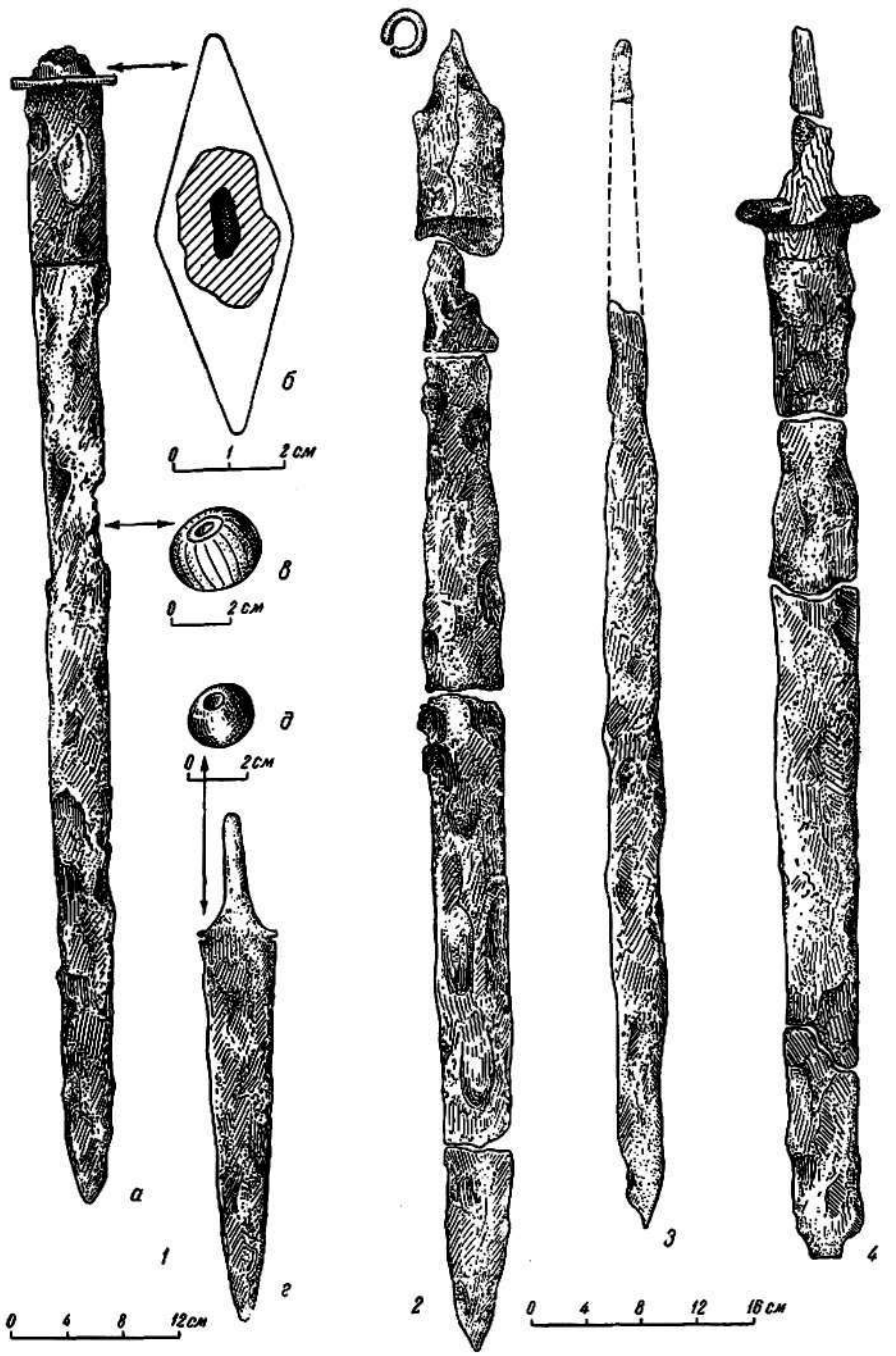
Мечи и навершия I—II вв. н. э.

1 — мечи из погребения I — II вв. до н. э. у Тузлы на Таманском полуострове: *а* — меч; *б*—навершие из белой пасты; *в* — короткий меч из того же погребения; 2— костяное навершие от меча из Керчи; *3* — янтарное навершие от меча из Керчи.

полная длина была около 0,87 м. Клинок его довольно плоский, едва заметно сужи-вающийся, в сечении округло-ромбовидной формы; перекрестья нет, в качестве навер-шия служила большая округлая бусина из темной пасты. С обеих сторон оружия со-хранились следы деревянной основы ножен. Меч лежал вдоль правой руки погребенного.

В Государственном Эрмитаже хранятся два меча из раскопок А. Б. Ашика в Керчи в

Таблица VIII

Мечи из Керчи

1 — меч и кинжал из погребения, раскопанного В. В. Шкорпилом в 1902 г.: *а* — меч; *б* — бронзовое перекрестье; *в* — глиняное навершие меча; *г* — кинжал из того же погребения; *д* — халцедоновое навершие кинжала; *2—4* — мечи III — IV вв. н. э. (раскопки В. В. Шкорпила 1904 г., могила № 179)

1841 г.[1] Оба экземпляра (табл. VI, *1*, *2*) найдены в склепах II в. н. э. Первый[2] по форме клинка аналогичен фанагорийскому, однако сечение его сигаровидное, перекрестья нет; в середине плоского черенка рукояти прямоугольное отверстие, в котором есть бронзовая заклепка для прикрепления обкладки рукояти. С обеих сторон клинка сохранились остатки деревянной основы ножен. Меч лежал «подле правой руки»; видимо, будучи вложен в руку погребенного. Датируется могила оттиском монеты Марка Аврелия (172—173 гг. н. э.)[3] на золотом венке.

От второго меча[4], обнаруженного в соседнем саркофаге, видимо, того же времени, что и предыдущий, сохранился только клинок с отбитым острием. Длина клинка — 0,76 м (без кончика), а весь меч имел, видимо, длину около метра. Он массивнее первого и в изломе ромбовидного сечения.

В ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится меч из раскопок некрополя Тиритаки в 1934 г.[5] (табл. V, *3*). Склеп, где он найден, датируется II—III вв. н. э. Однако, судя по форме, меч вероятнее можно датировать II в. н. э., ибо мечи III в. н. э., как правило, снабжались металлическими перекрестьями. Длина обнаруженного экземпляра 0,95 м. Клинок, шириною у пяты 0,05 м, стройный, обычной формы, округло-ромбовидного сечения, разломан на куски. Перекрестья и навершия нет. В плоском, довольно широком черенке рукояти, длиною 0,14 м, сделано круглое отверстие, и в нем бронзовая заклепка, как у меча из раскопок А. Б. Ашика 1841 г. Однако заклепка расположена в самой верхней части черенка и, возможно, служила для прикрепления одновременно обклада рукояти и навершия. Обклад был из дерева, остатки которого хорошо сохранились. Меч лежал у кисти левой руки захороненного.

Полную аналогию описанным выше мечам представляет меч из раскопок 1845 г. в Керчи, хранящийся в Эрмитаже (табл. VI, *3*). По своей форме и размерам он особенно близок фанагорийскому из раскопок 1936 г. (длина 0,91 м). Нужно заметить, что некоторые расхождения в длине не служат указанием на расхождение в типе, так как длина в рамках одного типа могла быть разной в зависимости от роста владельца меча. По аналогии этот экземпляр нужно датировать I—II вв. н. э. В античном отделе Государственного Эрмитажа имеется еще несколько близких этому типу мечей, паспорта которых утеряны.

Меч данного типа обнаружен в 1951 г. Синдской экспедицией при раскопках И. Б. Зеест погребения I—II вв. н. э. в камере № 2 склепа № 3 у Тузлы на Таманском полуострове (табл. VII, *1*). К сожалению, находка плохой сохранности; клинок сильно разрушился, но его верхняя часть со стержнем рукояти полностью сохранила свою форму. Меч без перекрестья, на стержне рукояти — остатки дерева от обкладки, прикрепленной железной заклепкой, сохранившейся в отверстии стержня. Навершием служила сделанная из белой пасты пуговица в форме низкого цилиндра с отверстием для черенка рукояти (табл. VII, 1 *б*). Длина меча достигала 0,75—0,80 м, ширина клинка у рукояти — 0,045 м. Вместе с этим длинным мечом найден короткий узкий меч-кинжал (длина — 0,40 м, не считая отломанного кончика, ширина — около 0,02 м), на котором сохранились остатки дерева от ножен.

Довольно точное изображение длинного меча разбираемого типа можно видеть на надгробии Газурия из Херсонеса II в.[1], где представлено полное вооружение воина: горит с луком, копье, поножи, греческий шлем, овальный щит и длинный меч в ножнах; у меча — прямое перекрестье и «пуговицевидное» навершие.

Интересную разновидность представляет меч из раскопок В. В. Шкорпила 1902 г. в Керчи[2] (табл. VIII, *1*). Размеры его: длина — 0,80 м, ширина у перекрестья — 0,05 м. По форме он соответствует прочим длинным мечам этой эпохи, однако имеет тонкое бронзовое перекрестье, строго ромбическое в сечении, насаженное на пяту клинка; черенок отбит; в верхней части клинка проходит

[1] А. Б. Ашик. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, ч. II, стр. 49—50, § 38, 41. Размеры, указанные Ашиком (1 арш. 2 вершка и 1 арш.), несколько не сходятся с размерами тех же мечей, хранящихся в Гос. Эрмитаже. Это несоответствие могло произойти вследствие того, что мечи разломаны на куски.

[2] Гос. Эрмитаж, 684, П. 1841-42.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 412.

[4] Гос. Эрмитаж, 685, П. 1841-52.

[5] М. М. Кобылина. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. МИА, № 4, 1941, стр. 82, склеп № V (могила 8).

[1] JOSPE, I², 471; ОАК за 1872 г., стр. 26, рис. 23.

[2] ИАК, вып. 9, отчет В. В. Шкорпила за 1902 г., склеп № 181. Меч хранится в ГИМ, № 43970.

резко отграниченная линия менее коррозированной части клинка, шириною 12 см, как след не сохранившейся бронзовой верхней оправы ножен. При мече найдена глиняная пронизь в виде несколько уплощенного шарика размером 3×2 см, служившая навершием. В той же могиле обнаружен короткий меч-кинжал длиною 0,35 м, с подобным же навершием из халцедона, и железный умбон с рукояткою от не сохранившегося щита. Длинный меч может быть отнесен к II—III вв. н. э. Он представляет как бы переходную форму к мечам III—IV вв. н. э., в оправе которых бронза применялась чаще. Мечи с бронзовым перекрестьем встречаются и в сарматских погребениях.

Следует отметить особенность меча-кинжала из приведенного комплекса: в пяте клинка имеются вырезы с обеих сторон для закрепления перекрестья. Нам известны еще три подобные находки — одна из раскопок А. Б. Ашика в 1840 г. в Керчи на Глинище (рис. 7, *1*) [1], другая хранится в Феодосийском музее (рис. 7, *2*) и третья (рис. 7, *3*) происходит из Туапсинского округа [2]. Эти три меча-кинжала хранятся вне комплексов, однако по аналогии с описанным выше экземпляром из раскопок В. В. Шкорпила в 1902 г. их следует отнести ко II—III вв. н. э.

Длинный меч был преимущественно кавалерийским оружием — обоюдоострым и рубящим, и не случайно, что на пантикапейских надгробиях он, за редким исключением, является принадлежностью всадника. Однако, судя по одному из надгробных рельефов [3] и росписи склепа 1872 г., описанного В. В. Стасовым [4], он применялся и пехотинцами. Длинный меч с «пуговицевидным» навершием носили слева, пристегнутый ремнями к поясу. Ремень, на котором висел меч, соединял с поясом ножны, а не рукоять, как полагал М. И. Ростовцев [5]. Пояс и «портупея», служившие для подвешивания, нередко обшивались бронзовыми или золотыми бляшками, составляя металлический поясной набор [6]. Иногда меч носили через правое плечо на «портупее», как можно видеть на одном из надгробных рельефов середины I в. н. э. [1]. Нужно отметить, что на надгробии Феогена [2] «портупея» длинного меча, примкнутого к гориту с луком с левой стороны, проходит через левое же плечо.

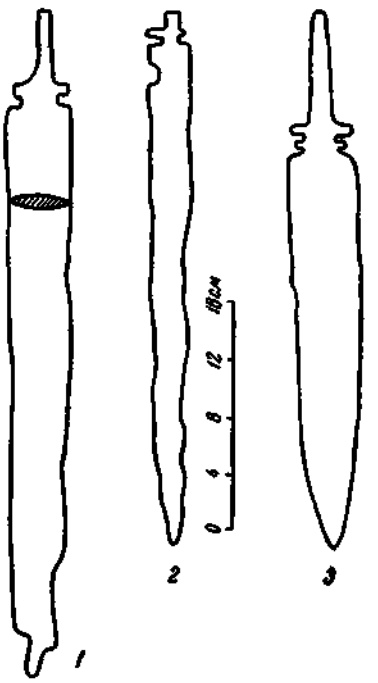

Рис. 7. Короткие мечи

1 — из Керчи (раскопки А. Б. Ашика на Глинище в 1840 г.); *2* — из Феодосийского музея; *3* — из-под Туапсе.

В походном положении длинный меч носили пристегнутым к гориту рукояткой на уровне плеча всадника, что составляет особенность боспорской системы снаряжения. Такая система прикрепления требовала пряжек и колец. Пряжки (из бронзы, железа, серебра), как правило, встречаются в могилах рядом с мечами. Восстановить, в каком именно месте пряжки соединяли ремни, на которых висел меч,— трудно.

С ножнами ремень соединялся, вероятно, находимыми в могилах [3] скобами из полудра-

---

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже, П. 1840-56.
[2] ОАК за 1897, стр. 83, рис. 202.
[3] Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 631.
[4] ОАК за 1872 г., табл. IX; E. Minns. Ук. соч., стр. 317.
[5] М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 238.
[6] ИАК, 25, стр. 58, мог. 189; ОАК за 1874 г., стр. XI.

[1] JOSPE, II, 219; Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 232.
[2] Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 669.
[3] W. Ginters. Ук. соч., табл. 28, стр. 68—72; А. Кушева-Грозевская. Один из типов сарматского меча. Известия Нижневолжского института краеведения. Саратов, 1929, т. III, стр. 159—167.

гоценного камня — халцедона, нефрита, жадеита. Несколько таких скоб хранится в Историческом музее и Государственном Эрмитаже [1]. М. Ростовцев [2] неправильно истолковал эти находки как перекрестье меча или ножен. Халцедоновая скоба, обнаруженная при раскопках П. Рау, позволила правильно определить назначение других скоб как петель, прикрепляемых в верхней части ножен на треть длины от верха. Через прорезь скобы проходил ремень для подвешивания. На некоторых керченских надгробиях можно также различить подобные скобы для подвешивания [3]. Мы знаем изображение на серебряной вазе, найденной в Молдавии, где у греческого меча на ножнах имеется подобная скоба [4].

Известно также употребление скоб на ножнах поздних латенских мечей. Однако ножны эти были металлические и, как правило, очень длинные. У нас нет оснований усматривать латенское влияние в применении каменных скоб у боспорских ножен. Применение их на Боспоре, вероятно, является результатом восточного влияния. Такие скобы из нефрита и жадеита известны в Китае в эпоху династии Хань (206 г. до н. э.— 200 г. н. э.) [5].

Несколько скоб найдено в Приуралье, на территории Молотовской области (б. Пермской губернии) и в Поволжье [6]. Все ли ножны длинных мечей были снабжены скобами — сказать нельзя, однако можно предположить, что часть их имела деревянные скобы по образцу каменных.

Ни одного полного экземпляра ножен длинного меча этого времени не сохранилось, но по находкам фрагментов их в погребениях видно, что они были из дерева, и, судя по изображению на надгробии Газурия, имели прямоугольное устье и покрывались геометрическим орнаментом.

В могилах длинный меч с «пуговицевидным» навершием находят как слева, так и справа от погребенного. В известных нам захоронениях I в. до н. э.— II в. н. э. положение мечей определяется в 32 случаях, из них в 19 меч лежал слева от погребенного и в 13 — справа. Положение справа от погребенного, видимо, объясняется тем, что меч клался рукоятью в правую руку или рядом с ней, символизируя готовность к бою, подобно тому, как это мы наблюдали в более ранний период; слева означает обычное положение меча у пояса.

Боспорские воины, вооруженные длинным мечом, носили также короткий меч с кольцевым навершием или кинжал, что можно видеть на боспорских надгробиях, причем изображался, главным образом, именно короткий меч-кинжал с кольцевым навершием. Но есть случаи [1], когда изображали короткий меч с круглым массивным навершием. Находки в могилах дают нам в большинстве случаев кинжал не с кольцевым, а «пуговицевидным» навершием, подобным навершиям длинных мечей и имеющим такие же украшения из камней.

Таков, например, известный меч-кинжал из раскопок А. Б. Ашика в 1841 г. в Керчи в склепе № 1 у Пирамидального холма, относящийся уже к III в. н. э. Его длина без рукояти — 0,25 м. Клинок его имеет сечение двояковыпуклой линзы; бронзовое перекрестье строго ромбической формы представляет полную аналогию перекрестью меча ГИМ из раскопок В. В. Шкорпила. Черенка рукояти не сохранилось, но сохранилось навершие в виде пуговицы из халцедона, отделанной зелеными и красными вставками [2]. Кинжал как бы повторял форму длинного меча в миниатюре, только пропорции клинка

---

[1] А. Кушева-Грозевская. Ук. соч. Автор правильно отождествляет халцедоновую скобу из раскопок Карейши в Керчи в 1842 г., хранящуюся в Гос. Эрмитаже, с найденным в кургане около б. завода Херхеулидзева «светлым агатовым эфесом», по выражению Карейши. Таким образом, эта скоба найдена была вместе с мечом, имевшим «золотое украшение наверху ручки» (ЗООИД, т. I, стр. 610).

[2] M. Rostovtzeff. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate..., Paris, 1923.

[3] Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 647, 663.

[4] ДБК, Атлас, рис. XL, XLI.

[5] А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., стр. 166; W. Ginters. Ук. соч., стр. 73.

[6] А. Кушева-Грозевская. Ук. соч., W. Ginters. Ук. соч.

[1] Kieseritzky-Watzinger. Ук. соч., № 606.

[2] В отношении этого кинжала в литературе создалось неверное представление. Он не однажды издавался, причем всегда с круглой золотой, усыпанной сердоликами, рукоятью. (ДБК, табл. XXVII, 7; W. Ginters. Ук. соч., табл. 27, с; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 424, рис. 80; М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 246; МАР, 37). На самом деле рукоять его не сохранилась, а то, что принято за рукоять, является частью железной втулки копья, обтянутой золотым листом и украшенной сердоликами.

были изменены: он, естественно, короче; длина кинжала колеблется от 0,35 до 0,40 м. Иногда встречаются мечи-кинжалы с «пуговицевидным» навершием и меньших размеров [1], тогда как мечи с кольцевым навершием достигают длины 0,50—0,60 м. На Кубани длинные мечи также сопровождались кинжалами с кольцевым или «пуговицевидным» навершием [2]. Эти две формы короткого меча или кинжала сосуществовали в период I в. до н. э.— II в. н. э., что доказывается одновременным изображением их на гробнице Антиоха I в Каммагене и на пантикапейских надгробиях. Из нашей таблицы (см. приложение, стр. 182—190) видно, что только в 15 случаях мечи сопровождаются кинжалами, однако отсутствие последних при других мечах скорее можно объяснить разрушением кинжалов, что вполне возможно при плохой сохранности железных предметов, или невниманием археологов, которые иногда писали в отчетах вместо «кинжал» — «железный нож».

Весьма сомнительно изображение всадника с длинным, кривым, подобным позднейшей сабле, клинком в склепе Амфистерия [3]. Неожиданность и единичность этой формы оружия, имеющего к тому же очень развитый эфес, с перекрестьем, столь поразительна, что становится ясной ошибка Ф. И. Гросса [4] при передаче формы меча, на которую он не обратил должного внимания при недостаточной сохранности изображения. Внушает сомнение и передача положения меча, слишком сдвинутого вперед, так что всадник левой рукой держит одновременно поводья и меч. Нужно полагать, что изображен был обычный боспорский длинный прямой меч с «пуговицевидным» навершием.

Без надлежащего изучения сарматских погребений вопрос о генезисе длинного меча не может быть решен. М. Ростовцев и В. Гинтерс усматривали иранское происхождение его, П. Рау исходил из западных, позднелатенских типов. Оба мнения недостаточно обоснованы. Длинный меч переходит на Боспор от сарматов, у которых эта форма существовала на протяжении всей их истории, начиная с VI—IV вв. до н. э. Длинный боспорский меч, как и другое вооружение боспорцев этого времени (тяжелый чешуйчатый панцырь, лук, длинное копье, короткий меч с кольцевым навершием), находят полную аналогию в сарматских погребениях Поволжья. Длина сарматских мечей (0,70 до 1,15 м), форма клинка и навершия, отсутствие перекрестья и способы ношения — все эти элементы соответствуют и боспорским мечам.

Предположение о том, что длинный меч перешел из Пантикапея к сарматам (Эберт, А Кушева-Грозевская), неосновательно потому, что в Боспорском государстве до I в. до н. э. не знали длинных мечей, в то время как у сарматов эта форма была традиционной, имеющей самобытное, длительное развитие. От сарматов тип длинного меча, подобно типам других предметов вооружения, распространился прежде всего в Прикубанье и оказал влияние на развитие синдомеотских мечей, ибо некоторые из них (из Буеровой могилы) имеют общие черты с прохоровским мечом [1]. Из Прикубанья в I в. до н. э., в связи с движением сарматских племен и общим усилением их влияния, длинные мечи распространились в пределах Боспорского государства и главным образом в Пантикапее, где они в I—II вв. становятся основным наступательным оружием. Одновременно, вместе с движением сарматских племен, длинный меч проникает еще далее на запад, через украинские степи, оказывая влияние на форму мечей западных народов, и римское войско с конца II в. н. э. вооружается спатой, представляющей в своей основе длинный сарматский меч. Дион Хризостом, побывавший в Ольвии в 100 г. н. э., отмечает, что жители Ольвии носили на поясе большой меч [2].

Форма длинного меча, заимствованного от сарматов, на Боспоре усовершенствуется в декорировке, что в свою очередь оказывает влияние на мечи сарматов. Навершия в виде различного рода пуговиц, пронизей, бусин, шляпок, изготовленных из полудрагоценных камней, стекла, золота, пасты и т. д. и украшенных цветными драгоценными каменьями, развились на Боспоре. Подобный тип наверший был несвойствен сарматским мечам в период до I в. до н. э.

[1] ИАК, вып. 9, отчет В. В. Шкорлила, могила 383.
[2] М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 562; МАР, 37, табл. № 5.
[3] ОАК за 1878—1879 гг., стр. 5—10, Атлас, табл. I; АДЖ, стр. 173, табл. LI.
[4] АДЖ, стр. 173

[1] МАР, 37, стр. 48.
[2] Dion. Chrys., XXXVI = SC, 1 стр. 173.

Если мы рассмотрим территорию распространения находок мечей периодов: 1) V—II вв. до н. э. и 2) I в. до н. э.— II в. н. э., то увидим, что большее количество мечей, относящихся ко первому периоду, найдено не в Пантикапее, а на периферии, в частности на Таманн, а во второй период подавляющая масса находок обнаружена в Керчи. Это указывает на усиление военизации жизни населения Пантикапея, что вполне согласуется с исторической обстановкой I в. до н. э.— II в. н. э., богатой военными столкновениями, и отказом боспорских правителей от наемничества.

4. МЕЧИ III—IV ВВ. Н. Э.

В период III—IV вв. н. э. тип длинного меча, господствовавший в предыдущие три столетия, продолжал оставаться основным, почти без изменений. Меч стал лишь массивнее и шире, в отделке рукоятей и ножен чаще стали применяться золото, драгоценные камни и эмаль. М. Ростовцев и В. Гинтерс называют стиль украшений поздних боспорских мечей «готским стилем», между тем ничего типично «готского» в нем нет. Все элементы этого стиля имелись в предыдущие три столетия, а отдельные элементы, например, применение эмали для украшения оружия, восходят к VI—V вв. до н. э. Особенности мечей III—IV вв. н. э. появляются в результате развития типа меча, согласующегося с еще большей сарматизацией всей жизни Боспора, проявившейся, в частности, в увеличении роли тяжеловооруженной конницы.

Длина поздних боспорских мечей колеблется от 0,75 до 1,17 м. Форма клинка, рукояти, навершия, деревянные ножны, способ ношения — все остается прежним.

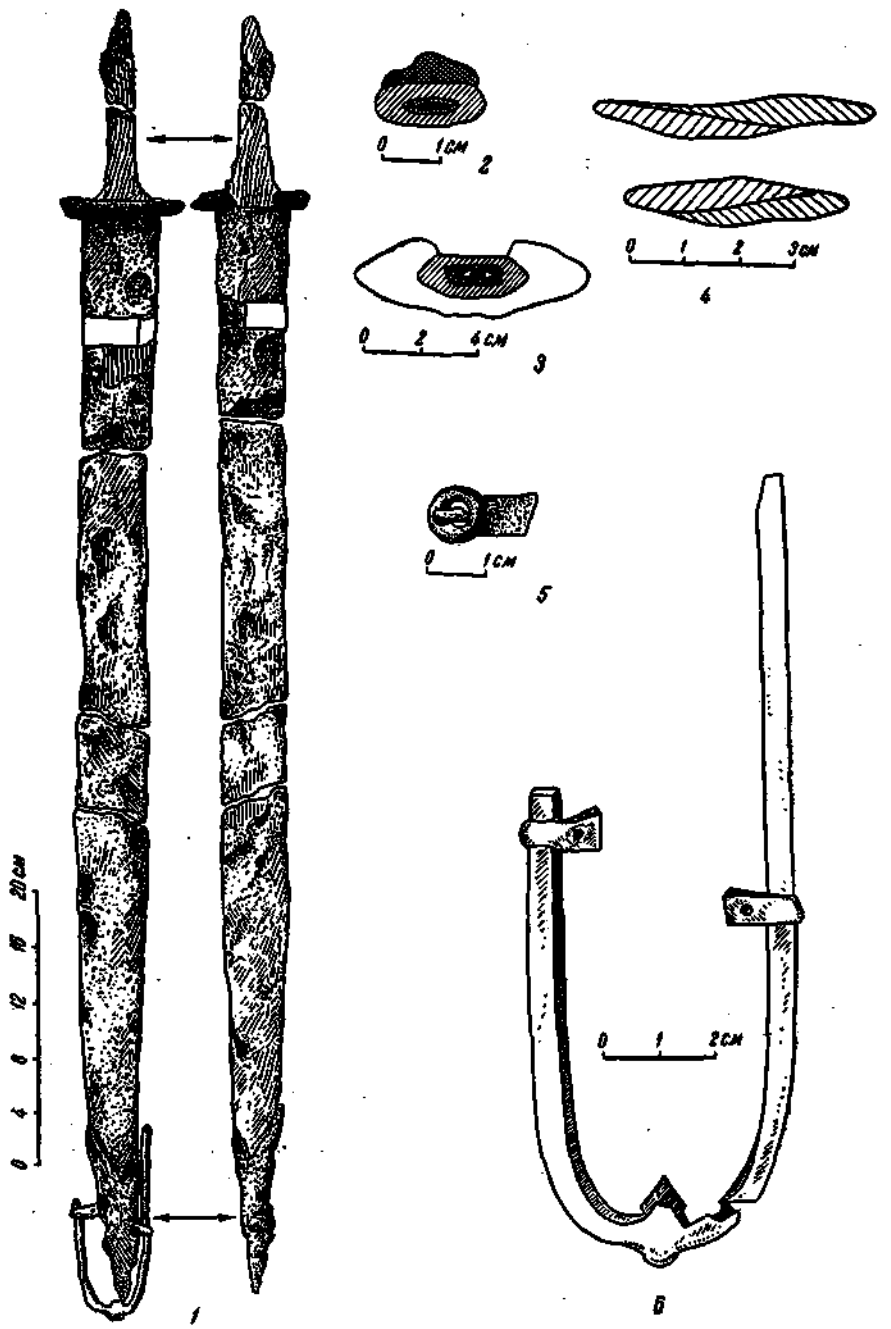
Другим отличием длинных мечей III—IV вв. н. э. от мечей предыдущих трех столетий являются наличие короткого железного или бронзового перекрестья и ромбовидное сечение клинка; в предыдущие же времена характерным было сигаровидное или плосковальное сечение. Попрежнему длинный меч сопровождался кинжалом.

Характерным примером мечей III—IV вв. н. э. являются два экземпляра, найденные в Фанагории в 1937 г. в могиле № 50 [1]. Мечи датируются комплексом погребального инвентаря IV в. н. э. Один из них, обнаруженный в западной камере, наиболее характерен (табл. IX, *1—6*). Длина его клинка — 0,90 м, длина черенка рукояти — 0,14 м, ширина клинка под перекрестьем — 5,3 см. На черенке хорошо видны остатки деревянной обкладки рукояти. От навершия сохранилась изогнутая бронзовая пластинка шириной 2 см, в которую, видимо, вставлялось алебастровое навершие, найденное тут же.

Находка дает возможность представить конструкцию ножен меча. Почти по всей длине клинка сохранились деревянные полосы от обкладки ножен. В некоторых местах толщина их доходит до 4—5 мм. Волокна дерева крепкой породы мелко извиты, волнисты. По всей вероятности, была использована древесина горной крымской сосны. Основой ножен являлись две деревянные, соответствующим образом обработанные пластины. На обоих мечах сохранились остатки ткани — подкладки ножен. Фрагменты ножен из восточной камеры украшены орнаментом из ромбов. На первом мече сохранились остатки темного с лиловым оттенком бархата, обтягивавшего ножны сверху. На расстоянии 0,06 м от перекрестья имеется тонкая бронзовая пластинка шириной 0,08 м (сейчас 0,02 м; видимо, часть ее утеряна), охватывающая клинок вокруг,— это верхняя оправа ножен. Замечательно хорошо сохранилась нижняя, сделанная из бронзы, оправа, с небольшими лопастями и заклепками для прикрепления к деревянным пластинам. С внутренней стороны оправы сохранились отпечатки ткани, покрывавшей ножны. По оправе можно судить о контуре ножен, конец которых представлял тупой овал, лишь на самом кончике имеющий маленький полукруглый выступ; меч, судя по инвентарю погребения, принадлежал довольно богатому человеку. Форма меча и его отделка стройны и законченны. Найдены серебряная пряжка от пояса и 5 бронзовых пряжек; под язычком одной из них сохранились

[1] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 47, 1941. Фотография одного из мечей издана в Трудах ГМИИ им. А. С. Пушкина, см.: И. Б. Зеест. Раскопки ГМИИ до Великой Отечественной войны. Памятники искусства. Бюллетень ГМИИ им. А. С. Пушкина, № 2, 1947, стр. 9, рис. 10.

Таблица IX

Меч из Фанагории

1 — меч из некрополя Фанагории III — IV вв. н. э., могила № 50 (западная камера); *2* — разрез черенка рукоятки; *3* — перекрестье меча (вид сверху); *4* — разрезы клинка меча; *5* — бронзовая пряжка для подвешивания меча; *6* — бронзовая оправа нижнего конца ножен.

остатки ремня. Меч из восточной камеры (табл. V, *5*) аналогичен описанному; его длина — 0,97 м, клинок немного уже, конец более вытянут; бронзовой оправы ножен не обнаружено.

Полной аналогией мечу из западной камеры является меч из раскопок В. В. Шкорпила 1904 г. в Керчи [1]; длина этого экземпляра — 0,84 м. Обнаружены также и фрагменты деревянных ножен с бронзовой (нижней и верхней) оправой. Здесь же найдены бронзовые и золотые бляшки от пояса и ремня для подвешивания. Поскольку погребение не дает материала для точной датировки, мы можем, согласно этой аналогии, датировать меч и погребение III—IV вв. н. э. Скрепление ножен бронзовыми кольцами в это время было обычным. В катакомбе 165 (раскопки В. В. Шкорпила 1904 г. в Керчи) возле первого костяка встречены ножны кинжала [2], обтянутые кожей и охваченные сверху двумя бронзовыми кольцами.

В Государственном историческом музее хранятся три меча также из раскопок В. В. Шкорпила 1904 г. в Керчи [3], датируемые III—IV вв. н. э. (табл. VIII, *2*, *3*, *4*). Один из них (табл. VIII, *4*) хорошо сохранился (утерян лишь конец). Этот меч повторяет форму фанагорийских, но более массивен; его длина — 0,93 м (без утерянного конца — 0,88 м); у него короткое железное перекрестье; заметны остатки дерева от обкладки рукояти и ножен; навершие представляло собою пронизь из халцедона, найденную при мече; сечение клинка ромбовидное. Другие два меча — аналогичной формы, их длина — 0,82 и 0,77 м, однако в настоящее время они сильно попортились.

К поздним боспорским мечам относятся также два меча из могилы IV в. н. э. на Госпитальной улице, доследованной В. В. Шкорпилом [4]. На одном из них сохранилась верхняя часть золотой обкладки ножен, украшенная каменьями. Нижний край ее имеет вырез для скобы, находившейся тут же и сделанной не из камня, а из золота, и в свою очередь украшенной каменьями. Характерно, что золотых скоб, относящихся к предыдущим трем векам, не найдено. Скоба из золота является отличительной чертой украшения ножен III—IV вв. н. э. Подобные скобы найдены в 1890 г. в Керчи на Госпитальной улице [1] и в 1896 г. на Глинище [2]. В могиле, раскопанной В. В. Шкорпилом, сохранилось навершие в виде каменного кружочка, сверху имеющего золотую пластинку, украшенную агатом и гранатами. Навершие укреплено на бронзовом штыре. Рукояти обоих мечей были украшены камнями в форме ромбического параллелепипеда [3]. В Государственном историческом музее хранятся фрагменты мечей IV в. н. э. из раскопок Ю. А. Кулаковского в 1894 г. у мыса Зюк (табл. X, *1—2*).

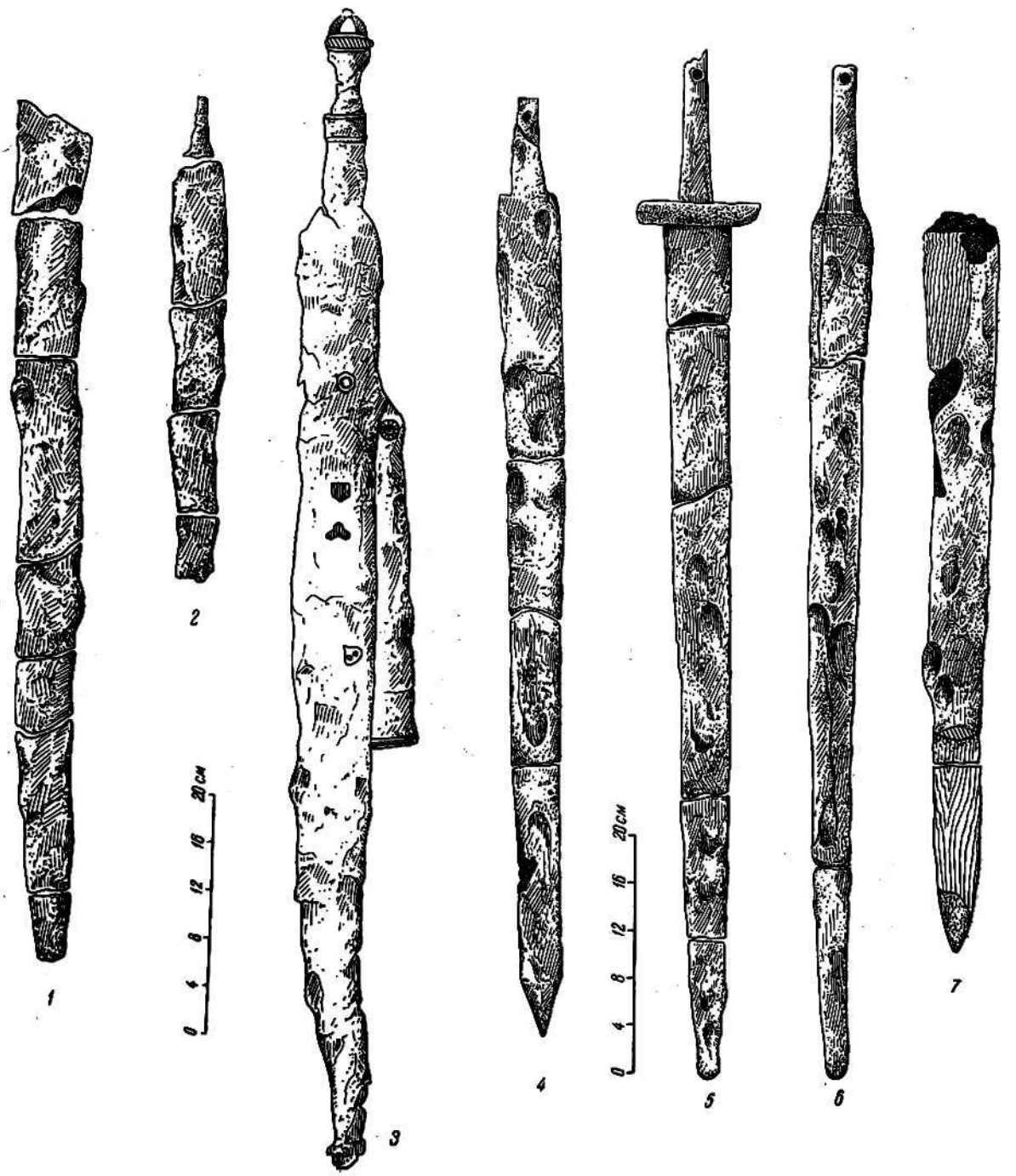
В 1896 г. Э. Р. Штерном [4] приобретены вещи из погребения начала IV в. н. э. в Керчи на Глинище. В числе их был сильно корродированный меч длиною 0,91 м (табл. X, *3*). По характеру отделки он может считаться одним из типичнейших для данного периода. Его полукруглое навершие сделано из золота, халцедона и красного стекла; рукоять была отделана золотом; у клинка, чуть повыше середины его, прикипела золотая, треугольного сечения, скоба от ножен, упомянутая выше. Эта скоба в верхней части оформлена в виде змеиной головы. На клинке также сохранились некоторые драгоценные украшения ножен. Меч найден без перекрестья, однако он настолько перержавел, что обычное для мечей III—IV вв. н. э. прямоугольное перекрестье, видимо, погибло. Здесь же обнаружена рукоять от кинжала с изящным навершием из горного хрусталя, с инкрустацией золотыми нитями и красной пастой.

В Керченском музее хранятся три длинных меча, паспорта которых не сохранились. Их длина: 1) 0,78 м (табл. X, *4*), 2) 0,86 м (табл. X, *5*), 3) 0,86 м (табл. X, *6*). Это типичные мечи сарматского периода. Первый из них — без перекрестья, в черенке рукояти железная заклепка; отличительная особенность его в том, что острие не плавно сходит к концу, а срезано с обеих сторон в форме правильного треугольника. Такое явление

[1] ИАК, вып. 25, Отчет В. В. Шкорпила о раскопках в Керчи, могила 198.
[2] ИАК, вып. 25, стр. 48.
[3] Там же, могила 179.
[4] ОАК за 1904 г., стр. 80; ИАК, вып. 17, стр. 115.

[1] J. de Baye. La bijouterie des Gothes en Russie, табл. III, *1*.
[2] ЗООИД, т. 20, 1897, табл. 1, *3*.
[3] W. Ginters. Ук. соч., табл. 31.
[4] Э. Р. Штерн. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. ЗООИД, т. XX, стр. 1—15, табл. I.

Таблица X

Мечи III — IV вв. н. э.

1 — 2 — у мыса Зюк, раскопки Ю. А. Кулаковского 1894 г. (ГИМ); *3* — с золотою скобою от ножен, из Керчи; *4 —6*—из Керченского музея; *7* — из Государственного Эрмитажа (найден при раскопках Пантикапея).

встречается впервые среди боспорских мечей. Второй экземпляр обычен для III в. и особенно IV в. н. э.: у него массивное железное перекрестье, в черенке рукояти железная заклепка. У третьего меча в черенке рукояти бронзовая заклепка, а на пяте его клинка ясно виден след, повидимому, от железного перекрестья; след этот четко определяется линией остатков дерева от обкладки рукояти, подходившей к перекрестью или прижимавшейся им. Это лишний раз говорит о том, что нахождение при раскопках мечей без перекрестья не доказывает отсутствия этой детали вообще. Все три меча следует отнести к III—IV вв.; первый, возможно, несколько более ранний.

Тем же временем следует датировать и меч [1] из Пантикапея (табл. X, 7); других сведений о нем нет. Длина его клинка — 0,62 м, черенок рукояти, ромбовидный в сечении, отбит. На пяте клинка также виден след от железного перекрестья.

Необходимо указать еще один меч [2], до сего времени мало обращавший на себя внимание исследователей, найденный возле скелетов человека и коня случайно, при выборке песка у деревни Дмитриевки б. Бердянского уезда в балке «Вольная вода». Длина его — 1 м. Он массивнее, чем мечи I—II вв. н. э. Характерной особенностью его является медная рукоять, оправленная в золотой лист и инкрустированная каменьями; навершие — «пуговицевидное», перекрестье — прямое. Устье ножен и перекрестье имеют перегородки, видимо, для заполнения эмалью. Этот меч можно датировать IV в. н. э.

В III—IV вв. н. э. отделка золотом ножен и рукоятей, применение эмали и цветных камней распространяются более широко, чем в I—II вв. н. э. [3]

Расположение мечей III—IV вв. н. э. в могилах разнообразнее по сравнению с предшествующим периодом. Из 35 случаев положение в могиле определяется лишь в 15. В 8 случаях мечи лежали слева от погребенного, причем один — вдоль костяка от головы до колена [4] и, видимо, был пристегнут к гориту, подобно тому, как изображено на пантикапейских надгробных рельефах [1]. Три меча лежали справа; один — в углу катакомбы, несколько кинжалов и мечей [2] — в тайнике у порога; один прислонен к стенке катакомбы; один — под седлом в погребении тяжеловооруженного всадника, вскрытом на Госпитальной улице [3]. Интересно отметить, что в могиле 179, обнаруженной на Шлагбаумской улице [4], три находившихся в ней меча лежали в различных положениях по отношению к погребенным: слева, справа и у стены. Этот факт свидетельствует о том, что обычай погребения допускал различное положение меча в могилах и что в III—IV вв. н. э. оно менее определенно, чем в предыдущее время.

Количество найденных в могилах III—IV вв. н. э. мечей меньше, чем в могилах I—II вв н. э.; наибольшее число находок из некрополей Пантикапея падает на вторую половину I в.— II в. н. э.

Исключением из группы мечей III—IV вв. н. э. является однолезвийный меч, длиною 0,59 м, найденный в Керчи при раскопках за Новым православным кладбищем [5]. Он датируется бронзовыми монетами Фофорса и индикацией с оттиском монеты императора Лициния, т. е. относится к первой половине IV в. Аналогий этому мечу на Боспоре III—IV вв. н. э. нет; возможно, что этот тип является переходным к позднейшей сабле, сменившей сарматские мечи в южнорусских степях. Однако обстоятельства находки вызывают сомнение в принадлежности этого меча III—IV в. н. э., так как склеп за Новым православным кладбищем был разграблен и вещи, якобы происходящие из него, приобретены случайно.

Вопрос о технике изготовления мечей, к сожалению, не привлекал внимания археологов. Он требует специальной разработки и методов исследования. Поэтому приходится ограничиваться только отдельными замечаниями, имея в виду мечи I в. до н. э.— IV в. н. э. Прежде всего необходимо отметить, что черенок рукояти и клинок всех длинных мечей этого времени выковывались из одного куска железа. Ни в одном случае не удалось

[1] Хранится в Гос. Эрмитаже. ПАН-1719.
[2] ОАК за 1904 г., стр. 123.
[3] ОАК за 1882—1888 гг., стр. VI; А. Б. Ашик. Воспорское царство, т. II, стр. 41, § 39; ДБК, табл. XXVI, 7; ИАК, вып. 25, стр. 32, могила 145.
[4] ИАК, вып. 9, Отчет В. В. Шкорпила, могила 529.

[1] Такое же положение меча в могиле встречается у сарматов. Для Боспора положение меча слева от головы погребенного до бедра наблюдалось нами в захоронениях I—II вв. н. э. (ИАК, вып. 25, стр. 14, могила 51).
[2] ИАК, вып. 25, стр. 32, могила 145.
[3] Там же, стр. 47, катакомба 165, костяк 5.
[4] Там же, стр. 54, могила 179.
[5] ОАК за 1913—1915 гг., стр. 101.

обнаружить шва между черенком и клинком, который должен был бы проявиться при разъедании железа ржавчиной. Исключение составляют только два случая: в одном — рукоять меча целиком сделана из меди [1], однако определить, как она соединялась с железным клинком, нельзя — сам меч не сохранился, а по рисунку это неясно; в другом — описывается меч IV в., у которого драгоценное навершие (эфес?) закреплялось на бронзовом штыре [2]. «Пуговицевидное» навершие крепилось на черенке с помощью металлической (бронзовой, серебряной или, чаще, золотой) заклепки, образующей шляпку, плотно прижимающую навершие к концу черенка и обкладке рукояти. Способ соединения заклепки с железным черенком точнее трудно определить. Железный черенок проходил сквозь отверстие навершия и сверху схватывался заклепкой. Обкладка рукояти закреплялась на черенке бронзовой заклепкой, проходящей в отверстие черенка, как это мы видим у меча, найденного А. Б. Ашиком в 1841 г., или у меча из раскопок 1934 г. в Тиритаке (см. выше). Но чаще всего черенок не имеет отверстия для заклепки: деревянная обкладка рукояти точно пригонялась к черенку, охватывая его кольцом, и зажималась между пятою клинка и навершием, причем на фанагорийских мечах [3] видно, что нижняя часть деревянной обкладки прижималась перекрестьем; это объясняет прочное положение деревянной рукояти на черенке и ненужность заклепки.

Процесс изготовления, видимо, шел следующим образом: на откованный вместе с клинком черенок рукояти накладывалась деревянная обкладка. Сверху надевалось отдельно выкованное перекрестье, имеющее отверстие посредине, так что оно плотно прижимало нижнюю часть обкладки рукояти к пяте клинка. Это особенно хорошо видно у меча с бронзовым ромбическим перекрестьем из раскопок В. В. Шкорпила в 1902 г. в Керчи. В других случаях перекрестье приваривалось к пяте клинка с обеих сторон. Затем закреплялось навершие, прижимавшее обкладку сверху. Обкладка рукояти дополнительно скреплялась металлическим кольцом [4] и обтягивалась кожей или плотной тканью. В том случае, когда обкладка делалась из металла (золота), она, охватывая рукоять кругом, еще более укрепляла ее положение на черенке. Клинок ковался не из одной полосы железа, а из двух, что хорошо видно в изломе большинства мечей. Техника сковывания двух полос придавала большую прочность и крепость клинку. Любопытно, что черенок рукояти имеет непрочную, ржавую сердцевину, переходящую иногда даже в пустотелость (у фанагорийского меча 1937 г.). Возможно, это являлось результатом того, что черенок ковался путем последовательного загибания расплющенной верхней части железной полосы, из которой изготовлялся весь клинок совместно с черенком. От этого черенок также получал большую прочность.

Несомненно, что боспорские мечи изготовлялись в крупнейших центрах государства, в частности в Пантикапее и Фанагории. Можно полагать, что часть мечей шла на обмен в степи и Прикубанье, с сарматами и меотами, на территории обитания которых еще не известно ни одного крупного ремесленного металлургического центра. На Боспоре имелись высокоразвитое металлургическое производство, обработка металлов, ювелирное дело, изготовление оружия [1].

Сравнительно стандартная форма длинного меча в I в. до н. э.— II в. н. э., затем в III—IV вв., переход от наемного войска к комплектованию армии из граждан боспорских городов в первые века нашей эры заставляют предположить, что в Пантикапее, наряду с частновладельческими оружейными мастерскими, существовали и государственные, царские мастерские, подобно царским заводам по изготовлению черепицы. Эти мастерские производили оружие для войска, находившегося в распоряжении боспорских правителей. Основой таких мастерских должен был быть рабский труд.

Подводя итоги нашим наблюдениям в отношении истории боспорских мечей в период с I в. до н. э. и до IV в. н. э., можно сказать следующее.

В I в. до н. э. на Боспоре происходит довольно резкая смена типов мечей и

[1] ОАК за 1904 г., стр. 123.
[2] ОАК за 1904 г., стр. 80.
[3] Труды ГИМ, вып. XVI, стр. 45, 47.
[4] ЗООИД, т. XX, табл. 1, *3*. Укрепление обкладки рукояти металлическим кольцом мы встречаем и ранее у скифских акинаков (А. В. Збруева. О датировке акинака из Луговского могильника. КСИИМК, XV, 1947, стр. 142—145).
[1] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 362.

унификация их. В период I в. до н. э.— II в. н. э. господствующим типом является длинный меч сарматского происхождения с «пуговицевидным» навершием, носимый слева, причем он сопровождается коротким мечом-кинжалом с кольцевым или «пуговицевидным» навершием, носимым справа. Оба меча, длинный и короткий, составляют вместе неотъемлемый элемент вооружения воина-боспорца. Однако форма кольцевого навершия преобладает над «пуговицевидной», как об этом можно судить по изображениям на пантикапейских надгробиях. Короткий меч с кольцевым навершием, как и почти все остальное наступательное вооружение боспорцев этого времени, по своему происхождению является сарматским. В вооружении боспорцев этого периода наблюдается усиленная сарматизация, отражающая сарматизацию всей жизни Боспора.

Оба типа меча (короткого и длинного), заимствованные вначале жителями городов Боспора от сарматских племен прикубанских областей, получили развитие в части декорировки и отделки: стали применяться «пуговицевидные» навершия, сделанные из различных материалов и обильно украшавшиеся цветными каменьями и золотом.

Унификация мечей I в. до н. э.— II в. н. э., сведение к двуединой форме вооружения мечом, отражает глубокие историко-экономические процессы, происходившие в Боспорском государстве в этот период, и отвечает наметившейся этнической и культурной нивелировке населения городов Боспора, в основе которой лежит сарматизация, сказавшаяся особенно ярко в военном деле.

Распространение на Боспоре длинного меча сарматского типа связано не только с общим влиянием сарматской культуры, но также и с изменением боспорской военной тактики.

В предыдущий период — V—II вв. до н. э.— основой боспорского войска была пехота, основной тактической единицей — фаланга, которая под влиянием военных столкновений с местными народами совершенствуется, приобретая бо́льшую маневренность. Наступательным вооружением пехотинца этого времени были копье и короткий меч. Тактика фаланги заключалась в ударе сомкнутого строя по врагу, разрыве и сокрушении неприятельского фронта и сражении в рукопашном (ближнем) бою.

В V—III до н. э. большое значение имела и конница, играя постепенно возраставшую и несравненно бо́льшую роль, чем в Греции того же времени. Основным видом наступательного вооружения боспорской конницы V—II вв. до н. э., по примеру скифской, были лук и стрелы; несколько меньшее значение имели копье и вспомогательное оружие — короткий меч, употреблявшийся кавалеристами в рукопашной схватке, особенно при спешивании. Усиление конницы на Боспоре обусловило широкое применение махайры, рубящего меча более массивного и несколько более длинного, чем скифский акинак. С конца II в.— начала I в. до н. э. тактика изменяется. Прежде всего это связано с дальнейшим, причем резким, увеличением значения конницы в системе боспорского войска, что в свою очередь обусловлено было изменением состава населения боспорских городов и влиянием высокоразвитого военного дела сарматов, конница которых была лучшей для своего времени, а поэтому оказавшей влияние на развитие конницы у многих современных сарматам народов, включая и римлян [1].

Боспорская конница с I в. до н. э.— в отличие от скифской, излюбленной тактикой которой был обстрел противника из лука [2],— сражалась преимущественно в ближнем бою. Конечно, как можно судить по изображениям на надгробиях, боспорские всадники вооружались и луком со стрелами, но лук играл теперь второстепенную роль. Отборная часть боспорской конницы — катафрактарии — была совершенно лишена лука и предназначалась исключительно для ближнего боя. Применяя в начале сражения лук со стрелами, конница наносила основной удар плотно сомкнутыми отрядами, вооруженными длинными копьями — пиками и действовавшими на прорыв, после чего начиналась завершающая рукопашная схватка, в которой длинная пика была уже бесполезной и всадник прибегал к мечу.

Рукопашный бой с коня требовал достаточно длинного меча, который теперь становился, наряду с копьем, решающим видом оружия. Однако это не устраняло

---

[1] Вегеций, 1, 20.

[2] В. Д. Блаватский. О боспорской коннице, КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 97.

необходимости иметь в известные моменты боя,— особенно в рукопашной схватке при спешивании, когда длинный меч становился неудобен,— короткий меч-кинжал. Поэтому боспорская конница I в. до н. э.— IV в. н. э. имела на вооружении как длинный, так и короткий мечи.

Тип длинного меча, сопровождавшегося кинжалом с «пуговицевидным» навершием, продолжал оставаться на Боспоре единственным и основным также в III—IV вв. н. э. Короткий меч с кольцевым навершием исчезает на Боспоре в конце II в.— начале III в. н. э. Длинный меч в этот период сохраняет все функции кавалерийского рубящего меча; благодаря увеличившейся массивности длинный меч в III—IV вв. н. э. стал еще более эффективным для конницы. Он развивается только в деталях: становится массивнее, сечение его клинка приобретает более ярко очерченную ромбическую форму. Он снабжен железным перекрестьем, в отделке его рукоятей и ножен еще шире применяются золото и цветные каменья.

Рим не оказал влияния на развитие мечей Боспора, как и на другое вооружение.

БОСПОРСКИЕ МЕЧИ

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
	МЕЧИ V—II ВВ. ДО Н. Э.							
	1. Керченский полуостров							
1	ИАК, вып. 56, отч. за 1911 г., раскопки В. В. Шкорпила, могила 19	Керчь, 3-й Кладбищенский пер.	Меч в обломках, длина 0,51 м, рукоять 0,10 м	2 железных наконечника копий, 88 бронзовых наконечников стрел с истлевшими древками	—	У правого бока	Обломки алабастриды и другой инвентарь	V—III вв. до н. э.
2	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 33	Керчь, 2-е кресло Митридата	Меч, длина 0,62 м	2 бронзовых колокольчика. Остатки ткани на рукояти и дерева от ножен	—	Справа (вдоль)	По аналогии с материалами соседних могил одного слоя (чернолаковые арибаллы)	IV—III вв. до н. э.
3	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 102	Керчь, Эспланадная ул.	Меч, длина 0,71 м, рукоять 0,13 м	Бронзовый колокольчик; 94 бронзовые и 24 железные стрелки	—	Поперек (от правой руки к левой ноге)	То же	IV—III вв. до н. э.
4	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 105	Керчь, Эспланадная ул.	Меч, длина 0,44 м	Бронзовый колокольчик возле рукояти	—	Справа (вдоль)	» »	IV—III вв. до н. э.
5	ИАК, вып. 17, раскопки В. В. Шкорпила, могила 355	Керчь, между Карантином и металлургическим заводом	Меч, длина 0,66 м, рукоять 0,14 м		—	Слева	» »	IV—III вв. до н. э.
6	ИАК, вып. 30, раскопки В. В. Шкорпила, могила 76	Керчь, зап. склоны Митридата	Меч, длина 0,67 м, рукоять 0,14 м	Пучок бронзовых втульчатых стрел	—	Вдоль тела от груди до ног	» »	IV—III вв. до н. э.
7	ИАК, вып. 30, раскопки В. В. Шкорпила 1906 г., могила 106	Мирмекий	Меч в обломках	Рукоять в форме птичьей головы с загнутым клювом	Кинжал при мече	Слева (вдоль)	Краснофигурная пелика, чернолаковое блюдо, краснофигурный и сетчатые лекифы	IV—III вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2.	3	4	5	6	7	8	9
8	ИАК, вып. 35, раскопки В. В. Шкорпила, могила 17	Керчь, южн. склон Митридата	Меч, длина 0,53 м, рукоять с двумя кольцами	Пучок медных(?) стрел	—	Слева (вдоль)	По материалам соседних могил	IV—III вв. до н. э.
9	А. Б. Ашик. Восп. царство, II, стр. 56, раскопки 1846 г.	Керчь, под Золотым курганом, на склоне горы, 1-я гробница	Меч, разломан при раскопках	Пучок бронзовых стрел	Кинжал, 31,1 см	Слева, у бедра	Чернолаковая ваза	V—III вв. до н. э.
10	Там же	Там же, 4-я гробница	Обломки нескольких мечей и кинжалов	Наконечники копий, одно большое	Кинжал	—	Расписные вазы, стригили в соседних могилах	V—IV вв. до н. э.
11	ДБК, т. I, табл. XXVII, *10*; XXVI, *2*	Керчь, Куль-Оба	Рукоять акинака и ножны	Греческий шлем, бронзовые поножи, 2 копья	—			IV в. до н. э.
12	ДБК, т. I, 1854 г., стр. XXVIII, CXLVII (план С. 5); теперь в Эрмитаже (А. Ашик)	Керчь, Карантинное шоссе	Меч-махайра, длина около 0,80 м (конец рукояти отломан)	Шлем, щит, стригиль	—	В углу могилы	Статер Лисимаха	IV—III вв. до н. э.
13	ОАК за 1862 г., стр. XI	Керчь, к юго-зап. от мечети	Меч		Кинжал	Слева	3 лекифа, 2 алабастра (М. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 193)	IV в. до н. э.
14	ОАК за 1861 г., стр. IV	Керчь, по дороге в Камыш-Бурун	Длинный железный меч в обломках	Железный наконечник копья, пучок бронзовых стрел с камышовыми древками	—	У бедра	2 лекифа с клетчатым узором, фиала черного лака из соседней гробницы	IV—III вв. до н. э.
15	ДБК, введ., стр. LXIX; LXXXIV, раскопки А. Б. Ашика, 1839 г.	Курган Мирзы Кекуватского в степи под Керчью	Рукоять акинака	Бронзовые наконечники стрел, аттический шлем, поножи	—	—	Краснофигурная пелика керченского стиля	IV в. до н. э. (2-я половина)
16	ОАК за 1862 г., стр. XVI, раскопки 1862 г., каменная гробница	Керчь, б. имение Чибечик	Железный меч в обломках	Бронзовые наконечники стрел	—	Около правой руки	Чернолаковая посуда	VI—III вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
17	ОАК за 1869 г., стр. XIV	Керчь, за Глинищем, курган	Железный меч в обломках	3 пучка бронзовых наконечников стрел с камышовыми стержнями	—	—	Расписная ваза, чернолаковая посуда. В соседней могиле монета Лисимаха	III в. до н. э.
18	ОАК за 1874 г., стр. IX, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, сев. склон Митридата, 3 катакомбы	Железные мечи в обломках	—	—	—	Чернолаковая посуда, ваза с акварельной росписью	III в. до н. э.
19	ОАК за 1874 г., стр. XII, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, сев. склон Митридата	Железный меч в обломках	—	—	В ногах	Расписная ваза	IV—II вв. до н. э.
20	ОАК за 1891 г., стр. 28, раскопки А. А. Бобринского	Там же	Большой меч в обломках	—	—	—	Чернолаковая урна-гидрия, стратиграфия	V—IV вв. до н. э.
21	ОАК за 1891 г., стр. 67, раскопки Ю. А. Кулаковского	Керчь, Глинище	Меч (в кусках)	—	—	Сбоку	2 расписных лекифа	IV—II вв. до н. э.
22	ОАК за 1875 г., стр. XXXIV	Керченский полуостров, курган у мыса Ак-Бурун	Обломки широкого меча, 0,95—0,99 м	Обломки железных лат, 5 железных наконечников копий, железные наконечники стрел	—	—	Черепки панафинейской амфоры и др. инвентарь	Конец IV в. —нач. III в. до н. э.
23	ОАК за 1876 г., стр. XX, раскопки А. Е. Люценко и Н. П. Кондакова	Курганы у Нимфея	Обломки от мечей	Бронзовый шлем, бронзовые и железные латы, наконечники стрел, железные наконечники копий	Кинжалы	—	Чернолаковая посуда	IV—III вв. до н. э
24	ОАК за 1876 г., стр. XXIII, раскопки Н. П. Кондакова	Там же, курган 2	Меч широкий с железной рукоятью	Железные наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел	—	Слева	Расписной клетчатый лекиф	IV—III вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
25	ОАК за 1876 г., стр. XIV, XV, раскопки А. Е. Люценко и Н. П. Кондакова	Курганы у Нимфея № 7 из группы в 20 курганов	Обломки железных мечей	Бронзовые шлем и чешуйчатый панцырь, 2 поножи, бронзовые наконечники стрел, наконечники копий	Кинжал	—	А. Стефани (ОАК, за 1877 г., стр., 233)	V в. до н. э.
26	ОАК за 1876 г., стр. XVII—XVIII, раскопки А. Е. Люценко и Н. П. Кондакова	Там же, последний из группы в 20 курганов	Несколько поломанных железных мечей	Железные и бронзовые чешуйки от панцыря, бронзовые наконечники стрел	Кинжал	—	Чернолаковые килики, расписной скифос	V—IV вв. до н. э.
27	ОАК за 1878—1879 гг., стр. XXVII, раскопки С. И. Веребрюсова, 1878 г.	Керчь, южн. склон Митридата, гробница 4	Железный меч	—	—	—	2 чернолаковых лекифа	V—III вв. до н. э.
28	ИАК, вып. 1, стр. 81, раскопки К. Е. Думберга, 1899 г.	Керчь, у железнодорожной станции, могила 2	Железная рукоять меча, шириною 0,044 м	—	—	—	Монета IV в до н. э.	IV в. до н. э.
29	ОАК за 1872 г., стр. XIX—XX, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, сев. склон Митридата, 2-я катакомба	Железный меч	—	—	Около левой руки	2 расписанные акварелью вазы, алабастр	III—II вв. до н. э.
30	ОАК за 1862 г., стр. XI—XII	Керчь, у мечети	Железный меч	—	Железный кинжал в деревянных ножнах	С левой стороны	3 лекифа, два алабастра	Вероятно, VI—II вв. до н. э.
31	ОАК за 1862 г., стр. XIII	Керчь, сев. склон Митридата	2 железных меча	—	—	С правой стороны	Простой глиняный кувшин, остродонная амфора с клеймом	Вероятно, IV—II вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
32	ОАК за 1863 г., стр. X	Керчь, Юз-Оба, у старых каменоломен, гробница 2	Широкий меч	Остатки деревянных ножен; остатки железного колчана с медными(?) наконечниками стрел	—	Справа	Расписная краснофигурная ваза, черлолаковая патера; монета с изображением Гелиоса над четырехконною колесницею	IV в. до н. э.
33	ОАК за 1868 г., стр. IV, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, к зап. от Митридата, 2-я каменная гробница	Железный меч, рукоять которого украшена резным накладным изображением стоящего воина из слоновой кости	—	—	—	Кувшин, миртовый венок, надгробная плита с именем Аристофана	Вероятно, IV в. до н. э.
34	ОАК за 1872 г., стр. XXI, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, Митридат, у скалистого холма, 1-я из 7 гробниц	Обломки железного меча	—	—	—	Расписная ваза с изображением состязания Посейдона с Афиною	IV в. до н. э.
35	ОАК за 1873 г., стр. XVI, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, у Долгой скалы	Обломки железного меча	Наконечники стрел и копий	—	У правой руки	Ваза с акварельной росписью	III—II вв. до н. э.
36	ОАК за 1876 г., стр. XXXVI, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, сев. склон Митридата, у Пирамидальной скалы	Обломки железного меча	Железный наконечник копья	—	—	3 лекифа, расписанные пальметками и сетчатым орнаментом	IV в. до н. э.
37	ОАК за 1889 г., стр. 12, раскопки А. А. Бобринского	Керчь, последний курган на Юз-Оба	Обломки большого широкого меча со следами деревянных ножен	25 бронзовых наконечников стрел, 10 наконечников копий с остатками древков	—	—	Алабастрида, вне склепа — обломки краснофигурного кратера	IV в. до н. э.
38	МИА, № 25, 1952, стр. 215, рис. 140, раскопки В. Ф. Гайдукевича, 1935—1938 гг.	В районе Мирмекия	Железный меч, длина 0,565 м	—	—	—	—	V в. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
			2. Таманский полуостров					
1	ИАК, вып. 57, раскопки В. В. Шкорпила, могила 210	Тамань, Тузла	Меч, длина 0,585 м	—	—	Вправо от костяка	Чернолаковый килик и простая ойнохойя	V—IV вв. до н. э.
2	Там же, могила 92	Тамань, дорога на Тузлу	Меч, длина 0,61 м, рукоять 0,11 м	2 трехгранных бронзовых наконечника стрел с боковой дырочкой	—	Поперек (от кисти правой руки до левого колена)	Чернолаковая котила	V—IV вв. до н. э.
3	Там же, могила 149	Тамань, возле Тузлы	Меч, длина 0,48 м, рукоять 0,10 м	—	—	Поперек костяка	Чернолаковые килик и чашка	V—IV вв. до н. э.
4	Там же, могила 151	Там же	Меч, длина 0,66 м, рукоять 0,14 м	Железный наконечник копья	—	Поперек (от кисти правой руки до левого колена)	Чернофигурный килик и чернолаковая чашка	V в. до н. э.
5	Там же, могила 200	Тамань, Тузла у б. хутора Кротенко	Меч, длина 0,64 м	Железный наконечник копья 0,38 м, бронзовый наконечник стрелы	—	Слева от костяка	Чернофигурный лекиф с пальметкой, чернолаковый килик, чашка блестящего червого лака	Середина V в. до н. э.
6	Там же, могила 212	Тамань, Тузла	Меч, длина 0,60 м	3 железных наконечника копий, 3 бронзовых трехгранных наконечника стрел	—	Поперек (от кисти правой руки к кисти левой)	Большой чернолаковый килик блестящего лака и чернолаковое блюдце	IV в. до н. э.
7	ИАК, вып. 56, раскопки В. В. Шкорпила, могила 54	Там же	Железный меч разрушен	4 бронзовых наконечника стрел	—	У левого бока	Обломки килика с белой облицовкой	IV—III вв. до н. э.
8	Там же, могила 61	» »	Ржавая рукоять меча	—	—	—	Чашечка ионийского типа светлокрасного лака	V в. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча, и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
9	ИАК, вып. 56, раскопки В. В. Шкорпила, могила 70	Тамань, Тузла	Железный меч разрушен	Железный плоский наконечник стрелы и 2 бронзовых трехгранных	—	Поперек, (от правой руки до левого колена)	Чернолаковый килик, чернофигурный лекиф	V—IV вв. до н. э.
10	Там же, могила 86	Там же	Железный меч разрушен	Железное копье (в ногах), бронзовая трехгранная стрела	—	У правой руки	Обломки чернолаковой котилы, лекиф с пальметками	То же
11	Там же, могила 93	» »	Обломки железного меча	Бронзовая трехгранная стрелка, железный наконечник копья	—	Поперек, (от правого локтя до левого колена)	Чернолаковые килик и чашка, аск со светлой обмазкой	» »
12	Там же, могила 98	» »	Железный меч в обломках	—	—	Между ног	Ойнохойя с желтыми полосами, алабастр из финикийского стекла	» »
13	Там же, могила 99	» »	То же	2 бронзовые трехгранные стрелки	—	Поперек (от правого локтя до кисти левой руки)	Чернолаковая котила, алабастр из финикийского стекла	» »
14	Там же, могила 108	» »	» »	8 бронзовых трехгранных наконечников стрел, 3 наконечника копий	—	Между ног	Обломки чернолакового килика	» »
15	Там же, могила 113	» »	» »	Железный наконечник копья	Кинжал	Поперек костяка	Амфориск финикийского стекла	V—IV вв. до н. э.
16	Там же, могила 118	» »	» »	—	—	Слева, у бока	Чернолаковый алабастр	IV—III вв. до н. э.
17	Там же, могила 120	» »	» »	—	—	Справа	По материалам соседних могил	IV—III вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Сопутствующее оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
18	ИАК, вып. 56, раскопки В. В. Шкорпила, могила 133	Тамань, Тузла	Железный меч в обломках	Железный наконечник копья	—	Между ног	Чернолаковые килик и сосуд с 1 ручкой, чернофигурный лекиф	V—IV вв. до н. э.
19	ИАК, вып. 57, раскопки В. В. Шкорпила, могила 160	Там же	То же	—	—	Слева	По аналогии с находками из соседних могил	Вероятно IV—III вв. до н. э.
20	Там же, могила 177	» »	» »	—	—	Поперек, от кисти правой руки к левой пятке	Чернолаковый лекиф	V—III вв. до н. э.
21	Там же, могила 181	» »	» »	—	—	Слева, у бока	Чернофигурные лекиф и килик с пальметками	VI—V вв. до н. э.
22	Там же, могила 185	Тузла, б. хутор Кротенко	» »	3 бронзовых наконечника стрел, 2 наконечника копий	—	Поперек, от кисти правой руки к левой пятке	Чернолаковый килик	V—III вв. до н. э.
23	Там же, могила 205	Тамань, Тузла	» »	Железный наконечник копья	—	Поперек, от кисти правой руки к левому колену	Чернолаковый килик хорошего лака и 2 блюдца; одно плохого лака	V—IV вв. до н. э.
24	Там же, могила 209	Там же	» »	7 бронзовых и 3 железных наконечника стрел, железный наконечник копья длиной 0,43 м	—	Справа, у бока	Чернолаковый килик и блюдце; амфора, киаф	V—IV вв. до н. э.
25	Там же, могила 219	» »	» »	—	—	Слева, от талии до пятки	Чернолаковый килик, чашка и лекиф	V—IV вв. до н. э.
26	Там же, могила 221	» »	» »	Железный наконечник копья	—	Между ног	2 чернолаковые чашечки	V—IV вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
27	ОАК за 1870—1871 гг., стр. XV, раскопки В. Г. Тизенгаузена, 1870 г.	Тамань, к востоку от Таманского залива у б.хут. Пивнева	Железный меч	Железные наконечники копий, бронзовые поножи, колчан с бронзовыми наконечниками стрел	—	Слева	Расписная ваза с изображением похищения Европы	Конец V в.—нач. IV в. до н. э.
28	Раскопки Т. В. Блаватской, 1951 г., ГИМ	Синдское поселение у станицы Таманской	Меч в обломках, но все части целы, кроме конца, длина 0,70—0,72 м	Трехгранный скифский наконечник стрелы, вток для копья	—	Поперек, от кисти правой руки к левому колену	2 чернолаковых килика, чернолаковая солонка конца VI в. до н. э., амфорчик финикийского стекла, полихромный	1-я половина V в. до н. э.
29	Раскопки В. Д. Блаватского, Фанагорийская экспедиция, 1940 г., ГМИИ им. А. С. Пушкина	Пересыпь, Тирамба, могила 5, опись 12	Акинак с сердцевидным перекрестьем, длина 0,38 м	3 бронзовых и 1 железный наконечники стрел, железный наконечник копья	—	Между бедренными костями, рукояткой у таза	Чернолаковая чашечка	IV—III вв. до н. э.
30	Там же	Там же, могила 6, опись 18	Фрагмент акинака: рукоять с сердцевидным перекрестьем и часть клинка	—	—	Между бедренными костями, посреди таза	—	IV—III вв. до н. э.
31	ОАК за 1875 г., стр. VIII, раскопки В. Г. Тизенгаузена	Тамань, Семибратние курганы, курган 2	Железные мечи в обломках	Железные копья, бронзовые наконечники стрел, остатки колчана и железных лат	—	Справа	—	V—IV вв. до н. э.
32	Там же	Там же, курган 6	Железный меч в обломках	Железные наконечники копий, обломки железных лат	—	—	—	V—IV вв. до н. э.
33	ОАК за 1876 г., стр. V (Атлас, табл. I, 7) раскопки В. Г. Тизенгаузена	Семибратние курганы (главная гробница 3-го кургана)	Серебряная рукоять махайры в виде головы грифа	Железный наконечник копья	—	—	—	V—IV вв. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
34	ОАК за 1865 г., стр. V, раскопки А. Е. Люценко	Тамань, курган Б. Близница, центр. склеп	Большой железный меч	7 длинных железных наконечников копий, бронзовый шлем, куски панциря и поножей, бронзовые наконечники стрел	Кинжал	—	—	Конец IV в.— нач. III в. до н. э.
35	К. К. Гёрц. Историч. обзор..., стр. 56 и сл., раскопки 1852 г. А. Е. Люценко и К. Р. Бегичева	Тамань, у Ахтанизовского лимана, курган 1	Железный меч в обломках	Остатки железного панциря, 100 медных и 40 железных наконечников стрел, железный наконечник копья	—	Слева	В погребениях кургана чернолаковая посуда V в. до н. э.	V в. до н. э.
36	Там же	Там же, в северной части кургана 1	Железный меч в обломках, без украшений	Бронзовые наконечники стрел	—	Справа	Чернолаковая чашечка V в. до н. э.	V в. до н. э.
37	» »	Там же, курган 2	Железный меч в обломках	Более 300 бронзовых наконечников стрел у двух скелетов, железные копья, железные панцирные пластинки	—	—	Чернолаковая чашечка	V в. до н. э.
38	К. К. Гёрц. Историч. обзор..., стр. 112, раскопки К. Р. Бегичева 1855 г.	Тамань у ст. Сенной, к сев.-вост. от горы Блевака, разрез 2	Железный широкий меч в обломках, в ножнах	Колчан с бронзовыми и железными наконечниками стрел (слева), 3 железных наконечника копий с бронзовыми кольцами	—	Поперек, от правого бедра к левой руке, немного наискось	Амфора и чернолаковая чашка (килик)	V—IV вв. до н. э.
39	АДЖ, стр. 39—40; ОАК за 1872 г., стр. X, раскопки А. Е. Люценко	Тамань, склеп на Васюринной горе	Меч (или несколько—в плохом состоянии)	Несколько наконечников копий, кинжал, обломки шлема (м. б., обшивка щита), куски панциря, несколько стрел	—	В куче, оставленной грабителями в углу	—	IV в. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
40	ОАК за 1870—1871 гг., стр. XI, раскопки 1870 г. Забелина; МАР, 37, стр. 43—46	Тамань, Буерова могила	5 мечей, длина одного 0,80—0,85 м	Обломки железной брони, 6 наконечников копий, железные наконечники стрел, бронзовый шлем	—	Справа	—	III—II вв. до н. э.
41—42	Раскопки Н. И. Репникова, 1931 г., Ленинград, ИИМК, дело № 865, опись 78, колл. 217, № 30—34	Тамань, некрополь Германассы, могила 5	2 акинака длиной 0,40—0,44 м	Железные и бронзовые наконечники стрел	—	—	Чернолаковая посуда	Конец VI в.—нач. V в. до н. э.
	МЕЧИ ИЗ РАЙОНА ДЕЛЬТЫ ДОНА V—IV ВВ. ДО Н. Э.							
1	ИАК, вып. 35, 1910, рис. 9, раскопки 1909 г., курган 10	Курганы у станицы Елизаветовской	Железный клинок меча, перержавел, но рукоять и ножны, обитые золотом, сохранились	Бронзовые наконечники стрел, медный круг диам. 0,50 м, видимо, от щита, перержавевшее железо от копья (?)	—	Поперек, от правого бока, т. е., видимо, от кисти правой руки к левому бедру	—	IV в. до н. э.
2	ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, рис. 210, раскопки 1910 г., курган 1	Там же	Железный меч, хорошо сохранился, кольцевое навершие, длина 0,58 м	В ножнах с роскошной золотой облицовкой	—	На костях таза	Керамики в могиле не было Форма могильной ямы; ориентировка (з.—в.) совпадает с большинством погребений	V—IV вв. до н. э.
3	ОАК за 1909—1910 гг., стр. 145, раскопки 1910 г., курган 5 (в Гос. Эрмитаже)	" "	Железный меч, разломан надвое, длина 0,42—0,45 м, брусковидное навершие и сердцевидное перекрестье	Железный пластинчатый панцырь; греческий шлем, 3 наконечника копий	—	„У пояса"	Греческие амфоры; ориентировка; по находкам из соседних курганов	IV в. до н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
4	ИАК, вып. 56, 1914, стр. 230, рис. 21 и 22, раскопки 1911 г., курган 6 (в Гос. Эрмитаже)	Курганы у станицы Елизаветовской	Железный меч сильно корозирован; навершие из 2 волют; общая длина 0,60 м	Остатки железных наконечников копий, бронзовые наконечники стрел	—	Справа, вдоль бедра, начиная от пояса	Краснофигурная аттическая котила; тот же тип погребения, что и в большинстве курганов у станицы Елизаветовской	Конец IV в. до н. э.
5	ИАК, вып. 56, 1914, стр. 236, рис. 34, раскопки 1911 г., курган 18	» »	Железный меч сильно проржавел, без навершия, длиною около 0,58—0,60 м	Бронзовые наконечники стрел, железные панцырные пластинки; 2 железных наконечника копий; бронзовый греческий шлем плохой сохранности	—	Посреди могилы	Амфора с клеймом, общий для прочих тип погребения	IV в. до н. э.
6	ИАК, вып. 56, 1914, стр. 244, рис. 55, 56, 57, раскопки 1911 г., курган 34	» »	Верхняя половина железного меча длиной 0,30 м, сильно проржавел, общая длина должна быть 0,55—0,60 м	У левого бедра погребенного пучок бронзовых наконечников стрел; справа от головы 2 наконечника копий, фрагменты пластинчатой брони	—	На скелете, немного слева, рукоятка лежит на ребрах груди и до таза	По аналогии с находками из соседних могил	IV в. до н. э.
7	Ginters, Das Schwert der Skythen, табл. 7, *b*; Arch. Anz., 1902, стр. 44. Находка И. Ушакова 1901 г.	В кургане около станицы Елизаветовской	Опубликованы ножны длиной 0,54 м, шириной 9,5 см	—	—	—	—	Конец VI—V вв. до н. э.
8	Раскопки 1910 г., курган 4	Там же. Хранится в Гос. Эрмитаже (Т. Е. 1910, 20)	Железный меч, длиною 0,46 м (конец обломан)	—	—	—	—	IV в. до н. э.

№ п.п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
МЕЧИ I В. ДО Н. Э. — II В. Н. Э.								
1. Керченский полуостров								
1	ИАК, вып. 17, раскопки В. В. Шкорпила, могила 179	Керчь, берег бухты	Железный меч, длина 0,74 м	Пронизь из халцедона, железная пряжка	—	Справа	Стеклянная посуда	I—II вв. до н. э.
2	Там же, могила 244	Керчь	Железный меч, длина 1,11 м (рукоять — 0,23 м)	Пронизь из халцедона, с золотой шляпкой, 2 бронзовые пряжки, 4 наконечника железных стрел	—	,,	Стертая бронзовая монета с изображением венка и литер МН	I—II вв. н. э.
3	Там же, могила 310	Там же	Железный меч, длина 1,12 м с деревянным обкладом рукояти	Деревянные ножны, навершие — кружок из оникса с позолоченной шляпкой, бронзовые пряжки, поясные наконечники	Кинжал с янтарной пронизью-навершием	Слева	—	Вероятно, I—III вв. н. э.
4	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила 51	Керчь, Почтовая дорога	Железный меч, длина 0,76 м с деревянной рукоятью	Большая пронизь из халцедона. Бронзовые пряжки у талии	—	Слева (от головы до талии)	Обломки стеклянного бальзамария, бронзовый браслет, медная монета	I—II вв. н. э.
5	ИАК, вып. 35, раскопки В. В. Шкорпила, могила 81	Керчь, Глинище	Железный меч, длина 0,81 м	Пряжка маленькая, бронзовая, и большая от пояса, деревянные ножны	—	Слева	2 монеты Савромата I (93—123 гг.)	Серед. II в. н. э.
6	ИАК, вып. 47, раскопки В. В. Шкорпила, могила 106	Керченский полуостров, Еникале, Капканы	Железный меч, длина 0,77 м	Деревянные ножны (разрушены)	—	Слева, от талии до пяток	Монета Котиса II (123—132 гг.)	Середина II в. н. э.
7	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила 189	Керчь, Глинище	Железный меч, длина 0,95 м	Янтарная большая пронизь, 2 бронзовые и 1 серебряная пряжки	Кинжал, длина 0,36 м (справа)	Слева, от бедра до пят, левая рука держит рукоятку	2 стеклянных сосуда, в соседней могиле монета Савромата I (93—123 гг.)	II в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
8	ИАК, вып. 7, раскопки В. В Шкорпила, могила 58	Керчь, Глинище	Железный меч	Бронзовая пряжка, наконечник от ремня	—	Справа	Стеклянная и краснолаковая посуда	I в. до н. э. — I в. н. э.
9	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 271	Керчь, в степи	Обломки железного меча	—	—	Справа, вдоль	Монета Савромата I (93—123 гг. н. э.)	II в. н. э.
10	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 301	Керчь, Школьный пер.	Железный меч, длина 0,76 м, ширина 0,06 м; в обломках	Бронзовая пряжка, 2 наконечника копий	Кинжал (слева)	Слева	По аналогии с соседними могилами с краснолаковой посудой	Вероятно, I—III вв. н. э.
11	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 317	Керчь, за бойней	Железный меч, длина 0,71 м	—	—	»	—	Вероятно, I—III вв. н. э.
12	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 383	Керчь, за бойней	Железный меч, длина 0,93 м	Пронизь из дымчатого топаза	Кинжал, длина 0,235 м (слева)	Справа	Монета времени от Аспурга до 38 г. н. э.	Конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.
13	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 518	Керчь, Предельная ул., 2-я Аджимушкайская ул.	Железный меч, длина 0,61 м	—	—	»	Рядом могила с монетой Котиса I; стеклянная посуда	I в. н. э.
14	ИАК, вып. 17, раскопки В. В. Шкорпила, могила 45	Керчь, Институтская ул.	Железный меч	—	—	»	Монета Котиса II (123—132 гг.)	II в. н. э.
15	Там же, могила 270	Керчь, берег бухты	Железный меч	—	—	»	Краснолаковая посуда в соседних могилах	I—II вв. н. э.
16	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила 206	Керчь, между Карантинной и Аджимушкайской ул.	Обломки меча	Пряжка и наконечник ремня	—	Слева	Монета Рискупорида I (68—92 гг. н. э.)	I—II вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
17	ИАК, вып. 30, раскопки В. В. Шкорпила, 1906 г., могила 53	Керчь, Предельная ул., Нагорная	Обломки мечей	—	—	—	Монета Котиса I	I в. н. э.
18	ИАК, вып. 30, раскопки В. В. Шкорпила, 1906 г., могила 142	Мирмекий, у бухты	Железный меч	—	—	—	Монеты Котиса и Римиталка	II в. н. э.
19	ИАК, вып. 47, раскопки В. В. Шкорпила, могила 49	Керчь, в степи у сада Пэри	Обломки меча	—	—	—	—	Вероятно, I в. н. э.
20	ИАК, вып. 1, раскопки К. Е. Думберга 1899 г., № 11	Керчь, у Нового православного кладбища	Обломки меча	—	—	—	Стеклянный сосуд	Вероятно, I—II вв. н. э.
21	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., могила 60	Керчь, близ бойни	2 железных меча в обломках	—	—	У левого бока	—	Вероятно, I—III вв. н. э.
22	ОАК за 1882—1888 гг., стр. X, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, южн. склон Митридата	Несколько мечей в земляных гробницах	—	—	—	Стеклянные сосуды и другой инвентарь сарматского времени	Вероятно, I—II вв. н. э.
23	ОАК за 1882—1882 гг., стр. XLIV, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, у Арестантской казармы	Несколько мечей из 22 гробниц	Серебряные, железные и золотые пряжки, костяной кружок — навершие меча	—	—	Инвентарь (стекло и т. д.) сарматского времени	Вероятно, I—II вв. н. э.
24	ОАК за 1882—1888 гг., стр. CLXX, раскопки Ф. И. Гросса 1887 г.	Керчь, дорога в Карантин	Железный меч	Обломок халцедона от рукоятки меча	—	—	—	I—II вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
25	ОАК за 1891 г., стр. 59—60, Ю. А. Кулаковский (ГИМ)	Керчь, Госпитальная улица, катакомба 2	2 железных меча	2 железных шлема, железные наконечник копья и обломки брони	2 железных кинжала	—	Форма шлемов, мечей, стекло, монеты Савромата II, в соседней катакомбе	II в. н. э.
26	Там же, стр. 61 (ГИМ)	Керчь «аллея курганов», катакомба	Железный меч плохой сохранности	—	—	—	Монета Савромата II	II—III вв. н. э.
27	ОАК за 1892 г., стр. 44	Керчь	Железный меч	Халцедоновый кружок — навершие меча	Кинжал	—	Золотая пластина с надписью (около середины II в. н. э.), стекло	II в. н. э.
28	ОАК за 1862 г., стр. XIV	Керчь, Глинище	Меч	Халцедоновое навершие в золотой оправе с 9 рубинами	»	Справа	—	Вероятно, I—II вв. н. э.
29	ИАК, вып. 17, раскопки В. В. Шкорпила, могила 220	Керчь	Меч, разломан	Бронзовая пряжка	—	»	Монета Рискупорида I	I—II вв. н. э.
30	ОАК за 1872 г., стр. XI	Там же	Меч	Пронизь из халцедона, серебряная пряжка, золотые планки для обкладки пояса	—	Слева	—	Вероятно, I—II вв. н. э.
31	А. Б. Ашик. Боспорское царство, II, § 41 (Гос. Эрмитаж)	Керчь, Глинище, курганы у б. завода Херхеулидзева	Железный меч, длина 1 арш. 2 вершка (по Ашику), в натуре — 0,855 м	—	—	Справа	Оттиск монеты Марка Аврелия	II в. н. э.
32	Там же (Гос. Эрмитаж)	Керчь, Глинище, в том же кургане, что и предыдущий, но в другом склепе	Железный меч, длина 1 арш. (по Ашику), в натуре — 0,75 м	—	Кинжал с навершием в виде золотого кружка с гранатом	„У пояса“	По аналогии с предыдущей находкой	II в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
33	ЗООИД, I, стр. 611—612; раскопки Д. Карейши 1842 г.	Керчь, 6-й курган у б. завода Херхеулидзева	Меч с золотым навершием	6 золотых наконечников пояса, халцедоновая скоба от ножен, обитых золотом	Кинжал, подобный мечу	—	В венке оттиск монеты Коммода	Конец II в. н. э.
34	Там же	Керчь, 6-й курган у б. завода Херхеулидзева	Меч с золотым навершием	Серебряные пряжки пояса и ножен	Кинжал	Справа, вдоль ноги	—	Конец II в. н. э.
35	ЗООИД, т. I, стр. 610, раскопки Д. Карейши 1842 г.	Керчь, у б. завода Херхеулидзева, 1-й большой курган	Меч	Агатовое навершие (Гос. Эрмитаж)	—	—	Инвентарь, аналогичный предыдущим погребениям	II в. н. э.
36	ОАК за 1872 г., стр. XIX	Керчь, склеп 1872 г.	Несколько мечей	Наконечники копий и ножи	Кинжалы	—	—	II в. н. э.
37	АДЖ, стр. 266	Керчь, Глинище, склеп 1905 г. в б. усадьбе Фельдштейна	Меч	Пряжка	У правого бедра нож (видимо, кинжал) и позолоченная пуговка	Слева, у бедра	—	II в. н. э.
38	ЗООИД, т. II, стр. 815—820, раскопки И. Бларамберга 1843 г.	Керчь, по дороге к Мирмекию. В суммарном перечислении инвентаря 33 гробниц из 17 курганов	Несколько кусков от железных мечей	Лук, стрелы, обломок панцыря, бронзовые пряжки, точильные камни; агатовая львиная лапа от навершия меча	Кинжалы, голубой камешек в золотой оправе от навершия кинжала	—	Инвентарь 33 гробниц датируется сарматским временем	I—III вв. н. э.
39	ОАК за 1866 г., стр. X	Керчь, к зап. от Митридата. В числе 36 гробниц	2 железных меча	—	—	—	То же	I—III вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
40	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила 1902 г., склеп 181 (ГИМ)	Керчь, сев. склон Митридата	Железный меч длиной 0,80 м без рукояти, с бронзовым ромбическим перекрестьем	Глиняное круглое навершие, железный умбон и рукоять от щита	Кинжал, длина 0,35 м с круглым навершием из халцедона	—	2 стакана зеленоватого стекла, 4 фибулы в виде мух	II—III вв. н. э.
41	МИА, № 4, 1941, стр. 82, М. М. Кобылина, Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г. (ГМИИ им. А. С. Пушкина)	Тиритака (Камыш-Бурун), Красная горка, склеп 5, могила 8	Меч, без перекрестья, расколот на куски, длина 0,95 м, ширина у пяты 0,05 м	—	—	Слева, рукоятью у кисти левой руки	Стеклянный бальзамарий II—III в. н. э., большой стеклянный сосуд II в н. э., стеклянный стакан	II—III вв. н. э. (скорее — конец II в. н. э.)
42	ОАК за 1863 г., стр. XII	Керчь, б. усадьба Шевальковича, группа земляных гробниц	Железные мечи, покрытые ржавчиной	Наконечники стрел, кинжалы	—	—	Погребения сарматского времени, монеты Рискупорида I, Митридата II, Котиса I, Савромата II	Вероятно, I—III вв. н. э.
43	ОАК за 1867 г., стр. IX, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, зап. сторона Митридата	Меч в обломках	—	—	—	Светильники с рельефным изображением, стеклянный витой прут, медные монеты Савромата II	Конец II в. н. э.
44	ОАК за 1870—1871 гг., стр. XIX, раскопки А. Е. Люценко 1870 г.	Керчь, Митридат, группа могил	Железные мечи	Кинжалы	—	—	Погребения сарматского времени, монеты Котиса I, Савромата II и т. д.	Вероятно, I—II вв. н. э.
45	ОАК за 1872 г., стр. XIX—XX, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, Сев. склон Митридата, 1-я катакомба	Железные мечи	Наконечники копий	Кинжалы	—	Монеты I—II вв. н. э.	I—II вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
46	ОАК за1873 г., стр. XIV, раскопки А. Е Люценко	Керчь, Сев. склон Митридата у скалистого холма, саркофаг	Железный меч в обломках	—	—	—	Медная монета Котиса I	I в. н. э.
47	ОАК за 1873 г., стр. XV, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, дорога на Аджимушкай	Длинный железный меч в обломках	Железный наконечник копья и наконечники стрел	—	—	Оттиск монеты Фраата III (парфянского)	I в. до н. э.
48	ОАК за 1881 г., стр. XV, раскопки С. И. Веребрюсова	Керчь, за Арестантской казармой	Железный меч	—	—	—	Монета Котиса I	I в. н. э.
49	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., могила 52	Керчь близ бойни	Железный меч	—	—	У левого бока	Монета Митридата VIII, 2 монеты Рискупорида I	I в. н. э.
50	ОАК, 1875 г., стр. XXVIII, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, Митридат, у Пирамидального холма, гробница 6	Железный меч в обломках	Халцедоновое навершие меча	—	—	Стеклянная посуда, в соседней могиле монета Митридата VII	Вероятно, I—II вв. н. э.
51	ЗООИД, т. III, 1853, стр. 544, гробница 21, раскопки 1852 г.	Керчь, сев. склон Митридата	Большой меч в обломках, в ножнах	—	—	Справа, у бедра	Характер всех соседних погребений сарматского времени	Вероятно, I—III вв. н. э.
52	Там же, стр. 545, гробница 23	Там же	Большой меч, длина 1 арш. 2,5 вершка (82,23 см)	—	—	У левого бока	То же	Вероятно, I—III вв. н. э.
53	Там же, стр. 548, гробница 43	» »	Меч	Наконечники стрел	—	Посреди могилы	» »	Вероятно, I—III вв. н. э.
54	ОАК за 1880 г., стр. XXIII	Керчь, Карантинное шоссе, саркофаг	Железный меч	Кубическое навершие из черного камня	—	—	Стеклянный сосуд	Вероятно, I—III вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
55	ОАК за 1882—1888 гг., стр. XLI, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, Митридат, зап. склон Пирамидального холма, саркофаг	Железный меч	Большое круглое янтарное навершие меча	—	—	Медная пантикапейская монета, стеклянный флакон	Вероятно, I—II вв. н. э.
56	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., могила 58	Керчь, близ бойни	Железный меч в обломках	—	—	У левого бока	Стеклянные флаконы	Вероятно, I—III вв. н. э.
57	ОАК за 1872 г., стр. XXI, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, Митридат, у первого скалистого холма, гробница 4 (из 7 гробниц)	Железный меч	Стеклянное навершие меча	—	—	Монета „Энбиота"	Вероятно, I—II вв. н. э.
			2. Таманский полуостров					
1	Труды ГИМ, вып. XVI, 1941 г., стр. 36 (ГИМ)	Фанагория, раскопки 1936 г., могила 19	Железный меч, длина 0,87 м	Навершие—большая бусина из темной пасты	—	Справа, вдоль руки	—	I—II вв н. э.
2	Фанагорийская экспедиция 1950 г., руководитель М. М. Кобылина (ГМИИ им. А. С. Пушкина)	Фанагория, 1950 г., холм „И", могила 37	Железный меч плохой сохранности, длина 0,72—0,75 м	Железные пряжка и нож, разрушенное деревянное пуговицевидное навершие	—	Слева, от плеча до бедра	Монета I в. до н. э., светильник и краснолаковый кувшин эллинистического времени	I в. до н. э.
3	ИАК, вып. 57, раскопки В. В. Шкорпила, могила 138	Тамань, Тузла	Железный меч, длина 0,93 м	Наконечник копья, длина 0,28 м	—	Слева у бока	Стеклянный стакан, краснолаковый сосуд	I в. н. э.
4	Синдская экспедиция 1951 г., раскопки И. Б. Зеест (ГМИИ им. А. С. Пушкина)	Тамань, Тузла, склеп 3, камера 2	Железный меч в обломках, длина около 0,75—0,80 м	Навершие из белой пасты	Узкий кинжал-меч, длина 0,40 м (кончик отломан)	В беспорядке, склеп разграблен	—	Вероятно, I—II вв. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	К. К. Гёрц. Ист. обзор..., стр. 91—93, раскопки 1853 г. К. Р. Бегичева	Тамань, ст. Сенная, к вост. от хутора Семеняки, большой курган	Обломки железного меча	Железная кольчуга из крупных колец. Золотые и халцедоновые навершие и украшение рукояти меча с гранатами, 8 бронзовых пряжек	—	—	Оттиск монеты Антонинов	II в. н. э.
6	К. К. Гёрц Ист. обзор..., стр. 21, раскопки Д. Карейши	Тамань, у станицы Титоровской	Железный меч, „длина 5 четвертей"	Шлем, навершие меча в виде шарика из халцедона	Кинжал справа, с халцедоновым навершием	Слева у руки	Стекло, золотые украшения с каменьями	I в. до н. э.—I в. н. э.

МЕЧИ III—IV ВВ. Н. Э.

1. Керченский полуостров

1	ИАК, вып. 9, стр. 62, раскопки В. В. Шкорпила, могила 436	Керчь, Предельная ул.	Длинный и широкий меч	Пронизь из халцедона, бронзовая пряжка от ремня	—	Слева	Монета Савромата III (229—232 гг.), сосуды из белого стекла	III в. н. э.
2	ИАК, вып. 9, раскопки В. В. Шкорпила, могила 529	Керчь, около цементного завода	Меч, длина 0,82 м			Слева от головы до колена	Монета Савромата II (174—210 гг.)	Конец II в. нач. III в. н. э.
3	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила (катакомба) 165, костяк 5	Керчь, Госпитальная ул.	Хорошо сохранившийся меч, длина 0,865 м, с деревянной рукоятью	2 наконечника стрел, 3 колокольчика	У других скелетов кинжалы	Под седлом	Золотая гривна на шее погребенного, стекло в обломках, венок с индикацией монеты Савромата (?), видимо, IV	Конец III в. н. э.
4	ИАК, вып 47, раскопки В. В. Шкорпила, могила 82	Корецкий хутор	Меч, длина 0,75 м, ширина 0,055 м, рукоять 0,11 м	Шарик-навершие из белой твердой массы, деревянная ручка и ножны, бронзовая пряжка	—	Слева от локтя до пят	Монета Савромата II (174—210 гг.), стеклянные сосуды	Конец II в.—начало III в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
5	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, катакомба, 154	Керчь, Госпитальная ул.	Обломки 2 мечей	Пронизь навершия, 2 наконечника копий, 11 железных наконечников стрел, железный умбон и рукоять от щита	—	В углу склепа	Оттиск монеты императора Валентиниана (364—375 гг.). Фибулы „готского стиля", стеклянная посуда	IV в. н. э. (2-я половина)
6	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила 198	Керчь, между Карантином и Аджимушкайской ул.	Меч длиною 0,84 м, в деревянных ножнах, с бронзовой оправой на конце и под рукояткой	Бронзовые пряжки, золотые пластинки от ремня и бронзовые бляхи от пояса	—	Слева	По аналогии с мечом из могилы 50, из раскопок 1937 г. в Фанагории	III—IV вв. н. э.
7	ИАК, вып. 47, раскопки В. В. Шкорпила, могила 73	Керчь, Глинище	Меч	3 бронзовые пряжечки	—	У правого бока	—	Вероятно, III—IV вв. н. э.
8	ОАК, за 1882—1888 гг., стр. V—VII, раскопки Н. П. Кондакова 1882 г.	Керченский полуостров, курган у селения Баксы	Большой железный меч с эфесом, обтянутым золотым листом		—	—	Повторное погребение в кургане. Стиль погребального инвентаря	IV в. н. э.
9—11	ОАК за 1894 г., стр. 93, Ю. А. Кулаковский (ГИМ)	Керченский полуостров, оз. Чокрак, мыс Зюк	~ железный меч — 1 арш. 2 вершка (80,01 см); железный меч—1 арш. 10 вершков (116,57 см); железный конец меча	Наконечник копья	—	—	Оттиск монеты императора Константина Великого	IV в. н. э.
12—13	ОАК за 1904 г., стр. 80	Керчь, Госпитальная (вещи скуплены из разграбленных склепов)	Меч, длина 0,87 м; меч, длина 0,99 м	Украшение ножен и рукояти из агата и граната. Навершия из крупного камня на бронзовом штыре	—	—	Оттиск монеты Савромата II и монета Констанция II	IV в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
14	ОАК за 1913—1915 гг., стр. 101	Керчь, за Новым православным кладбищем	Однолезвийный железный меч, длина лезвия 0,59 м	—	—	—	Индикация с оттиском монеты Лициния и бронзовой монетой 293 г.	Нач. IV в. н. э.
15	ДБК, табл. XXVII, 7, стр. 26—28. А. Б. Ашик, Восп. царство, II, § 39, стр. 47	Керчь, по дороге в Аджимушкай	Железный меч	Наконечник копья, нож, остатки золотой обкладки ножен и рукояти	Кинжал с золотой обкладкой рукояти и каменьями	Справа	Монета Рискупорида II (210/211—228/229 гг.)	III в. н. э.
16	М. Ростовцев. Une trouvaille de l'époque greco-sarmate, Paris, 1923	Керчь, находка Мессаксуди, 1918 г.	Железный меч, длина 0,91 м, ширина 0,05 м, кончик обломан	Навершие из 2 кружков: серебряного и деревянного с красными камнями, скоба из графита; рукоять обложена деревом и серебром	—	—	Монета императора Пупиена	Середина III в. н. э.
17	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, могила 145	Керчь, сев. склон Митридата, Госпитальная ул.	Меч, золотая обкладка от ножен	Навершия (золотое, украшенное гранатами, стеклом и халцедоновое), 9 колокольчиков позолоченных, пряжки, кольца, 2 серебряных умбона от щита	Кинжал с золотым навершием (ИАК, вып. 25, стр. 34, рис. 12)	В приямке-тайнике у порога катакомбы	Серебряное блюдо с надписью имени императора Констанция и индикация с именем императора Гордиана	IV в. н. э.
18	ИАК, вып. 25, раскопки В. В. Шкорпила, катакомба 179 (ГИМ)	Керчь, Шлагбаумская ул.	3 железных меча, длина:					
19			1) 0,82 м	—	—	Прислонен к стене	Краснолаковая (поздняя) чашечка, стеклянная посуда	III—IV вв. н. э.
20			2) 0,77 м 3) 0,93 м Концы мечей обломаны	— Пронизь из халцедона, бронзовое кольцо	—	Слева Справа —		
21	ЗООИД т. XX, стр. 1—15 (Э. Р. Штерн. К вопросу о происхожд. „готского стиля"), табл. 1	Находка в Керчи, в погребении на Глинище	Железный меч, длина 0,91 м, сильно корозирован	Навершие из золота, халцедона и красного стекла. У клинка сохранилась скоба от ножен для подвешивания меча. Золотые пряжки с каменьями	Навершие (кинжала) из горного хрусталя с инкрустацией золотыми нитями и красной пастой		Оттиск монеты Галерия Максимиана (293—311 гг.)	Нач. IV в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
22	ОАК за 1862 г., стр. XV	К зап. от Керчи, у хут. б. Баврова, саркофаг	Длинный железный меч в железных ножнах с рукоятью, украшенной 9 рубинами	10 массивных серебряных пряжек от перевязи меча	Короткий меч-кинжал с круглым навершием из янтаря	Справа	—	Вероятно, III—IV вв. н. э.
23	ОАК за 1873 г., стр. XII, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, сев. склон Митридата	Меч	—	—	—	Оттиск монеты императора Лициния	IV в. н. э.
24	ОАК за 1873 г., стр. XII, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, у Долгой скалы	Железный меч в обломках	—	—	—	Монеты Савромата III и Рискупорида V	III в. н. э.
25	ОАК за 1874 г., стр. XI, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, Митридат	То же	—	—	У левого бедра	Оттиск монеты Фофорса	Конец III в.—нач. IV в. н. э.
26	ОАК за 1877 г., стр. XIX, раскопки 1877 г. А. Е. Люценко	Керчь, у Арестантской казармы, могила 25	» »	Железные наконечники стрел	—	—	Погребения сарматского периода, в насыпи монета Савромата III	Повидимому, III в. н. э.
27	ОАК за 1878—1879 гг., стр. XXIV, раскопки С. И. Веребрюсова 1878 г.	Керчь, у Скалистого холма	Железный меч	—	—	—	Монета Рискупорида V	Конец III в. н. э.
28	ОАК за 1872 г., стр. XV, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, сев. склон Митридата	Железный меч в обломках	—	—	—	Стеклянные простые сосуды, 2 глиняные терракоты грубой работы и медная монета г. Помпейополиса	I—IV вв. н. э.
			2. Таманский полуостров					
1	Труды ГИМ, XVI, 1941, стр. 47, раскопки 1937 г., руководитель А. П. Смирнов (ГМИИ им. А. С. Пушкина)	Фанагория, могила 50, западная камера	Железный меч, длина клинка 0,90 м, черенок 0,14 м	Алебастровое навершие, 5 бронзовых пряжек и бронзовая оправа ножен	—	—	Комплекс вещей в могиле: стекло, поздний красный грубый лак	Конец III в.—IV в. н. э.

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	Там же, стр. 45, раскопки 1937 г., руководитель А. П. Смирнов (ГМИИ им. А. С. Пушкина)	Там же, восточная камера	Железный меч, длина 0,91 м (по отчету); 0,97 м (в натуре)	4 бронзовые пряжки	—	—	То же	Конец III в. —IV в. н. э.
3	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., могила 6	Таманский полуостров, у станицы Ахтанизовской	Обломки железных мечей	5 железных наконечников стрел	—	—	Одноручный сосуд из черной глины, 2 круглых бронзовых зеркала. Погребение сарматского времени	Вероятно, I—IV вв. н. э.
4	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г., могила 5	Там же	Обломки железного меча	—	—	Слева		То же
5	ИАК, вып. 2, раскопки К. Е. Думберга 1900 г. могила 2	» »	Обломки железного меча	—	—	»	Ойнохойя черной глины	» »
6	К. К. Гёрц. Ист. обзор..., стр. 113, раскопки 1855 г. К. Р. Бегичева	Тамань, ст. Сенная, к сев.-вост. от горы Блевака	Два железных меча различной длины, в обломках	—	—	У левого бедра	Стеклянная посуда	I—III вв. н. э.
7	К. К. Гёрц. Ист. обзор..., стр. 97—98, раскопки 1853 г. К. Р. Бегичева	Тамань, у ст. Сенной к вост. от хут. Семеняки, возвышенность 11, курган 2	Обломки железного меча	—	—	—	То же	I—IV вв. н. э.
	Мечи античного времени без определенной даты							
1	ОАК за 1872 г., стр. XVI, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, Митридат	Среди инвентаря 60 земляных и каменных гробниц: железные мечи, обломки шлема и нагрудника, в насыпи — наконечник копья	—	—	—	—	—

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
2	ОАК за 1873 г., стр. IX, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, Митридат, у Скалистого холма	Среди инвентаря 12 земляных гробниц — железные мечи в обломках		—	—	В 12 гробницах: 3 расписные вазы, 47 лекифов, алабастриды, стригили и т. д.	—
3	ОАК за 1874 г., стр. 5, раскопки А. Е. Люценко	Керчь, Митридат, у „Сахарной головы"	Среди инвентаря 19 земляных гробниц — железные мечи		—	—	—	—
4	Там же, стр. VI	Там же, у Долгой скалы	Среди инвентаря более 30 могил — железные мечи		—	—	Среди инвентаря встречаются расписные вазы, лекифы, алабастры, стеклянные сосуды	—
5	Там же, стр. VIII	Керчь, сев. склон Митридата	Среди инвентаря 33 гробниц — железные мечи в обломках, наконечники стрел		—	—	Встречено несколько автономных и царских пантикапейских монет	—
6	ОАК за 1878—1879 гг., стр. XXV, раскопки С. И Веребрюсова 1878 г.	Керчь, у Скалистого холма	Железный меч	—	—	—	—	—
7	ОАК за 1878—1879 гг., стр. LIX, раскопки 1879 г. С. И. Веребрюсова	Керчь, на восток от Скалистого холма	Перержавевшие мечи	Несколько наконечников стрел	—	—	—	—
8	ОАК за 1880 г., стр. XXI—XXII, раскопки Ф. И. Гросса	Керчь, к западу от Арестантской казармы	Среди инвентаря 7 гробниц — железный меч		—	—	—	—
9	ОАК за 1881 г., стр. XIII, раскопки С. И. Веребрюсова	Керчь, сев. и южн. склоны Митридата	В суммарном перечислении инвентаря многих могил — железный меч и железный наконечник копья		—	—	—	—
10	Там же, стр. XV	Керчь, Глинище	Среди инвентаря ряда земляных гробниц — железный меч		—	—	—	—

№ п. п.	Где упоминается, опубликован и кем найден	Где найден	Состояние меча и размеры	Совместно найденное оружие и принадлежности	Наличие кинжала совместно с мечом	Местоположение в могиле	Основание для датировки	Дата
1	2	3	4	5	6	7	8	9
11	ОАК за 1882—1888 гг., стр. XL, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, южн. склон Митридата	Среди инвентаря 10 земляных могил и 1 катакомбы — железные мечи		—	—	В инвентаре могил имеются стеклянные и глиняные сосуды, золотые венки, ваза с акварельной росписью и т. д.	—
12	ОАК за 1882—1888 гг., стр. XLIV, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, близ Арестантской казармы	В суммарном перечислении инвентаря 22 гробниц упоминаются железные мечи и ножи, костяной кружок от рукоятки меча		—	—	В основном инвентарь сарматского времени; монеты	—
13	ОАК за 1882—1888 гг., стр. CI, раскопки Ф. И. Гросса 1884 г.	Керчь, южн. и сев. склоны Митридата	В суммарном перечислении инвентаря ряда могил упоминаются железный меч, наконечники стрел		—	—	Встречаются чернолаковые сосуды	—
14	ОАК за 1882—1888гг., стр. CCXV, раскопки А. А. Бобринского и Ф. И. Гросса	Керчь, Аджимушкайская ул. и у Мирмекия	В суммарном перечислении инвентаря 78 гробниц упоминаются железные мечи, наконечники стрел, железные наконечники копий		—	—	Много вещей V—III вв. до н. э.	—
15	ОАК за 1878—1879 гг., стр. XXXV, раскопки С. И. Веребрюсова	Керченский полуостров у Нимфея, курган	Короткий железный меч	—	—	—	—	—
16	Там же, стр. XXXVI	Там же	Часть железного меча	Около 50 медных (?) чешуек от панцыря	—	—	—	—
17	ОАК за 1878—1879 гг., стр. X, раскопки 1878 г. Н. П. Кондакова	Таманский полуостров, у станицы Сенной	В суммарном перечислении инвентаря 14 гробниц — наконечники копий, стрел, в одной из гробниц дротик, в катакомбе — железный меч		—	—	—	—
18	ОАК за 1872 г., стр. XXVI, раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса	Керчь, Митридат, у Скалистого холма	В суммарном перечислении инвентаря 6 земляных гробниц — железный меч		—	—	Среди инвентаря имеется ваза с акварельной росписью и др.	—

В. Д. Лебедев и Ю. Е. Лапин

К ВОПРОСУ О РЫБОЛОВСТВЕ В БОСПОРСКОМ ЦАРСТВЕ

(ЛАБОРАТОРИЯ ИХТИОЛОГИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. М. В. ЛОМОНОСОВА)

Среди рабовладельческих греческих городов, основанных в течение VI—V вв. до н. э. в Северном Причерноморье, особенно благоприятные условия для развития оказались у Пантикапея, Фанагории, Мирмекия, Тиритаки и ряда других, располагавшихся на берегах Боспора Киммерийского.

Объединившись, эти города образовали Боспорское государство [1], в состав которого входили Восточный Крым, Таманский полуостров, Прикубанье и район нижнего Дона. Жившие на этой территории местные племена скифов, сарматов, синдов, меотов и др. были включены в Боспорское государство, которое просуществовало почти тысячелетие — с V в. до н. э. по IV в. н. э.

Боспорские города не ограничились ролью торговых передаточных пунктов, через которые распространялись привозные товары. Используя природные условия, местные ресурсы и наличие рабочей силы (рабов), Боспор развивал собственные многообразные производства и ремесла.

Первое место в боспорской экономике занимало сельское хозяйство. Основным предметом торговли был зерновой хлеб. Значительного развития достигли виноградарство и виноделие. Остатки костей животных свидетельствуют о наличии животноводства и птицеводства.

Охотничий промысел, повидимому, был развит слабо, так как находки костей диких животных довольно малочисленны. При раскопках Мирмекия и Тиритаки изредка встречались кости зайца, лисицы, благородного оленя и сайги.

Весьма существенное место в хозяйственной жизни населения Северного Причерноморья занимало рыболовство. Располагаясь на побережье моря и устьях больших рек, богатых рыбой, греческие колонии использовали прекрасные природные условия для развития рыбного промысла.

О широком развитии рыболовства свидетельствуют многочисленные находки остатков рыб, орудий рыболовства (грузила, крючки, остроги и т. д.) и большие рыбообрабатывающие сооружения (например, в Мирмекие, Тиритаке; рис. 1). В числе домашней утвари в боспорских городах и других греческих колониях Причерноморья были распространены предназначавшиеся для рыбы глиняные блюда, в центре которых делалось углубление, куда клалась приправа. Такие — нередко расписные, краснофигурные — блюда обычно украшались изображением рыб.

О большом значении рыбы в экономике морье и, в частности, о наличии в первой половине II в. н. э. специально рыбного греческих городов в Северном Причерномырынка в Херсонесе свидетельствует надпись на каменной плите, исследованная С. А. Семеновым-Зусером [1].

[1] При составлении исторического очерка мы пользовались, главным образом, работой В. Ф. Гайдукевича «Боспорское царство». М.— Л., 1949.

[1] С. А. Семенов-Зусер. Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Памятники истории экономики и культуры древнего Северного Причерноморья. Харьков, 1947, вып. 1. стр. 5—46.

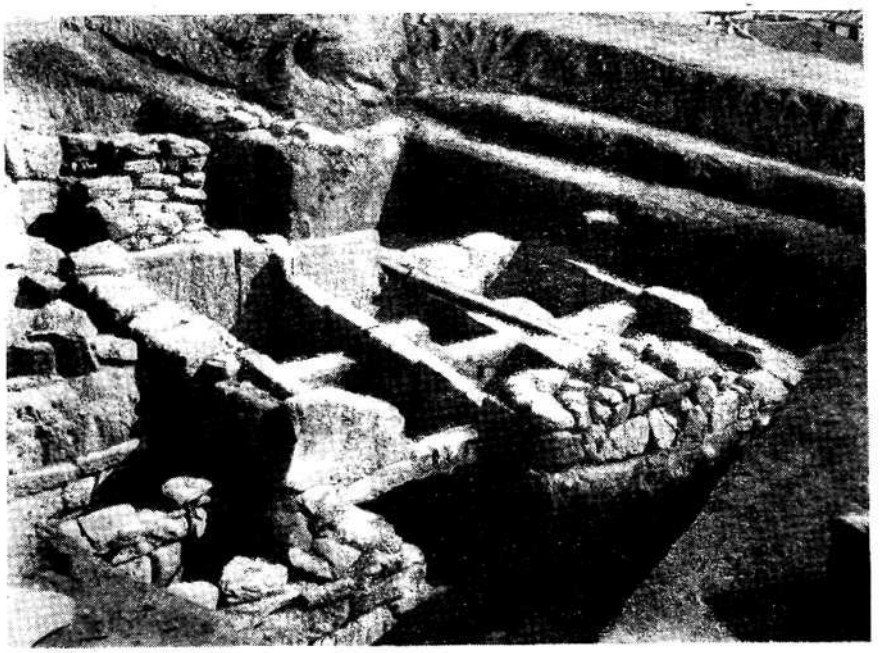

Рис. 1. Рыбозасолочные ванны первых веков н. э. в Тиритаке (В. Ф. Гайдукевич, 1949 г.)

Рыба являлась пищей самых широких слоев населения. Но, помимо местного потребления, соленая рыба и «консервированные» рыбные соусы в большом количестве экспортировались за пределы Боспора на внешние рынки.

В античной литературе сохранилось много упоминаний о рыбных богатствах Черного и Азовского морей, об отдельных видах водившихся там рыб и о способах их лова.

Греческий писатель IV в. до н. э. Архестрат написал специальное сочинение, посвященное боспорской соленой рыбе, к сожалению, до нас не дошедшее и известное нам по упоминанию других авторов [1].

Рыболовство в промысловых масштабах было развито и на окраинах Боспорского царства — в низовьях Дона, по восточному побережью Азовского моря и в поселениях на Кубани. В культурных слоях почти всех античных городищ, расположенных по среднему течению Кубани, встречаются в большом количестве остатки рыб (осетровые, сазаны, щуки); «нередко рыбья чешуя в культурных слоях кубанских и особенно приазовских городищ обнаруживается целыми слоями» [1].

При раскопках Елизаветинского городища на Кубани были найдены бронзовые крючки и большие глиняные грузила особого типа, не встречающиеся в приморских античных поселениях и, очевидно, рассчитанные на речные невода и сети. Грузила эти больших размеров, имеют трапециевидную форму и снабжены крупным сквозным отверстием.

Наиболее важным районом рыболовства был Керченский пролив. Это доказывается наличием в Мирмекие и Тиритаке рыбозасолочных сооружений, датируемых первыми веками н. э.

Для лова некоторых видов рыб, повидимому, хамсы и сельди, сооружались наблюдательные вышки, с которых следили за движением косяков рыб. Так, Страбон [2] сообщает о сохранившихся в его время наблюдательных вышках (возможно, именно для наблюдения за рыбой) на восточном берегу Меотиды.

[1] В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч., стр. 110.

[1] Там же, стр. 112.

[2] География Страбона в 17 книгах. Перевод Ф. Г. Мищенка, М., 1879, кн. XI, 2, 4.

Остатки рыб, найденные в городах и поселениях Северного Причерноморья, и указания античных авторов исследовались рядом специалистов [1]. Ими было установлено, что основными объектами промысла на Боспоре в греческих колониях античного времени являлись: хамса, сельдь, севрюга, осетр, камбала, барабулька или султанка, тарань, скумбрия.

Основными орудиями лова рыбы на Боспоре были невода и крючья.

Имевшийся в нашем распоряжении ихтиологический материал из раскопок в Пантикапее, Фанагории, меотских поселениях на Кубани и в Восточном Приазовье дополняет имеющиеся данные по рыбам и рыболовству Боспорского царства. Все поселения располагались недалеко друг от друга и датируются примерно одним временем. Для ихтиологического исследования часто можно было объединить остатки рыб из различных близких пунктов. Однако интересы археологов заставляют нас рассматривать ихтиофауну каждого памятника отдельно, хотя при этом неизбежны некоторые повторения.

1. ОСТАТКИ РЫБ ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

Остатки рыб из Пантикапея, расположенного на территории современной Керчи, были собраны в слоях, датируемых II в. до н. э., при археологических раскопках в 1945—1946 гг. экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР под руководством В. Д. Блаватского [2]. В коллекции был 51 экземпляр костей рыб, из которых удалось определить 39 экземпляров, или 76,2%.

Несмотря на малочисленность материала, исследование дает некоторые новые сведения о характере рыболовства в Пантикапее — главном городе Боспорского царства. В результате обработки материала нами были определены следующие виды: шип, стерлядь, осетр, севрюга, тарань, лещ, сазан, сом, судак, тунец.

Сем. Acipenseridae — осетровые

В настоящее время в реках, впадающих в Азовское море, из семейства осетровых добываются, главным образом, осетр и севрюга, в меньшем количестве — стерлядь, белуга и очень редко — шип. В Кубань заходят, главным образом, севрюга и осетр, а стерлядь, шип и белуга попадаются очень редко.

В коллекции из Пантикапея было 17 остатков рыб из семейства осетровых. Два фрагмента (жучка и hyomandibulare) из-за плохой сохранности нельзя было определить ближе семейства.

Обнаружены остатки следующих осетровых.

1. Acipenser nudiventris Lovetzky — шип.

В коллекции имеется один обломок жучки, который, судя по строению и характеру скульптуры, принадлежит шипу.

2. Acipenser ruthenus L. — стерлядь.

Стерляди принадлежит cleithrum — 1 экземпляр, vomer — 1 экземпляр, frontale — 1 экземпляр.

У двух рыб была определена длина (абс.): она равнялась 58 и 64 см.

Теперь стерлядь в Кубани встречается очень редко, но К. К. Гёрц [1] указывает, что в его дни она ловилась в устьях Кубани. Возможно, в античное время стерлядь водилась и в речке Пантикапе, протекавшей через Пантикапей и, вероятно, тогда более многоводной. Размеры ископаемой стерляди не превышают размеров современной.

3. Acipenser güldenstädti Brandt. — осетр.

Этому виду принадлежат две спинные и две боковые жучки (табл. I). Определить длину рыб не удалось. В наши дни осетр в исследуемом районе довольно обычен.

4. Acipenser stellatus Pall. — севрюга.

Остатки севрюги представлены четырьмя

---

[1] М. И. Тихий. Анчоус Херсонеса Таврического. «Вестник рыбопромышленности», 1919, № 1—3, стр. 1—40; В. Ю. Марти. Рыбозасолочные ванны Тиритаки. МИА, № 4, 1941, стр. 93—95; его же. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия. СА, VII, 1941, стр. 94—105; Г. В. Никольский. К познанию ихтиофауны р. Кубани. Бюлл. Моск. об-ва исп. природы. Отд. биологии, 1937, т. 46, № 2, стр. 121—124; С. А. Семенов-Зусер. Ук. соч.

[2] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1945 году. КСИИМК, XVII, стр. 105; его же. Раскопки в Керчи. КСИИМК, XXI, стр. 91.

[1] К. К. Гёрц. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 20.

спинными жучками и обломком praeoperculum от рыбы длиной (абс.) около 140 см.

Севрюга в настоящее время является преобладающим видом среди других осетровых, встречающихся в исследуемом районе.

Сем. Cyprinidae—карповые

Карповые рыбы являются самыми многочисленными в реках бассейна Азовского, Черного и Каспийского морей. В коллекции обнаружены следующие виды карповых.

Rutilus rutilus (L.)—плотва

Представлена следующими остатками: глоточные кости — 3 экземпляра (табл. I, *2*), dentale — 1 экземпляр. Длина рыб (до конца чешуйного покрова) равняется: 23, 32, 35, 42 см; в среднем — 34 см.

Современная плотва обычно бывает длиной 25—35 см, редко больше.

Повидимому, остатки, найденные в Пантикапее, принадлежат не плотве, а ее более крупному подвиду, тарани — Rutilus rutilus heckeli (Nord.), которая водится в опресненных частях Азовского и Черного морей, откуда весною входит в реки: Дон (до Маныча), Кубань (до среднего течения), Рион (?), Днепр (до порогов), Днестр [1].

Кубанская ходовая тарань имеет размеры от 140 до 223 см. Наиболее крупный экземпляр весил 1,8 кг и, если учесть, что самка длиной (до конца чешуйного покрова) 34 см весит 990 г, повидимому, был длиной не менее 50 см, т. е. превышал максимальную длину тарани из Пантикапея.

В настоящее время существует промысел тарани вдоль Кубанского побережья Азовского моря и в самой Кубани.

Abramis brama (L.)—лещ

В коллекции был один экземпляр cleithrum леща от рыбы длиной (до конца чешуйного покрова) 23 см.

Лещ встречается в опресненных частях Азовского моря; в Кубань входит в незначительных количествах. Средние размеры леща за 1923 и 1924 гг. колебались от 24,2 до 37,9 см [2].

[1] Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран, ч. 1—3, изд. 4-е, исправл. и доп. М.—Л., АН СССР, 1948—1949, стр. 502.

[2] Л. С. Берг. Ук. соч., стр. 773.

Cyprinus carpio L. — сазан

В бассейне Кубани есть «жилой сазан», круглый год живущий в реке, «сазан полупроходной», поднимающийся в реку из предустьевых пространств, и так называемый «лиманный сазан», постоянно обитающий в лиманах.

В коллекции были 3 экземпляра остатков сазана: 2 экземпляра и тазовая кость (табл. I, *3*) от рыб длиной (до конца чешуйного покрова) 61,5; 70,5; 75,0 см. Средняя длина равнялась 69 см.

Средняя длина сазана по находкам из Елизаветинского городища (IV—VI вв. до н. э.), по материалам Г. В. Никольского с добавлением двух новых размеров, равнялась 53,8 см. Вероятно, это был более мелкий речной сазан. В настоящее время в низовьях Кубани и в Азовском море ловится сазан средней длины 30—35 см, но бывают экземпляры длиной до метра и более, весом свыше 16 кг. Таким образом, средняя длина сазана из раскопок Пантикапея и Елизаветинского городища была больше средней длины современного сазана из Кубани и Азовского моря, но максимальные размеры не превышали современных максимальных размеров этого вида.

Сем. Siluridae—сомовые

Silurus glanis L. — сом

В коллекции имеются 2 колючих луча грудного плавника (табл. II, *1*) сома от рыб длиной (абс.) 107 и 135 см (в среднем — 121 см) и три хвостовых позвонка от рыб в возрасте 9, 11 и 13 лет.

По материалам Елизаветинского городища (III—IV вв. до н. э.), сомы на Кубани имели среднюю длину 195,3 см [1] и средний возраст 14,1 года.

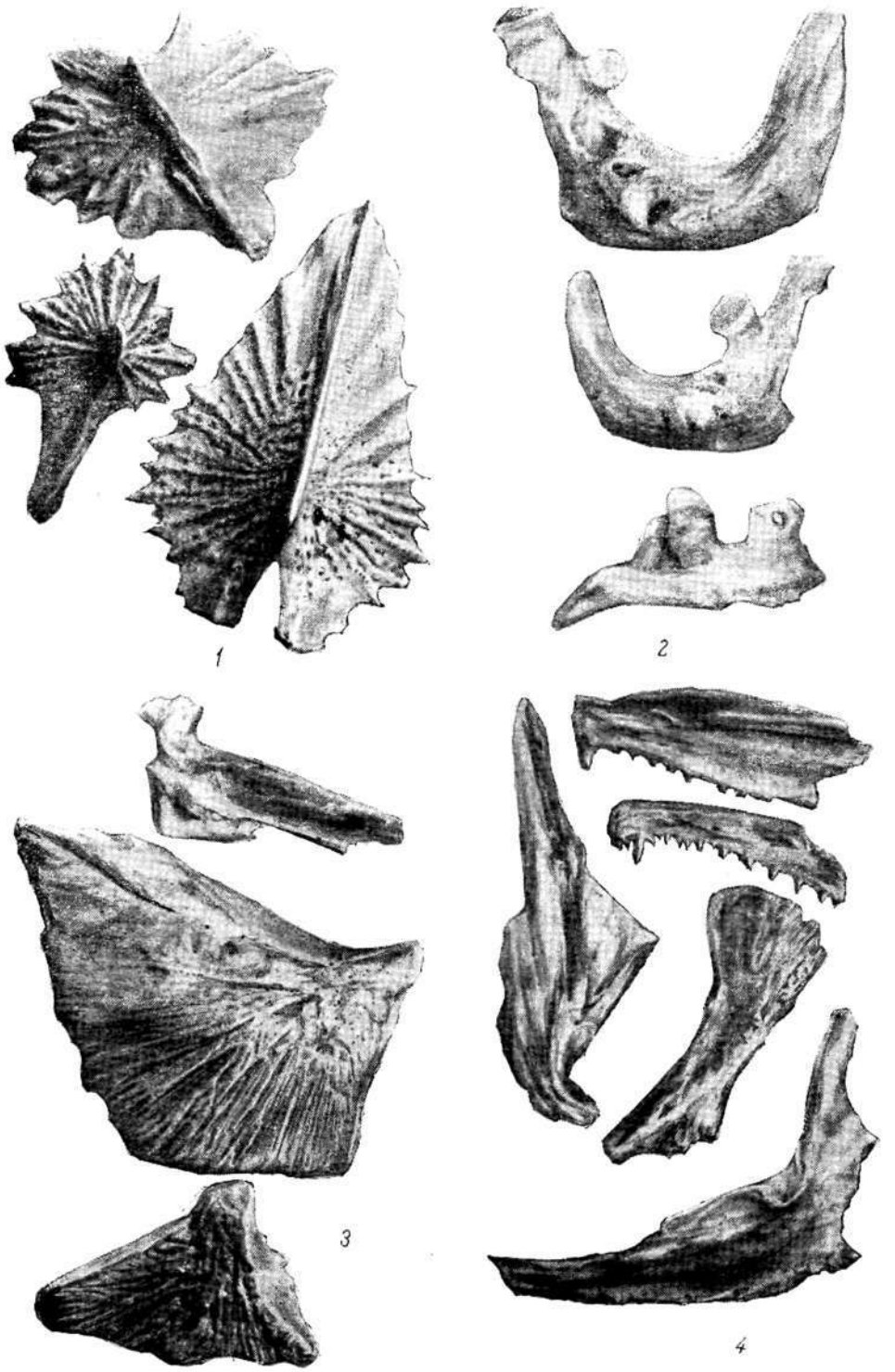
В настоящее время сом обычен в самой Кубани и в ее дельте и лиманах.

Сем. Percidae—окуневые

Lucioperca lucioperca (L.) — судак

Остатки судака (табл. I, *4*) встречаются относительно часто. Обнаружено 9 экземпляров костей судака: dentale — 3 экземпляра,

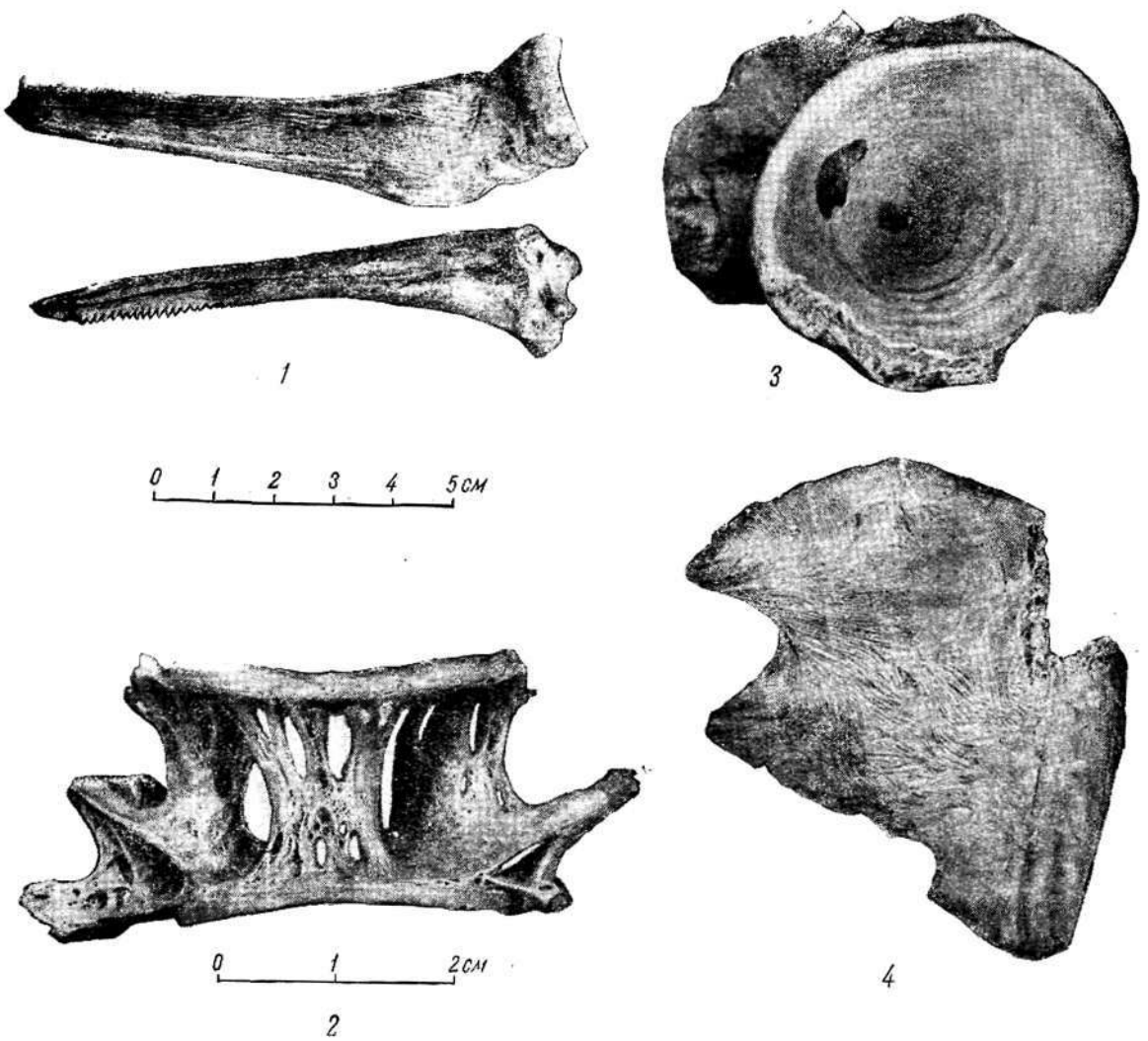
[1] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 123. Средняя длина дается по материалам Г. В. Никольского, но добавляются два новых размера.

Остатки рыб, найденные при раскопках Пантикапея

1 — жучки осетра (увел. в 2 раза); *2* — глоточные кости плотвы (увелич. в 2 раза); *3* — тазовая кость и две жаберные крышки сазана; *4* — Articulare dentale, ceratohyale и cleithrum судака

Таблица II

Остатки рыб, найденные при раскопках Пантикапея

1 — колючие лучи грудного плавника сома; *2* — туловищный позвонок сома (увелич. в 2 раза); *3* — позвонок обыкновенного тунца; *4* — обломок жаберной крышки обыкновенного тунца

ceratohyale — 1 экземпляр, articulare — 2 экземпляра, praeoperculum — 1 экземпляр, позвонки — 2 экземпляра. Возраст — 7 и 11 лет.

Длина (до конца чешуйного покрова) рыб равняется 50,5; 54,0; 56,5; 60,0; 62,0; 67,2; 72,0 см; в среднем — 60,3 см.

Три экземпляра судаков из раскопок Елизаветинского городища, определенные Г. В. Никольским [1], были длиной 34; 75 и 87 см; в среднем — 65,8 см.

Средний размер ходового кубанского судака в Темрюке (1929 г.) равнялся 40—80 см, чаще 50—55 см[1], а кубанского судака из Ачуева (1923 г.) — 54,7 см.

Таким образом, средняя длина судака, по материалам из Пантикапея, несколько больше, чем современного кубанского.

[1] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 124.

[1] Л. С. Берг. Ук. соч., стр. 1026.

Современный судак достигает длины 50—130 см [1]. Он встречается в пресной и в солоноватой воде. В наших южных реках, в том числе и в Кубани, имеется «жилой судак», постоянно живущий в реке, и «ходовой» (или «полупроходной»), входящий в реки из предустьевых пространств и солоноватых частей моря.

Судак в настоящее время является основным объектом промысла в бассейне Азовского моря.

Сем. Thunnidae—тунцовые

Крупные и средних размеров пелагические рыбы, близкие по строению к скумбриевым, в частности к пеламидам, имеют большое промысловое значение в Тихом и Атлантическом океанах. Значительный промысел развит в Средиземном море.

Thunnus thunnus L.— обыкновенный тунец

В коллекции было 2 позвонка (табл. II, *3*) и один обломок operculum (табл. II, *4*) тунца. Кроме того, повидимому, к этому виду относится обломок dentale и praeoperculum, но за отсутствием эталонов произвести точное определение этих костей не удалось.

Позвонки тунца несколько сжаты в дорзовентральном направлении. У первого позвонка длина равна 54 мм и наибольший диаметр (горизонтальный) — 69 мм. Вертикальный диаметр промерить было нельзя, так как оба конца позвонка повреждены.

Второй позвонок имеет длину 48,5 мм и диаметры: горизонтальный — 61 мм и вертикальный — 51 мм. Возраст по годовым кольцам: первого — 18 лет, второго — 16 лет.

Так как в доступных нам остеологических коллекциях остатки тунца отсутствуют, мы вычислили размеры тунцов на основании подсчета числа позвонков в скелете по рисунку в работе H. C. Godsil and Bayers B. D. [2] Судя по рисунку, у тунца 38 позвонков. Длина туловищных и хвостовых позвонков примерно одинакова. Длина черепа равна длине 8,3 позвонка, Hypurale — длине 2 позвонков, хвоста — также примерно длине 2 позвонков. Если учесть, что между позвонками существуют хрящевые прослойки, то можно принять длину (абс.) тунца равной длине 51 позвонка. Тогда длина тунцов по остаткам их из Пантикапея получается: у первой рыбы в возрасте 18 лет — 275,4 см и второй в возрасте 16 лет — 227,4 см.

Вес тунцов, на основании сопоставления с весом и размерами современных экземпляров, вероятно, равнялся соответственно 315 и 260 кг.

Современные тунцы бывают длиной 3 м и весом до 600 кг. Растут они очень быстро, достигая к 9 годам 195 см длины, а к 10 годам — 206 см [1].

Находка костей тунца при раскопках Пантикапея является весьма важным фактом. У античных авторов есть указания на существование промысла и обработка тунца у северных берегов Черного моря. Однако отсутствие костей тунца среди остатков рыб, находимых при археологических раскопках античных городов и поселений, поставило под сомнение правильность дословного перевода древних авторов.

М. И. Тихий [2], подробно разбирая вопрос о наличии и промысле тунца в Черном море в античное и наше время, приводит ряд высказываний римских и греческих ученых. Страбон, например, указывал, что тунец нерестится в «Меотских болотах» [3]. Аристотель и Аппиан утверждали, что стада пеламиды, «происходящие от сердитых самок тунцов», нерестятся среди зарослей камыша в Меотиде, т. е. Азовском море [4].

У многих древних авторов есть указание, что «соленая понтийская рыба состояла из кусков тона» (тунца.— *В. Л.*).

М. И. Тихий указывает, что древние, давая различные названия рыбам семейства Scombridae, производили одно наименование от другого.

Анализируя древних авторов и сравнивая их представления с современными данными о миграциях и распространении пеламиды, тунца и скумбрии, М. И. Тихий приходит к выводу, что «в большинстве случаев речь шла не о тунцах, а о пеламиде Sarda sarda,

[1] Л. С. Берг. Ук. соч., стр. 1020.

[2] H. C. Godsil and B. D. Bayers. A Systhematic study of the Pacific Tunus. Fish bulletin № 60. California division of Fish and Game. 1944, стр. 43.

[1] К. А. Виноградов. О тунцах в Черном море. Изв. Крымск. отдела Географ. об-ва СССР, Симферополь, 1931, вып. 1, стр. 77.

[2] Strab., VII, 6, 2; М. И. Тихий. Несколько слов о тунце. «Вестник рыбопромышленности», 1911, № 7—8 и 9, стр. 447—453; его же. Ук. соч., 1917, стр. 5—9.

[3] М. И. Тихий. Ук. соч., 1911, стр. 449.

[4] Там же, 1917, стр. 6.

которую таким же образом резали на куски, как и тона» (тунца).

Находки остатков тунца в Пантикапее свидетельствуют, что тунец добывался в греческих колониях Северного Причерноморья. В отношении же предположения М. И. Тихого, что древние называли тунцом пеламиду — рыбу, похожую по внешнему виду на тунца,— следует иметь в виду, что большинство населения греческих городов в Причерноморье составляли выходцы из района Средиземного моря, где тунец обычен и его хорошо знали.

Повидимому, несмотря на неясное представление о происхождении различных рыб семейства Scombridae, древние хорошо отличали тунца от пеламиды и скумбрии (эта мысль была подана нам Л. С. Бергом после осмотра им остатков рыб, найденных в Пантикапее).

В настоящее время у берегов Крыма ежегодно вылавливается несколько тунцов. М. И. Тихий [1] приводит ряд случаев поимки тунцов у берегов Северного Причерноморья. В 1908 г. два тунца были пойманы у Новороссийска. Осенью 1909 г. в Стрелецкой бухте пойман тунец весом 150—160 кг. 24 ноября 1910 г. в Ласпинской бухте около Балаклавы пойман тунец, который был промерен М. И. Тихим — длина равнялась 255 см, а вес — 292 кг. Другой тунец порвал сети и ушел. 4 августа 1909 г. в Двухякорной бухте выбросился тунец весом в 240 кг.

В недавнее время вышла работа К. А. Виноградова, в которой приводятся накопившиеся за последнее время новые факты, относящиеся к нахождению тунцов в Черном море и, в частности, у берегов Крыма [2]. Так, 13 ноября 1949 г. на берегу моря у Судака была найдена выброшенная морем передняя часть тунца, имевшего, очевидно, не менее 3 м в длину; 25 ноября 1949 г. в Двухякорной бухте морем выброшен на берег тунец длиной около 2 м. В августе 1949 г. у Евпатории в сети попались три тунца, из них два ушли, а третий, длиной 2,5 м, был пойман. В сентябре 1950 г. рыбаки Евпаторийского промысла выловили тунца длиной 2,46 м и весом 250 кг. В районе полуострова Тарханкут пойманы три тунца весом от 35 до 80 кг. Косяки тунцов в 20—30 голов разной величины наблюдались в районе Херсонесского маяка.

К. А. Виноградов [1] приводит сообщение Л. Н. Печенкина о том, что тунцы неоднократно наблюдались осенью во время выхода хамсы из Азовского моря в районе Керченского пролива и Анапы, а также отмечает случаи захода тунцов в Керченский пролив и в само Азовское море.

Обобщая все случаи нахождения тунцов, К. А. Виноградов приходит к заключению, что тунцы встречаются в Черном море в самых различных его частях, за исключением района Одессы. Он же указывает, что, по данным Г. У. Линдберга, тунец приходит в Черное море к берегам Крыма и Кавказа из Средиземного моря.

Исследованиями В. А. Водяницкого [2] в последнее время установлен факт размножения тунца в Черном море. Кроме того, тунца обнаруживали у берегов Крыма в ноябре и декабре. Основываясь на этих фактах, К. А. Виноградов считает, что в Черном море имеется свое стадо тунцов, обособившееся от средиземноморского и частично или полностью остающееся на зимовку в Черном море.

По наблюдениям М. И. Тихого [3], тунец у северных берегов Черного моря немногочислен и в небольших количествах ежегодно ловится у берегов Крыма.

Крымские рыбаки в прошлом делали попытки, правда, неудачные, наладить промысел тунцов, и М. И. Тихий предполагает, что это связано с обилием тунца в некоторые годы, приводя пример, что рыбак В. Тищенко почти ежедневно наблюдал у балаклавских утесов стайки тунцов в 5—10 штук. Рыбаки в прежние годы [4] говорили о «миллионах» тунца.

В настоящее время в Черном море существует промысел тунца у берегов Болгарии и Турции, где ежегодно вылавливается 3—5 тысяч штук [5]. Остатки тунца из Пантикапея показывают, что в античное время он добывался также у берегов Крыма. Повидимому,

[1] М. И. Тихий. Ук. соч., 1911, стр. 447—453.
[2] К. А. Виноградов. Ук. соч., стр. 77—81.
[1] Там же, стр. 79.
[2] В. А. Водяницкий. К экологии и истории рыб Черного моря. Тр. Новоросс. биолог. ст. им В. М. Арнольди, 1940, т. 2, вып. 3.
[3] М. И. Тихий. Ук. соч., 1911, стр. 450.
[4] П. Ш. Тунец и способы его лова. «Вестник рыбопромышленности», 1887, № 3, стр. 51.
[5] К. А. Виноградов. Ук. соч., стр. 80.

многочисленные указания древних авторов о нахождении, промысле и обработке тунца соответствуют действительности. И нам кажется вполне своевременной и правильной постановка вопроса К. А. Виноградовым об организации промысла тунца в Черном море в настоящее время.

* * *

Количество остатков рыб из Пантикапея невелико, и поэтому нельзя сделать окончательных выводов о роли этих видов в промысле.

Видовой состав и количество остатков рыб из Пантикапея следующие (табл. 1):

Таблица 1

Вид рыбы	Количество остатков	
	экз.	%
Шип	1	2,6
Стерлядь	3	7,7
Осетр	4	10,2
Севрюга	5	12,8
Тарань	3	7,7
Лещ	1	2,6
Сазан	3	7,7
Сом	5	12,8
Судак	9	23,1
Тунец обыкновенный	5	12,8
Итого	39	100,0

Из приведенных данных видно, что остатки осетровых преобладают (около 30%), и среди них больше остатков севрюги, преобладавших и в Елизаветинском городище (III—IV вв. до н. э.) [1]. Этот вид и сейчас является в Кубани наиболее многочисленным из осетровых.

Интересно нахождение костей шипа и стерляди: обе рыбы теперь очень редко встречаются в Кубани.

Следует отметить, что среди остатков рыб из Пантикапея нет типично речных видов. Все виды, за исключением тунца, встречаются как в пресной, так и в солоноватой воде. Тунец является типично морской пелагической рыбой, но, как говорилось, отмечены случаи захода его в Азовское море с соленостью значительно меньшей, чем в Черном.

Характер видового состава свидетельствует о том, что промыслом захватывались не только дельта реки и опресненные участки моря, но и участки моря с более высокой соленостью.

В древности сочетание таких условий было характерно для Керченского пролива. В античное время один из рукавов Кубани впадал в Таманский залив [2] и, повидимому, вследствие этого соленость воды в Керченском проливе была несколько меньше современной. Возможно, и речка Пантикапа, ныне почти пересохшая, была многоводной и также способствовала опреснению Керченского пролива. Не исключено, что в Пантикапу могли заходить тарань, сазан, сом, судак.

2. ОСТАТКИ РЫБ ИЗ ФАНАГОРИИ

Таманский полуостров в древности был не менее заселен, чем Керченский. Большинство поселений, располагаясь по берегам Керченского пролива и побережью Азовского и Черного морей, было связано с морской торговлей, рыбными промыслами и сельским хозяйством.

Для правильного понимания истории этой части Боспорского царства надо принять во внимание, что топография Таманского полуострова со времен античности сильно изменилась.

Дельта Кубани в древности была более разветвленной. Кубань несколькими протоками впадала в Таманский залив (Корокондамитское озеро древних), Азовское и Черное моря. Таманский полуостров представлял собой группу островов; из них два крупных острова — Фанагор и Гермонасса — назывались по имени самых значительных городов — Фанагории и Гермонассы (современная Тамань), располагавшихся на них.

Островное положение Таманского полуострова сохранялось, повидимому, очень долго. Так, Паллас [3] нигде не говорит о Таманском полуострове, а повсюду называет его островом. И на карте, приводимой Палласом,

---

[1] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 122.

[2] Подробнее этот вопрос будет исследован ниже, при разборе остатков рыб из Фанагории.

[3] P. S. Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Stadthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1803, Bd. 2, стр. 533, карта в приложении.

Таманский полуостров изображен в виде одного из островов в дельте Кубани.

Во второй половине XIX в. побочный рукав Кубани, впадавший в Кизильташский лиман, был заполнен наносами, и, таким образом, связь Кубани с Черным морем прекратилась [1]. В настоящее время Кубань впадает в Азовское море в районе г. Темрюка.

По описанию Страбона [2], древняя Фанагория располагалась близ устья одного из рукавов реки Антикейты (Кубань), впадавшего в Корокондамитское озеро, т. е. нынешний Таманский залив.

Изменение топографии местности было так значительно, что расположение развалин Фанагории было установлено не сразу и некоторое время являлось предметом споров исследователей. Теперь считается общепризнанным, что развалины Фанагории находятся на побережье Таманского залива в 3 км к юго-западу от станицы Сенной, северо-восточнее Шимарданской бухты, где некогда было устье Антикейты.

При исследовании остатков рыб из Фанагории необходимо учитывать древнюю топографию, т. е. нахождение около нее устья одного из рукавов Кубани.

Античная Фанагория была основана в VI в. до н. э. и просуществовала до IV в. н. э.; вероятно, около 370 г. город был разрушен вторгшимися полчищами гуннов.

Остатки рыб были найдены в слоях III—IV вв. н. э. при раскопках Фанагории экспедицией Института истории материальной культуры Академии Наук СССР под руководством М. М. Кобылиной в 1948 г. Коллекция состояла из 237 экземпляров костных остатков рыб, из которых удалось определить до вида 198 экземпляров, что составляет 84% от общего числа остатков, и до семейства — 39 экземпляров. Кости принадлежат севрюге, осетру, лещу, сазану, сому и судаку.

Сем. Acipenseridae—осетровые

В коллекции к этому семейству принадлежали 144 экземпляра костных остатков, т. е. 57,6% от всего количества определимых остатков. При этом 39 экземпляров, главным образом, фрагменты покровных костей, не могли быть определены до вида из-за плохой сохранности.

Acipenser güldenstädti Brandt. — осетр

К этому виду относятся 44 экземпляра костных остатков, а именно praeoperculum — 6 экземпляров, frontale — 2 экземпляра, operculum — 2 экземпляра, parasphenoideum — 2 экземпляра, спинные жучки — 2 экземпляра, фрагменты различных костей черепа — 30 экземпляров.

Длина (абс.) рыб равнялась 109, 120, 130, 133, 171 см; средняя длина — 132,6 см.

Средний размер осетра, по материалам из Елизаветинского городища (IV в. до н. э.), согласно данным Г. В. Никольского [1], равнялся 75 см. Столь значительная разница в средних размерах пока не может быть объяснена.

Acipenser stellatus Pall. — севрюга

В числе 61 экземпляра остатков севрюги: колючие лучи грудного плавника — 11 экземпляров (рис. 2), parasphenoideum — 1 экземпляр, operculum — 1 экземпляр, frontale— 2 экземпляра, спинные жучки — 2 экземпляра, обломки различных костей черепа и костных жучков — 44 экземпляра. По этим обломкам определить длину рыб не представилось возможным, но, повидимому, она достигала 130—150 см.

Длина (абс.) севрюги, вычисленная по другим костям, равнялась: 127, 130, 133, 133, 136, 136, 138, 139, 141, 144, 152, 154, 156 и 168 см. Средняя длина — 141,7 см.

Средний размер севрюги по раскопкам Елизаветинского городища (IV в. до н. э.) — 107 см [2]. Причины такой большой разницы в средних размерах нам неясны.

Сем. Cyprinidae—карповые

Остатки представителей этого семейства немногочисленны. Сюда относятся 67 экземпляров костей, что составляет 28,2% от числа всех остатков.

---

[1] В. Мурашкин. Восстановление связи реки Кубани с Черным морем. Бюлл. Гл. упр. по рыбной промышл. и рыболовству, 1922, № 11—12, стр. 5—6.
[2] Strab., XI, 2, 9—10.

[1] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 122.
[2] Там же.

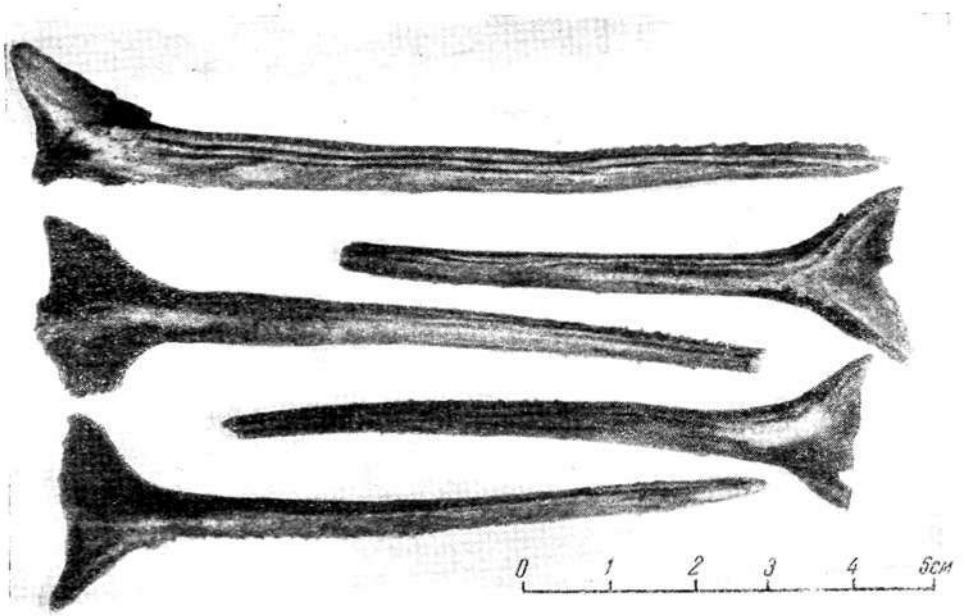

Рис. 2. Колючие лучи грудного плавника севрюги из раскопок в Фанагории

Abramis brama (L.) — лещ

В коллекции был 1 экземпляр этого вида. Размер рыбы установить не удалось. В настоящее время промысловое значение леща в Кубани очень невелико.

Cyprinus carpio L. — сазан

Из 66 экземпляров костей сазана: cleithrum — 5 экземпляров, operculum — 4 экземпляра, basioccipitale — 2 экземпляра, pterigoforum — 3 экземпляра, praeoperculum — 2 экземпляра, dentale — 1 экземпляр, тазовая кость — 2 экземпляра, зазубренные лучи спинного и анального плавников — 10 экземпляров, кости веберова аппарата — 2 экземпляра, первый позвонок — 1 экземпляр, ребра — 5 экземпляров, позвонки — 32 экземпляра.

Длина (до конца чешуйного покрова) рыб равняется: 50,7; 50,8; 55,0; 61,5; 63,0; 67,2; 69,5; 76,0; 77,0; 77,0; 78,0 см. Средняя длина — 66,8 см. Средняя длина сазана, по раскопкам Елизаветинского городища (IV в. до н. э.), равна 53,8 см, а современного из низовьев Кубани и Азовского моря — 30—35 см. Вероятно, в Фанагории добывался более крупный лиманный сазан.

По годовым кольцам на позвонках удалось определить возраст сазана, добывавшегося фанагорийцами (табл. 2).

Таблица 2

Лет	6	7	8	9	10	11	12	13	Всего экземпляров
Количество экземпляров	2	8	4	4	6	4	2	3	33
%	6,1	24,2	12,1	12,1	19,2	12,1	6,1	9,1	100

Из данных табл. 2 следует, что в уловах фанагорийцев возраст сазана колебался от 6 до 13 лет, преобладали рыбы 7—11 лет. В современных уловах кубанского сазана в Ачуеве встречаются рыбы от 3 до 7 лет, основную массу в улове составляют сазаны 3—5 лет [1].

По первому позвонку были вычислены возраст и размер: сазан 13 лет имел длину

[1] В. В. Петров. Материалы по росту и возрасту азовского сазана. Тр. Азовско-Черноморск. научно-промысл. экспедиции. М., 1931, вып. 8, стр. 19.

76,5 см. По данным В. В. Петрова [1], сазан из промысла в Ачуеве в возрасте 6 лет достигает длины 49,0 см. Возможно, темп роста кубанского сазана в начале н. э. был более медленным.

Silurus glanis L. — сом

В коллекции имелся боковой отросток сложного позвонка от рыбы длиной (абс.) 101 см.

В настоящее время сом в Кубани обычен, но в Таманском заливе близ развалин Фанагории эта рыба отсутствует.

Сем. Percidae — окуневые

Lucioperca lucioperca (L.) — судак

Остатки судака довольно многочисленны — 25 экземпляров, что составляет 10,5% от общего количества находок.

Обнаружены следующие кости: praeoperculum — 3 экземпляра, cleithrum — 10 экземпляров, maxillare — 2 экземпляра, articulare — 2 экземпляра, pterigoideum — 1 экземпляр, dentale — 2 экземпляра, vomer — 1 экземпляр, ceratohyale — 1 экземпляр. Позвонки — 3 экземпляра. Длина (до конца чешуйного покрова) равна: 44,7; 46,0; 49,2; 51,5; 53,0; 56,5; 57,0; 58,0; 59,5; 61,5; 61,5; 63,3; 64,5; 65,0; 69,5; 77,0 см.

Таким образом, размеры судака колебались в уловах фанагорийцев от 45 до 77 см, в среднем — 58,6 см; в Елизаветинском городище (IV—VI вв. н. э.) — от 34 до 87 см, в среднем — 65,3 см.

Средняя длина современного судака из района Ачуева равна, как говорилось, 51,7—55,8 см.

Таким образом, средняя длина судака в уловах фанагорийцев и Елизаветинского городища была больше средней длины этого вида в современных уловах.

Из приведенных данных следует, что в материалах раскопок в Фанагории видовой состав и количество остатков были следующие (табл. 3):

Таблица 3

Вид рыбы	Количество остатков	
	экз.	%
Осетр	44	22,2
Севрюга	61	30,8
Лещ	1	0,5
Сазан	66	33,4
Сом	1	0,5
Судак	25	12,6
Итого	198	100,0

Анализ видового состава показывает, что в уловах фанагорийцев (как и в Пантикапее) были рыбы, которые могут существовать и в пресной, и в солоноватой, а некоторые (осетровые) — даже в соленой воде. Типично пресноводные формы отсутствуют. Севрюга и осетр на нерест входят в реку. С лиманами, т. е. солоноватыми водами, наиболее связаны лещ, сазан, судак. Сом больше связан с рекой.

Такой видовой состав промысловых рыб приводит нас к выводу, что фанагорийцы добывали рыбу в одном из рукавов Кубани и в опресненном в то время Таманском заливе.

В настоящее время, в связи с заполнением рукава Кубани, впадавшего в Таманский залив, наносами и прекращением притока пресных вод, произошло осолонение Таманского залива, и лещ, сазан, сом и судак в этом месте не встречаются. Вместо этих видов появилась кефаль (Mugil cephalus), которая держится в соленой воде. В Фанагории остатки кефали пока не обнаружены.

Видовой состав рыб из Фанагории лишний раз подтверждает высказывания античных авторов (Страбона и др.), а также геологические и археологические данные о том, что этот город помещался на берегу одного из рукавов Кубани близ места его впадения в Таманский залив. Промысел рыб производился, повидимому, сетяными орудиями лова и крючной снастью. Средние размеры севрюги и сазана, добывавшихся фанагорийцами, превышали средние размеры этих рыб из современных уловов.

[1] В. В. Петров. Ук. соч., стр. 26.

3. ОСТАТКИ РЫБ ИЗ МЕОТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Остатки рыб встречены в меотских городищах «Чумяный редант», «Мертвый редант», «Городище № 3» у станицы Ново-Джерешевской и городище «Елизаветинское». Три первые городища расположены на территории Приазовской низменности, по террасам рек и лиманов, а Елизаветинское — на Кубани, близ Краснодара.

Восточное побережье Азовского моря (Меотиды) было населено племенами меотов. Сведения о них мы находим у античных авторов, начиная с VI в. до н. э. Меоты занимались земледелием, скотоводством и рыболовством. Последнее имело в их хозяйстве большое значение. О рыболовстве у меотов сообщает Страбон [1]: «...а в малом Ромбите занимаются ловлею рыбы сами меоты».

Отмечая суровость климата северных областей Боспорского царства, Страбон пишет: «...из Пантикапея в Фанагорию, напр., легко приезжают по льду повозки, и канал превращается, таким образом, в сухой путь; кроме того, в этом месте из-под льда ловят рыбу так называемой гангамой (неводом), преимущественно осетров, по величине не уступающих дельфинам» [2].

Из орудий рыболовства в упомянутых пунктах найдены большие глиняные трапециевидные грузила, характерные и для кубанских городищ.

Остатки рыб в меотских городищах были собраны старшим научным сотрудником Краснодарского краеведческого музея Н. В. Анфимовым в 1948—1949 гг.

По городищам количество костных остатков распределяется очень неравномерно (см. табл. 4).

ГОРОДИЩЕ «ЧУМЯНЫЙ РЕДАНТ»

Городище находится на южной окраине хутора Ново-Некрасовского (Ново-Покровский сельсовет, Приморско-Ахтарского района), на берегу Чумяного ерика, впадающего в близ расположенный Чумяный лиман, который через систему других лиманов соединяется с Азовским морем.

На территории городища в 1938 г. производились земляные работы, во время которых были вскрыты культурные напластования. В стенах котлованов прослежены слои рыбьих остатков (чешуя, кости, жучки осетровых), достигающие 20 см мощности. Эти слои датируются II—I вв. н. э.

Таблица 4

Название городища	Время	Колич. костных остатков	Колич. костных остатков, определенн. до вида
Чумяный редант	С II—I вв. до н. э. по II—III вв. н. э.	60	56
Мертвый редант	С II в. до н. э. по II—III вв. н. э.	12	6
Городище № 3 у станицы Ново-Джерешевской	С VI в. до н. э. по II—III в. н. э.	47	47
Городище у станицы Елизаветинской	С IV в. до н. э. по III в. н. э.	4	4
	Итого	123	113

Обработанный подъемный материал датируется II—III вв. н. э.

Были обнаружены следующие виды.

Сем. Acipenseridae — осетровые

Acipenser stellatus Pall. — севрюга

К этому виду принадлежат 4 обломка operculum, и, повидимому, к этому же виду относятся 4 обломка колючих лучей грудного плавника. Определить размер рыб не удалось.

Сем. Esocidae — щуковые

Esox lucius L. — щука

Обнаружен 1 экземпляр dentale от рыбы длиной (до конца чешуйного покрова) 67,5 см.

В настоящее время щука в дельте Кубани немногочисленна.

[1] Strab., XI, 2, 4.
[2] Там же, VII, 3, 18.

Сем. Cyprinidae—карповые

Cyprinus carpio L. — сазан

Найдены 5 экземпляров костей: pterigoideum — 1 экземпляр, operculum — 4 экземпляра. Длина рыб равняется 24, 57 и 58 см.

Рис. 3. Чешуя судака из находок на городище «Чумяный редант» (увелич.)

Средняя длина сазана по материалам «Чумяного реданта» составляет 49 см.

Сем. Percidae—окуневые

Lucioperca lucioperca (L.) — судак

Этому виду принадлежат 42 экземпляра костей: maxillare — 2 экземпляра, articulare — 2 экземпляра, cleithrum — 3 экземпляра, ectopterigoideum — 1 экземпляр, interoperculum — 2 экземпляра, dentale — 6 экземпляров, palatinum — 2 экземпляра, operculum — 1 экземпляр, parasphenoideum — 1 экземпляр, frontale — 2 экземпляра, vertebralia — 12 экземпляров, ectopterigoideum — 1 экземпляр, ceratohyale — 1 экземпляр, basioccipitale — 1 экземпляр, supraoccipitale — 1 экземпляр, intermaxillare — 2 экземпляра, praeoperculum — 1 экземпляр, pteroticum — 1 экземпляр. Кроме того,— 120 экземпляров чешуи (рис. 3).

Размеры судака (до конца чешуйного покрова, в сантиметрах) располагаются в следующий ряд, приведенный на таблице 5, из которой следует, что длина судака в уловах «Чемяного реданта» колебалась от 41 до 62 см. Преобладали рыбы длиной от 49 до 54 см. В настоящее время для Ачуева размеры судака колеблются от 36 до 75 см [1]. Средняя длина равняется: «Чумяный редант» — 49,8 см, Елизаветинское городище — 65,3, дельта Кубани (Ачуев) 1924—1925 гг.— 51,7—55,8 см.

Таким образом, пределы колебаний длины судака из уловов в «Чумяном реданте» и современного — из Ачуева почти равны, но средние размеры этой рыбы по материалам из «Чумяного реданта» меньше средних размеров судака из Ачуева и Елизаветинского городища.

По годовым кольцам на articulare и basioccipitale были определены средний размер рыб и возраст: по articulare — 6 лет — 51 см, по basioccipitale — 8 лет — 56 см.

В настоящее время судак шести лет из дельты Кубани имеет длину 62,14 см, а восьми — 73,0 см [2]. Повидимому, судак во времена существования поселения «Чумяного реданта» рос медленнее современного.

Из 120 чешуй у 61 экземпляра были видны годовые кольца и по ним был определен возраст (табл. 6).

Таблица 5

Классы длины	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	Всего экземпляров	Средняя длина
Количество экземпляров судака	2	1	3	—	1	2	—	—	4	1	3	2	2	—	—	—	3	—	—	1	1		26	49,8

[1] И. И. Чугунова. Биология судака Азовского моря. Тр. Азовско-Черноморск. научно-промысл. экспедиции. М., 1931, вып. 9, стр. 3—170.

[2] Там же, стр. 92.

Из данных табл. 6 видно, что в уловах «Чумяного редана» возраст судака колебался от 4 до 8 лет. Преобладали рыбы 5—6 лет (свыше 80%).

Возраст современного кубанского судака колеблется от 3 до 9 лет, максимум падает на 4—5 лет [1].

Таблица 6

Лет	4	5	6	7	8	Всего экземпляров
Количество экземпляров . . .	5	25	25	5	1	61
%	8,2	41,0	41,0	8,2	1,6	100

ГОРОДИЩЕ «МЕРТВЫЙ РЕДАНТ» (ГОРОДИЩЕ № 1)

Находится на юго-восточной окраине г. Приморско-Ахтарска, на северном берегу Ахтарских соленых озер; в древности они сообщались с Азовским морем. На городище раскопок не производилось. Подъемный материал с городища датируется временем со II в. до н. э. по II—III вв. н. э. Отдельные обломки сосудов могут быть отнесены и к более раннему времени — V—IV вв. до н. э.

Собранные 14 экземпляров костных остатков принадлежали рыбам семейства Acipenseridae — осетровые. Из 14 экземпляров: 6 костей жаберного аппарата и один обломок покровной кости черепа не могли быть определены ближе семейства. Остальные принадлежали осетру и севрюге.

Acipenser güldenstädti Brandt. — осетр

Этому виду принадлежат 2 экземпляра cleithrum. Обе рыбы были длиной (абс.) 120 см.

Acipenser stellatus Pall. — севрюга

Обнаружены 4 экземпляра operculum этого вида; из-за плохой сохранности костей размер рыб восстановить не удалось.

[1] Н. И. Чугинова. Ук. соч., стр. 22.

«ГОРОДИЩЕ № 3» У СТАНИЦЫ НОВО-ДЖЕРЕШЕВСКОЙ

Городище расположено в юго-западной части станицы Ново-Джерешевской, на правом берегу степной речки Кирпили, впадающей в Кирпильский лиман, который через систему протоков (ериков) и лиманов сообщается с Азовским морем.

На городище раскопок не производилось. При его обследовании был собран подъемный материал, который позволяет датировать городище с VI в. до н. э. по II—III вв. н. э.; найдены остатки осетра, севрюги и судака.

Сем. Acipenseridae — осетровые

К этому семейству относятся 16 экземпляров костных остатков.

1. Acipenser güldenstädti Brandt. — осетр.

Найдены 2 экземпляра спинных жучек. Размер рыб по этим остаткам установить не удалось.

2. Acipenser stellatus Pall. — севрюга.

Остатки севрюги значительно многочисленнее остатков осетра.

Этому виду принадлежат 14 экземпляров различных костей: спинные жучки — 7 экземпляров (3 — первых, 1 — вторая и 2 — четвертых), боковые жучки sin. u dex. — 2 экземпляра, cleithrum — 2 экземпляра, operculum — 3 экземпляра. Размеры (абс.) севрюги равнялись 83, 85, 104, 117, 126, 130, 136, 139, 144 см. Средняя длина — 118,2 см. Средняя длина севрюги по материалам из Елизаветинского городища равна 107 см.

Указанные размеры близки к размерам современной севрюги этого района.

Сем. Percidae — окуневые

Lucioperca lucioperca (L.) — судак

Остатки этого вида наиболее многочисленны — 31 экземпляр — и представлены следующими костями: parasphenoideum — 1 экземпляр, maxillare dex. — 2 экземпляра, sin. — 1 экземпляр, frontale sin. — 1 экземпляр, dex. — 2 экземпляра, dentale — 2 экземпляра, praemaxillare — 1 экземпляр, supraoccipitale — 1 экземпляр, vomer — 1 экземпляр, hyomandibulare — 1 экземпляр, praeoperculum dex. — 3 экземпляра, sin. — 1 экземпляр, ectopterigoideum — 1 экземпляр, quadratum — 2 экземпляра, interoper-

culum — 1 экземпляр, palatinum — 1 экземпляр, urohyale — 1 экземпляр, epihyale — 2 экземпляра, ceratohyale — 1 экземпляр, articulare — 1 экземпляр, dentale — 1 экземпляр, неопределенные обломки, принадлежавшие, несомненно, судаку — 3 экземпляра.

Длина (до конца чешуйного покрова, в сантиметрах) представлена следующим рядом (табл. 7).

Таблица 7

Классы длины	20—25—30—35—40—45—50—55—60—65	Всего экземпляров	Средняя длина
Количество экземпляров	1 — — 1 3 5 12 2 4	28	50,4

Из табл. 7 следует, что средний размер судака равен 50,4 см; это опять несколько ниже упоминавшихся уже средних размеров современного судака для Кубани (1924—1925 гг.) 51,7—55,8 см [1].

ГОРОДИЩЕ У СТАНИЦЫ ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ

Городище находится в юго-восточной части станицы (в 15 км на запад от г. Краснодара) и расположено на правом коренном берегу Кубани, на границе с поймой. В древности вода вплотную подходила к городищу. Раскопки на нем производились в 1934—1936 гг. экспедицией Академии Наук СССР под руководством В. А. Городцова. Остатки рыб, найденные при этих раскопках, были обработаны Г. В. Никольским [2].

Елизаветинское городище, повидимому, принадлежало также меотам и датируется с IV в. до н. э. по III в. н. э. Из орудий рыболовства Н. В. Анфимовым были найдены трапециевидные грузила и бронзовый рыболовный крючок. Обнаруженные Н. В. Анфимовым 4 экземпляра остатков рыб принадлежат сазану и сому.

Cyprinus carpio L. — сазан

В числе находок 2 обломка operculum от рыб длиной (до конца чешуйного покрова) 56 см каждая. Если мы присоединим эти экземпляры к материалу Г. В. Никольского [1], то получим ряд размеров сазана, приведенный (в сантиметрах) на табл. 8.

Средний размер современного сазана из района у станицы Елизаветинской неизвестен. Средние размеры современного сазана из низовьев Кубани и Азовского моря, как говорилось, равны 30—35 см.

Silurus glanis L. — сом

Найдены два ceratohyale сома от рыб длиной (абс.) 112 и 124 см. Мы также присоединили их к материалу Г. В. Никольского [2] и получили ряд размеров сома (в сантиметрах), приведенный на табл. 9.

Таблица 8

Классы длины	30—35—40—45—50—55—60—65	Всего экземпляров	Средняя длина	$+m$	$+\sigma$
Количество экземпляров сазана	1 — 4 8 17 16 7	53	53,8	0,76	5,56

Из рассмотренного материала видно, что в меотских поселениях ловились различные виды рыб (табл. 10) (см. стр. 213).

Материал, конечно, очень незначителен для определенных заключений, но, тем не менее, некоторые выводы можно сделать.

[1] Н. И. Чугунова. Ук. соч., стр. 2.
[2] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 121—125.

[1] Г. В. Никольский. Ук. соч., стр. 122.
[2] Там же, стр. 123.

Таблица 9

Классы длины	100—125—150—175—200—225—250—275—300	Всего экземпляров	Средняя длина	$\pm m$	$\pm \sigma$
Количество экземпляров сома	6 2 8 11 8 5 5 3	48	195.25	7.54	52.0

1. Высказывания античных авторов[1] о значительном развитии рыболовства в меотских поселениях подтверждаются археологическими данными — находками целых слоев остатков рыб: костей, чешуи, жучек, а также находками рыболовных принадлежностей — грузил и крючков.

Таблица 10

Вид рыбы	Чумяный редант	Мертвый редант	Городище № 3	Елизаветинское городище
Осетр	—	2	2	—
Севрюга	6	4	14	—
Щука	1	—	—	—
Сазан	5	—	—	2
Сом	—	—	—	2
Судак	42 (+120 экземпляров чешуи)	—	31	—
Итого	54 (+120 экземпляров чешуи)	6	47	4

2. По значению в промысле того времени первое место занимает судак, второе — осетровые и среди них в первую очередь севрюга, затем сазан и сом. Щука добывалась в незначительном количестве.

В наши дни судак также занимает первое место по добыче[2].

Добыча осетровых в настоящее время уменьшилась и составляла в 1927—1928 гг. 1,4% от всего улова.

Большое значение в современном промысле имеет тарань, остатки которой в меотских поселениях пока не обнаружены.

3. Средний размер судака, севрюги и сазана, повидимому, был близок к средним размерам этих рыб в современных уловах.

4. Рыболовство в меотских поселениях осуществлялось сетяными орудиями лова (типа неводов, сетей и т. д.) и крючковой снастью.

* * *

Приведенный выше материал ихтиологических исследований остатков рыб из Пантикапея, Фанагории и меотских поселений Восточного Приазовья, а также литературные данные позволяют составить общее представление о рыболовстве и промысловых рыбах античного времени и проследить перемены, происшедшие в наши дни.

Основным объектом промысла для Боспорского царства были сельдь, хамса («анчоус»), султанка. Об этом свидетельствуют рыбозасолочные сооружения промышленного масштаба в Мирмекие и Тиритаке, описанные В. Ю. Марти[1].

На втором месте стоял промысел осетровых — севрюги, осетра и, вероятно, белуги. При этом основную массу из добытых осетровых, как и в настоящее время, составляла севрюга. Видовой состав промысловых рыб менялся в зависимости от местных условий рыболовства: в меотских поселениях, в восточной части Приазовской низменности, располагавшихся близ опресненных лиманов и заливов, ловились осетровые и судак, сазан, лещ; жителями Елизаветинского городища добывались осетровые, судак и много крупных сомов; в Пантикапее, кроме того,— тунец и камбала.

Если мы обратимся к картине современного рыбного промысла, то принципиальной разницы не обнаружим. Только, естественно,

[1] Strab., VII, 3, 18; 6, 2; XI, 2, 4.

[2] В. К. Есипов. Рыбы дельты Кубани и их промысел. Тр. Азовско-Черноморск. рыбохоз. станции. Ростов-на-Дону, 1930, вып. 7, стр. 66—67.

[1] В. Ю. Марти. Ук. соч., стр. 93—95.

масштабы современного промысла во много раз превышают размеры рыболовства античного времени и влияние интенсивного вылова отразилось как на численности, так и на биологических показателях некоторых рыб. Основным объектом промысла в районе Керченского пролива остались сельдь и хамса, в дельте Кубани — судак; в некоторые годы — 1927—1928 — он составлял здесь около 90% всей добычи. Большое значение имеет также лов тарани, остатки этой рыбы были обнаружены в Пантикапее. Значение осетровых в промысле по сравнению с античным временем снизилось. Это связано с тем, что осетровые являются рыбами с длинным жизненным циклом; половое созревание у них наступает поздно, на 12—15-м году жизни. Эти рыбы медленно оправляются от воздействия перелова. Сельдь, хамса, камбала и ряд других рыб с коротким жизненным циклом не в такой степени подвержены действию перелова и способны быстро восстанавливаться в численности.

Некоторые перемены в распределении рыб произошли в результате постоянно совершающегося и в наши дни изменения гидрологического режима отдельных промысловых участков.

Заполнение наносами рукава Кубани, на котором стояла Фанагория, привело к осолонению Таманского залива и вызвало исчезновение таких видов, как лещ, сазан, сом, судак, и замену их кефалью.

Тунец, бывший промысловой рыбой в античное время, что подтверждается сведениями древних авторов и находками костей тунца в Пантикапее, в наши дни является случайным объектом промысла. Наличие этого промысла в античное время подкрепляет высказанное К. А. Виноградовым предложение об организации и теперь промысла тунца в Черном море.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — Античная декоративная живопись на юге России (М. И. Ростовцев)
АН СССР — Академия Наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗАНО — Записки Археолого-нумизматического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЗУОЛЕ — Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАК — Известия Археологической комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МГУ — Московский ордена Ленина государственный университет им. М. В. Ломоносова
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГН — Отделение гуманитарных наук Академии Наук СССР
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа
ТУАК — Таврическая ученая архивная комиссия
AJA — American Journal of Archaeology
CIA — Corpus Inscriptionum Antiquarum
IG — Inscriptiones Graecae
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
FGH — Fragmente der griechischen Historiker (Jacoby. Berlin. 1923—1929).
SC — Scythica et Caucasica — В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. 1893—1906.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

В. Д. Блаватский. Архаический Боспор 7

М. И. Максимова. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами 45

Д. Б. Шелов. Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в III в. до н. э. 58

И. Б. Зеест. К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора (по данным изучения керамической тары из раскопок Неаполя 1945—1950 гг.) 71

И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города 78

А. А. Передольская. Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V века до н. э., найденных в Северном Причерноморье 114

Н. И. Сокольский. Боспорские мечи 123

В. Д. Лебедев и Ю. Е. Лапин. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве 197

Список сокращений 215

Утверждено к печати Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР

Редактор издательства *М. Г. Воробьева* Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *А. К. Бессмертная*

РИСО АН СССР № 84-59 В. Т-09417. Издат. № 3953. Тип. заказ № 1472. Подп. к печ. 14/XII 1953 г.
Формат бум. 84×108¹/₁₆. Бум. л. 6,75+3 вклейки. Печ. л. 22,14+3 вклейки.
Уч.-издат. 23,8+3 вкл. (0,6 уч.-издат. л.). Тираж 2000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 17 руб. 40 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10.